

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Е. Н. Кушева

НАРОДЫ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
И ИХ СВЯЗИ
С РОССИЕЙ

вторая половина XVI—30-е годы XVII века

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1963

ВВЕДЕНИЕ

1. Задачи исследования

Одной из больших проблем истории народов СССР периода феодализма является проблема сложения многонационального государства, тесно связанная с проблемой образования Русского феодального централизованного государства. Изучение ее требует конкретного исследования процесса включения отдельных народов или их групп в состав России. Для народов многонационального Кавказа начало и развитие этого процесса надо отнести к XVI—XVII вв., когда шла ожесточенная борьба за овладение Кавказом между двумя военно-феодальными государствами Востока — Османской империей и сефевидским Ираном, и когда установление политических и экономических связей народов Кавказа с Русским государством определило их дальнейшую судьбу.

В предлагаемой работе изучаются сношения с Россией народов Северного Кавказа¹. Хронологические ее рамки — середина XVI в. — 30-е годы XVII в. Начальная грань обусловлена возникновением систематических связей северокавказских народов с Русским государством в период ирано-турецкой войны 1548—1555 гг. и выходом России к Каспийскому морю; конечная — миром между Турцией и Ираном, заключенным в 1639 г. и изменившим международную обстановку на Востоке.

Автор ставил перед собою три задачи.

Первая — основная — изучить возникновение и развитие сношений северокавказских народов с Россией в ука-

---

¹ В рамки исследования включены и народы Северного Дагестана, но не включен Южный Дагестан, политическое положение которого в изучаемый период было иным, чем положение Северного Дагестана.

занный период, цели и приемы политики русского правительства на Северном Кавказе, выяснить значение этих связей как для народов Северного Кавказа и Закавказья, так и для русского народа.

Решение первой задачи потребовало исследования социально-экономических отношений у многоплеменного населения Северного Кавказа во всем их своеобразии. Оно ставится как вторая задача, подчиненная первой. Исследование это построено преимущественно на источниках XVI—XVII вв., которые не позволяют осветить все стороны темы, оставляя ряд пробелов. В главах первой части работы, посвященных отдельным северокавказским народам, социально-экономические отношения неизбежно охарактеризованы с разной степенью полноты. Так, для народов Северного Дагестана источники позволили подробнее осветить сложение феодальных владений в Дагестане и их взаимоотношения, для чеченцев и ингушей — историческую географию местных родо-племенных образований, для западных адыгов — племенное деление; большей полноты удалось достигнуть в очерке, посвященном кабардцам.

Третья задача, тесно связанная с первой, — выяснение места северокавказских связей Русского государства в событиях международной жизни второй половины XVI и первых десятилетий XVII в. Здесь основное внимание уделено политике Турции и Ирана на Кавказе, русско-турецким и русско-иранским отношениям.

Изучение круга вопросов, обусловленных решением первой и третьей задачи, составляет содержание второй части книги.

Изложение носит характер очерков. Некоторые из них были опубликованы ранее и вошли в настоящее исследование в дополненном и переработанном виде. Соответствующие ссылки на них даны в сносках. Работа автора над темой нашла отражение и в ряде коллективных обобщающих трудов. В томах «Очерков истории СССР. Период феодализма» автором напечатаны статьи о народах Северного Кавказа начиная с IX в. и кончая второй половиной XVIII в.²; в томе IV «Всемирной истории» — глава о Кав-

² Народы Северного Кавказа. — «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XII вв.», М., 1953; XIV—XV вв. М., 1955; Конец XV — начало XVII в. М., 1955; Вторая чет-

казе в XVI и первой половине XVII в.³; автор принимала также участие в написании отдельных глав «Очерков истории Дагестана» и «Истории Кабарды»⁴.

2. Источники

Источники для изучения поставленной темы чрезвычайно разнообразны, круг их обширен. Каждая из трех названных сторон исследования — изучение социально-экономических отношений у народов Северного Кавказа, их сношений с Русским государством и международного значения этих связей — требует привлечения специальной источниковедческой базы, особенно если принять во внимание сложность и пестроту национального состава Северного Кавказа. Вместе с тем надо признать, что для XVI—XVII вв. состояние источников таково, что далеко не все вопросы, которые встают перед исследователем, могут быть освещены подробно и полно. Поэтому исследование неизбежно принимает в ряде случаев характер научной реконструкции и гипотезы.

Одна из основных трудностей — ограниченность и недостаточная изученность источников этого времени, исходящих от местных народов: одни из них совсем не имели письменности на родных языках, другие почти ее не имели и не пользовались широко иноязычной письменностью. При таком положении большое значение приобретают памятники материальной культуры. Но археологи досоветского, а отчасти и советского времени обращали больше внимания на памятники ранних периодов и меньше — на памятники средневековые, а тем более — XVI—XVII вв.

В 1940-е годы был поставлен вопрос о систематическом исследовании древностей позднего средневековья

верть XVIII в. М., 1957; Вторая половина XVIII в. М., 1956 (последняя статья — совместно с Е. И. Дружининой).

³ Кавказ в XVI и в первой половине XVII в. — «Всемирная история», т. IV. М., 1958.

⁴ Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв. — «Очерки истории Дагестана», т. I. Махачкала, 1957; Присоединение Кабарды к России и его историческое значение. Кабарда после присоединения к России (совместно с Т. Х. Кумыковым). — «История Кабарды с древнейших времен до наших дней». М., 1957.

Кавказа⁵, результаты произведенных работ значительны, но еще далеко не исчерпывают возможностей изучения сохранившихся памятников.

Для автора настоящего исследования, не являющегося специалистом археологом, большое значение имеют работы сводного характера, которые дают представление о проделанной археологами работе и содержат указания на специальные археологические изыскания. Для адыгских народов, кроме уже названных трудов А. А. Иессена и Е. И. Крушнова, такими сводными работами являются «Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII вв.» Е. П. Алексеевой⁶ и ее же брошюра «О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии» (Черкесск, 1960), включающая в свое обозрение и территорию Карачая; для Дагестана — появившиеся в 1959 г. «Материалы по археологии Дагестана» (т. I, Махачкала, 1959), для Чечни и Ингушетии — брошюра Е. И. Крушнова «О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР» (Грозный, 1961). Назову группы памятников, представляющих особый интерес для моей работы.

Обследование адыгских курганов должно решить вопрос о занятой адыгами территории и об изменениях в расселении основных их групп — кабардинцев и западноадыгских племен. Материалы для решения вопроса накапливаются. Вместе с тем надо подчеркнуть, что к XVII в. обычай насыпать курганы был адыгами оставлен, а курганы XVI в. небогаты по инвентарю. В некоторых случаях и отрицательный результат поисков может быть для исследования существенным. Археологи не находят следов адыгских поселений или городов XVI—XVII вв. — это важно для истолкования письменных сведений о хозяйственной жизни адыгов, о подвижности их селений, о характере скотоводства и земледелия.

⁵ «Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. Кавказ и Закавказье». М., 1945, стр. 88—89; А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. — «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 3. М.—Л., 1941; Е. И. Крушнов. Основные проблемы древней истории и археологии Кабарды. — «Уч. зап. Кабард. научно-исслед. ин-та», т. IV, 1948; А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955.

⁶ Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1957 (гл. «Археологические памятники», стр. 42—44).

Для Дагестана, особенно горной его части, и для высокогорных областей центральной части Кавказского хребта (имеются в виду северные его склоны), наоборот, характерны именно крепостные сооружения, оборонительные и жилые комплексы. Галуаны Осетии, боевые и родовые башни Ингушетии и Чечни, средневековые крепости Дагестана — материальные свидетельства в одних случаях феодальных, в других — еще дофеодальных отношений. Пристальное внимание историка привлекают такие уникальные памятники, как два сходных по архитектуре жилых дома в аварских селениях Корода и Рухджа, из которых первый — дом ремесленника — датирован 1673 г. в надписи на внутреннем столбе⁷, или погребение чеченского воина, датируемое концом XVI — началом XVII в. положенными в могилу серебряными монетами германского императора Рудольфа II⁸.

На территории, занятой в XVI—XVII вв. адыгами, эпиграфические памятники этого времени единичны — надписи их сделаны греческими буквами и частично на греческом языке; чтение адыгских слов является спорным⁹.

Арабоязычные надписи кабардинских надмогильных сооружений, лишь недавно прочтенные Л. И. Лавровым, не уходят глубже XVIII, самого конца XVII в.¹⁰ Тот же исследователь опубликовал результаты прочтения арабских текстов на памятниках шамхальского кладбища в Кумухе, дающие ряд имен, фактов и дат для изучения феодальных владений Дагестана¹¹.

В 1640 г. посол мурз Большой Кабарды Биязрук говорил в Посольском приказе в Москве: «Грамоты де в Чер-

---

⁷ Н. Б. Бакланов. Архитектурные памятники Дагестана. I. Л., 1935, стр. 40—53.

⁸ Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР, стр. 35.

⁹ Г. Ф. Турчанинов. Эпиграфические заметки. — Известия отделения литературы и языка АН СССР, 1947, т. VI, вып. 6, стр. 509—520.

¹⁰ Л. И. Лавров. Об арабских надписях Кабардино-Балкарии. — Уч. зап. Кабардино-Балкарского научно-исслед. ин-та, т. XVII. Нальчик, 1960.

¹¹ Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. — Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XVII. Л., 1957.

касах нет и писать не умеют»¹². Однако кабардинцы пользовались услугами татарских абзюзов или русских подьячих. Такого рода письменные документы находим в составе русских архивных фондов — о них будет сказано ниже; в тех же фондах сохранились и документы, исходившие от дагестанских феодалов и написанные «по фарсовски», т. е. на персидском языке, или на кумыкском.

Благодаря тому, что в Дагестане существовала арабская письменность, до нас дошли три правовых памятника XVI или XVII в. выдающегося научного значения. Один из них — постановления кайтагского удмия Рустем-хана — был издан в переводе с арабского на русский язык еще в 1868 г.¹³ (арабская рукопись в настоящее время утеряна). В 1940-е и 1950-е годы были найдены еще две записи обычного права Дагестана на арабском языке, изданные с переводом на русский язык, — «Кодекс законов Умму-хана аварского» (М., 1948), который относился, по мнению его издателя и первого комментатора Х.-М. Хашаева, к концу XVI — первой половине XVII в., и адаты Гидатлинского общества, опубликованные по рукописи 1660 г.¹⁴ Изучение этих памятников, начатое для постановлений Рустем-хана М. М. Ковалевским, ведется в настоящее время историками Дагестана и Кавказа и частично нашло отражение в печати¹⁵. Необходимы научное издание и детальное исследование этих замечательных источников.

Обычное право адыгских народов было записано в первой половине XIX в. Ниже скажу о том, какие возможности изучения его в глубь XVII и даже XVI вв. дают рус-

¹² «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I. М., 1957, стр. 186.

¹³ «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 1. Тифлис, 1868.

¹⁴ «Гидатлинские адаты», подготовили к печати Х.-М. Хашаев и М. С. Саидов. Махачкала, 1957.

¹⁵ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1957; А. С. Омаров, Р. Г. Маршаев. Об одном памятнике по истории Аварии XVII в. — «Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы Дагест. филиала АН СССР», т. V. Махачкала, 1958; и х же. «Постановления Рустем-хана как источник по истории Кайтага XVII в. — там же, т. VII. Махачкала, 1960; В. К. Гарданов. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в. — «Советская этнография», 1960, № 5.

ские архивные документы. Здесь основным приемом исследования является сопоставление данных XVI—XVII вв. с более определенными показаниями источников XVIII в. и записей XIX в.¹⁶

Памятники фольклора народов Северного Кавказа чрезвычайно разнообразны и в дальнейшем исследовании используются для освещения тех или иных вопросов социально-экономических отношений или связей местных народов с Россией, например, чеченские предания о заселении бассейна Сунжи для разъяснения переданных русскими документами XVII в. названий чеченских аулов или записанные Шорой Ногмовым песни и предания о Темрюке для оценки деятельности этого кабардинского князя середины XVI в. Основная трудность для историка при использовании фольклора как исторического источника заключается в сложности датировки возникновения того или иного памятника. Так, датировка двух песен — аварской о Хочбаре и кабардинской о Дамалее, ярко отражающих классовую борьбу, не может считаться установленной.

Основным критерием для привлечения фольклорных источников при изучении событий и фактов XVI—XVII вв. были для автора упоминания в предании или песне имен лиц, известных по документам или нарративным источникам этого времени, например, предание, связанное с оборонительной башней дагестанского селения Ицари, рассказывает об осаде башни войсками шаха Аббаса¹⁷. Особенно много имен деятелей XVI—XVII вв. содержится в «Истории адыгейского народа» Ш.-Б. Ногмова. Источниковедческое изучение этого труда, начатое В. К. Гардановым, убеждает в том, что выдающийся ученый-кабардинец, жив-

---

¹⁶ М. О. Косвен. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. — «Кавказский этнографический сборник», т. I. М., 1955; И. Т. Раджицкий. Законы и обычаи кабардинцев. — «Литературная газета», 1846, № 1 и 2; Ш.-Б. Ногмов. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Тифлис, 1861, стр. 151—172 (в издании 1958 г. Нальчик, стр. 179—196); Ф. И. Леонтович. Алаты кавказских горцев, I. Одесса, 1882; «Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в.», собрал и подготовил к печати Б. А. Гарданов. Нальчик, 1956.

¹⁷ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М.—Л., 1949, стр. 40.

ший в первой половине XIX в., использовал известные ему русские печатные труды для комментария кабардинских преданий. Отсюда особое значение записей древних кабардинских песен, которые сохранились в бумагах Ногмова и только недавно были изданы с переводом на русский язык¹⁸.

Местные источники дают главным образом материал для изучения социально-экономических вопросов; для двух других сторон темы — значительно меньший.

Привлечение грузинских источников и источников, написанных на турецком, азербайджанском и персидском языках, для меня ограничено из-за незнания грузинского и восточных языков. Эти источники привлекаются в дальнейшем лишь в тех случаях, когда издан перевод на один из европейских языков, или когда возможно извлечь сообщаемые ими факты в передаче других исследователей. Переводы — чаще всего устаревшие и несовершенные. Так, «Картлис-Цховреба» («Жизнь Грузии») известна мне по французскому переводу Grosset, труды двух выдающихся географов XVII в. Катиб Челеби и Эвлия Челеби — первый в латинском переводе Норберга издания 1818 г.¹⁹, второй — по русскому переводу отрывков из путешествия 1660-х гг. по Северному Кавказу и Дагестану, имеющемуся в машинописи в рукописном фонде Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР в Махачкала²⁰.

Сведения трех турецких хроник XVI—XVII вв., охватывающих изучаемый период, — Печеви, Селяники и Наима, известны мне преимущественно по труду Hammer'a²¹,

¹⁸ Ш.-Б. Ногмов. История адыгейского народа. Тифлис, 1861; последнее издание — История адыгейского народа. Нальчик, 1958 (в комментариях ряд наблюдений Б. А. Гарданова); Ш.-Б. Ногма. Филологические труды, исследовал и подготовил к печати Г. Ф. Турчанинов, т. I. Нальчик, 1956; Б. А. Гарданов. Об этнографических описаниях в «Истории адыгейского народа» Ш.-Б. Ногмова. — «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXXII, 1959.

¹⁹ Gihan-Numa, I—II. London, 1818.

²⁰ Исторический отдел, № 421. В настоящее время издание русского перевода предпринято Институтом народов Азии АН СССР. Вышедший первый выпуск посвящен Молдавии и Украине: Эвлия Челеби. Книга путешествия, вып. 1. М., 1961.

²¹ J. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches, 2-e Ausgabe, V. I—IV, 1840; отрывки из хроники Печеви переведены на русский язык в Баку Ф. Сейдовым.

персидских — Хасана бек Румлу и Искендер Муши — по старому труду Malcolm'a, по труду азербайджанского ученого первой половины XIX в. Бакиханова Гюлистан-Ирам, по книге Bellan'a о шахе Аббасе, по нескольким специальным статьям советских историков²², а хроника Хасана бек Румлу — также по английскому переводу²³. Отдельные оказавшиеся доступными в переводах восточные источники указаны в дальнейшем в тексте.

Основной источниковедческой базой исследования являются русские источники XVI—XVII вв. Они очень разнообразны и многочисленны, поэтому приходится ограничиться обзором лишь наиболее значительных их комплексов.

По самому характеру темы важнейший материал — о связях народов Северного Кавказа с Русским государством — сосредоточен в огромном фонде Посольского приказа, включающем и дела о дипломатических сношениях до его оформления как учреждения в половине XVI в.²⁴

Однако в теперешнем своем составе фонд не содержит дел о первых сношениях народов Северного Дагестана, кабардинцев и западных адыге с Москвою в 1550—1570-х годах. В «Описи Царского архива», составленной в 70-е годы XVI в., находим отметки: «...посылки о сватовстве в Литву, и в Свейскую землю, и в Черкасы», «...черкасских князей приезды и Доманука», «...грамота шевкалова», «...грамоты крымшевкаловы и Темрюковы, и приезд Темрюкова сына Салтанука»; «Ящик 226. А в нем посылки черкасские ко князю Темрюку и книги, писаны в тетратех от лета 7070-го до лета 7072-го; да грамоты Леона, князя грузынского и отписки к нему». Но уже опись архива

---

²² J. Malcolm. Histoire de la Perse. Paris, 1821; Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926; L. Bellan. Shah Abbas I, sa vie, son histoire. Paris, 1932; А. Рахмани. Тарих-и Алам Арай-и Аббаси как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960; А. П. Новосельцев. Русско-иранские политические отношения во второй половине XVI в. — «Международные связи России до XVII в.», сб. статей. М., 1961.

²³ Ahsan-ut-Tawarikh. History of the Safavi Period of Persian history 15-th and 16-th centuries, by Hasan-i-Rumlu. Ed. by C. N. Seddon. Baroda, I, 1932; II. English translation, 1934.

²⁴ «Центральный гос. архив древних актов. Путеводитель», ч. 1. М., 1946, стр. 71—79, 85—93. См. также: «Московский главный архив Министерства иностранных дел». М., 1898 (тогда же справочник был издан на фр. яз.).

Посольского приказа 1614 г. содержит указания лишь на обрывки этих дел, а пожары и условия хранения в XVII в. довершили потери²⁵. Гибель перечисленных дел, особенно «посылок», тем более ощутительна, что в конце XVI и в XVII в. посольства с Северного Кавказа уже не вызывали ответных посольств из Москвы ввиду оформившихся отношений зависимости и подданства ряда земель и феодальных владений.

В настоящее время эти потери могут быть восполнены лишь частично. Ряд известий содержат летописи и разрядные книги²⁶, а также книги и дела Посольского приказа о сношениях Москвы с Крымом, Турцией, Ногаями; с 1580-х годов к этим сериям присоединяются Грузинская и Персидская. Эти серии, содержащие и отрывочные сведения о сношениях Северного Кавказа с Россией, необходимы для выяснения международной обстановки и значения для нее русско-кавказских связей, однако все они для изучаемого периода сохранились с большими пропусками. Лучше дошли до нас Крымские и Ногайские книги и грамоты с конца XV в., но и в них лакуны охватывают целые десятилетия, лишь отчасти восполняемые делами в столбцах. Книги содержат современные — XVI и XVII вв. — копии подлинного делопроизводства, отпуски столбцов отражают тщательную редакторскую работу дьяков Посоль-

---

²⁵ «Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года», под ред. С. О. Шмидта, М., 1960, стр. 36, 39, 40, 43; ЦГАДА, ф. 138, Переписные книги дел Посольского приказа, 1614, 1626, 1632 и 1673 гг.

²⁶ Официальная московская летопись за время Ивана Грозного по 1560-е годы включена в так называемую Никоновскую летопись и дополнения к ней (ПСРЛ, т. XIII, 1-я и 2-я половина. СПб., 1904 и 1906). Иллюстрации к ее известиям находим в Лицевом своде 70-х годов XVI в. (Отдел рукописей ГИМ, Синодальное собр., № 962). «Книга Степенная царского родословия» — памятник 60-х годов XVI в. — содержит литературную обработку известий Никоновской летописи (ПСРЛ, т. XXI, 2-я половина. СПб., 1913). Разрядным книгам посвящен ряд исследований В. И. Буганова («Разрядные книги последней четверти XV — первой половины XVII в. как исторический источник». М., 1955; «Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в.», М., 1962). Печатных их изданий здесь не указываю. Далее привлечены известия и некоторых ненапечатанных разрядных книг пространной редакции, главным образом следующих: ГБЛ, Отдел рукописей, Эрмитажное собр., 390а; ГИМ, Отдел рукописей, Уваровское собр., 593; ГБЛ, Отдел рукописей, Собр. Горского, № 16.

ского приказа над текстом. К сожалению, далеко не всегда удавалось прочесть пометы и редакторские поправки таких крупных деятелей, как, например, дьяки Андрей Щелкалов или Иван Грамотин. Лишь незначительная часть этого обширного материала издана, к тому же «Древняя российская вивлиофика» и «Дополнения» к ней, где печатались Ногайские книги, передают тексты с большими сокращениями²⁷.

Документы дипломатических сношений русского правительства со странами Востока, особенно «статейные списки», т. е. отчеты русских послов»²⁸, имеют тем большее значение, что они не находят себе параллелей в архивах Иранского и Турецкого государств XVI—XVII вв. с иной системой делопроизводства. Архив крымских ханов не сохранился²⁹.

Дела о северокавказских посольствах сохранились в фонде Посольского приказа с 80-х годов XVI в. до 1613 г. лишь в отрывках, изданных в известной публикации С. А. Белокурова³⁰, с 1613 г. (на котором обрывается публикация Белокурова) — в большом количестве. Составленные в XVII в. четыре последовательные описи архива

---

²⁷ Библиографические справки в указателе «Материалы для библиографии по истории народов СССР». Л., 1933, который не свободен, впрочем, от пропусков. Критический обзор, преимущественно с точки зрения востоковеда, см. в статье Н. И. Веселовского «Погрешности и ошибки при издании документов по сношению русских государей с азиатскими владельцами». — «Живая старина». 1909, вып. 2—3. Для темы наибольшее значение имеют публикации С. А. Белокурова (о ней ниже), публикации грузинских дел М. А. Полиевктова и персидских — Н. И. Веселовского. Привлекаются и «Донские дела» Посольского приказа, изданные систематически с 1594 по 1663 г. в «Русской исторической библиотеке» (далее — РИБ), т. XVIII, XXIV, XXVI, XXIX и XXXIV.

²⁸ См. А. А. Новосельский. Разновидности крымских статейных списков XVII в. и приемы их составления. — «Проблемы источниковедения», т. IX. М., 1961.

²⁹ В. Бартольд. Хранение документов в государствах мусульманского Востока. — «История архивного дела классической древности в Западной Европе и на мусульманском Востоке». Пг., 1920; И. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР, ч. 1. М., 1941.

³⁰ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1. 1578—1613 гг. — «Чтения ОИДР», 1888, кн. III, и отд.: М., 1889. Необходимым дополнением к ней для 1603—1606 гг. служит публикация в тех же «Чтениях» за 1918 г., кн. I: «Дела греческие, ногайские, крымские, грузинские и кабардинские».

Посольского приказа объединяли их обычно в две рубрики под далеко не точными названиями «столпов черкасских» и «столпов шевкальских». При разборе архива в конце XVIII — начале XIX в. Н. Бантыш-Каменским и его сотрудниками «черкасские и шевкальские столпы» были разбиты на четыре серии: дела Кабардинские, Кумыкские, Кайтакские и Андреевской деревни (т. е. Эндери) ³¹. Однако классификация была произведена настолько несовершенно, что сейчас она в ряде случаев не столько облегчает, сколько затрудняет ориентировку в материале. Изучение описей и самих дел позволяет восстановить их первоначальный состав и нарушенную во многих случаях цельность.

Дела о посольствах, отражая с исключительной, подчас утомительной подробностью все этапы пребывания послов в Московском государстве и всю официальную сторону их приемов и отпусков царем, дают достаточно материала и для изучения существа сложившихся между Москвой и северокавказскими владельцами отношений. Цели посольств выяснялись привезенными послами грамотами и челобитными ³² и при переговорах их с посольскими дьяками, происходивших иногда в особо секретной обстановке («втай»). Ответные царские грамоты и тексты шертных записей оформляли отношения зависимости или подданства, с одной стороны, и покровительства — с другой. Подробные указы астраханским и терским воеводам, составленные после отпуска посла, определяли политику Москвы по отношению к тому или иному владельцу на ближайшее время.

Однако дела о посольствах северокавказских владельцев далеко не исчерпывают сохранившихся в составе фонда Посольского приказа материалов о Северном Кавказе. Те же описи XVII в. показывают, что в результате очень

---

³¹ Лишь Кабардинская серия заходит в XVI век. Кумыкская начинается с 1614 г., Кайтагская и Андреевская — с 30-х годов XVII в. В составе фонда XVIII в. уже Иностранной коллегии находим еще несколько северокавказских серий — дела Осетинские, Аксайские и Андийской деревни.

³² Они сохранились частью только в переводах, частью в подлинниках или в делах о посольствах или же в особых рубриках: грамоты кабардинские, грамоты кумыкские и т. д., которые в их настоящем виде опять-таки отражают проведенную в конце XVIII — начале XIX в. работу по систематизации фонда.

обильной переписки Посольского приказа с Астраханью и возникшим в 1588 г. в устье Терека Терским городом в архиве приказа за каждый год отлагалось два особых столбца — «столп астраханской» и «столп терской», иногда объединенные в один «столп астраханской и терской такого-то году». При разборе архива Бантыш-Каменским «астраханские столпы» обычно относились в рубрику Ногайских дел, а «терские» — Кабардинских; в составе этих и некоторых других серий (например, за 1616 г. — Грузинской, за 1626 г. — Персидской) они и могут быть обнаружены в настоящее время путем систематического просмотра за последние годы XVI и почти за все годы XVII в.

Астрахань и особенно Терский город, как пограничный, находились в постоянных, можно сказать, повседневных сношениях с землями Северного Дагестана и Северного Кавказа, их воеводы должны были быть в курсе всех местных отношений и событий и связанных с ними интересов и действий соседних держав. Обо всем этом оповещали Посольский приказ астраханские и терские «отписки», по каждому вопросу отдельно, согласно инструкции приказа, предписывавшей «писать отписки порознь о всяких делах, про Ногай себе, и про шаха с турским себе, а про крымского себе, и про кабардинских себе, а про кумыцких себе, в одну отписку всех вестей не мешать». Так же писались и ответные грамоты Посольского приказа, передававшие, как и пометы на отписках, принятые в центре решения по тому или иному вопросу. Все исходившие из Посольского приказа документы сохранились в черновых отпусках, т. е. со следами редакторской работы дьяков.

Материалы Посольского приказа о сношениях с Северным Дагестаном и Северным Кавказом вошли в две публикации, вышедшие в 1957—1958 гг.: «Кабардино-русские отношения в XV—XVIII вв.» (т. I. М., 1957)³³ и «Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII в.» (Махачкала, 1958)³⁴. Обе они отражают

³³ Составители Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов; редакторы Т. Х. Кумьков и Е. Н. Кушева.

³⁴ Составитель Р. Г. Маршаев; ред. коллегия: Е. Н. Кушева, Г. Д. Даниялов, М. М. Ихлов, О. А. Блюмфельд. Должна оговорить, что я не была редактором сборника, но лишь рецензировала его текст в машинописи. При составлении первой части сборника были частично использованы собранные мною в 1937—1939 гг. по

лишь часть (и небольшую) богатств этого архивного фонда³⁵.

«Терские столбцы» Посольского приказа в некоторой степени восполняют гибель архива Терского города. Архив приказа Казанского дворца, в ведении которого находилась эта крепость, также не сохранился. Но огромный фонд Астраханской приказной палаты был вывезен из Астрахани Археографической экспедицией в первой половине XIX в. и в настоящее время хранится в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР в составе около 17 тыс. единиц. Его столбцы начинаются сплошной массой с 1614 г.; за 90-е годы XVI в. сохранилось всего несколько дел. Часть столбцов параллельна «астраханским столбцам» Посольского приказа, но содержит астраханские отписки в Москву в отпусках, а московские грамоты и указы — в беловиках; большая часть фонда имеет самостоятельное значение. Материалы астраханской таможи сохранились — и не полностью — лишь с 60-х годов XVII в.³⁶ (для сношений с Дагестаном они использованы в названной выше публикации 1958 г.). Мое знакомство с фондом Астраханской приказной палаты во время нескольких командировок в Ленинград было довольно беглым³⁷.

поручению Института истории АН СССР и правительства Дагестанской АССР материалы, что и оговорено во вступительной статье; они были дополнены составителем по фонду Астраханской таможи и по фондам первой четверти XVIII в.

³⁵ Работа по выявлению материалов в ЦГАДА для т. I сборника «Кабардино-русские отношения» была проведена бригадой сотрудников ЦГАДА при участии автора. Лишь часть выявленных документов вошла в печатное издание, остальные имеются в ЦГАДА в машинописи. Документы по истории Дагестана, частично использованные в сборнике 1958 г., имеются в машинописи в рукописных фондах Института истории АН СССР в Москве и Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР в Махачкала.

³⁶ Путеводитель по архиву ЛОИИ. М.—Л., 1958.

³⁷ Часть документов Астраханского фонда напечатана в «Актах исторических» и «Дополнениях» к ним, как документы, извлеченные из архива Астраханского губ. правления; печатались документы Астраханской приказной палаты и в «Астраханских губ. ведомостях». Несколько документов вошли в т. I «Кабардино-русских отношений». Как уже указывалось выше, материалы Астраханской таможи о торговых связях Астрахани с Дагестаном второй половины XVII в. включены в сб. «Русско-дагестанские отно-

Названные выше русские источники дают прежде всего материал о политических связях северокавказских народов с Русским государством, в меньшей степени — об экономических связях. Документы Терского города содержат сведения и о повседневных сношениях русского населения Терского города и терских и гребенских казаков с местными народами. Раскрывается значение северокавказских связей Москвы в международных отношениях, сложившихся вокруг Кавказа в период турецко-иранских войн за овладение Закавказьем. Серии дел Посольского приказа о сношениях русского правительства с Речью Посполитой и государствами Западной Европы расширяют представления о международном значении вопроса о Северном Кавказе ³⁸.

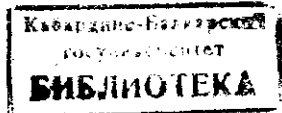
1052407
Надо подчеркнуть и другую сторону важности русских источников для поставленной темы: они дают богатый материал для изучения внутренней истории народов Северного Кавказа, сообщают множество имен, фактов, географических названий. Если без привлечения русских источников XVI—XVII вв. социально-экономические отношения у народов Северного Кавказа этого времени изучались преимущественно по документам и описаниям XVIII—XIX вв. ретроспективно, то привлечение фонда Посольского приказа и Астраханской приказной палаты открывает возможности освещения социально-экономических явлений XVI—XVII вв. по источникам этого времени. Но использование их требует в ряде случаев специфических источниковедческих приемов.

Понятно, что правительство Русского феодального государства уделяло особое внимание связям с феодальными слоями населения Северного Кавказа, преимущественно с владельцами Северного Дагестана и Кабарды. Обилен материал о феодальных владениях у разноплеменного населения Северного Дагестана — у кумыков, аварцев, кайтаков, лаков; о раснаде шамхальского владения на территории Кумыкии; о феодальных владениях Большой и Малой Кабарды; о взаимоотношениях между владельцами и феодальных войнах; о попытках объединения сил, пред-

---

шения». Для изучения экономических связей Средней Азии с Руссией Астраханский фонд использован в сб. «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I. Л., 1932.

³⁸ Эти серии привлекаются лишь по печатным их изданиям.

принятых некоторыми «старшими» князьями Кабарды во второй половине XVI в. или на феодальных съездах в Северном Дагестане. Дополнительным источником для изучения высшего владетельного слоя феодалов служат родословные. Особую ценность представляют родословные росписи кабардинских князей и мурз, сохранившиеся в русских родословных книгах XVII в. и составленные, очевидно, по показаниям служивших на Руси князей Черкасских³⁹.

Социальные отношения внутри феодальных владений не раскрыты документами русских фондов с той же подробностью. Здесь каждое указание, особенно местных документов, должно быть учтено, каждый местный термин подвергнут изучению, их русифицированные формы должны быть отождествлены с местными прототипами. В других случаях, наоборот, нужно вскрыть местные отношения за привычными для русских служилых и приказных людей русскими терминами.

Такая работа позволяет восстановить социальную лестницу в кабардинских и дагестанских владениях XVI—XVII вв. по современным источникам и сопоставить их данные с данными XVIII—XIX вв.

Так, русские документы XVI в. в качестве наиболее влиятельных после князей групп населения в Кабарде называют «козларов» и «дужнюков». Изучение фамилий «козларов» XVI в. заставляет видеть в них «тлакотлепей» — наиболее привилегированный после «пши» князей феодальный слой Кабарды. Чрезвычайно интересны собранные в Терском городе сведения о роли в Кабарде конца XVI в. одного из «козларов» — именитого человека» Хотова Анзовурова, в котором нельзя не видеть предшественника известных по позднейшим источникам «кодзов». Термин «дужнюки» русских документов XVI—XVII вв. — русифицированная передача кабардинского термина «деженуго».

К сожалению, русские источники XVI—XVII вв. дают значительно меньше сведений о трудовом населении феодальных владений, о формах его эксплуатации. Здесь анализу должны быть подвергнуты такие термины русских

³⁹ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 383—387; многочисленные родословные кабардинских князей, составленные в XVIII в.

документов, как «черные люди», «пахотные люди», «деловые люди», «холопы».

Русские документы открывают интереснейшую возможность восстановления норм обычного кабардинского права, бытовавших в XVI—XVII вв. Русские воеводы Терского города сталкивались в своей деятельности с «обычаями» местных народов и должны были в какой-то степени с ними считаться. Особенно тесно было общение администрации Терского города с Кабардою и с населением так называемой Черкасской слободы, возникшей у стен крепости и населенной кабардинцами. В документах привлекают внимание прямые ссылки на кабардинское обычное право, которые даются в разной форме: при передаче слов кабардинцев — как ссылки на «наш обычай» или в отрицательной форме — чего «в Черкасах... не ведетца»; в сообщениях русских людей о кабардинцах — как ссылки на «их свычай», «их обычай», на поступки, совершенные «по черкасски» (черкасами русские документы XVI—XVII вв. называют как адыгов вообще, так и кабардинцев). Сопоставление кабардинских «обычаев», отразившихся в русских источниках XVI—XVII вв., с позднейшими данными XVIII в., с записями кабардинских адатов, сделанными в первой половине XIX в., с практикой применения их в первой половине XIX в. в Кабардинском временном суде⁴⁰ не оставляет сомнения в том, что русская администрация Терского города присматривалась к обычному праву нерусского населения, поддерживая соблюдение тех его норм, которые укрепляли положение местных феодалов. Но кроме использования прямых ссылок источников на кабардинские «обычаи» возможен и другой путь изучения русских документов для восстановления норм обычного права XVI—XVII вв.: документы содержат сообщения о ряде фактов из внутренней жизни кабардинского народа, которые нередко получают разъяснения опять-таки при сопоставлении с позднейшими записями адатов.

Некоторые категории документов и материалов северокавказских серий фонда Посольского приказа должны привлечь особое внимание местных историков и языковедов Дагестана и Кабарды. Каждое посольство от северокавказских владельцев вело в подарок московскому царю и царе-

---

⁴⁰ Библиографические ссылки см. стр. 9.

вичам по несколько коней. Уже по осмотре их в Терском городе воеводы сообщали в Москву об их количестве и приметах, тщательно копируя в своих отписках стоявшие на лошадях тавры-тамги. Они нередко воспроизводились второй раз в астраханских отписках, иногда в третий раз — при передаче коней из Посольского в Конюшенный приказ. Таким образом, документы Посольского приказа позволяют составить коллекцию тамг дагестанских и кабардинских владельцев на одно-два столетия древнее зарисовок Гильденштедта.

Большой интерес представляют документы, исходившие от местных владельцев и писанные на восточных — тюркских, татарском и персидском языках. Даже тогда, когда они сохранились не в подлинниках, а лишь в современных (XVI—XVII вв.) русских переводах, они не теряют своего значения местных источников. Но систематический просмотр фонда Посольского приказа обнаруживает и подлинники — около двух десятков «листов» кумыкских владельцев Дагестана XVII в. и большое количество кабардинских. Чаще всего это грамоты и челобитные владельцев, адресованные в Москву, иногда местным воеводам — астраханским и терским. Но попадаются документы и иного характера, вроде перехваченной терскими воеводами в 1636 г. переписки эндерейского владельца с ногайскими мурзами⁴¹. Эти документы требуют специального изучения не только по содержанию, но и с лингвистической и палеографической сторон. Особо можно упомянуть об отпечатках печатей на подлинных «листах», всегда привлекавших внимание московских дьяков как материал для выяснения зависимого или самостоятельного положения владельца печати.

О «вольных обществах» Северного Дагестана знания администрации Терского города были сбивчивы. Но русским служилым людям были довольно хорошо известны районы Чечни и Ингушетии, частью по посольским путешествиям в Закавказье, частью по военным экспедициям в горы, частью по сношениям с платившими в Терский город «медвяный ясак» горскими племенами; разнообразны были связи с ними гребенских казаков. Особую задачу

---

⁴¹ ЦГАДА, ф. Посольского приказа, Ногайские дела за 1635 г., № 1, л. 73.

составляет расшифровка русифицированных названий чеченских и ингушских племен и интерпретация переданных в русских документах сведений о населенных пунктах, о «начальных людях» — старшинах. Здесь основной прием изучения — опять-таки сопоставление с более подробными известиями источников XVIII—XIX вв., с одной стороны, с местными преданиями — с другой.

Круг сведений об осетинах, балкарцах и карачаевцах в русских источниках XVI—XVII вв. невелик. Но при скудости данных каждое сообщение ценно.

В отношении западных адыге один вопрос их внутренней жизни в изучаемый период поддается изучению на основании русских документов — их племенное деление и занятая племенами территория. Здесь опять-таки мы сталкиваемся с русифицированными формами племенных названий.

Выше, при ссылках на приемы использования русских архивных документов для характеристики социально-экономических отношений у северокавказских народов, постоянно указывалось на необходимость обращения к источникам XVIII—XIX вв. для понимания терминов, географических названий, норм обычного права и т. д.

Круг этих источников чрезвычайно обширен: это и труды путешественников, и описания официального и полуофициального характера, выполненные служившими на Кавказе русскими военными или гражданскими чиновниками, архивные фонды, отложившиеся в учреждениях местных кавказских⁴² и центральных, наконец, работы, которые соединяли личные наблюдения с исследованием. Ориентировку в этом разнообразном материале облегчают подробнейшие обзоры М. О. Косвена и две появившиеся в последнее время публикации⁴³, труды советских исследователей, привлечших русские архивные и местные источники.

---

⁴² Основная публикация: АКАК.

⁴³ М. О. Косвен. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. — «Кавказский этнографический сборник», т. I. М., 1955; т. II. М., 1958; т. III. М., 1962; «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II. XVIII в. М., 1957 (составитель В. М. Букалова, редакторы Н. А. Смирнов, У. А. Улигов); «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.». Архивные материалы, под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958.

Для изучения социально-экономических отношений у северокавказских народов большое значение имеют известия западноевропейских путешественников, проезжавших через Северный Кавказ и Дагестан в Закавказье или живших по служебным своим обязанностям в Крыму. Они сообщают ряд драгоценных для нас наблюдений о занятиях, обычаях, быте местного населения. Употребляемые ими социальные термины требуют, как и термины русских источников, расшифровки, например, термин «сервы» для трудового населения Черкесии у итальянца Интериано, писавшего в конце XV — начале XVI в. Западноевропейские известия о Северном Кавказе привлекались исследователями в большей степени, чем русские архивные документы XVI—XVII вв.⁴⁴

Вопрос о Кавказе, и в частности о Северном Кавказе, приобрел в XVI—XVII вв. широкое международное значение в связи с агрессивной Османской империи в сторону Западной Европы и стремлением правительств западноевропейских государств найти в Восточной Европе и в Иране помощников в войнах против Турции. Для освещения этой стороны темы потребовалось обращение к материалам западноевропейских посольств в Москву, большим серийным изданиям дипломатической переписки и документов разного характера. Надо отметить, что возможности изучения, которые дает исключительно широкий круг источников, автором далеко не использованы.

3. Литература

Литература, прямо относящаяся к теме настоящей работы, немногочисленна. Напротив, круг исследований, которые имеют к ней то или иное отношение, чрезвычайно широк. К тому же специальные работы по Северному Кавказу и по международным отношениям на Востоке в XVI—XVII вв. часто связаны с опубликованием тех или иных

---

⁴⁴ Обзоры: М. А. Полиевктон. Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935; Е. С. Зевакин. Западный Кавказ в известиях европейских путешественников и писателей XIII—XVIII вв. — «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. I, М., 1946; Е. П. Алексеева. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII вв. Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1957.

источников, носят источниковедческий характер и уже упомянуты в обзоре источников. Это отражается на характере предлагаемого читателю очерка — в ряде случаев я ограничиваюсь общими указаниями, не ставя задачи полного и детального разбора.

В дальнейшем рассматривается отдельно литература по первой части исследования, т. е. по социально-экономическим отношениям у народов Северного Кавказа и по второй части — о связях их с Россией.

Обзор дореволюционной литературы по общественному строю кавказских народов дан с большой полнотой в «Материалах по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке» М. О. Косвена⁴⁵. Имеющие прямой целью библиографические указания, «Материалы» в то же время содержат ценные историографические замечания и разделы.

М. О. Косвен издал и специальные историографические статьи, вошедшие впоследствии в книгу «Этнография и история Кавказа» (М., 1961): «Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии», «М. М. Ковалевский как этнограф-кавказовед», очерки об Измаиле Атажукине и Хан-Гирее и др. Указанная и получившая оценку в трудах М. О. Косвена литература в значительной степени носит характер источников для изучения социально-экономических отношений у народов Кавказа в XVIII—XIX вв. — это главным образом описание быта и общественного строя кавказских народов, сделанные на месте авторами того времени, часто не профессиональными учеными.

Отсылая к работам М. О. Косвена, отмечу ряд его историографических наблюдений.

М. О. Косвен подчеркивает, что очень рано, еще в XVIII и особенно в первой половине XIX в., авторы, писавшие о Северном Кавказе, заметили различия в уровне развития отдельных народов, определив общественное устройство у одних как аристократическое, или феодальное, у других — как демократическое. Броневский в 1820-е годы сравнивал феодальную иерархию у кабардинцев с внутренним управлением России во времена удельных князей, а неизвестный

---

⁴⁵ «Кавказский этнографический сборник», т. I—III. М., 1955—1962.

автор записки 1830 г. о закубанских народах, т. е. о западных адыге,— с феодальным устройством в средние века в Западной Европе.

Крупнейшим достижением русской науки 1840—1860-х годов М. О. Косвен считает наблюдения над родовым строем у ряда народов Кавказа, преимущественно Северного Кавказа; еще до трудов Моргана русские авторы выдвинули родовую теорию, по которой род признавался универсально-исторической начальной общественной формой.

Труды М. М. Ковалевского в 80—90-е годы опирались на эти наблюдения, расширили и обобщили их. М. М. Ковалевский специально занялся анализом обычного права горских народов. Много внимания уделил он семейной общине. Как известно, труды М. М. Ковалевского были замечены и использованы Ф. Энгельсом.

Подчеркивая достижения русской дореволюционной науки в изучении общественного строя народов Кавказа, М. О. Косвен указывает на их ограниченность. Так, М. М. Ковалевский изучал общественный строй в отрыве от материально-хозяйственной базы, рассматривая родовый строй статически, не указывая на явления глубокого распада; в характеристике феодальных отношений у народов Северного Кавказа М. М. Ковалевский, придавал большое значение внешним влиянием и широко распространенным генеалогическим преданием, созданным в феодальной среде.

Надо отметить, что на некоторых работах XIX в. периода «освобождения зависимых сословий» сказывались определенные тенденции русского правительства — отрицать земельные права привилегированных сословий, что было связано с затруднениями в наделении их землей.

В. Н. Кудашев, автор, вышедший из кабардинской дворянской среды, напротив, доказывал историческими ссылками право кабардинских дворян на земельную собственность⁴⁶.

В общем, советские историки и этнографы получили от дореволюционной историографии весьма значительный круг наблюдений и исследований. Их задачей явилось изучение накопленных дореволюционной литературой фактов на основе марксистско-ленинской методологии.

---

⁴⁶ В. Кудашев. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913.

1920—1930-е годы в изучении народов Северного Кавказа отмечены вниманием к их социальному строю в прошлом, к уяснению классового его характера, к фактам классовой борьбы. Вопросы эти имели непосредственную связь с советским строительством на многонациональном Северном Кавказе. Появляются отдельные статьи, иногда заметки, печатавшиеся на местах не только в специальных научных органах, но и в газетах, нередко носившие полемический характер. Так, статья А. Н. Дьячкова-Тарасова «Бзиоко-Зауо» о крестьянском восстании на Северо-Западном Кавказе в XVIII в. была напечатана в местном журнале «Революция и горец»⁴⁷, статьи Г. А. Кокиева печатались там же и в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария»⁴⁸. Работа Б. В. Скитского о движении имама Мансура конца XVIII в. в Чечне рассматривала его как движение крестьянское, направленное против колониальной политики царизма⁴⁹.

Ряд статей был посвящен феодальным отношениям на Северном Кавказе, характеристике классовой структуры того или иного народа в прошлом.

Б. В. Скитский изучал феодализм в Северной Осетии, привлекая неизданные архивные документы XIX в.⁵⁰ Тем же путем шла Е. Н. Студенецкая, вскрывая классовый характер общественного строя Карачая⁵¹. Г. А. Кокиев в изучении феодальных отношений в Кабарде и отчасти в Осетии опирался преимущественно на документы XVIII в.⁵² Оживленно обсуждались вопросы социально-экономических отношений у чеченцев и ингушей, процессы разложения рода⁵³. С. В. Юшков, привлекая широкий

⁴⁷ «Революция и горец» (Ростов-на-Дону), 1929, № 1—3.

⁴⁸ Г. Кокиев. Борьба кабардинских феодалов за власть. — «Революция и горец», 1929, № 9—10 и др.

⁴⁹ Б. В. Скитский. Социальный характер движения имама Мансура. — «Известия 2-го Северо-Кавказского педагогического института», 1932, т. IX.

⁵⁰ Б. В. Скитский. К вопросу о феодализме в Дигории. — «Известия Северо-Осетинского научно-исслед. ин-та», 1933, т. V.

⁵¹ Е. Н. Студенецкая. К вопросу о рабстве и феодализме в Карачае. — «Советская этнография», 1937, № 2.

⁵² Г. А. Кокиев. К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII в. — «Уч. зап. Ин-та этнических и национальных культур народов Востока», т. II, М., 1930; его же. Кабардино-осетинские отношения в XVIII в. — «Исторические записки», т. 2, и др.

⁵³ А. С. Вартапетов. Проблемы родового строя ингушей

круг источников от времен арабского завоевания по первую половину XIX в. включительно, высказал ряд ценных соображений об особенностях феодализма в Дагестане, указал на пестроту социально-экономических укладов, на оригинальную форму феодальной ренты с пастбищ, на незавершенность процесса феодализации, на «сильные остатки доклассовой общественной формации». Призывая к глубокому изучению конкретной истории народов Дагестана, автор рассматривал свои выводы как предварительные⁵⁴. Работа А. Тамая о феодализме Дагестана была построена на документах XVI в., в ней впервые использовались папечатанные С. А. Белокуровым еще в 1880-е годы документы Посольского приказа для изучения социальных отношений в Дагестане⁵⁵.

После Великой Отечественной войны изучение социально-экономических отношений у народов Северного Кавказа в дореволюционный период расширяется и углубляется. С одной стороны, на основании отдельных специальных исследований создаются обобщающие труды по истории того или иного народа, включающие и главы, посвященные XVI—XVII вв. С другой стороны, появляются монографии, являющиеся результатом большой исследовательской работы.

Отчетливо определилась необходимость координации наблюдений историков, археологов и этнографов. В многочисленных этнографических исследованиях изучается конкретный материал и ставятся общие теоретические вопросы генезиса тех или иных явлений материальной и духовной культур, пережиточных форм общественных отношений; здесь особенно надо отметить труды М. О. Косвена⁵⁶.

В 1950-е годы вышли в свет книги по истории Даге-

и чеченцев. — «Советская этнография», 1932, № 4; М. Мамакаев. Чеченский тайн (род) и процесс его разложения. Статья опубликована впервые в 1936 г. (издана отдельной брошюрой в Грозном в 1962 г. в переработанном виде), и др.

⁵⁴ С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания). Свердловск, 1938.

⁵⁵ А. Тамай. Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана. — «Революционный Восток». М., 1935, № 5.

⁵⁶ Результаты работы советских этнографов по народам Кавказа отражены в издании «Народы Кавказа», т. I—II. М., 1960, 1962. См. также «Народы Дагестана». М., 1955, и ряд статей в «Кавказском этнографическом сборнике», т. I—III.

стана, Осетии, Кабарды и Адыгеи. Изучение Чечни и Ингушетии, Балкарии и Карачая в годы Великой Отечественной войны прервалось и возобновилось лишь после XX съезда КПСС. Понятно, что создание «историй» этих народов задержалось. Лишь в 1961 г. вышли в свет «Очерки истории Балкарского народа» (Нальчик).

Названные труды разнятся по объему и по характеру изложения. Двухтомник «Очерки истории Дагестана» (Махачкала, 1957) является результатом исследовательской работы и имеет обширный аппарат ссылок на литературу и источники. Глава о социально-экономическом развитии Дагестана в XVI—XVII вв. написана здесь Р. Г. Маршаевым с использованием его кандидатской диссертации о двух феодальных владениях Дагестана — Кайтаге и Казыкумухе и их отношениях с Россией⁵⁷. В «Истории Северо-Осетинской АССР» (М., 1959) обзор феодального периода написан крупнейшим советским специалистом по истории Осетии Б. В. Скитским. Основная его источниковедческая база — архивные материалы XIX в. «История Кабарды» вышла в виде сжатого очерка в 1957 г., к юбилею 400-летия присоединения Кабарды к России. Глава о Кабарде XVI—XVII вв. написана в ней мною на основе специальной статьи, опубликованной в 1955 г. в Нальчике в т. III «Сборника статей по истории Кабарды». Том «Очерков истории Адыгеи» вышел также в 1957 г. Разделы о социально-экономических отношениях у адыгейцев принадлежат Е. С. Зевакину и написаны на основе многолетних его изысканий. Для характеристики адыгейцев XVI—XVII вв. автор пользуется преимущественно описаниями путешественников-иностранцев, основные же его источники, как и в истории Осетии, относятся к XVIII—XIX вв.

Все названные труды содержат марксистскую концепцию истории народов Северного Кавказа. В них освещается развитие производительных сил и производственных отношений, зарождение и развитие феодализма у ряда народов, своеобразие его форм, классовая борьба. Вместе с тем отчетливо определились вопросы, которые нуждаются в дальнейшей углубленной разработке.

---

⁵⁷ Р. Г. Маршаев. Сношения Кайтага и Казыкумуха с Русским государством в первой половине XVII в. М., 1954 (автореферат канд. дисс.).

Недостаточно выяснен вопрос о феодальной земельной собственности, о положении крестьян-общинников, о характере общины, о пережитках первобытно-общинного строя, наконец, о причинах замедленного социально-экономического развития северокавказских народов.

В 1950-е — в начале 1960-х годов вышел ряд серьезных монографических исследований социально-экономических отношений у северокавказских народов. Для Дагестана надо назвать монографию Р. М. Магомедова «Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в.» (Махачкала, 1957) и С. Гаджиевой «Кумыки» (М., 1962)⁵⁸, для адыгейцев — М. В. Покровского «Очерки социально-экономической истории адыгейских племен в конце XVIII — первой половине XIX в.» (автореферат докт. дисс., М., 1957; опубликовано частично в «Кавказском этнографическом сборнике», т. II, М., 1958), для абазин — Л. И. Лаврова («Кавказский этнографический сборник», т. I, М., 1955)⁵⁹. Социально-экономические отношения в Кабарде в XVIII в. изучаются в кандидатской диссертации Н. Х. Тхамокова (Начальник, 1960), в XIX в. — в кандидатских диссертациях Т. Х. Кумыкова и Ф. И. Мужева, опубликованных частично в изданиях Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. «Очерки по экономике и культуре Черкесии XVI—XVII вв.» Е. П. Алексеевой (Черкесск, 1957) носят характер материалов, в них с большой полнотой отражены русские печатные источники и сообщения путешественников-иностранцев; архивные источники автором не привлекались; как археолог, автор дала обзор адыгейских археологических памятников XVI—XVII вв.

Все эти работы имеют большое значение для исследуемой темы и для решения названных выше вопросов.

---

⁵⁸ Две кандидатские диссертации по Дагестану — уже упомянутая Р. Г. Маршаева и О. В. Соболевой («Социально-экономические отношения в Аварском ханстве в конце XVIII — начале XIX в.», М., 1955) остались в рукописи.

⁵⁹ Среди многочисленных работ Л. И. Лаврова по Северному Кавказу две особенно широко использованы в дальнейшем: «Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в.» — Сб. «Материалы по истории земледелия СССР», т. I, М., 1952; «Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев». — «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований», М., 1959.

Однако за исключением работы Е. П. Алексеевой, Р. Г. Маршаева и А. Тамая, все они посвящены XVIII и XIX вв., когда условия жизни северокавказских народов изменились под воздействием русской экономики, с одной стороны, колониальной политики царского правительства — с другой. Поэтому необходимость специального изучения XVI—XVII вв. остается в силе.

Замечания по частным исследованиям даются в дальнейшем в тексте глав.

Сжатые характеристики социально-экономических отношений у народов Северного Кавказа в XVI—XVII вв. были даны автором настоящей работы в «Очерках истории СССР» (период феодализма, конец XV — начало XVII в. и XVII в.). Здесь они расширены и дополнены. Их основная источниковедческая база — русские архивные документы XVI—XVII вв. Автор надеется привлечь внимание кавказоведов к обширному кругу этих еще мало исследованных материалов.

Отдельные факты из истории сношений народов Северного Кавказа с Россией в XVI—XVII вв. рано привлекли внимание не только русских историков, но и политических деятелей. Так, в 1730-е и 1740-е годы в дипломатических переговорах с турецким правительством о подданстве кабардинцев Коллегия иностранных дел использовала (нередко искажая имена) как летописные известия о сношениях с «пятигорскими черкасами» при Иване Грозном, так и архивные материалы Посольского приказа за конец XVI и за XVII век, вошедшие впоследствии в серию «Кабардинских дел»⁶⁰. Уже в «Истории российской» М. М. Щербатова, кроме сообщений летописей о «черкасах» и дагестанском «шевкале», приводились факты и печатались некоторые документы из того же архивного фонда, которые показывали, что связи Северного Кавказа с Россией и политика там русского правительства находили отклик в международных отношениях⁶¹. В еще большей степени эта тема прозвучала в материалах, собранных Н. М. Карамзиным. Однако если С. Броневский высказал в начале XIX в. предположение о том, что брак Ивана Грозного с Марией

⁶⁰ «Кабардино-русские отношения», т. II, № 50, 115, 116.

⁶¹ См., например, М. М. Щербатов. История российская, т. V, ч. 1. СПб., 1903, стр. 496—497; ч. 2—4, стр. 222—224; 343, 353, 360—361 и др.

Темрюковной мог преследовать политические цели⁶², то Карамзин не удержался от романтической окраски этого события⁶³.

Тема включения кавказских народов в состав Русского государства не заняла особого места в концепции Сергея Михайловича Соловьева. Большое внимание историка к событиям внешней политики повело к тому, что на страницах его «Истории России» находим много указаний на обсуждение вопроса о Северном Кавказе в сношениях русского правительства с крымскими ханами, турецкими султанами и персидскими шахами в XVI—XVII вв. Однако специальный абзац о начальных этапах русско-северокавказских связей («Отношение к народам прикавказским»), не раз буквально повторенный позднейшими авторами, давал неверное освещение этим связям. Соловьев писал, что «утверждение в устьях Волги открыло Московскому государству целый мир мелких владений в Прикавказьи»; что их князья ссорились друг с другом, терпели от крымцев и бросились к оказавшемуся в соседстве «могущественному государству» с просьбами, а некоторые и с предложениями подданства и «таким образом незаметно, волею неволею, затягивали Московское государство все далее и далее на Восток, к Кавказу и за него»⁶⁴. Здесь совсем устранена активность кавказской политики русского правительства и ее цели — политические и стратегические, экономические, а тем более классовые.

Специальный обзор сношений России с Кавказом, в том числе и с Северным Кавказом, с древних времен по первое десятилетие XVII в. был дан С. А. Белокуровым в предисловии к его публикации документов Посольского приказа о русско-кавказских отношениях 1578—1613 гг.⁶⁵ В своем обзоре автор с особой тщательностью собрал разбросанные по многочисленным источникам факты русско-кавказских сношений до 80-х годов XVI в., т. е. до того времени, которое освещалось издаваемыми документами. Эта

⁶² С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 2. М., 1823.

⁶³ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. IX. СПб., 1834.

⁶⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 2. Изд. «Общественная польза», стб. 99—100.

⁶⁵ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1. 1578—1613 гг.— «Чтения ОИДР», 1888, кн. III, стр. III—СХХIX.

сторона обзора С. А. Белокурова и сейчас сохраняет свое значение⁶⁶. Автор приводит ряд сведений и о взаимоотношениях России, Турции, Крыма и Персии, вызванных русско-кавказскими связями. Однако их международное значение, особенно в ходе ирано-турецких войн, не было здесь сколько-нибудь полно раскрыто, некоторые факты остались непонятыми. Так, С. А. Белокуров пишет об обращении к России с 1610 г. ряда дагестанских владельцев, ранее ей враждебных, и объясняет эту перемену деятельностью нескольких кабардинских князей русской ориентации, не связывая эти события с переломом в ходе ирано-турецкой войны и успехами шаха Аббаса⁶⁷.

Начиная с 1880-х годов в дореволюционное время вышел целый ряд книг по истории гребенского и терского казачества. Документальные известия по ранней их истории очень отрывочны, и авторы, писавшие о появлении казаков на Северном Кавказе в XVI в., широко привлекали легендарные сведения из сборников преданий, собранных во второй половине XIX в. на месте Г. Т. Синюхаевым и ген. Ф. Ф. Федюшкиным⁶⁸. С. А. Белокуров использовал эти предания в своем обзоре без критического их анализа, не привлекли они внимания источниковедов и в советское время. Здесь надо отметить, что историки казачества, подчеркивая его роль в XVIII—XIX вв. в распространении «русского владычества» на Кавказе, не замалчивали для более раннего времени мирный характер сношений с горцами «вольных» тогда гребенских и терских казаков.

В 1913 г. в связи с празднованием 300-летия дома Романовых появились журнальная статья и брошюра П. Л. Юдина, хорунжего Оренбургского казачьего войска: «Мурза Сюнчалей Янглычев»⁶⁹ и «Верность кабардинцев русскому престолу в эпоху Смутного времени» (Владикавказ, 1913). Их тенденция — показать верность кабардинских князей и мурз русским царям — может дать совет-

⁶⁶ То же можно заметить относительно ранней статьи П. Хицунова «Сношения России с северной частью Кавказа». — «Кавказ», 1846, № 16.

⁶⁷ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. СХV.

⁶⁸ См., например, А. Ржевусский. Терцы. Владикавказ, 1888; В. А. Потто. Два века терского казачества, т. I. Владикавказ, 1912, и другие труды.

⁶⁹ «Русский архив», 1913, № 2.

ским историкам материал для характеристики классовых интересов кабардинских феодалов, с одной стороны, и классовой стороны политики русского правительства — с другой. П. Л. Юдин привлек в своих небольших работах неизданные архивные документы.

Особое место в дореволюционной литературе занимает труд кабардинца Ш.-Б. Ногмова⁷⁰. Ногмов писал по преданиям, не пользуясь летописными или документальными источниками. Его взгляды по вопросу о сношениях Кабарды с Россией выражены очень отчетливо: он пишет об угрозе подчинения кабардинцев Турции и Крыму, тем более реальной, что между кабардинскими князьями не было единства; их междоусобия вели к потере «политической самобытности» Кабарды. Отсюда положительная оценка Ногмовым деятельности князя Темрюка Идаровича и акта присяги его и кабардинского народа царю Ивану Васильевичу.

В первые десятилетия после Великой Октябрьской революции тема взаимоотношений царской России с нерусскими народами, входившими в состав империи, получила определенное освещение, отражавшее полемику с буржуазными концепциями: внимание было направлено на разоблачение захватнической колониальной политики царского правительства. Для Северного Кавказа тема эта раскрывалась преимущественно на событиях конца XVIII и XIX в., дававших для ее освещения яркий материал; более ранний период оставался в тени.

В советской исторической литературе конца 1930-х годов, особенно же за годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы обнаружилось стремление исследовать истоки связей между народами Советского Союза, найти в прошлом факты дружественных отношений, взаимной поддержки.

Для истории кабардинского народа эти тенденции нашли отражение в 1940-е годы в работах Г. А. Кокиева «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.» («Вопросы истории», 1946, № 10) и Н. А. Смирнова «Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв.» (Нальчик, 1948). Оба автора указывали на то, что обращение кабардинцев за помощью к России в XVI в.

---

⁷⁰ «История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев». Тифлис, 1861 (последнее издание — Нальчик, 1958).

было вызвано агрессией в сторону Северного Кавказа Крыма и Турции и что поддержка, оказанная Россией, явилась в истории Кабарды важным и положительным фактом. В работах Г. А. Кокиева находим высокую оценку деятельности князя Темрюка Идаровича, последовательно придерживавшегося русской ориентации; его централизаторские мероприятия, несомненно, преувеличивались автором, недостаточно учитывавшим уровень социально-экономического развития Кабарды.

Н. А. Смирнов связывал наступление Турции и Крыма на Северный Кавказ с войной Турции и Крыма за Закавказье, со стремлением султанов обеспечить проход турецким войскам в Закавказье северным путем. Считая реальной возможность подчинения кабардинцев Турции в этот период, как и овладение Турцией Астраханью, Н. А. Смирнов писал о том, что связи Кабарды с Россией разрушили эти агрессивные планы. Подчеркивая, что «политика русских царей опиралась на союз русского самодержавия с феодальной верхушкой Кабарды», автор вместе с тем указывал на положительное значение взаимной помощи не только для кабардинского и русского народов, но и для населения всего Кавказа. Источниковедческой базой работы были некоторые турецкие хроники и преимущественно крымские и турецкие дела Посольского приказа, изученные Н. А. Смирновым в его двухтомном труде ⁷¹.

В статье, напечатанной в 1950 г., Е. Н. Кушева ставила задачу выяснить значение политики Русского государства на Северном Кавказе в узких хронологических рамках — за двадцатилетие 1552—1572 гг., детально и привлекающая материал не только о Кабарде, но и о других народах Северного Кавказа ⁷².

Другая весьма существенная сторона вопроса затронута в статье М. С. Тотоева, вышедшей в свет в 1948 г., — о взаимоотношениях горских народов и казаков, обосновавшихся на Северном Кавказе с XVI в. ⁷³ М. С. Тотоев при-

⁷¹ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I—II. М., 1946.

⁷² Е. Н. Кушева. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. — «Исторические записки», т. 34.

⁷³ М. С. Тотоев. Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселенцами на Северном Кавказе. — «Известия Северо-Осетинского научно-исслед. ин-та», т. XII. Дзауджикау, 1948.

шел к выводу, что до середины XVIII в. у казачества существовали добрососедские отношения с горскими народами. К сожалению, опираясь на материал дореволюционных работ о терских и гребенских казаках, автор не подверг критическому анализу содержащиеся в них предания и легенды. Политику Ивана Грозного на Северном Кавказе М. С. Тотоев назвал захватнической, но не дал аргументации этой точки зрения.

В том же плане поисков исторических корней дружбы народов Северного Кавказа с русским народом были написаны обобщающие труды по истории отдельных северокавказских республик и областей, названные выше, и особенно работы, вышедшие в 1957—1959 гг. в связи с празднованием юбилеев присоединения к России Кабарды, Адыгеи и Черкесии⁷⁴. Если эти работы носили локальный характер, то в книге Н. А. Смирнова «Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв.» (М., 1958) идет речь о Кавказе в целом. Как в общих трудах, так и в специальных исследованиях развивался тезис об объективно прогрессивном значении присоединения народов Кавказа к России, несмотря на феодально-крепостнический характер правительства Русского государства и колониальную политику царизма, проявившуюся особенно ярко с XIX в.; было показано, что связи народов Северного Кавказа с Россией возникли в условиях совместной борьбы с экспансией Турции, Крыма и Ирана — в этом вопросе северокавказский материал отвечает замечанию Энгельса о том, что в сложении централизованного государства в Австрии, объединившего

---

⁷⁴ Т. Х. Кумыков. К вопросу присоединения Кабарды к России. — «Сборник статей по истории Кабарды», вып. V. Нальчик, 1956; его же. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957; «История Кабарды с древнейших времен до наших дней». Нальчик, 1957, стр. 36—51; Народы Карачаево — Черкесии. Ставрополь, 1957; Е. П. Алексеева, И. Х. Калмыков, В. П. Невская. Добровольное присоединение Черкесии к России (к 400-летию юбилею). Черкесск, 1957. В первом томе «Очерков истории Дагестана» (Махачкала, 1957) автором настоящей работы написана глава «Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв.» В «Истории Кабарды» (М., 1957) главы «Присоединение Кабарды к России и его историческое значение» и «Кабарда после присоединения к России» написаны автором совместно с Т. Х. Кумыковым. В «Очерках истории СССР» автором даны сжатые очерки взаимоотношений в XVI—XVII вв. всех северокавказских народов с Русским государством.

«дюжину народностей», играли роль и интересы «обороны» (Энгельс имел в виду необходимость обороны от экспансии Турции)⁷⁵; что уже в XVI—XVII вв. начали развиваться экономические связи Северного Кавказа с Россией; уделялось внимание фактам общения трудовых слоев населения Северного Кавказа с русским народом, но для XVI—XVII вв., когда русские поселения здесь были немногочисленны, эта сторона была слабо раскрыта.

В 1960 г. вышла книга А. В. Фадеева «Россия и Кавказ первой трети XIX в.». В ней дан очерк и более ранних взаимоотношений, по этапам, и высказан ряд общих методологических соображений, основанных на трудах классиков марксизма-ленинизма. Автор призывает к диалектическому рассмотрению внешней политики России на Кавказе, к всестороннему и глубокому анализу внешнеполитических проблем, с тем чтобы избежать крайностей — лакировки прошлого, идеализации политики царизма, с одной стороны, с другой — отрицания исторически прогрессивного содержания процесса присоединения нерусских народов к России.

Исследование поставленных в настоящей книге вопросов требовало учета результатов разносторонней работы советских историков по изучению Русского государства XVI—XVII вв., его классовой основы, тенденций его социально-экономического развития, его внешней политики, особенно на Востоке. Если русско-турецкие и русско-крымские отношения этого времени освещены в ряде трудов Н. А. Смирнова, Г. Д. Бурдей, А. А. Новосельского, И. И. Смирнова, С. О. Шмидта⁷⁶, то для взаимоотношений

⁷⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 471—473.

⁷⁶ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., тт. I—II. М., 1946; Г. Д. Бурдей. Борьба России против агрессии султанской Турции и ее вассала Крымского ханства в XVI в. (50-е—70-е годы). Саратов, 1953, и др. работы того же автора; А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.—Л., 1948; С. О. Шмидт. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549).— «Труды Историко-архивного института», т. VI. М., 1954; его же. Внешняя политика Русского государства в середине XVI в. Присоединение Казани и Астрахани.— «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV—нач. XVII в.». М., 1955; И. И. Смирнов. Восточная политика Василия III.— «Исторические записки», кн. 27. М., 1948. См. также историографические обзоры Л. В. Даниловой, С. О. Шмидта, В. Б. Кафевгауза и А. А. Преображенского в сборнике статей «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР». М., 1962.

с Ираном могут называть только одну статью А. П. Новосельцева⁷⁷. Названные работы, основанные на изучении русских архивных фондов, дают много и для понимания сложившейся на Востоке международной обстановки. Особенно широко использовано исследование А. А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.» (М.—Л., 1948), которое содержит обильный материал и для Северного Кавказа. Большое значение имеет вышедший в 1950-е годы двумя изданиями труд М. В. Фехнер о торговле Русского государства с Востоком в XVI в.⁷⁸

Историческая литература на турецком и персидском языках, судя по имеющимся обзорам, существенного значения для изучения поставленной темы не имеет. Литература на западноевропейских языках, как более ранняя, так и последних десятилетий, привлекалась главным образом для использования фактических сведений, особенно в тех случаях, когда источники их авторов недоступны.

---

⁷⁷ А. П. Новосельцев. Русско-иранские отношения во второй половине XVI в. — Сб. «Международные связи России до XVII в.». М., 1961.

⁷⁸ М. В. Фехнер. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956 (первое изд. М., 1952).

Часть первая

**СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
У НАРОДОВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В XVI—XVII ВВ.**

Г л а в а п е р в а я

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО ДАГЕСТАНА

Для социально-экономических отношений этнически пестрого населения Дагестана XVI—XVII вв. характерна неравномерность развития, отмеченная уже советскими исследователями.

В горных областях Дагестана ведущей отраслью хозяйства было отгонное скотоводство, преимущественно овцеводство. О характере его можно судить по источникам не ранее XVIII в. Так, автор 20-х годов XVIII в. И. Гербер рассказывает, что акушинцы и другие «тавлинцы», т. е. жители гор, пригоняли на зиму до 100 тыс. овец на равнинные пастбища Кайтага. Гоняли скот также на «кутаны» (зимние пастбища) равнинной Кумыкии и в Кахетию. Летом, наоборот, скот с равнины перегоняли в горы. Пашни, разработанные в трудных горных условиях, не обеспечивали жителей хлебом¹. В приморской и степной полосе, примыкавшей к Тереку, условия хозяйственной жизни были совсем иными: там издавна были развиты земледелие, в устьях рек поливное, садоводство, в широких размерах скотоводство. Рассказывая в 1604 г. в Посольском приказе в Москве о приморском Дагестане, посол кахетинского царя Александра старец Кирилл говорил, что там «села и деревни многие, и винограду, и пашни, и лесу много», и что то место «людem и скоту добре

---

¹ И. Гербер. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и р. Куром народах. — «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». 1760, август, стр. 107; Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX века. Махачкала, 1957, стр. 37—38.

здорово»². Более подробные сведения находим в описаниях путешественников начала XVIII в.: они говорят о «плодоносных полях, производящих жито, виноград и свойственные климату плоды», о том, что на равнине Дагестана «пространная хорошая и плодоносная земля» «много изрядных деревень в себе содержит», что здесь сеялись пшеница, ячмень, кукуруза, просо, хлопчатник, в устьях рек — «сорочинское пшео», т. е. рис; «для напоения засеянной хлебом земли» из речек были проведены «каналы»; имелись плодовые и туговые сады, ореховые деревья³. На равнине развито было и скотоводство — разводили овец, лошадей и быков, применявшихся для пахоты и транспорта⁴.

Городов с ремесленным и торговым населением в Северном Дагестане, можно сказать, почти не было. Дошедшее до нас описание Тарков 1604 г. не указывает на наличие в городе ремесленников и торговцев, рисует его скорее как укрепленную феодальную усадьбу. Проезжавший через Тарки в 1623 г. русский купец Ф. А. Котов писал, что «в Тарках посад невелик»⁵. Повсеместно была развита домашняя промышленность. Характерной чертой, известной по археологическим данным, с одной стороны, по источникам более позднего времени — с другой, была специализация ряда аулов по производству металлических изделий, посуды или из шерсти. Отдельные указания позволяют проследить эту специализацию и для XVI—XVII вв.

Здесь прежде всего надо назвать Кубачи — центр по производству оружия, металлических и ювелирных изделий, известный уже по сообщениям арабских авторов средневековья; по рассказу Гербера, кубачинцы «все лю-

² С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1. 1578—1613 гг. — «Чтения ОИДР», 1888, кн. III, стр. 405.

³ ЦГАДА, Дела Кабинета, отд. 2, кн. № 72, л. 251 об.; «Беловы путешествия через Россию в разные Азиатские земли», ч. III. СПб., 1776, стр. 179; И. Гербер. Указ. соч., стр. 107; «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», М., 1958, стр. 126, 128—129 и др.

⁴ М. А. Полиевктов. Посольство кн. Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию в 1640—1643 гг. Тифлис, 1928, стр. 107, 114.

⁵ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 400—401, 405; «Хождение на Восток Ф. А. Котова в 1-й четв. XVII в.». — «Известия ОРЯС Ак. наук», 1907, т. XII, кн. 1, стр. 79; «Хождение купца Федота Котова в Персию», подготовлено Н. А. Кузнецовой. М., 1958 (в комментариях, относящихся к Северному Кавказу, ряд недоразумений).

ди мастеровые», а «пашен» имеют «малое число». Эвлия Челеби говорит о производстве в Дагестане «серебряных ремней», т. е. поясов с ювелирными серебряными украшениями. Древность женского гончарного производства аула Балхар доказывается чрезвычайно архаическим стилем балхарских орнаментов⁶.

Разница в хозяйственной жизни нагорных и равнинных областей Дагестана обусловила внутренний обмен — в горах не хватало хлеба, и жители гор «покупали» его на равнине, т. е. обменивали на скот: своей монеты в Дагестане не было, и торговля была преимущественно меновой. На преобладание натурального хозяйства указывает также характер ренты — продуктами и штрафом, которые выплачивались скотом, материей, котлами⁷.

Через Дагестан проходил важный торговый путь, связывавший страны Закавказья и Иран с Северным Кавказом, Ногайской степью и далее с Крымом и Азовом, а также с Астраханью и волжским путем. Через Дагестан шла довольно оживленная транзитная торговля, находившаяся главным образом в руках тезиков⁸, дербентских, армянских, а также русских купцов. Дагестанские феодалы принимали в ней участие через своих доверенных лиц и пользовались транзитом для взимания натуральной пошлины — тамги. Но торговый путь через Дагестан был далеко не безопасен и для торговых караванов, подвергавшихся нападениям на суше, и для судов, прибывших непогодой к берегу. Об экономических связях с Терским городом и Астраханью, развивавшихся с конца XVI в., будет сказано в дальнейших главах в иной связи.

Неравномерность в развитии производительных сил вела и к неравномерности развития социальных отношений в разных районах Дагестана. Основной линией процесса,

---

⁶ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М.—Л., 1949; «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», стр. 75; 134—135, 216—217; Е. М. Шиллинг. Изобразительное искусство народов горного Дагестана. — «Доклады и сообщения ист. фак-та МГУ», кн. IX. 1950, стр. 46—86; Н. Б. Бакианов. Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935, стр. 40—43.

⁷ «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», стр. 77, 83, 133; Постановления Кайтагского удмия Рустем-хана. — «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 1. Тифлис, 1868; «Кодекс законов Умму-хана аварского». М., 1948.

⁸ «Тезики» — восточные, преимущественно среднеазиатские и иранские купцы; в первоначальном значении — таджики.

ясно выступающей по источникам XVI—XVII, да и более ранних веков, было складывание классовых феодальных производственных отношений, своеобразных, осложненных патриархально-родовыми пережитками; в высокогорных частях Дагестана этот процесс задерживался, и для XVI—XVII вв. можно говорить лишь о начальных его признаках.

Во второй половине XVI в. более крупные феодальные владения в Северном Дагестане были следующие: Тюменское ханство в степях нижнего течения Терека, потерявшее свое значение с постройкой в конце XVI в. русской крепости в устье Терека; шамхальство, которое до второй половины или до конца XVI в. включало не только земли на плоскости и в предгорьях, заселенные в основном кумыками, но и лакский Казыкумух; владение удмиа Кайтагского к югу от шамхальства, подходившее почти к самому Дербенту; Аварское нусальство, центральная часть которого занимала Хунзахское плато⁹.

По известиям конца XV—XVI в., шамхал (шевкал или царь шевкальский, по терминологии русских источников, черкес-хан грузинских хроник¹⁰) выступает сильным владельцем. Рядом с ним обычно называется крымшамхал — будущий шамхал. Результаты обследования Л. И. Лавровым памятников шамхальского кладбища в ауле Кумух в Лакии подтверждают предания о том, что первоначально резиденция шамхалов находилась в горах в Кумухе и лишь впоследствии была перенесена на плоскость¹¹. Однако сообщение русской летописи 1560 г. о походе русского воеводы Ивана Черемиснинова на шамхала к Таркам, о битве с «шевкальским князем», который в результате боя по-

⁹ «Очерки истории Дагестана», т. I. Махачкала, 1957, гл. III; Р. М. Магомедов. Указ. соч. (здесь на основании источников XVIII—XIX вв. определяется территория феодальных владений Дагестана и приводятся местные предания об основании того или иного из ханств; для XVI—XVII вв. точно определить территории владений будущих ханств по состоянию источников нет возможности); Шамхалы Тарковские. — «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 1.

¹⁰ Р. Г. Маршаев. О термине шамхал и резиденции шамхалов. — «Уч. зап. Дагест. фил. филол. АН СССР. Ин-т истории, языка и литературы», т. VI. Махачкала, 1959.

¹¹ Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. — «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XVII. Л., 1957.

кишул Тарки и «побежал в горы», свидетельствует о значении Тарков в шамхальстве уже в середине XVI в.¹² В XVII в. шамхалы в переписке с Москвой и с воеводами Терского города постоянно употребляли для шамхальства в качестве политического термина название Кумыцкая земля, Кумыки, что показывает, что территория шамхальства в это время в основном соответствовала территории, занятой кумыцкой народностью¹³.

По источникам второй половины XVI и XVII вв. можно наблюдать процесс феодального распада шамхальства. Так, в 90-х годах XVI в. шамхал враждовал с крымшамхалом, за которого стояла половина Кумыцкой земли; по сообщению кахетинского царя Александра, в это время «шевкальское дело плохо стало для того, что они (шамхал и крымшамхал. — *Е. К.*) промеж собою братьяца», что у них «межусобная рать»¹⁴. Во второй половине XVI в. шамхальство раздробилось на ряд юртов — уделов, небольших феодальных владений, где укрепились родственные между собою ветви кумыцких князей и мурз, далеко не всегда находившихся «в одиначестве» с шамхалом, а, напротив, часто вступавших с ним в борьбу¹⁵. Форма шертования удельных кумыцких владельцев — за себя, за братью и за детей¹⁶ — убеждает в том, что в кумыцких юртах-ханствах владели совместно, большой семьей, группы родственников. После смерти правителя феодального владения оно переходило без раздела к его братьям, сыновьям и их потомкам; главенствовал старший сын или брат, занимавший особое место в семье еще при жизни брата-правителя¹⁷. Наблюдаемые в XVII в. междоусобия

---

¹² ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол. СПб., 1906, стр. 324, 330; Л. И. Лавров. Тарки до XVIII в. — «Уч. зап. Дагест. филиала АН СССР. Ин-т истории, языка и литературы», т. IV. Махачкала, 1958.

¹³ ЦГАДА, ф. Посольского приказа, Кумыцкие дела (далее ссылки на дела Посольского приказа не сопровождаются указанием на место хранения и фонд); «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.», документы и материалы. Махачкала, 1958, стр. 35, 47, 55, 62, 75, 81, 84, 85, 104, 109 и др.

¹⁴ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 255—256.

¹⁵ Там же, стр. 292—293, 401 и др.

¹⁶ Там же, стр. 538 и др.; «Русско-дагестанские отношения», стр. 34—35, 47, 62, 138, и др.

¹⁷ Арсений Суханов. Проскинитарий. — «Палестинский сборник», т. VII, вып. III. СПб., 1889, стр. 117; Ногайские дела, 1618 г., № 1, и др.

среди дядьев и племянников показывают, что этот порядок стал колебаться, что появились тенденции к установлению наследственности владения по прямой линии.

В конце XVI в. независимым от шамхальства выступает Казыкумукское владение, где правил князь Алибек, а позже его сын Чучолов¹⁸.

К концу XVI в. наиболее значительными из феодальных владений в Кумыкии, фактически часто независимыми от шамхала, были: Эндерейское владение («Андреева деревня») в северной части Дагестана, где после ряда столкновений с братьями утвердился сын «старого шамхала» (Сурхая или Суркая?) чанка, т. е. сын незнатной матери, дочери первостепенного кабардинского узденя, Султан-Махмуд (Салтамамут, Султан-Мут Султан-Магомед русских документов) с потомством; Карагачское владение, доставшееся брату Султан-Махмуда Нуцалу, его сыновьям и внукам; Кафыр-Кумук, где ханы были из рода Андия, сына «старого шамхала» (позднее это ханство получило название Баматуллы — от имени сына Андия — Бамата или Багамата); Тарковское владение братьев Андия Ильдара и Гирея и их потомства; владения Буйнакское, Карабудахкентское, Таркаловское, Ерпелинское и Дженгутейское (позднее известное под названием Мехтулинское ханства), где укрепились линии родственной шамхалу владельцев¹⁹. О размерах таких феодальных ханств, состоявшихся из группы поселений-кабаков²⁰, можно судить по количеству конного войска, которое они могли выставить. В 1958 г. дербенец Аллага в своей сказке терским

---

¹⁸ «Русско-дагестанские отношения», по указателю; Л. И. Лаврова. Из эпиграфических находок, стр. 381. По данным Л. И. Лаврова, Алибек был сыном шамхала Бугдая, умершего в 1567 г.

¹⁹ Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 88; Гасан-аль-Кадари. Асари Дагестан. Махачкала, 1927; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 292, 293; А. Тамай. Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана. — «Революционный Восток», 1935, V; Шамхалы тарковские. — «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 1, отд. IV, стр. 53—80; Мехтулинские ханы — там же, вып. 2, Тифлис, 1869, отд. IV, стр. 1—16; Казыкумукские и куринские ханы — там же, стр. 1—44; Кумыкские дела за XVII в.; «Русско-дагестанские отношения», по указателю. Р. М. Магомедов считает Мехтулинское ханство одним из аварских (Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 87—88).

²⁰ «Кабак» — восточный термин, которым русские документы XVI—XVII вв. обозначают поселение на Кавказе; в XVIII в. обычные термины «деревня», «селение», в XIX в. — «аул».

воеводам дал об этом такие сведения: у шамхала Суркая, жившего тогда в Казаницах, было 200 человек конных воинов; Султан-Махмуд эндерейский «с братьею» и Нуцал карагачский имели по 200, Али-бек казыкумухский «с братьею» — 500, Будаичи ерпелинский «с братьею» — 400, Андий кафыркумыкский — 150, карабудакский князь — 100 конных воинов и т. д.; некоторые из владений были совсем миниатюрными²¹. По словам Аллаги, «кумыцких и горских разных земель с шевкалом и с его детьми в одиначестве с 5 тыс. человек конных, а только зберутца кумыцкие и горские люди и черкасы, и всего их будет с 15 тыс. конных, опричь пеших людей». Таким образом, влияние и сила шамхала зависели в конце XVI в. от того, сколько владельцев было с ними «в одиначестве». Термины Кумыки, Кумыцкая земля, Шевкальская земля употреблялись и в XVII в., но шамхальство не сложилось в объединенное государство, а находилось в состоянии феодальной раздробленности и постоянных феодальных войн.

Одним из поводов к междоусобным столкновениям был порядок замещения шамхальского престола. Достоинство шамхала не было в XVI—XVII вв. наследственным по прямой линии, не было оно тогда закреплено и за тарковскими владельцами, как ошибочно повторялось рядом исследователей, и вообще не соединялось с каким-либо особым шамхальским уделом. Шамхалов выбирали из старших членов шамхальского рода разных феодальных владений Кумыцкой земли. Одновременно с шамхалами намечался крымшамхал, будущий шамхал. Выборы происходили на съездах князей, мурз и «лучших людей» «всей Кумыкской земли». Самая церемония передачи достоинства шамхала происходила, очевидно, по традиции, в Казыкумухском владении, в торах, где ранее была резиденция шамхалов. Вновь выбранный шамхал одаривал узденей (крестьян) лошадьми, быками и овцами²². Рассказ Олеа-

---

²¹ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 292—293. Первым исследователем, привлечшим этот ценный источник и использовавшим его для изучения феодальных отношений в Дагестане, является А. Тамай (указ. соч.).

²² Кабардинские дела, 1615 г., № 1, лл. 103—105; 1621 г., № 1, лл. 21—31; Кумыкские дела, 1635 г., лл. 28—29 и др.; «Русско-дагестанские отношения», стр. 135—136.

рия о том, как шамхала выбирают бросанием яблока, представляется мне легендарным²³. В XVII в. возможные претенденты на шамхальское достоинство нередко искали поддержку у шахского или у русского правительств и в том или ином случае получали ее²⁴.

Смену шамхалов по русским источникам можно проследить с конца XVI, в XVII и XVIII вв. Их данные не вполне совпадают с преданиями, рассказанными А. Бакихановым и Гасан-ал-Кадари, и с сообщениями Л. И. Лаврова, основанными на изучении надгробных надписей кладбища Кумуха. Очевидно, нужны дополнительные разыскания.

В 1580-е годы крымшамхалом считался не сын шамхала, а его двоюродный брат Елим Салтан²⁵. Шамхалом он, по-видимому, не был, так как в конце XVI в. шамхалом был Суркай.

В начале и в первые десятилетия XVII в. русские документы называют шамхалом кафыркумыкского владельца Андия, сына «шамхала старого» (Суркай?); после смерти Андия шамхалом в 1621 г. выбрали его брата Ильдара Тарковского (старший брат — Гирей — к этому времени умер). После смерти Ильдара в 1635 г. шамхальство «давали» его брату Султан-Муту эндерейскому (хотя он был чанка, сын незнатной матери), но тот «за старостью» «поступился» шамхальством своему сыну Айдемиру. Когда в 1641 г. Айдемир погиб в неудачном походе на Кабарду, шамхальство досталось Суркаю Гирееву тарковскому, племяннику шамхала Ильдара, претендовавшему на шамхальство еще в 1635 г.²⁶ По родословной кумыкских владельцев, записанной в 1758 г., после Суркай «по старшинству лет» стал шамхалом Бутай Баматов (или Бий Багаматов, из Буйнакского владения)²⁷, затем пле-

---

²³ А. О л е а р и й. Подробное описание путешествия Гольштинского посольства в Московию и Персию... СПб., 1906, стр. 494.

²⁴ См. главу III второй части настоящего издания.

²⁵ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 213.

²⁶ Л. И. Лавров указывает на надгробный памятник Суркай-шамхала, сына Алибека с датой 1640—1641 гг. Полагаю, что в этой надписи слово «шамхал» не означает, что этот сын Алибека был шамхалом в Кумыкии. — Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок, стр. 381.

²⁷ Родословная дает иной порядок: Суркай, Айдемир, Будаи, но современные документы XVII в. исправляют эту ошибку.

мянник Будая Умалай и сын Будая Адиль-Гирей (современник Петра I)²⁸.

Выше приводились сведения сказки Аллаги о том, что в Казыкумухе у «Алибека князя з братьею с 500 человек конных». Центром Казыкумухского владения был Кумух, теперь аул Кумух Лакского района Дагестанской АССР, где сохранились руины старинного замка, мечети (в том числе построенной в VIII в.), шамхальское кладбище. Надпись одного из памятников, без даты, называет Алибека, сына Бугдай-шамхала (умершего в 1566—1567 гг.); это дало Л. И. Лаврову основание считать, что известный по документам конца XVI — первых десятилетий XVII в. Алибек казыкумухский был из рода шамхалов. Алибек и его сын Чучолов (Тучлав) рисуются русскими источниками как весьма влиятельные в Дагестане владельцы: так, по известию 1619 г., «Чучолов мураза у отца своего Алибека князя казыкумыцкого и во всей Кумыцкой земле волен, все полагаются на него, и Ильдар [Тарковский] его слушает во всем»²⁹.

Казыкумухское владение выделилось из шамхальства несомненно как территория, населенная лаками. Предания говорят о том, что владельцы Казыкумуха были выборными, на что указывает и их титул «халклавчи», который лингвисты переводят, как «глава народа»³⁰.

Ближайшим к Дербенту феодальным владением Северного Дагестана было удмийство Кайтагское. В 1618 г. служивший по Терскому городу князь Сунчалей Черкасский так говорил об удмии Рустем-хане терским воеводам: «Уцмей де князь кайдацкой в горах человек первый и людьми силен, никому не служит, ни турецкому, ни крымскому, ни кизылбашскому не голдует и ясаку не дает, а человек

---

²⁸ По Бакиханову (указ. соч., стр. 88), Андий, Ильдар, Гирей и Магомед (из Казаниц) были сыновьями Чубан-шамхала от дочери удмий, а Султан-Мут — его сыном от дочери черкесского узденя. Родословная 1758 г. (АВПР, ф. Колл. иностр. дел, Кумыцкие дела, 1758 г., № 2) называет Чепалова, который «был первой шефкалом в Тарках», и трех его сыновей — Эльдара, Суркая и Султан-Мамута.

²⁹ Ногайские дела, 1619, № 1; «Русско-дагестанские отношения», по указателю.

³⁰ «Очерки истории Дагестана», т. I, гл. III; Р. М. Магомедов. Указ. соч., гл. VI; Казыкумухские и кюринские ханы. — «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 2; Р. Г. Маршаев. Сношения Кайтага и Казыкумуха с Русским государством в первой половине XVII в. М., 1954 (автореферат канд. дисс.).

де он гордый, против Гирея князя [Тарковского] не вставая шапки не сымает, и Гирей де перед ним з братом своим с Илдаром вместе не садитца и стоят на коленках..., земля де его в крепких местах». Аллага, называя кабак уцмий Кала кура (т. е. Каракурейш), считал, что уцмий может выставить 500 человек конных воинов и 700 пеших. В 1630-х годах в переговорах с Москвою и Терским городом о вступлении в русское подданство, уцмий писал о 40 тыс. и 60 тыс. кайдацких людей, с которыми он учинился «в холодстве» царю Михаилу Федоровичу. Эвлия Челеби в 1660-е годы считал, что численность племени кайтак — около 20 тыс. человек (мужчин?). Колебания этих цифр показывают, что они приблизительны, однако они дают представление о том, что Кайтагское владение было одним из важнейших в Северном Дагестане. Этнически его население не было однородным³¹.

Порядок выбора уцмий в Кайтаге был сходен с тем, который описан выше для шамхальства. Наследования по прямой линии не было, достоинство уцмий передавалось одному из старших в роде. В 1633 г. уцмий Рустем-хан разъяснял приехавшему к нему в Башлы сыну боярскому Василию Надобному, что «в Кайдацкой земле на князьне ево, уцмей, а после ево будут на князьне братья ево Чюкук да Устерхан да сын ево Хан...»³². Выборы уцмий имели место и в начале XIX в. Порядок владения по старшинству не был прочным и вел к кровавым столкновениям, как это было, например, в Кайтаге в 80—90-е годы XVII в.³³

Аварское нусальство было в XVI—XVII вв. одним из сильных феодальных владений Северного Дагестана. В противоположность шамхальству, указаний на феодальную раздробленность Аварии в источниках этого времени мы не находим. Насколько можно судить по сохранившимся родословными, уже в XVII в. преобладала тенденция

³¹ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 293; «Русско-дагестанские отношения», стр. 63—64, 124—125; А. С. Омаров, Р. Г. Маршаев. «Постановления» Рустем-хана как источник истории Кайтага XVII в. — «Уч. зап. Дагест. филлала АН СССР. Ин-т истории, языка и литературы», т. VII, Махачкала, 1960, стр. 170; Рукоп. отдел Ин-та истории, языка и литературы Дагест. филиала АН СССР. Машинопись отрывков из сочинения Эвлия Челеби.

³² «Русско-дагестанские отношения», стр. 126.

³³ АКАК, т. I, Тифлис, 1866, стр. 644; А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 99—100.

к передаче достоинства нусала наследникам по прямой линии³⁴.

Социальные отношения в Дагестане, глубоко своеобразные и в феодальных владениях и в так называемых «вольных обществах» в городах, изучаются для XVIII — начала XIX в. в монографии Р. М. Магомедова, для XIX в. — в монографии и работах Х. О. Хашаева и С. Гаджиевой³⁵. Для XVI—XVII вв. полной картины социальных отношений по состоянию источников дать нельзя.

Шамхал, крымшамхал, ханы-князья и их дети — мурзы, беки, беи³⁶ — составляли высший привилегированный слой феодального общества в Кумыцкой земле. Они были верховными собственниками земли феодальных владений. Записанные позднее так называемые «бейские адаты» резко выделяли этот слой из общей массы населения³⁷. Дети «непрямых» жен, т. е. неравных по происхождению мужу, назывались «чанками» и имели меньшие права. Султан-Мут, чанка, овладел эндерейским ханством после ожесточенной борьбы с братьями, которые считались по происхождению выше него. Военные конные отряды ханов и беков составлялись из «служилых» людей — «узденей», по терминологии русских документов XVI—XVII вв. Среди них значились «лучшие», «владельческие» уздени (в позднейших записях адатов — «сала-уздени»), владевшие кабаками и входившие в войска ханов со своими небольшими отрядами. Та же сказка Аллагаи 1598 г. перечисляет несколько имен таких узденей «у шевкалова узденя у Темир-хана в Шурани 10 человек конных..., ка-

³⁴ Л. И. Лавров, Материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе. — «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XX. М.—Л., 1961, стр. 184—187. О. В. Соболева, Социально-экономические отношения в Аварском ханстве в конце XVIII — начале XIX в. М., 1955, глава I (рукопись канд. дисс.); Р. М. Магомедов, Указ. соч., глава II; «Очерки истории Дагестана», стр. 97—98.

³⁵ Р. М. Магомедов, Указ. соч. Х. О. Хашаев, Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1964, и др. работы; С. Гаджиева, Кумыки, М., 1962.

³⁶ Термин «бек» применялся в Дагестане к детям и родственникам ханов, которые не достигали ханского положения, но разделяли с ханами право эксплуатации крестьянства.

³⁷ Ф. И. Леонтович, Адаты кавказских горцев, вып. 1—2. Одесса, 1882—1883; Мамай Алибек, Адаты кумыков. Махачкала, 1927; «Адаты жителей Кумыцкой плоскости». — «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 6. Тифлис, 1872, отд. I, 1—20; «Адаты Дагестанской обл. и Закатальского округа». Тифлис, 1899.

бак Аркуша, а в нем шевкалов уздень Казый, у него 20 человек конных... кабак Хили, а в нем уздень Алебек, у него 50 человек конных...»³⁸.

Привилегированное положение занимало высшее мусульманское духовенство.

Сведения о трудовом, зависимом населении шамхальства в XVI—XVII вв. очень отрывочны. Русские источники XVI—XVII вв. употребляют для этих групп населения термины: «черные люди», «пашенные люди», «холопы» (или «ясыри»).

Термин «пашенные люди», по-видимому, нужно отнести к крепостным крестьянам Дагестана — «чагарам» и «райятам». От 1604 г. в рассказе уже упомянутого грузина, старца Кирилла, до нас дошло описание «двора» шамхала в Тарках. Тарки были расположены на старом городище с сохранившимися от древних времен каменными укреплениями — «изстари город бывал каменной, стоит на горе». На самом верху горы возвышалась каменная башня; ниже, под самородным «каменным заломом» был расположен двор «шевкалов, палаты каменные и избы», рядом — другая каменная башня «да городище старое», ниже двора — каменная мечеть; около двора шамхала было «дворов черных с 300», где жили пашенные люди; поблизости, на ключевых истоках, стояли мельницы. В 1604 г., когда опасались похода на Тарки русских воевод, сам шамхал жил в горах, и пашенных людей осталось в Тарках всего дворов 20 или 30. Кирилл сообщал, что когда «хлеб поспест», от шамхала призывают воинские люди и «хоронят хлеб» «по ямам и по горам»³⁹.

Названные в этом описании пашенные люди, видимо, работали в хозяйстве шамхала, на его земле. Другое указание относится к 90-м годам XVI в. Сообщалось, что у впадения в море р. Койсу (Сулака) до постройки там русского города у шамхала были «лутчие угодыя, пашни и сенокосы и рыбные ловли»⁴⁰; и в этом случае речь шла, по-видимому, также о собственном хозяйстве шамхала. Ясыри — рабы — у кумыков были и русские, и мичкизские (чеченцы), и грузинские, и черкасские, т. е. адыги, и из Средней Азии — бухарские и юргенчские. Рабов исполъ-

³⁸ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 293.

³⁹ Там же, стр. 400—401, 405.

⁴⁰ Там же, стр. 275.

зовали главным образом в домашнем хозяйстве, во дворах, а также как пастухов-чабанов при многочисленных стадах владельцев. Записанные уже в XIX в. предания показывают, что была тенденция сажать рабов на землю и что таково было происхождение некоторых райятских селений. Одним из постоянных способов захвата пленных были набеги через горные проходы — «щели» — в соседнюю Кахетию; брали пленных для перепродажи и при столкновенных кумыкских владельцев между собою. Крупными невольничьими рынками являлись Эндери, Дербент, Шемаха. По сообщению середины XVII в., кумыкские люди «приходят из Кабарды и из Малого Ногаю и из Озова в Кумыки», «русской и всякой ясырь привозят, а из Кумык продают в шаховы городы». Но при сопоставлении с позднейшими известиями надо считать, что основной массой трудового населения Дагестана были «черные люди» — крестьяне-уздени, объединенные в сельские общины — джамааты, которые сохраняли и черты родового строя.

Важнейшим источником для определения характера повинностей крестьянского населения шамхальства в средние века является перечень доходов шамхала, известный в нескольких близких редакциях. Одна из них включена в Тарих Дагестана Мухамеда Рафи, писателя, по мнению исследователей, XIV века, но, может быть, является позднейшей вставкой; другая дается Бакихановым в его написанном в первой половине XIX в. труде «Гюлистан-Ирам», причем Бакиханов относил этот перечень к IX или X в. гиджры (к XV—XVI вв.)⁴¹, т. е. к тому времени, когда шамхалы владели большей частью Северного Дагестана. За исключением одного случая, подати, названные в перечне, натуральные, главным образом скотом — овцами, баранами, быками, лошадьми, буйволами, а также хлебом, рисом, маслом, медом, рыбой; в двух случаях указаны изделия: от округа Андиб — 8 войлоков (в другой редакции или переводе от обитателей дер. Анди — 8 штук шерстяной ткани) и от деревни Зерех-Геран, т. е. от известного своим металлическим производством дагестанского селения Кубачи, — 30 ружей (в другой редакции или переводе — 30 мер пороху). Особенно интересно указание на

⁴¹ «Тарихи Дербент-Наме», под ред. М. Алиханова-Аварского, прил. IX. Тифлис, 1898, стр. 166; А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 53.

подати скотом с гор, т. е. за позволение пасти скот на пастбищах той или иной горы.

Для времени, к которому относится перечень, дань с узденских селений, которую собирал шамхал, совпадает с феодальной рентой. К XVIII в. положение стало иным — феодальные владельцы захватывали в собственность летние пастбища — пастбищные горы — и зимние пастбища — кутаны, взимая плату баранами и овцами за разрешение крестьянам пасти на них скот. Эта «пастбищная рента» отмечена советским исследователем в качестве одной из характерных черт феодальной эксплуатации в Дагестане ⁴².

В шамхальстве XVII в. видим зачатки феодальной администрации — визирей, казначеев, приказчиков; в начале 1650-х годов дворы послам в Тарках отводил пристав шамхала; прием происходил в «гостинной палате». В «палате» принимал шамхал и проезжавшего через Тарки Арсения Суханова; при приеме переводил местный толмач ⁴³. Высшими духовными лицами были мусульманские шейхи. Однако надо подчеркнуть примитивность администрации и патриархальные ее формы. Кумыкские владельцы сами отправлялись в поездки по аулам для сбора ясака. При ханских дворах имели значение аталыки — дядьки и имельдеши — молочные братья. От лица сыновей шамхала Ильдара в 1637 г. вел в Москве переговоры их дядька Томулдук, бывший доверенным лицом и самого шамхала и не раз приезжавший от него в послах. В 1640—1650-х годах переговоры в Москве вел имельдеш эндерейского владельца Казаналыпа Магомет. Известно прозвище одного из аталыков — «Седая борода» ⁴⁴.

Обычай куначества имел значение не только в быту, но и в отношениях политических. В 1651 г. шамхал писал астраханским воеводам об обычае, по которому «мы, кумыки, искони от отцов своих конаков имеем и бережем», и оправдывал им свои связи с враждебным Русскому государству ногайским мурзой ⁴⁵.

---

⁴² С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания). Свердловск, 1938, стр. 10.

⁴³ Арсений Суханов. Указ. соч., стр. 117; Персидские дела, 1626 г., № 4, л. 138.

⁴⁴ «Русско-дагестанские отношения», стр. 194 и др.

⁴⁵ АИ, т. IV, № 57, стр. 162.

Неразвитость феодальной администрации позволяла «черным людям» — узденству — держаться довольно независимо и оказывать влияние на политические дела. Характерны слова жившей во дворе шамхала полонянки-киевлянки, сказанные ею Арсению Суханову в Тарках в начале 1650-х гг., о том, что в шамхальском дворе «блюдутся крепко от кумыков»⁴⁶. И в 1718 г. шамхал так говорил о жителях шамхальства: «У нас люди вольные, сегодня меня слушают, а завтра к другому владельцу уйдут»⁴⁷.

Основной формой классовой борьбы крепостного крестьянства и рабов было бегство. Одним из постоянных вопросов переписки кумыкских феодальных владельцев с русскими воеводами Терского города был вопрос о тяглых людях и ясырях, ушедших в нерусские слободы Терской крепости или в казачьи городки.

Так, в начале 1630-х годов посол шамхала Ильдара Томулдук подал в Москве челобитье о том, чтобы терские воеводы сыскали и отдали ему бежавшего от него с женою «человека», «родом черкашенина» (очевидно, кабардинца), которого он купил в Терском городе у кабардинского мурзы и увез с собою в Кумыки. По расспросам выяснилось, что «тот человек от Томулдука збежав, пришел на Терек в казачьи городки и жил у казаков, от Томулдука таясь». Несмотря на «многое челобитье» Томулдука, терским воеводам не удалось найти беглеца — очевидно, терские казаки, чаще всего также беглые из Руси люди, приняли его в свою среду⁴⁸. Московское правительство и местная, терская, администрация решили вопрос о беглых так, чтобы «не отогнать» кумыкских владельцев. С этой целью было постановлено беглых, «кроме русских людей», выдавать, но многие из бежавших крестились в Терском городе, чтобы избежать неволи. Шамхал в 1633 г. просил за таких «цену платить, потому что ко мне многие мои люди приходя негодуют, что им в тех людех ставятца убытки великие и ставятся безлюдны». Особенно часты были случаи бегства в Терский город и к казакам из Эндерейского ханства, самого северного из кумыкских феодальных владений. В 1640-х годах посол

⁴⁶ Арсений Суханов. Указ. соч., стр. 119.

⁴⁷ «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», стр. 42.

⁴⁸ «Русско-дагестанские отношения», стр. 110.

эндерейского владельца Казанальпы жаловался в Москве, что из Эндери «холопы и рабы бегают в Терский город». Несколько позже Казанальпы писал в Москву о том же, прося выдавать ему беглых «тяглых и подданных людей»⁴⁹.

Значительными фактами социально-экономической и политической жизни Дагестана надо считать записи права. Сохранились постановления уцмий Рустем-хана кайтагского и свод законов Умму-хана аварского; исследователи относят оба эти памятника к первой половине XVII в.; об адатах Гидатлинского «вольного общества» будет сказано ниже.

Если авторы дореволюционного времени особенно подчеркивали отражение в «постановлениях» уцмий и в сборнике законов аварского нусала обычного права горцев Дагестана, адатов, то советские исследователи рассматривают их как памятники, возникшие в период развития феодальных отношений: феодальные владельцы, вынужденные считаться с нормами древнего обычного права, вносят в записи права изменения, отражающие уже новые явления социальной жизни⁵⁰.

Изучение обоих памятников затруднено состоянием дошедших до нас текстов и отсутствием комментированных научных изданий: постановления Рустем-хана известны по переводу на русский язык с арабского, сделанному в 60-х годах XIX в.⁵¹ Арабский текст законов Умму-хана аварского был обнаружен Х. О. Хашаевым лишь в 1940-х годах и издан в 1948 г. в переводе на русский язык⁵². Особые трудности возникают при переводе на русский язык арабских терминов и при их толковании, на что и указывают исследователи текстов⁵³. Можно сказать, что углубленное исследование того и другого замечательного памят-

---

⁴⁹ «Русско-дагестанские отношения», стр. 102, 112, 113, 163, 164—166 и др.

⁵⁰ А. С. Омаров, Р. Г. Маршаев. Указ. соч.; и х же. Об одном памятнике по истории Аварии XVII в. — «Уч. зап. Дагест. филиала АН СССР. Ин-т истории, языка и литературы», т. V. Махачкала, 1958; В. К. Гарданов. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в. — «Советская этнография», 1960, № 5.

⁵¹ Второй список перевода из ЦГИА Грузинской ССР не издан.

⁵² «Кодекс законов Умму-хана аварского». М., 1948.

⁵³ А. С. Омаров, Р. Г. Маршаев. Об одном памятнике по истории Аварии, стр. 134.

ника лишь начато. Здесь ограничусь некоторыми немногими указаниями.

Постановления удмия Рустем-хана — основной источник для изучения социального строя удмийства Кайтагского в XVII в., отражающий борьбу крестьянских общин против притязаний феодалов-беков. В тексте постановлений упоминаются беки, чанки, уздени-крестьяне, «общества» (т. е. сельские общины-джамааты или их союзы), рабы. Одна из статей напоминает, что «в государстве без правителя, в обществе — без суда, в стаде — без пастуха, в войске без разумного, в селе без головы — добра не будет». Для чтения постановления было нужно письменное разрешение бека с приложением его печати, в противном случае взыскивался штраф в пользу бека — лошадь. С невыехавшего по тревоге вместе с беком устанавливается штраф, в 10 раз больший, чем с невыехавшего по тревоге «с обществом»; устанавливается штраф с «неявившихся по призыву бека на суд»; ряд статей направлен на ограничение таких обычаев, как кровная месть и барантование; за убийство бекского раба отвечает все общество; несколько статей направлено на укрепление мусульманства.

С другой стороны, постановления говорят о силе «тохума» — родовой или патронимической группы — и «общества» — сельской общины. Самое стремление к ограничению обычая кровной мести показывает его силу. Постоянны ссылки на очистительные присяги «тусевов» — (соприсягателей) родственников, обычное число которых — 7 человек — повышается в более важных случаях до 40. Подтверждается ответственность «родственников» за противозаконные поступки членов рода; родственники обязаны убить члена рода, замеченного в «дурных поступках».

Термин «общество», упоминаемый постоянно в русском переводе (с арабского) постановлений, надо понимать как сельскую общину — джамаат или союз джамаатов. В ряде случаев штрафы вносятся «в пользу общества»; особенно высокий штраф полагается за отделение «от общества». Упоминается общественное стадо, что указывает на то, что пастбища находились в пользовании общины, но пашня фигурирует наравне с «домом» как находящаяся в индивидуальном владении. Особую роль в «обществе» играют «умные люди», «благоразумные люди», т. е. старшины, с мнением которых бек обязан считаться.

Все штрафы и пени в статьях постановления — натуральные (в одном случае — лошадь, во всех других — то или иное количество местной грубой материи) ⁵⁴.

Особый интерес представляют те статьи постановлений, которые отражают классовую борьбу, стремление «общества» защититься от наступления на права общины со стороны феодалов — беков. Одна из статей оговаривает, что «если бек будет притеснять какое-либо селение, то остальные селения должны... остановить бека»; другая статья грозит изгнанием из селения тому, кто завещает свое «имение» в пользу бека или чанки, и разрушением дома советчика, который стал бы вступать за такого завещателя. Устанавливается штраф с бека в пользу общества, если он предпринимает поход, «не посоветовавшись о том с благоразумными», и т. д.

Для иллюстрации статей о борьбе с притязаниями беков можно привести включенный в труд писателя первой половины XIX в. А. Бакиханова «Гюлистан-Ирам» рассказ о событиях в Урджемильском магале (союзе общин) Кайтага в конце XVI в.: сын уцмья, отправившийся в Урджемиль для сбора податей, «был оскорблен жителями»; взяв войско у своего родственника шамхала, он «пришел в Урджемиль и многих из старшин его умертвил». Так как урджемильцы продолжали волноваться, уцмий «пригласил к себе старшин и убил всех зачинщиков» ⁵⁵.

Постановления уцмья отражают главным образом положение узденства Верхнего, пагорного, Кайтага. Судя по источникам более позднего времени, Нижний, плоско-стный Кайтаг был населен преимущественно райятами, крепостными крестьянами. Их многочисленные повинности отражены в записях уже XIX в. ⁵⁶

Изучая законы Умму-хана аварского, исследователи отмечают те же тенденции феодальной власти «приспособить древние народные обычаи к потребностям развивающегося феодального строя» ⁵⁷.

---

⁵⁴ Указания некоторых статей на штрафы в рублях являются позднейшими дополнениями.

⁵⁵ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 89.

⁵⁶ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 228—229; Р. Г. Маршалева. Сношения Кайтага и Казыкумуха с Русским государством, стр. 4.

⁵⁷ В. К. Гарданов. Указ. соч., стр. 15.

Этнически пестрые общества высокогорных частей Дагестана и позднее не знали ханской власти. Сведения о них для XVI—XVII вв. крайне скудны. Издание в недавнее время Гидатлинских адатов (Махачкала, 1957)⁵⁸ открывает новые возможности их изучения.

Внутренняя политическая история Дагестана XVI—XVII вв. есть история непрерывных феодальных войн, разрушавших производственные силы и крайне тяжело отражавшихся на жизни трудового населения. Постоянно возникали враждующие между собой группировки, причем феодальные столкновения осложнялись обычаем кровной мести.

Однако в XVII в. наряду с центробежными силами, раздиравшими Дагестан, действовали и тенденции к объединению, возникавшие в условиях сложившейся международной обстановки. Русские документы сохранили известия о происходивших в Дагестане в 1615, 1617, 1618, 1621, 1632, 1633 гг. и в другие годы съездах то более широкого, то более узкого значения, целью которых было установление мира между феодальными владельцами и порядка в распределении уделов, а также решение внешнеполитических вопросов⁵⁹.

В съездах участвовали обычно ханы, мурзы и «лучшие люди», «лучшие уздени», т. е. феодальные слои, но в ряде случаев на решения съездов оказывали влияние и «черные люди», вероятно, через представителей крестьянских общин — старшин.

Так, в январе 1617 г. «под Гребенями на подах», т. е. в степной части Северного Дагестана, съехались на съезд шамхал Андий, Гирей тарковский и Султан-Мут эндерейский, чтобы помирить Гирея и Султан-Мута и договориться о том: «либо пойдет турский или кизылбашский или крымский царь, и им друг над другом не искати и турсково и кизылбашского и крымского царя друг на друга не подымати». Участники съезда должны были поменяться аманатами — заложниками. Но съезд не дал результата: «мир... не шлося: Гирей де не верит Салтамагмуту,

⁵⁸ Арабский текст и русский перевод.

⁵⁹ Кабардинские дела, 1615 г., № 1, лл. 103—105; 1616—1617 гг., лл. 85—86; 1621 г., № 1, лл. 10, 21—31; 1634 г., № 1, лл. 19—33; Ногайские дела, 1619 г., № 1, лл. 87—97 и др.; «Русско-дагестанские отношения», стр. 55, 68—69, 97, 136 и др.

«Салтамагмут не верит Гирею». В 1619 г. на время Султан-Мут помирился с Ильдаром тарковским, дав заложников посреднику — Алибеку казыкумужскому, и договорился совместно служить русскому царю. Но мир не был крепким, носились слухи, что «Салтамагмут Ильдара мурзу оманет, быти де ему, Ильдару, от Салтамагмута убиту». В 1632 г. на съезд мирить тех же соперников приезжал удмий кайтагский. Многолюдным был съезд на реке Койсе (Сулаке) в декабре 1633 г. На нем были Ильдар тарковский, в это время уже шамхал, Султан-Мут, удмий с братьями, племянниками и детьми и племянниками, кумыцкие и иные многие князи и мурзы». Речь шла о том, чтобы «была б Кумыцкая земля попрежнему в соединенье, а как де преж сего были они в соединенье, и они де были не бессильны и никого не боялись». Об этом говорили шамхалу и его «черные люди», и шамхал, «убоясь де от них, кумыцких князей и мурз и от своих черных людей убойства», помирился с эндерейским владельцем на срок, чтобы «войною до того сроку не ходить и меж собою ничего не красть».

Однако эти объединительные тенденции не подкреплялись внутренними экономическими связями, не были прочны, вражда снова разгоралась, во время набегов разорялись поселения — кабаки, угонялся скот, уводились в плен «люди» враждебного владельца, т. е. крестьяне, которых продавали на невольничьих рынках в Крым, в Турцию, в Иран, в Среднюю Азию.

Таковы были социально-экономические отношения и политическое устройство Дагестана в XVI—XVII вв., когда выход России к Каспийскому морю и осложнение международной обстановки вокруг Кавказа повели к установлению постоянных сношений Дагестана с Русским государством и появившимся на Северном Кавказе русским населением.

ЧЕЧНЯ И ИНГУШЕТИЯ

Чеченцы и ингуши, народы вейнахской ветви кавказских языков, в XVI—XVII вв., да и позднее, не имели письменности. Использование записанных с XIX в. преданий требует специальных источниковедческих приемов и методов и не дает возможности сколько-нибудь точного хронологического приурочения содержащихся в них фактов или явлений. Исключительно значение памятников материальной культуры территории Чечни и Ингушетии. Прерванные во время войны археологические работы возобновились в 1950-е годы, причем объектом систематических обследований являются и памятники средневековой истории.

Результаты экспедиций последних лет еще не все опубликованы и обобщены¹. В дальнейшем в изучении XVI—XVII вв. необходимо объединение усилий археологов и историков, опирающихся на письменные источники как основные. Ряд отрывочных сведений для XVI—XVII вв. дают грузинские источники² и источники дагестанского происхождения³. Более обильный материал можно извлечь из русских архивных документов, особенно из отписок воевод возникшего в 1588 г. при устье Терека русского Терского города, посылавшихся в Москву

¹ Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961.

² Для ингушей они сведены в статье А. Н. Генко «Из культурного прошлого ингушей». — «Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР», т. V. Л., 1930.

³ «Тарихи Дербент-Наме», под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898; Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам Баку, 1926, и др.

в Посольский приказ и в Астрахань в Приказную палату. Некоторые из сообщений русских документов XVI—XVII вв. об ингушах, изданные еще в 1888 г. С. А. Белокуровым, использованы в опубликованной в 1930 г. статье А. Н. Генко, другие, главным образом из дел о сношениях Москвы с Грузией, — М. А. Полиевктовым; ряд сведений о чеченцах и ингушах содержится в документах о сношениях России с Кабардой и Дагестаном, изданных в 1957—1958 гг.; но большая часть остается непечатанной и еще не тронутой исследованиями⁴.

Использование разбросанных в русских архивных документах XVI—XVII вв. сведений о чеченцах и ингушах требует предварительного решения двух задач. Местные названия даны в документах в русской транскрипции, нередко в разных вариантах, полученных от разноязычных местных жителей и часто искаженных русскими подьячими до неузнаваемости. Разъяснение их представляет ряд трудностей.

Вторая, также сложная, предварительная задача — географическое определение отдельных населенных пунктов и районов обитания различных племен. Сведения о социально-экономическом строе обитателей горных областей Кавказа для XVI—XVII вв. очень скудны. По этой причине настоящая глава носит характер преимущественно историко-географического исследования. В дальнейшем использован ряд замечаний и соображений Х. Д. Ошаева, познакомившегося с главой в рукописи.

В отписках терских воевод и в делах о посольских сношениях русского правительства с Кавказом, дошедших до нас с 80-х годов XVI в., часто упоминаются по разным поводам и под разными названиями те или иные «горские

---

⁴ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1. 1578—1613 гг. — «Чтения ОИДР», 1888, кн. III и отд.; М., 1889; А. Н. Генко. Указ. статья; М. А. Полиевков. Экономические и политические разведки Московского государства на Кавказе. Тифлис, 1932, и его же публикации Грузинских дел Посольского приказа; Е. И. Крупнов. К истории Ингушии. — «Вестник древней истории», 1939, № 2; «Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв.», т. I. XVI—XVII вв.; т. II. XVIII в. М., 1957; «Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII в.». Махачкала, 1958. Первым обратил внимание на опубликованные С. А. Белокуровым документы Г. Н. Ткачев («Несколько слов о прошлой истории чеченцев». — «Записки Терского об-ва любителей казачьей старины», 1914, № 9, стр. 73), но коснулся их бегло.

люди», та или иная «горская земляца». Иногда в документах попадаются и целые списки их. Такие перечисления, давая варианты названий, довольно устойчивы в документах разных годов и намечают круг «горских земляц», находившихся в сфере влияния русской администрации Терского города и состоявших в более или менее постоянных с ними сношениях. Приведу ряд таких перечней.

Так, статейный список московских послов в Грузию Родиона Биркина и Петра Пивова, прошедших в 1587 г. горы через Дарьяльское ущелье, сообщает, что «с Сунчина городища» (близ впадения р. Сунжи в Терек) до расположенного на Тереке владения одного из кабардинских князей — Алкаса — послы шли «мимо горские земляцы — Ооки, Кумуки, Минкизы, Индили, Шибуты...»⁵.

В четырех последовательных челобитных так называемых окоцких служилых людей Терского города (об «окоцанах» подробнее ниже) при перечислении их, «отъезжих дальних служб» называются посылки в 1614 г. в Грузинскую землю с послами «и в Кабарду, и в Мезеци, и в Шибуты, и в Оохи — для твоих государевых подлинных вестей проводить и в шихотниках и для твоего государева медвяного ясаку», а также «в Кумыки и в Дербень»; в 1616 г. — «во все горские земляцы, в Кумыки, и в Черкасы, и в Мезеци, и в Шибуты, и в Мичкизы, и в Грузинскую землю, и в Нагаи»; в 1621 г. — «в Кумыцкую, и в Кабардинскую, и в Окоцкую, и в Мичкискую, и в Шибутцкую, и в Мезезинскую, и в Отчанскую, и в Колканскую, и в Мулкинскую, и в Бидельскую, и в Дидовскую, и в Уварскую землю и во многие горские земли и в Нагаи...»; в челобитной 1634 г. перечислены «дальние отъезжие горские кабардинские, и мичкизские, мерезинские, и кумыцкие, и ногайские, и уварские службы...»⁶.

Одна из отписок терского воеводы Никиты Вельяминова 1619 г., рассказывая о подготовлявшемся походе кабардинцев на ногайских людей, упоминала, со слов кабардинских мурз, что «кумыцкие, и мерезинские, и шибутцкие, и тшанские, и калканские, и мулкинские и многих горских

⁵ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 33; М. А. Полиевктов. Указ. соч., стр. 29—30.

⁶ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 554—555, 559; Кабардинские дела, 1621 г., № 3, л. 2; 1634 г., л. 220.

земель люди готовы все против ногайских людей заодно стоять...»⁷.

В 1621 г. служилый кабардинский князь Сунчалей Янглычевич Черкасский и сын его князь Шолох в челобитных сослалась на свое участие в походе терских ратных людей в горы, состоявшемся в 1618 г. по просьбе «уварского Нуцала князя и брата его Сулемана мурзы и Черново князя сына Турлова мурзы», когда был повоенованы «шибутцкие, и калканские, и ероханские, и мичкисские кабаки», после чего «шибутцкие, и калканские, и ероханские, и мичкисские люди... вину свою принесли»⁸.

В этих разновременных и взятых из документов различного происхождения списках некоторые названия не вызывают вопроса и не входят непосредственно в тему настоящей главы. Это Грузинская земля, Кумыки, или Кумыцкая земля, — термин, объединяющий в XVI—XVII вв. владения шамхалов и других кумыцких ханов и мурз северного и приморского Дагестана; Уварская земля, т. е. владение аварских нусалов в северо-западном Дагестане; Дидовская земля — общество Дидо там же; Кабарда и более общий для адыгских племен термин — Черкасы; наконец, Ногаи. Остановлюсь на названиях других перечисленных «горских землиц» и «земель» с их вариантами.

Мичкизы, Минкизы, Мичкисская земля, Мичкисские кабаки, Мичкизяне.

Мерези, Мирези, Мерезинская земля, Мерезинские люди.

Шубуты, Шибуты, Шибутяне, Шибутцкая земля или земля, Шибутцкие кабаки.

Мулки, Мулкинская земля, Мулкинские люди.

Отчанская земля.

Тшанские люди.

Калканцы и Колканцы, Калканские люди, Колканская земля, Калканские и Калкассские кабаки.

Ероханские кабаки, Ероханские люди.

Оюки, Оюхи, Оюки, Оюцкая земля или земля, Оючюня, Оючюня, Оючюня; или другая группа вариантов — Аюзы, Аюцкая земля, Аючюня; встречается и тер-

⁷ Ногайские дела, 1619 г., № 1, л. 143; «Кабардино-русские отношения», т. I, № 61.

⁸ Кабардинские дела, 1621 г., № 1, лл. 62—64.

мин Старые Окохи, известны Окоцкая слобода и служилые окочане в Терском городе.

Индельская земля, Индили.

К этому списку можно добавить название кисти, кистичане, которое попадаетея в делах Посольского приказа, но в документах грузинского происхождения⁹.

Все эти «земли» и «землицы» объединяются общим эпитетом «горские», а некоторые содержащиеся в цитированных документах топографические указания — соседство с Аварией, упоминание Сунжи и Терека — направляют внимание на горные области восточной половины Северного Кавказа.

В документах и описаниях русских путешественников по Кавказу XVIII в.¹⁰, в документальных, описательных, исследовательских и картографических материалах XIX в., в том числе и на карте, начертанной одним из набивов Шамиля^{10а}, в чечено-ингушском фольклоре, среди доживших до XX в. топографических и племенных обозначений¹¹ находим ряд названий, которые можно отождест-

---

⁹ «Материалы по истории грузинско-русских взаимоотношений». Тбилиси, 1937, стр. 118; М. А. Полиевктов. Указ. соч., стр. 22—23; «Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями». СПб., 1861, стр. 24, 29.

¹⁰ [Штедер]. Tagebuch einer Reise, die im Jahr 1781 von der Gränzfestung Mosdok nach dem innern Caucasus unternommen worden. — «Neue nordische Beiträge», B. VII. SPb.—Leipzig, 1797; G ü l d e n s t ä d t. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge, I—II. SPb., 1787; P. S. P a l l a s. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, B. I. Leipzig, 1799, и др.; «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.». Архивные материалы; под ред. М. О. Косвена и Х. М. Хашаева. М., 1958.

^{10а} АКАК, т. I—XII. Тифлис, 1866—1873; «Материалы по истории Дагестана и Чечни», т. III, ч. 4, 1801—1839. Махачкала, 1940; Ф. И. Леонтович. Адагы кавказских горцев, вып. 2. Одесса, 1883; А. П. Берже. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859; Лаудаев. Чеченское племя. — «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 6. Тифлис, 1872; И. П. Линевиц. Карта горских народов, подвластных Шамилю. — там же; А. Н. Генко. Арабская карта Чечни эпохи Шамиля. — «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», т. II, вып. 1, Л., 1933; Головинский. Заметки о Чечне и чеченцах. — «Сборник сведений о Терской области», вып. 1, 1878; статья в материалах Чаха Ахриева и Н. Ф. Грабовского об ингушах в «Сборнике сведений о кавказских горцах», вып. 3, 8, 9, и др.

¹¹ «Чечено-ингушский фольклор». М., 1940; М. Л. Тусиков. Ингушети. Экономический очерк. Владикавказ, 1926; Н. Ф. Яков-

вить с терминами, переданными нам русскими документами XVI—XVII вв. Одна их группа — Мичкизы, Шубуты, Мерези, Мулки, Отчанская земля, Тшанские люди — ведет к Чечне. Среди названий чеченских родо-племенных образований, или, по терминологии русских описаний XIX в., «обществ» (о значении этого термина см. ниже), известны общества Мичкич, Шубут, Мереджой, Мулкой, Шато, Чантинская фамилия. Другая группа — Калки, Ероханские люди, Оюки или Аюзы, Кисти — отождествляется с названиями обществ Горной Ингушетии — Галга, Джерах, очеченившееся к XX в. общество Акко¹², кистины.

Рассмотрю подробнее имеющиеся в нашем распоряжении сведения XVI—XVII вв. — как для проверки сделанных отождествлений, так и для попытки географического приурочения ингушских и чеченских обществ. Начну с их ингушской группы.

Археологические памятники указывают на Горную Ингушетию, как на территорию, занятую издавна племенами ингушской культуры. Именно там, в трудно доступных горных котлованах между Скалистым и Передовым хребтами, в долинах и ущельях реки Ассы, прорезывающей оба хребта и впадающей на плоскости в Суинжу, и правого притока Терека р. Арм-хи (или Кистинки) находились древнейшие ингушские аулы-крепости, с их каменными жилыми, боевыми и сторожевыми башнями, с родовыми могильниками и склепами, датируемыми XII—XVIII вв. Здесь же находились и наиболее чтимые ингушские святилища¹³. Сводные русские работы об Ингушетии XIX в. помещают здесь пять ингушских «обществ», с запада на восток: Джерах и Кистов по Арм-хи или Кистинке,

---

лев. Вопросы изучения ингушей и чеченцев. Грозный, 1927; Г. К. Мартиросов. Нагорная Ингушия. — «Известия Ингушского научно-исслед. ин-та краеведения», I, 1928; А. С. Вартапетов. Проблемы родового строя ингушей и чеченцев. — «Советская этнография», 1932, № 4; Е. Шиллинг. Ингуши и чеченцы. — «Религиозные верования народов СССР», т. II. М. — Л., 1931; указ. статьи Е. И. Крупинова и А. Н. Генко, и др. Брошюру М. Мамакаева, вышедшую во время печатания настоящей работы, использовать не удалось.

¹² А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей, стр. 684.

¹³ Л. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1927 гг. и И. П. Шеблякин. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. — «Известия Ингушского научно-исслед. ин-та краеведения», т. I. Владикавказ, 1928; Е. И. Крупинов. О чем говорят памятники...

Галгай по Ассе и ее правому истоку, р. Тобачоч, Цоринцев по верховьям той же реки и Акко в верховьях притока Сунжи р. Гехи. На восток от этой основной ингушской территории называются места поселений «дальних кистов» — в верховьях Аргуна (среди них общество Митхо или Мельхи) и горных цова-тушин, или бацби,— в верховьях Тушинской Алазани (одного из истоков Андийского Койсу) и южнее в районе так называемого Алванского поля¹⁴. Центральное место по значению и местоположению в Горной Ингушетии занимало общество Галгай, название которого имело и более широкое значение. Аулы галгаевцев как в XIX, так и в XVIII в. лежали на узле путей к перевалам через Кавказский хребет. Один из них шел с севера на юг по Ассе в Хевсуретию к истокам Хевсурской Арагвы. Правый исток Ассы р. Тобачоч через Куреламский перевал позволял выйти к дальним кистам в верховья Аргуна, а оттуда в Тушетию. Поперечный путь долиной и ущельем Арм-хи выводил к Тереку несколько ниже Дарьяльского ущелья. С верховьев Арм-хи двумя перевалами можно было выйти к той же Хевсурской Арагве, минуя, таким образом, Дарьял¹⁵. В русских документах XVI—XVII вв. отождествляемые А. Генко с Галгай Калки упоминаются чаще всего в связи с путешествиями русских послов с Северного Кавказа в Кахетию и обратно.

Когда в 1590 г. московские послы кн. Семен Звенигородский и дьяк Тарх Антонов возвращались из Кахетии в Терский город через Дарьяльское ущелье, за день до их выхода из гор приходили на них «горные люди Колканцы и стрельца было Найденка взяли и лошадь под ним убили; и послы князь Семен и дьяк Тарх, поворотясь, тех Колканцев побили и стрельца у них отняли»¹⁶. В 1604 г. подобное же столкновение произошло у послов Михаила Татищева и Андрея Иванова. На пути через горы, на первом стану от «Ларсова кабака» (теперь Ларс), расположенного недалеко от входа с севера в Дарьяльское ущелье, «в ночи» приходили на послов «горские люди с военным боем». «А у нас,— сообщали послы в своей отписке в По-

¹⁴ См. указанные работы А. Берже, Н. Грабовского, Чаха Ахриева, А. Генко, «Материалы по истории Дагестана и Чечни» и др.

¹⁵ Г. Н. Казбек. Военно-статистическое описание Терской области, 2. Тифлис, 1888; указ. соч. М. А. Полиевктова, Г. К. Мартиросяна; «Материалы по истории Дагестана и Чечни», стр. 329.

¹⁶ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 222.

сольский приказ, — для береженья была застава и сторожа крепкая. И на стороже, государь, их подстерегли и с ними бились, ис пищалей стреляли и от станов наших отбили и многих у них переранили». Приехавшие навстречу послам для обереганья «сонские люди» — люди Эристава Арагвинского — «сказывали, что те же люди приходили из гор Калканцы»¹⁷. Путь через Дарьял или через Ассинское ущелье имел в виду атаман гребенских казаков Яков Гусевский, сообщавший в 1614 г. терским воеводам разнесшийся в Кабарде слух о том, что «Кизылбашский Абаз шах идет войною на них, на кабардинских черкес, великою ратью прямою дорогою через Калканские кабаки»¹⁸. В 1637 г. посол кахетинского царя Теймураза митрополит Никифор просил в Москве ускорить его отъезд, «потому что время давно есть и уж проходит, чтоб в Калкани не заперлася дорога, и да невозможно будет проехать, а та дорога мне за обычай»¹⁹. Как в этих известиях, так и в приведенных выше упоминаниях двух документов 1619 и 1621 гг. о Калканской земле и калканских людях термин Калки, вероятно, покрывает другие родо-племенные группы Горной Ингушетии. Название одной из них — Джерах — ероханские люди, стоит рядом с калкинскими людьми в уже цитированном известии о походе 1618 г. из Терского города в горы. Место поселения джераховцев в XIX в. — низовья Арм-хи перед входом ее в ущелье, выходящее к Тереку, — нет основания менять для XVI—XVII вв. Оно прослеживается вглубь по донесениям об экспедициях против галгаевцев 1830 и 1832 гг., по известиям первых годов XIX в. о совместных нападениях горных ингушей «джарахов» и осетинского старшины Дуда-

¹⁷ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 456 и 474.

¹⁸ Там же, стр. 541; «Русско-дагестанские отношения», № 3.

¹⁹ «Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений», стр. 140. А. Н. Генко, первый указавший на возможность отождествления русифицированного названия Калки с Галгаи, не был уверен в его правильности. Его смущал термин грузинских источников XVII в. — каракалканы, относящийся к одному из горных племен южного склона Кавказского хребта, находившемуся в сфере грузинского влияния (А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей, стр. 701—702). Постоянное упоминание Калканской земли, калканских людей в русских перечнях племен именно Северного Кавказа позволяет считать, что в этих случаях речь идет об ингушах-галгаях. В грузинских источниках галгаи, по-видимому, обозначаются термином глгви (A. Dirr. Die heutigen Namen der Kaukasischen Völker. [Gotha], 1908, S. 4).

рова на проезжающих по Военно-Грузинской дороге, наконец, по «Географии Грузии» первой половины XVIII в. царевича Вахушти — в названии скалы между Терекон и впадающей в него справа «Кистской рекой» — Джариехи²⁰.

Предание о родоначальнике джераховцев — Джерахмате, поселившемся в ущелье Арм-хи и собиравшем плату за проезд по Дарьяльскому ущелью, называет среди его сыновей Лорсина. Надо напомнить о Ларсове или Ларпове кабаке русских документов XVI—XVII вв., т. е. о Ларсе у входа в Дарьяльское ущелье. Источник XVIII в. говорит о Ларсе как об осетинском ауле. Предание отражает, очевидно, давние осетинско-ингушские связи²¹.

Соседнее с джераховским кистинское общество в русских источниках XVI—XVII вв. мне не встречалось. Зато название «кистины» — в греческих текстах *κιστινης* — обычно встречается в документах этого времени грузинского происхождения, где нередко употребляется как общее для ингушских племен название, и опять-таки чаще всего в связи с поисками путей из Грузии на Северный Кавказ, к русскому Терскому городу²².

Статейный список посольства в Кахетию кн. Звенигородского и дьяка Тарха Антонова 1589—1590 гг. дает материал еще для двух относящихся к ингушским племенам сопоставлений.

Двое посланцев, выехавших навстречу послам, имели от кахетинского царя Александра такое поручение: «...дороги проведати: куда лутчи итти? И они де дорогу проведали: итти послом бесстрашно на Метцкие гребени, на Шихово племя, на Бурнашову да на Амалееву землю да на Батцкие гребени. А владеет тою Батцкою землею государь их Александр...»²³. Исследователи справедливо

²⁰ АНАК, т. VII, стр. 365; т. VIII, стр. 677 и сл.; П. Г. Бутков. Материалы по новой истории Кавказа, т. II. СПб., 1862, стр. 524 и прием. 3; Царевич Вахушти. География Грузии. — «Записки Кавказского отд. Русского географического об-ва», кн. XXIV, вып. 5. Тифлис, 1904, стр. 151.

²¹ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 123, 149, 150—152, 294—295, 455, 473, 474; «Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений», стр. 250—251; Чах Ахриев. Ингуши (их предания, верования и поверия). — «Сборник сведений о кавказских горцах», т. 8. Тифлис, 1875; Г. Коккиев. Осетины во 2-й половине XVIII в. по наблюдениям путешественника Штедера. Орджоникидзе, 1940.

²² См. выше прим. 9 на стр. 63.

²³ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 128.

сопоставляют последнее название с национальным наименованием цова-тушин — бац-би. Комментируя приведенный текст, А. Н. Генко связывает название «Амалеева земля» с Омало в Тушетии, а «Метцкие гребени» — с названием одного из обществ «дальних кистин» в верховьях Аргуна, в его цова-тушинской форме Митхо²⁴. Аргунских же кистин, очевидно, имеет в виду одно из дел Посольского приказа 1665 г., рассказывающее о присезде в Москву из Туш от грузинского царевича Николая Давидовича митрополита Епифания для сообщения о присяге, данной тушинами на верность Москве. По дороге из Туш до городища Чечен, расположенного «у реки Чечени» «в полтретьех днищах» от Терского города (не здесь ли позднее возник чеченский аул Чечен?), митрополит проехал «два кабака горских кистичант, а людей в них двести человек. И от тех горских людей им проезд нужен, без подарков нижово не пропускают. А подарки де емлют большие. И ныне де с него, митрополита, взяли 100 киндяков до 20 дараг...»²⁵.

Во всех приведенных сообщениях обращает внимание отсутствие каких-либо упоминаний об известных из позднейших источников ингушских обществах и аулах плоскогорной Ингушетии, в том числе и об ауле Ангушт. Это умолчание, очевидно, не случайно — в XVI—XVII вв. ингуши еще не вышли из своих «крепей» на плоскогорье, занятую кабаками кабардинских мурз²⁶. Но и в горной части Ингушетии по документам XVI—XVII вв. проходят не все из известных в XVIII—XIX вв. ингушских обществ. Можно

²⁴ А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей, стр. 683, 697—699 (автор приурочивает Батцкую землю к району Алванского поля); Е. Вейдембаум. Материалы для историко-географического словаря Кавказа. — «Сборник материалов для описания местностей и племени Кавказа», т. XX, стр. 12 (автор считает, что Батцкие гребени — горы в верховьях Андийского Койсу, т. е. Тушинской Алазани). Х. Д. Ошаев выводит название Метцкие гребени от Медхальского ингушского общества. Сопоставление с Митхо, данное А. Н. Генко, мне представляется более вероятным. Предложенное Х. Д. Ошаевым объяснение названия «Шихово племя» — хевсурь — не вызывает сомнений.

²⁵ М. А. Полиевктов. Указ. соч., стр. 21—22; Грузинские дела, 1665 г., № 1.

²⁶ А. И. Шавхелишвили. К вопросу о переселении чечено-ингушских племен с гор на равнину. — «Известия Чечено-ингушского республиканского краеведческого музея», вып. 10. Грозный, 1961.

предположить, что некоторые из них сложились позднее XVII в.

Сложность судеб отдельных родо-племенных ингушских образований может быть подробнее показана на примере крайнего восточного ингушского общества — Акко²⁷.

Описания XIX в. застают аккинцев разорванными территориально на две части. Одна — основная — занимает горные ущелья верховьев р. Гехи, притока Суинжи, гранича с запада — через горный хребет — с ингушским горным обществом Цори, а с востока — с чеченскими племенами и дальними кистипами²⁸. Другая часть, известная также под названием Аух, ауховцы, отрезанная от первой всей территорией Чечни, живет в предгорьях между реками Аксаем и Акташем, по р. Ямаксу²⁹, поблизости от крайнего северо-западного кумыкского владения Эндери («Андреевой деревни» русских источников), где в конце XVI и в первой половине XVII в. княжил сильный кумыкский владетель Султан-Махмуд, а затем его сын Айдемир. По сохранившемуся преданию, часть аккинцев ушла в Аух под покровительство аварского хана из-за раздоров с соседними фамилиями³⁰. Это переселение было уже совершившимся в 1550—1570-е годы, когда возникновение русских городов на Северном Кавказе повело к ориентации ряда кавказских владельцев и племен на Москву. Аккинцы — ауховцы, поселения которых были недалеко от Сунженского острога и Терского города, вступили в тесные сношения с русскими воеводами — упоминаниями об Окоцкой или Аюцкой земле, окочанах или аючанах пестрят связанные с Кавказом русские документы XVI—XVII вв. Ряд топографических указаний убеждает в том, что здесь имеются в виду именно ближние, а не горные аккинцы. Окоцкая земля —

²⁷ Говорю об Акко XVI—XVII вв. как об ингушском обществе, следуя за А. Н. Генко; Х. Д. Ошаев, основываясь на данных языка, считает аккинцев чеченцами. И. Арсаханов («Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка». Грозный, 1959) указывает на то, что аккинский диалект занимает промежуточное положение между чеченским и ингушским, но все же более тяготеет к чеченскому языку.

²⁸ См. указ. работы А. Берже, Н. Грабовского и А. Генко.

²⁹ «Материалы по истории Дагестана и Чечни», стр. 234, 309; И. П. Линевиц. Указ. соч., см. карту.

³⁰ Лаудаев. Указ. соч., стр. 11. Х. Д. Ошаев полагает, что основной причиной выселения горных аккинцев на Хасав-Юртовскую равнину была нужда в пастбищах.

в двух днях пути пешему и в один день конному от «Сунжина городища», располагавшегося при слиянии Сунжи с Терекон; в 2 днях влево, т. е. к востоку от нее, — владения шамхала, в 3 днях — владения Аварского хана; через Окоцкую землю идет путь от Сунженского городища в Аварию и далее через владения «Черного князя» в Кахетию³¹. По известию 1617 г., эндерейский кумыкский владелец Султан-Махмуд, бывший «не в миру» с тарковским владельцем Гиреем, «из Ондreeвы деревни пошел в крепь в Старые Окохи»³². X. Д. Ошаев указывает, что Акташ аух (на р. Акташ) по-аккински называется Ширчу-Аьккха, что означает «старые акки»³³. Часть аккинцев оказалась связанной с русским Терским городом более тесно: с конца XVI в. около крепости возникло небольшое поселение «служилых окочан», живших в так называемой Окоцкой слободе, за рекой Тюменкой, рядом с Черкасской слободой, заселенной кабардинцами. Как рассказывали служилые окочане в своей челобитной 1616 г., прежде они жили «в своей Окоцкой земле». Притеснения кумыкского князя Ахматкана, пытавшегося завладеть «Окоцкой землицей», и притязания других «многих горских князей и мурз» заставили часть окочан в количестве 160 человек бежать «душею и телом» вместе с женами и детьми в Терский город³⁴, где они были обращены в служилых людей, выполнявших всевозможные поручения терских воевод³⁵ (о том положении, в котором оказались при Терской крепости служилые окочане, см. ниже).

Жители Окоцкой слободы Терского города, знавшие местные условия и горные тропы и дороги, связанные с жителями гор и предгорий родственным происхождением

³¹ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 59—61 и др.; Кабардинские дела, 1634 г., № 1, л. 46.

³² Кабардинские дела, 1616—1617 гг., лл. 86, 91.

³³ И. Арсаханов. Указ. соч., стр. 173—174. Он приводит перевод названия Шир-юрт — «старинное село».

³⁴ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 558—561.

³⁵ «Книги разрядные по официальным оных спискам», т. I—II. СПб., 1853—1855 (см. указатель); С. Порфирьев. Роспись служилым людям по области Казанского дворца на 7146 (1637) год. — «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XXVIII, вып. 4—5, 1912, стр. 456—467. Возможно, этнический состав населения Окоцкой слободы был смешанным; нужен анализ имен окочан, приведенных под их челобитными (см., например, С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 554, 557, 558).

и языком, часто использовались терскими воеводами для сношений с «горскими землицами». Поэтому в документах, относящихся к службе окочав в Терском городе, и находим чаще всего известия о племенах и «обществах» Чечни. Известия эти разнообразны: временами сношения Терского города с Чечней были вполне мирными — туда ездят для разведывания вестей; отсюда приезжают местные люди на Терек — то привози «медвяный ясак», за который отдариваются кумачами, то для постоянной службы в Терском городе; временами отношения обостряются — чеченские поселения, продвигаясь в течение XVII в. по Сунже и ее притокам, сталкивались с городками гребенских — в Гребенях между Сунжей и Терексом — и терских казаков.

Название «Мичкизы» с его вариантами употребляется в документах Посольского приказа в двух значениях: со слов кумыкских мурз, как общее название чеченцев, например, «мичкиские ясыри», «мичкисская дорога»³⁶, и как частное название одного из чеченских обществ, кабаки которого расположены поблизости от Сунжи, «выше всех казачьих городков»³⁷. Документ 1600 г. называет мичкизский Кудашев кабак, т. е. поселение, через которое от Сунженского городища, т. е. от устья Сунжи, можно было через горы проехать в Грузию³⁸. XIX век застаёт поселение мичиковцев между притоками Сунжи р. Мичик и р. Хулхулу, к западу от ауховцев³⁹.

Карта, начерченная одним из набов Шамиля, помещает к западу от Мичика у слияния р. Шаро-Аргун и Чанти-Аргун общество Шубут — шибутян, терских отписок XVI—XVII вв., которые к середине XVII в. «сидели кабаками блиско Терских гребней и чинили тесноту терским и

---

³⁶ «Русско-дагестанские отношения», стр. 49. Очевидно, в этом общем значении употребляется название Мычигыш в перечне доходов дагестанского шамхала — см. Тарихи Дербент-Наме, стр. 176—177. Полагаю, что в общем значении говорит о мичкизах или мингизах и «Книга Большому чертежу» (изд. М.—Л., 1950, см. указатель).

³⁷ Лаудаев. Указ. соч., стр. 3; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 137, 348—349, 445, 513, 525, 537, 554; Кабардинские дела, 1614 г., № 1, лл. 54—55, 72—73; 1616—1617 гг. лл. 58, 134—135; 1621 г., № 1, лл. 62—64; Ногайские дела, 1620 г., л. 61; 1630 г., № 1, л. 6; Кумыкские дела, 1618 г., лл. 6, 47; 1621 г., лл. 95, 144.

³⁸ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 349.

³⁹ «Материалы по истории Дагестана и Чечни», стр. 233, 236, 308—309; И. П. Линевиц. Указ. соч., см. карту.

гребенским казакам»⁴⁰. В 1643 г. названа в «Шибутцкой земле» Дикеева деревня⁴¹. В 1647 г. упоминаются кабаки шибутских людей Баранцев, Тумцоев, Шандоров и Уйшев, расположенные «блиско Терских гребней»⁴².

В 1650-е годы через посредство жившего в Москве грузинского царевича Николая Давидовича установились сношения московского правительства и администрации Терского города с Тушской землей, т. е. с Тушетией, представители которой в 1658 г. принесли присягу на подданство России в соборной церкви в Кремле. Вместе с тушинами побывали в Москве в 1657—1658 гг. трое шибутян: Алхан, Сулло и Алган⁴³. Они так же, как и тушины, «учинили веру в соборной церкви» в Кремле. По сведениям, полученным в Москве от тушин в 1657 г., в Шибутской землe ратных людей было «с тысячу человек»⁴⁴. В связи с данной шибутскими посланцами присягой из Терского города в Шибутскую землю был послан в 1658 г. «для разведыванья и досмотру» стрелецкой голова Михайло Молчанов. Он составил «роспись Шибутцкой земли владельцам и колько за кем во владенье дворов». Поиски этого интереснейшего документа в фонде Посольского приказа в ЦГАДА, к сожалению, не дали результатов — о нем сохранилось лишь

⁴⁰ И. П. Линевиц. Указ. соч., см. карту; «Материалы по истории Дагестана и Чечни», стр. 425; Кабардинские дела, 1621 г., № 1; Кумыкские дела, 1618 г., л. 5; 1647 г.; Ногайские дела, 1628 г., лл. 218—219.

⁴¹ М. А. Полиевктов. Посольство кн. Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. 1640—1643. Тифлис, 1928, стр. 81. По указанию Х. Д. Ошаева, Дика (хороший) — обычное и теперь у чеченцев мужское имя. Опрошенный тов. Ошаевым житель сел. Гойты Доа Гирмаханов, 81 года, сообщил, что в районе Ингилик (на р. Ингилик, притоке Гойты, притока Сунжи) и Гойчу в дошаплевские времена было селение Дики-юрт и что место это и сейчас носит название Дики-юрт. Замечу, что в «Алфавитном указателе к 5-верстной карте Кавказского края» Пагирева («Записки Кавказского отд. Русского географического об-ва», кн. XXX. Тифлис, 1913) значится Дикиа-хурт в Грозненской области.

⁴² Кумыкские дела, 1647 г. Х. Д. Ошаев предлагает для этих названий ряд разъяснений, некоторые из них заслуживают большого внимания и имеют выдающееся научное значение. О них см. ниже. По поводу названия Шубуты Х. Д. Ошаев замечает, что Шатовская котловина южнее слияния рек Шаро и Чанти-Аргун называется аварцами Шубути и что так называли Шатой и старики-чеченцы.

⁴³ В другом случае названы двое — Алхан и Явка.

⁴⁴ Тогда же, в 1657 г., тушины сообщили, что «ратных людей у них, тушинцев, 8 тысяч, кевсурей 5 тысяч, пшавелей 4 тысячи».

упоминание в описи дел Посольского приказа, составленной в 1673 г. В феврале 1661 г. находившиеся в Астрахани тушины Арабулин и Асторул, рассказывая о своей «Тушинской землеце», дали краткие сведения и о Шибутской. По их словам, от Тушетии до Шибутской землицы «езду два дни». «И Шибутцкою землецею владеют они, тушинцы, и вера с ними одна (христианская. — Е. К.), а иные де шибутцы живут и по бусурмански. И оброки де они, тушинцы, с них, шибутцев, емлют з деревни по 10 баранов, а сколько в Шибутцкой землеце деревень и ратных и жилецких людей, того де они не ведают, только де земляца их небольшая»⁴⁵.

Рядом с Шубутами документы называют Мулки — в 1618 г. служилый окочанин и уздень кн. Сунчалаея Черкасского «ездили на государеву службу в Мулки и в Шибуты для государева дела»⁴⁶. На упомянутой карте аул Мулкой показан к югу от Шубутов по Чанти-Аргуну⁴⁷. Название этой реки, так же как название р. Чанты-ахк, горы Чантыбарц, связано с Чантинской чеченской фамилией — очевидно, Отчанской землей документа 1621 г.⁴⁸ В бассейне Аргуна источники XIX в. помещают и шатоевцы — тшанских людей русских отисок XVII в.⁴⁹ Знакомые терским служилым людям по посылкам в Мерези мерезинские кабаки находились «в Гребенях под снежными горами». Это соответствует местам поселения мереджинского чеченского общества в XIX в. — в верховьях Фортанги и ее притока Мереджи⁵⁰.

⁴⁵ Грузинские дела, 1656 г., № 1; 1658 г., № 3, лл. 1—8, 9—12, 17, 21—24; Книги грузинских дел, № 6, 1658 г., лл. 192—192 об., 201; № 7, 1660—1661 г., лл. 46—48; Архивная переписная книга № 4, 1673 г., лл. 667—668. В тех же делах сведения о Тушинской, Хевсурской и Пшавской землях.

⁴⁶ Кумыкские дела, 1618 г., л. 5.

⁴⁷ См. также А. С. Вартапетов. Указ. соч., стр. 66. Х. Д. Ошаев замечает, что Мулкой — тайповое название жителей Гухойского ущелья, расположенного южнее Шатоя, по левой стороне р. Чанти-Аргун.

⁴⁸ Лаудаев. Указ. соч., стр. 10, 37; Пагирев. Указ. соч.

⁴⁹ Лаудаев. Указ. соч., стр. 5. Возможно и другое толкование термина — как варианта Отчанской земли. Х. Д. Ошаев поддерживает именно такое толкование, обращая внимание на то, что цитированные документы ни разу не упоминают Отчанской земли в одном контексте с тшанскими людьми.

⁵⁰ Кумыкские дела, 1618 г., л. 6; Кабардинские дела, 1616—1617 гг., лл. 92, 115, 116, 118; А. Н. Генко. Из культурного прои-

Из перечисленных мною выше названий одно остается нераскрытым — Индили, Индельская земля. Мимо Индили шли в 1587 г. русские послы с Сунженского городища к Тереку и далее к Дарьяльскому проходу, очевидно, по Сунже; Ших мурза Окуций писал в 1588 г. в грамоте царю Федору Ивановичу: «холоп есми твой, для тебя яз в Железных Воротах много тужи терпел есми и саблю есми за тебя доводил. Толи наша вина: 500 человек было казаков, и яз, Ших мирза, в головах, тебе служачи, Индили словет город, и с тем 7 городов взяли есмя»⁵¹. Е. Вейденбаум отождествляет Индили с Эндери. Однако маршрут посольства 1587 г., где Индили названо между Мичкизами и Шибутами, такого отождествления не подтверждает. Возможно сопоставление с индийским обществом Андалал, этнографически близким аварцам⁵².

Сделанные наблюдения убеждают, что в Терском городе были осведомлены о населявших чеченскую территорию обществах. Обращает внимание умолчание Ичкерии — не потому ли, что она находилась в то время под влиянием аварских ханов и покрывается названием Уварская земля?⁵³

О занятиях жителей Ингушетии и Чечни в XVI—XVII вв. и о социальном строе здесь в это время прямых сведений очень мало. Не ставя своей задачей восстановление сколько-нибудь полной картины на основании анализа позднейших источников, приведу отдельные указания источников XVI—XVII вв. Они могут помочь в дальнейшем исследователям социально-экономических отношений у чеченцев и ингушей, изучающих их в более широких хро-

---

лого ингушей, стр. 685—686; Н. Грабовский. Указ. соч.; Г. К. Мартиросов. Указ. соч., стр. 29, 71.

⁵¹ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 63.

⁵² Поддерживая это сопоставление для Индельской земли, названной в документе наряду с Дидо и Аварией, Х. Д. Ошаев предлагает для «города Индили» несколько других возможных разъяснений (Иальдар — аул на месте станицы Карабулакской, аул Яндари на речке Яндырке, притоке Сунжи, аул Ингилик на речке Ингилик, притоке р. Гойты, притока Сунжи, через который в старину шла дорога на аулы Варандой и Вашиндарой в Шатоевской котловине). Не удастся расшифровать также два обозначения «Книги Большому чертежу» — Кугени и Осоки.

⁵³ Х. Д. Ошаев указывает, что название Ичкерия происходит от р. Исчерк (по-чеченски Искаьрк) и что сами чеченцы называют территорию, обозначаемую русскими документами как Ичкерия, — Нохчи-мохк — Чеченская земля.

нологических рамках и, следовательно, на основе более широкого круга источников.

Известно, что жители Окопкой слободы Терского города пахали пашни в его окрестностях, сеяли пшеницу и просо, имели коней, быков, коров и овец, запрягали быков в телеги, знали сенокосение, разводили кур; в дельте Терека пашни-сабаны окопских людей были поливные⁵⁴. Надо думать, что близки им по занятиям были аккинцы — ауховцы, выселившиеся из гор на р. Ямансу. В горских обществах Чечни и Ингушетии условия хозяйственной жизни были совершенно иными. Там и позднее основным занятием жителей было скотоводство, преимущественно разведение в горах мелкого скота. Источник уже XVIII в., рассказывая о нападениях кабардинских владельцев на кистинцев, т. е. ингушей, упоминает об отгоне баранов (в одном случае 1200 голов, в другом — 700). Вместе с тем названо у кистинцев и хлебопашество, для которого они «выходили», т. е. спускались из гор на равнину, занятую в то время кабардинцами⁵⁵. Сведений об отгонном скотоводстве у других обществ Ингушетии и Чечни нет, и авторы XVIII в. подчеркивают, что живут они скудно, бедны скотом и что пашен у них немного⁵⁶. Медвяный ясак, который мичкизяне возили в 1610—1620-х годах в Терский город, указывает на развитие в богатой лесами Чечне бортничества или уже и пчеловодства⁵⁷. Несомненно, большое значение имела охота. Сообщение в 1629 г. терского конного стрельца Девятка Савельева, что он «покушывал» в «Калканех и в Мылкыцец» свинец⁵⁸, свидетельствует о том, что ингушам и чеченцам был знаком горный промысел. Термин «покушывал» в данном случае надо понимать не в прямом его смысле, речь шла, очевидно, о мене.

Условия жизни в горах, низкий уровень развития производительных сил побуждали к набегам за добычей; проходившие через территорию Чечни и Ингушетии пути использовались для взимания с проезжих «подарков» или

⁵⁴ «Кабардино-русские отношения», т. I, № 60, 126; Кабардинские дела, 1621 г., № 3, лл. 1—4.

⁵⁵ «Кабардино-русские отношения», т. II, № 216.

⁵⁶ Там же, стр. 152; P. S. Pallas. Op. cit., т. I, стр. 415—417 и др.

⁵⁷ «Материалы по истории Дагестана и Чечни», стр. 304; «История, география и этнография Дагестана», стр. 282.

⁵⁸ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 120.

для нападения на путников. Выше уже цитировались известия о нападениях калканцев на проходивших в начале XVII в. через Дарьяльское ущелье русских послов и о «подарках», которые горские кистичане взяли с грузинского митрополита Елифания. С необходимостью давать «поминки» столкнулись в горах и русские послы в Грузию кн. Федор Волконский и дьяк Артемий Хватов в 1630-е годы⁵⁹. Спускаясь в XVII в. к Сунже по ее притокам, чеченцы приближались к городкам терских и гребенских казаков, и столкновения между ними, особенно во второй половине XVII в., отражены источниками.

Ряд советских историков, занимавшихся изучением социального строя ингушей и чеченцев, полагает, что складывание здесь классового общества надо относить к XIX в., что в XIV—XVIII вв. шел медленный процесс распада родового строя, выделения «лучших» фамилий, что чеченцы и ингуши жили родо-племенными группами⁶⁰. В 1959 г. появилась работа Б. В. Скитского «К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа» («Известия Чечено-Ингушского научно-исслед. ин-та», т. I. Грозный, 1959), основанная на широком круге источников. Автор полагает, что с XVIII в., с выселением ингушей на плоскость и оживлением экономических связей с Россией ускорился процесс социальной дифференциации и развития зачатков феодализма, зародившихся в предшествующие века; вместе с тем автор подчеркивает, что появление элементов феодальной зависимости «совершалось в недрах и под покровом родовых отношений».

Для XVI—XVII вв. надо прежде всего подчеркнуть, что русские источники не знают общих названий — ингуши, чеченцы, а перечисляют отдельные горские «землицы». Исследователи указывают, что название чеченцы от аула Чечен употребляется в русских документах с конца XVII — начала XVIII в.; а название ингуши от аула Ангушт получило распространение еще позднее — в XVIII в.⁶¹ Выше уже говорилось о том, что названия ряда

⁵⁹ «Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений», стр. 240 и сл.

⁶⁰ См. указ. работы А. С. Вартапетова, Е. И. Крупнова («К истории Ингуши») и др.

⁶¹ Е. Шиллинг. Указ. соч.; Е. И. Крупнов. К истории Ингуши, его же рецензия на ст. А. С. Вартапетова в журнале «Революция и горец», 1933, № 5; И. Бентковский. Гребен-

горских «землиц», известных по источникам XVI—XVII вв., совпадают с названиями «обществ» Чечни и Ингушетии источников XIX в. Советские исследователи определяют эти общества как родо-племенные образования. М. О. Косвен указал на неопределенность термина «общество»⁶². «Землицы» русских документов XVI—XVII вв. заслуживают специального внимания историков и этнографов Чечено-Ингушетии, обладающих знанием языка и конкретным знанием территории и средневековых памятников, систематическое изучение которых ведется в настоящее время советскими археологами. Поделюсь несколькими наблюдениями, убеждающими в том, что термин «землица» и термин «общество» означали в разных случаях не вполне однородные общественные группы у чеченцев и ингушей.

Исследователи отмечают устойчивость деления чеченского общества на тайпы — роды, деления, дожившего до XX в., следы которого сохраняются и сейчас⁶³. Известен ряд тайповых названий, они оканчиваются на ой; среди них находим такие, как Мулкой, Мержой, которые надо сопоставить с названиями «горских землиц» Мулки и Мерези. Здесь понятие «землица», очевидно, означает тайл, занимавший небольшую территорию. На карте наиба Шамля Мулкой и Мержой показаны как два поселения. С иным содержанием выступает понятие «Шибутцкая земля» или «землица». В ней документы перечисляют ряд кабаков — поселений; по сведениям 1650-х годов, шибутяне могут выставить 1 тыс. ратных людей. Очевидно, Шибутская земля включала население не одного, а несколь-

---

цы.— «Чтения ОИДР», 1887, кн. III, стр. 27; ПСЗ, т. IV, № 2207, от 30 сентября 1708 г.; «Кабардино-русские отношения», т. II, № 216—218. Большое селение Ангушт называет Вахунги, говоря о галгаях (глигви) — Царевич Вахушти. Указ. соч., стр. 151. Е. М. Шиллинг считал, что чеченская народность начала складываться с XVI в., а ингушская — с XVIII в.

⁶² М. О. Косвен. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке.— «Кавказский этнографический сборник», т. I. М., 1955, стр. 347.

⁶³ «Народы Кавказа», т. I, стр. 347, 365—366; И. Арсаханов. Указ. соч., стр. 8—9, и др. авторы. М. О. Косвен напоминает о недопустимости сближения кавказских родственных группировок, известных по источникам XVII—XIX вв., с архаическим первобытным родом (М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 22—26). Это напоминание относится и к чеченским тайпам.

ких тайпов, и к ней можно применить понятие родо-племенной группы.

Этнографы указывают у чеченцев и ингушей в прошлом еще две общественные родственные формы — большую семью, т. е. семейную общину, и патронимию, более широкую родственную группу, объединявшую несколько семей; отмечается роль в этих родственных коллективах глав больших семей и особенно старейшин патронимий. Письменные источники не дают прямых указаний на существование этих форм в глубь XVII и XVI вв.; здесь необходимо обращение к памятникам материальной культуры, таким, как жилые и боевые башни, датируемые XIV—XVII вв., и могильные склепы. По мнению М. О. Косвена, боевые башни на Кавказе «принадлежали именно патронимии, так что каждая патронимия имела свою башню, и в селении было столько башен, сколько патронимий». Для примера можно назвать в горной Ингушетии такие древние селения, как Таргим с 4 боевыми башнями и Эрзи — с 16, в Чечне — Итум-Кале с его замковыми комплексами⁶⁴.

Русским документам XVI—XVII вв. не известны в «горских землях» Ингушетии и Чечни князья, мурзы и уздени — этими терминами обычно обозначались в отписках терских воевод представители феодальных слоев северокавказских народностей. Когда сообщается о том, что в 1627 г. шибутские люди Лаварсанко Языев и Затышко Лаварсанов (очевидно, отец и сын) принесли России присягу (шерть) за 20 дворов⁶⁵, речь идет скорее всего о старшинах, а поселение в 20 дворов могло быть родовой общиной, тайпом, или патронимическим поселком⁶⁶. Документ 1647 г. называет «начальных людей» четырех шибутских кабаков — Алги, Анака и Ильдея, которые в сношениях с русскими выступали в качестве представителей населения

⁶⁴ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа, стр. 32—42 (Патронимия), 92—104 (Семейная община); «Народы Кавказа», т. I, стр. 359, 378—379, 380, 383—384; Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники..., стр. 19, 33—35, 43; В. И. Маркович. Пещеры — родовые усыпальницы в Шатоевской котловине (Чечне). — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та археологии», № 86. М., 1961.

⁶⁵ Ногайские дела, 1628 г., лл. 218—219.

⁶⁶ Е. М. Шиллингом было высказано мнение, что ингуши и чеченцы до спуска с гор жили отдельными родовыми общинами (Е. Шиллинг. Указ. соч., стр. 9).

этих кабаков⁶⁷. Полагаю, что и здесь речь идет о старшинах. Очевидно, именно этот Алги и названный ниже Дикеев сын Алхан и побывали в 1658 г. в Москве. Обращает внимание форма дошедших до нас названий чеченских поселений XVII в.: Кудашев кабак, Баранцев кабак, Тумцовев, Шандоров, Уйшев кабаки, Дикеева деревня (в которой назван Дикеев сын Алхан). Если в названии Тумцовев кабак отражено название тайпа Тумцой, то другие образованы от имен собственных⁶⁸. По представлениям воевод Терского города, «горские земли», через которые шел путь от Терского города в Кахетию, были «землицами самовольными», у которых «владельцев нет»⁶⁹. Очевидно, в названиях кабаков отражались личные имена старейшин. Приведенные сведения показывают тенденции к наследованию этого звания, к выделению лучших знатных семей, «начальных людей». Таких старейшин Михайло Молчанов мог назвать в 1658 г. «владельцами». Эти тенденции выступают яснее по источникам XVIII в. О советах старейшин у галгаев

⁶⁷ Кумыкские дела, 1647 г.

⁶⁸ Сопоставления Тумцова кабака с названием тайпа сделаны Х. Д. Ошаевым. Возможность документально проследить в глубь XVII в. название чеченского тайпа чрезвычайно интересна (замечу, что аул Тумса показан на карте наиба Шамиля между Шаро-Аргуном и Чанти-Аргуном, а на карте Чечни 1859 г. у Берже — в долине Чанты-Аргуна; что в указателе Пагирева находим аул Тумсой и гору Тумсой-лам). Для объяснения названия Шандоров кабак Х. Д. Ошаев предлагает два возможных варианта — аул Вашандорой в той же котловине или тайп Цонторой. Я обращаю внимание на окончание ов — Шандоров, между тем как в слове Тумцовев — оев. По чеченским преданиям, основателем тайпа Цонторой был Сунтар или Цвантуро (Цуэнтер) Меэйти; члены этого тайпа заселили на территории Чечни несколько аулов: Цонторой, Цонтори, Цонтор, известных по источникам XIX в. (см. указ. соч. И. П. Ливевича, А. П. Берже, Головинского, Пагирева; И. М. Попов. Ичкерия. — «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 4. Тифлис, 1870). Шандоров кабак — очевидно, кабак Сунтара. По предположению Х. Д. Ошаева, Баранцев кабак — аул Варандой, основанный тайпом Варандой, также в Шатоевской котловине, Уйшев кабак — аул Гойчу, при выходе из гор р. Гойты, притока Сунжи. С другой стороны, название Уйшева кабака можно, как указывает Х. Д. Ошаев, вывести от распространенного чеченского имени Ойша. Интересно указание Х. Д. Ошаева на то, что упомянутые в русских документах XVII в. чеченские имена нередки и сейчас в быту чеченского населения: Алга — Алха, Ильдей — Йалда, Лаварсанко — Лорсанукъа, Язьев — Езиев, Затышко — Цатешкъа.

⁶⁹ М. А. Полиевктов. Посольство кн. Мышецкого, стр. 68.

(глигви) писал Вахушти⁷⁰. В докладе князя Козловского коменданта Девица в Коллегию иностранных дел 1748 г. сообщается, что у чеченцев ссоры «разбирают старики», т. е. старейшины. Источник конца XVIII в., говоря об ингушах — «югушах», упоминает о старшинах, которые выбираются «из знатнейших фамилий». В пунктах князя Козловского коменданта Потапова 1764 г. упоминаются «гораздо зажиточные» люди из кабардинцев, осетин, киштинцев и «из других наций». В указанной работе Б. В. Скитского приведен ряд документов XVIII в., в формулировках которых отражена социальная приподнятость старшин над «подлым» и «подвластным» им народом⁷¹. Указание Вахушти на то, что галгаи (глигви) «не знают смертоубийства и мести за кровь, но если случится [убийство], то мирятся через совет своих старейшин», нуждается в особой интерпретации: позднее кровавая месть в Ингушетии, как и другие пережитки родового строя, была характерным явлением⁷².

В XIX в. некоторые из чеченских и ингушских старшин добивались утверждения в дворянском звании, что, однако, удовлетворялось царской администрацией лишь в единичных случаях⁷³.

Неоднократные упоминания источников XVII в. о продаже кумыками захваченных ими пленников-ясырей в горы указывают на то, что у чеченцев и ингушей имелись рабы. Судя по источникам XIX в., рабов — лей или лай — в Чечне и Ингушетии было немного, это дало основание говорить о «зачатках рабства» в этих областях Северного Кавказа, о патриархальном рабстве, дожившем до второй половины XIX в.⁷⁴

Если в горных областях Чечни и Ингушетии в XVI—XVII вв. классовое общество еще не сложилось, то иным было положение у той части аккинцев, которая высели-

⁷⁰ Царевич Вахушти. Указ. соч., стр. 152.

⁷¹ АВПР, ф. Коллегии иностранных дел, Кабардинские дела, 1748 г., № 10; И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов..., ч. 2. СПб., 1799, стр. 60; «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 230; Б. В. Скитский. Указ. соч., стр. 172—173.

⁷² См., например, Б. Далгат. Материалы по обычному праву ингушей. Владикавказ, 1929.

⁷³ Б. В. Скитский. Указ. соч., стр. 185 и приложение V.

⁷⁴ Ф. И. Леонтович. Указ. соч., т. II, стр. 80—81; А. С. Вартапетов. Указ. соч., стр. 87; «Материалы по истории Дагестана и Чечни», стр. 316; «Народы Кавказа», т. I, стр. 364.

лась из гор на р. Ямансу. Во второй половине XVI в. ими правил Ших-мурза Ишеримов, в начале XVII в. — его сын Батай-мурза Шихмурзин, в 1640-е годы — Айбирь-мурза Батаев. Когда в 1605 г. Батай приезжал в Москву, его сопровождали 5 узденей, один из них назван лучшим (в другом случае сопровождавшие Батая лица обозначены его товарищами)⁷⁵. В 1610-е годы в «Окоцкой земле» известен также мурза Кохостров Бийтемирев, выехавший служить в Терский город в 1624 г.⁷⁶ В 1640-е годы в Черкасской слободе Терского города жил его сын Айбирь-мурза Костров или Кохостров. У него названы четыре узденя и два «задворных» окочанина⁷⁷.

Очевидно, у аккинцев-ауховцев уже с XVI в. устанавливались феодальные отношения.

В особом положении оказались окочане, выехавшие служить в Терский город. В 1614 г. по челобитной кабардинского князя Сунчалея Янгличевича, служившего в Терском городе, царь Михаил Федорович пожаловал его за службу «княжжим иманем, велел ему быть над Окочаным надо всеми и над Черкасы, которые государю на Тереке служат, князем, судить и в ратном строенье и во всяких делах ведать... и на свою государеву службу с ними самому князю Сунчалею ходить и в поход их з государевыми людьми... посылать». Подобные грамоты выдавались и потомкам Сунчалея в течение всего XVII в.⁷⁸ О том, как жили окочанам под властью князей Сунчалеевичей Черкасских, можно узнать из челобитной окочан 1616 г.: князь Сунчалея обратил подчиненных ему окочан в своих холопов, заставляя их «изделья на него всякие делати, пашни пахати и сена косити». Право суда повело к злоупотреблениям и обидам: «Приходя он, Сунчалея князь, в город и в съезжую в избу к твоему государеву воеводе... и велит нас в тюрьму сажати и кпутьем бити без твоего государева ведома и без вины и великую нам тесноту и изгоню чинит, — писали окочане, — и как, государь, посылат многие горские люди, что мимо твоих государевых воевод ведает над нами и судит нас во всем Сунчалея

⁷⁵ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 63, 73—75, 94—96, 265.

⁷⁶ Кабардинские дела, 1621 г., № 3, лл. 1—4.

⁷⁷ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 194.

⁷⁸ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 553—564; СГГД, т. IV, № 22.

князь и что нам от него великая изгоня и обида, и горских, государь, всяких людей к твоему царскому величеству и милости в Терский город на житье не будет отнюдь ни один человек»⁷⁹. Однако челобитная не была удовлетворена, и князья Черкасские сохранили свое высокое положение в Терском городе до начала XVIII в.

Подачи челобитных были одной из форм борьбы окончан против непривычной для них феодальной эксплуатации.

В XVI—XVII вв. чеченские и ингушские горские общества находились на более ранней ступени развития, чем их соседи — кабардинцы или ряд дагестанских народностей, где шел процесс развития феодальных отношений, а тем более — феодальная Кахетия. В этих условиях понятно установление зависимости от более сильных соседей, к тому же заинтересованных в путях, проходивших по ингушской и чеченской территориям.

Зависимость некоторых ингушских обществ от кабардинских феодалов источники позволяют проследить с XVI в. В конце XVI — начале XVII в. контроль за путем с Северного Кавказа в Грузию через Дарьяльское ущелье стремятся захватить мурзы Малой Кабарды Алхас (Алхас) и его сыновья Айтек и Мудар Алхасовы. Русские послы в Грузию Михаил Татищев и Андрей Иванов, разведывая в 1604 г. дорогу через Сонские щели, т. е. Дарьял, узнали, что «тою дорою в горах к Сонской земле кабаки Айтек-мурзины и промысл весь будет в дороге и в мостах Айтек-мурзин»; «которые люди живут в горах... владеет ими Айтек-мурза...». Ниже среди этих горских людей прямо названы калканцы: «преж сево они были послушны Алхас-мурзе, а ныне они послушны Айтек-мурзе»⁸⁰. В 1610-е годы Мудар-мурза Алхасов, находившийся в сношениях с шахом Аббасом, «сел со всеми своими кабаками у Терка в щелях на Грузинской дороге... и около де кабаков своих поставил надолобы и укрепил кабаки свои все накрепко..., чтоб ему в Грузии отняти дорога, а шах Басовым бы людям тою дорогою ездити было безстрашно»⁸¹.

⁷⁹ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 559—561; «Кабардино-русские отношения», т. I, № 60.

⁸⁰ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 453—454, 456.

⁸¹ «Кабардино-русские отношения», т. I, № 55.

Зависимость ингушей от кабардинских феодалов имела место в течение XVII и большей части XVIII в. Источники XVII в. указывают на экономические причины этой зависимости. Царевич Вахушти писал, что жители ущелий, расположенных к востоку от Терека, «повинуются и платят дань соседним черкесам (т. е. кабардинцам. — *Е. К.*), — дабы получать от них жизненные продукты, одежду и соль»⁸². Приведенный выше источник 1770-х годов излагает мнение командовавшего корпусом войск на Северном Кавказе де Медема, что «ингушевыцы» за то только давали подать кабардинским феодалам, что «они (ингуши. — *Е. К.*) выходили для работы своей к хлебопашеству»⁸³. В те же 1770-е годы, когда ингуши стремились освободиться от зависимости, приняв христианство и вступив в русское подданство, один из кабардинских владельцев разъяснял, что «ингушевский народ был издревле... завоеван» кабардинскими владельцами, и «всегда они с них по обычаю подать брали»⁸⁴. Эта подать (или, по термину XVII в., ясак), конечно, была натуральной⁸⁵.

Кабардинские князья и мурзы брали в XVII в. ясак и с некоторых чеченских обществ⁸⁶. Так, в 1640-е годы жители Дикеевой деревни в «Шибутцкой землице» названы ясашными людьми кабардинского мурзы Татархана Арсланова⁸⁷.

Зависимость некоторых чеченских и ингушских обществ от соседей с востока — дагестанских феодалов — установилась очень давно. В перечне доходов аварского нусала, памятнике древнем, упоминается дань с деревни Варанды (общества Шубут) — ежегодно пять лисиц, одна из которых должна была быть черная, а остальные четыре — красные⁸⁸. Выше приводилось известие о совместном походе 1618 г. аварского нусала, родственного ему

⁸² Царевич Вахушти. Указ. соч., стр. 152.

⁸³ «Кабардино-русские отношения», т. II, № 216.

⁸⁴ Там же, т. II, № 218.

⁸⁵ Судя по записанному в первой половине XIX в. адатам, позднее она взималась деньгами (Ш.-Б. Ногмов. История адыгейского народа. Тифлис, 1861, стр. 160).

⁸⁶ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 417.

⁸⁷ М. А. Полиевктов. Посольство князя Мышецкого, стр. 81.

⁸⁸ «Тарихи Дербент-Наме», стр. 166.

«Черного князя»⁸⁹ и терских ратных людей в Чечню и Ингушетию⁹⁰.

В перечне доходов дагестанского шамхала, который исследователи относят к XV—XVI вв., назван «весь Мычигыш» как собственность шамхала. Писавший в 1720-е годы Гербер говорит, что чеченцы «ранее» платили шамхалам подати, которые состояли «в малом числе овец и другого скота». В источниках XVIII в. отразились претензии шамхала на подати с ингушей⁹¹. Когда в конце XVI—начале XVII в. в Северном Дагестане образовалось сильное эндерейское владение в соседстве с восточными чеченскими племенами, эти племена попали в зависимость от Эндери. В XIX в. было записано чеченское предание о дани, которую легендарный предок чеченцев Тинавинь Вис, сын Молкха, платил кумыкскому князю Султан-Муту, т. е. известному по источникам конца XVI—начала XVII в. эндерейскому князю⁹². В 1650-е годы сын Султан-Мута Казаналып говорил об аvaraх и «быгчитизах» (т. е. мичкизах; неясно, в узком или более широком значении) как о людях, которые ему «послушны»⁹³.

По преданиям, именно из Дагестана проникло в Чечню магометанство суннского толка. В 1647 г. начальные люди шибутских кабаков дали шертъ «на куране». Однако и позднее языческие верования здесь крепко держались⁹⁴.

⁸⁹ По мнению М. А. Полиевктова, его владения были расположены по р. Кара-Койсу (М. А. Полиевктов. Экономические и политические разведки Московского государства на Кавказе, стр. 31).

⁹⁰ Лаудаев упоминает ясак, который аварские ханы брали с восточного чеченского племени — ичкеринцев (Лаудаев. Указ. соч., стр. 12—13).

⁹¹ И. Гербер. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря... народах и землях... — «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», 1760, июль; П. Г. Бутков. Указ. соч., т. II, стр. 134.

⁹² Заметки о Чечне и чеченцах (Из записок П. А. Головинского). — «Сборник сведений о Терской области», т. I. Владикавказ, 1878 (у Головинского Султан-Мут назван «крымским» князем — явное недоразумение или опечатка); «Русско-дагестанские отношения», стр. 43, 49.

⁹³ Кумыкские грамоты, № 13, л. 27; «Русско-дагестанские отношения», стр. 193.

⁹⁴ Кумыкские дела, 1647, л. 3; И. Гербер. Указ. соч., стр. 42—43. В литературе есть указания, что в конце XVIII в. некоторые чеченские роды еще приносили присягу именами своих язы-

Стремление грузинских царей распространить свое влияние на горные области не только южных, но и северных склонов главного Кавказского хребта шло с древности. Материальными памятниками этого влияния являются древние христианские памятники в горах, обращенные жителями, с упадком христианства, в языческие святилища. К XVII в. относятся настоячивые попытки кахетинского царя Теймураза «открыть дорогу» через горы для лучшего сообщения с Терским городом и через Терки — с Москвой. В 1630-х годах ввиду разрыва отношений между царем Теймуразом и его вассалом аратвинским эриставом дорога через Дарьял оказалась для Кахетии закрытой. Это вызвало большой поход царя Теймураза в Тушетию, Пшавию, Хевсуретию и Ингушетию, описанный им в письме 1639 г. к царю Михаилу Федоровичу: «Сам и с боярами и с войском отправился ради великой любви к царскому вашему величеству: пошел и открыл дорогу через Туские горы, по Псавским, Клегудским⁹⁵, Кевсурским и Кистийским, по которой дороге никогда ни посол, ни древние Иверские цари не проходили и не приходили в эти горы. А с божьею силой и милостью вашего царского величества жители всех этих гор мне подчинились и принесли мне свои старые записи, и я их скрепил, и многие крестились;... я... трудился целых два месяца, пока открыл дорогу, великий государь, и божьею силою и милостью твоего царского величества подчинил горцев, так что они сделались моими рабами, как то и сперва было во время Льва»⁹⁶.

Судя по приведенным выше известиям 1650-х годов о сношениях тушин и шибутских людей с Москвою, в эти годы установились тесные связи между жителями северных и южных склонов Кавказских гор по путям из бассейна Аргуна к Тушинской Алазани и в Кахетию, причем шибутские люди платили тушинам оброк баранами.

ческих богов — Н. Яковлев. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927, стр. 19; Е. Шиллинг. Укаа. соч. (ср. Е. Максимов. Чеченцы. — Терский сборник, вып. III, кн. 2. Владикавказ, 1893, стр. 27); Б. Далгат. Первобытная религия чеченцев. — Там же.

⁹⁵ А. Н. Генко отождествляет «Клегудов» с Галгаями («Из культурного прошлого ингушей», стр. 701, прим. 4).

⁹⁶ «Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями», стр. 29; А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей, стр. 701, 731.

Тогда в Шибутской земле были и христиане, и магометане.

Зависимость от грузинских царей и христианство среди племен северного склона Кавказского хребта не были устойчивыми. У ингушей сохранились еще в начале XIX в. языческие верования, и в 1810 г. ингуши шести «фамилий» в договоре с Дельпоццо клялись «всемогущим богом небесным и почитаемым нами за святость кумиром, находящимся в горах, именуемым Гальерд» (языческое святылище Геальерды⁹⁷). Проникновение ислама к ингушам отмечено источниками с XVIII в., причем шло оно как с запада, из Кабарды и из Крыма, так и с востока, из Дагестана⁹⁸.

Хотя со стороны степи Ингушетия и Чечня были защищены Терекон и Гребенскими горами с казачьими городками, по временам возникала опасность со стороны ногайских татар, а с 1640-х гг. — и калмыков. Как указывалось выше, в 1619 г. кумыки и «многих горских земель люди», среди которых названы также чеченские и ингушские общества, были «готовы» «стояти заодно» против ногайцев. Сведений о том, осуществилось ли это объединение, нет. В чечено-ингушском фольклоре сохранились воспоминания о калмыках и столкновениях с калмыкскими ханами, а также о борьбе с притеснениями кабардинских князей, шамхалов и аварских нусалов⁹⁹.

Говоря о зависимости чеченских и ингушских родоплеменных образований от кабардинских, дагестанских и грузинских феодалов, необходимо подчеркнуть, что чеченцы и ингуши общались с трудовыми слоями сосед-

⁹⁷ Е. Шиллинг. Указ. соч., стр. 30 и др.; Н. Ф. Грабовский. Ингуши. — «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 10, 1876, стр. 10; Б. А. Алборов. Ингушское «Гальерды» и осетинское «Аларды». — «Известия Ингушского научно-исслед. ин-та», т. 1. Владикавказ, 1928.

⁹⁸ P. S. Pallas. Op. cit., t. 1, S. 415—417; «Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии», т. 1. СПб., 1891, № 198, стр. 437.

⁹⁹ «Заметки о Чечне и чеченцах» (из записок П. А. Головинского). — «Сборник сведений о Терской области», т. I. Владикавказ, 1878; Е. Максимов. Указ. соч., стр. 26; «Чечено-ингушский фольклор». М., 1940; Б. В. Скитский. Указ. соч., стр. 175; Х. Д. Ошаев. К истории возникновения чеченских героико-эпических песен. — «Известия Чечено-ингушского научно-исслед. ин-та», т. II, вып. 1. Грозный, 1960.

них областей, получая и передавая производственные навыки, бытовые и культурные привычки, обычаи. Попытка выяснить такого рода связи и влияния, педшие со стороны кабардинцев, грузин и кумыков, была сделана А. Н. Генко на основании данных языка. Его филологические наблюдения представляют большой интерес, но не поддаются точному хронологическому приурочению¹⁰⁰.

Появление с половины XVI в. казаков на Тереке и Сунже, постройка на Северном Кавказе русских крепостей повели к установлению сношений предков чеченцев и ингушей с русскими. Само обилие сведений о «горских земляцах» в русских архивных документах убеждает в том, что эти сношения были довольно оживленными, особенно у гребенских и терских казаков, выходцев из русских крестьян, бежавших на далекую окраину от усилившейся крепостной зависимости. Известно, что соседство с «горскими земляцами» наложило сильный отпечаток на антропологический тип, хозяйственный и бытовой уклад гребенского и терского казачества. Как мы видели на примаме похода 1618 г., в случаях столкновений северокавказских феодалов с «горскими людьми» воеводы Терского города оказывались, естественно, на стороне первых. Но ни в XVI, ни в XVII вв. со стороны русской администрации Терского города не было стремлений ни к территориальным захватам в сторону Чечни и Ингушетии, ни к вмешательству во внутреннюю жизнь «горских земляц». Обитатели их нередко появлялись с мирными целями в Терском городе, особенно в возникших под его стенами слободах — Черкасской, Окоцкой и Новокрепченской, становясь иной раз и жителями их. Применение методов колониальной политики русского царизма в отношении Чечни и Ингушетии — явление более позднего времени, получившее развитие в XVIII и особенно в первой половине XIX в.

¹⁰⁰ Критические замечания на эту часть статьи А. Н. Генко см. в рецензии В. Дондуа и В. Абаева. — «Язык и мышление», сб. II. Л., 1934.

НАРОДЫ АДЫГЕ
И СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ АБАЗИНЫ

1. Кабарда

В области изучения социально-экономического строя народов адыге в XVI—XVII вв. и в более позднее время далеко не все вопросы являются решенными. Высказанное в 1940-е годы мнение о том, что социально-экономические отношения у кабардинцев не сложились как феодальные, в настоящее время окончательно отброшено¹, но изучение особенностей кабардинского феодализма остается одной из исследовательских задач; необходимо дальнейшее изучение форм землевладения, крестьянской общины, положения феодально зависимых слоев населения, особенно тльфо-котлей.

В специальной литературе 1950-х годов вопрос о том, какая из двух отраслей хозяйства кабардинцев — земледелие или скотоводство — была преобладающей, оставался дискуссионным даже для XIX в.²

Источники XVI — XVII вв. не дают возможности нарисовать полную картину внутреннего строя Кабарды этого

¹ «Вопросы истории», 1953, № 10, стр. 150—153; Т. Х. Кумыков. К вопросу об общественном строе Кабарды накануне реформы 1861 г. — «Уч. зап. Кабардинского научно-исслед. ин-та», т. IX. Нальчик, 1954; «История Кабарды с древнейших времен до наших дней». М., 1957.

² Т. Х. Кумыков. Земельные отношения в Кабарде в первой половине XIX в. и земельная реформа в 1863—1869 гг. Нальчик, 1953; И. Ф. Мужев. Социально-экономическое развитие Кабарды в 50—60-х годах XIX в. — «Уч. зап. Кабардинского гос. пед. ин-та», вып. VII. Нальчик, 1955.

времени. Основная причина этого — почти полное отсутствие местных письменных источников. В досоветское время археологи мало интересовались памятниками рассматриваемого периода. Лишь в советское время, особенно в последние годы, кабардинские курганы, обычно небогатые по инвентарю, подвергаются систематическому изучению³. Однако точная их датировка представляет трудности; к XVII в. обычай насыпать курганы был, видимо, кабардинцами оставлен. Кабардинские поселения указанного периода археологами не обнаружены.

В кругу письменных источников известия нескольких западно-европейских путешественников (Интерьяно, Де Люка, Д'Асколи, Тавернье и др.)⁴ и турецкого путешественника Эвлия Челеби имеют большое значение, но они отражают впечатление иностранцев, лишь временно побывавших у западных адыге или в Кабарде. Документы русских архивов (ф. Посольского приказа и Астраханской приказной палаты)⁵, отражающие сношения кабардинцев с русскими за длительный период — с 80-х годов XVI в., имеют для изучения внутренней жизни кабардинского народа особое значение. Вместе с тем надо подчеркнуть, что указания на социально-экономические отношения в русских дипломатических документах отрывочны, что они даются лишь попутно, что местные термины социального значения переданы или в русифицированной транскрипции, или в переводе на русский язык, следовательно в русской интерпретации, наконец, что они дают материал преимущественно о высшем слое кабардинского общества.

Основным методом изучения отрывочных сведений XVI — XVII вв. является их осмысление путем сопоставления с более поздними источниками, дающими более подробную картину социально-экономического положения Кабарды, и последующий анализ собранных фактов в свете марксистско-ленинской теории. Среди источников XVIII в. надо прежде всего назвать сохранившиеся в делах Коллегии иностранных дел описания кабардинского народа, составленные на основании сведений, собранных

³ Сводку данных см. в кн.: Е. П. Алексеева. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII вв. Карачаево-черкесское книжное изд-во, 1957.

⁴ Там же.

⁵ О них подробнее см. в обзоре источников.

на месте (описания 1748, 1753 гг. и др.)⁶, текущую переписку по кабардинским делам, отложившуюся в Коллегии иностранных дел (АВПР) и в XXIII разряде Государственного архива (ЦГАДА), ландкарты, сведения путешественников и русских должностных лиц, служивших на Кавказе⁷. Среди многочисленных и разнообразных источников XIX в. исключительную ценность для осмысления сведений XVI—XVII вв. имеют сделанные в первой половине XIX в. записи обычного права кабардинцев, замечательный труд Шора Ногмова, передающий сохранившиеся из глубины веков предания и песни кабардинского народа и кабардинские обычаи⁸, ценнейшие материалы Кабардинского временного суда первой половины XIX в.⁹, статьи адыгейцев Хан-Гирей и Адиль-Гирей об адыгах и заметки некоторых русских путешественников, побывавших на Северном Кавказе в первые десятилетия XIX в.¹⁰ Вообще, этнографическая и статистико-экономическая литература по Кабарде второй половины

⁶ АВПР, ф. Коллегии иностранных дел. Кабардинские дела, 1748 г., № 6; 1753 г., № 12 и др. Ряд описаний XVIII в. напечатан в вышедшей в 1957 г. публикации: «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II. XVIII век. М., 1957.

⁷ О них см.: М. А. Полиевктов. Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935; М. О. Косвен. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке — «Кавказский этнографический сборник». т. I. М., 1955; т. II. М., 1958; т. III. М., 1962; его же. Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии. — «Советская этнография», 1951, № 1, и в кн.: М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы... М., 1961, стр. 209—222.

⁸ И. Т. Раджицкий. Законы и обычаи кабардинцев. — «Литературная газета», 1846, № 1, 2; Ф. И. Леонтович. Алаты нахкэсских горцев, вып. 1. Одесса, 1882; Ш.-Б. Ногмов. История адыгейского народа. Тифлис, 1861 (последнее советское издание — Нальчик, 1958; в дальнейшем ссылки даются по изданию 1861 г.).

⁹ «Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в.», собрал и подготовил к печати Б. А. Гарданов. Нальчик, 1956; В. К. Гарданов. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в. — «Советская этнография», 1960, № 5.

¹⁰ Хан-Гирей. Беспыйный Абат. — Сб. газеты «Кавказ», второе полугодие 1847 г. Тифлис, 1848; Адиль-Гирей. Замечания на статью: «Законы и обычаи кабардинцев». — Сб. газеты «Кавказ», ч. 1, 1846; Г. Стегеманн. Журнал путешествия по земле донских казаков, к Кавказу и в Астрахань. — «Северный архив», 1824, ноябрь, № 21—22; см. также указанный обзор М. О. Косвена.

XIX и начала XX в. очень обширна. Помимо учета этой литературы, необходимо привлечение данных языка, сравнительных данных по истории других народов СССР, проходивших аналогичную кабардинцам стадию развития. Однако при изучении социально-экономических отношений XVI — XVII вв. источники именно этого времени являются основными (иначе явления более позднего времени могут быть ошибочно перенесены вглубь); автор не ставит задачу ретроспективного изучения более поздних источников при изучении явлений XVI — XVII вв. — это особая, тонкая и сложная задача; в связи с этим неизбежна и неполнота картины. Приходится отметить, что по характеру источников жизнь трудового кабардинского народа остается очень слабо освещенной. Очерк социально-экономических и политических отношений в Кабарде в XVI — XVII вв. дан автором в статье, напечатанной в 1956 г.¹¹ Здесь текст ее расширен и дополнен.

Первый вопрос, который встает при изучении хозяйства кабардинцев XVI — XVII вв., это вопрос о том, какую территорию они занимали в названное время. Решение этого вопроса на основании археологических данных очень осложнено трудностью точной датировки подкурганых погребений. Сводные сведения о них содержатся в указанной работе Е. П. Алексеевой. Не являясь специалистом-археологом, не могу высказать самостоятельного мнения об этом разделе работы названного исследователя. Более определенные письменные сведения о расселении кабардинцев сохранились с конца XVI в., когда кабардинцы занимали равнинные места и предгорья по левым притокам Терека, до входа в горные ущелья, и местность по правому берегу Терека, т. е. приблизительно территорию известных позднее Большой и Малой Кабарды. Записанное Ногмовым предание относит разделение Кабарды на Большую и Малую ко времени князя Шолоха Таусалтанова (известного по русским источникам конца XVI — начала XVII в. как князя Шолоха Тап-

¹¹ Е. Н. Кушева. Социально-экономические и политические отношения в Кабарде в XVI—XVII вв. — «Сборник статей по истории Кабарды», вып. V. Нальчик, 1956. В более сжатой форме см. в статьях автора в «Очерках истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII века». М., 1955; то же — XVII век. М., 1955.

сарукова из поколения Таусалтана)¹²; название Малай Кабарда засвидетельствовано в грамоте князя Большой Кабарды Алегуко Шеганукова 1647 г.¹³ Правда, «Книга Большому чертежу», сведения которой относятся к концу XVI — началу XVII в., не указывает кабардинских поселений на правом берегу Терека: в ней название Кабарда отнесено к местности по левому берегу Терека от р. Ардон до р. Кизыл, а земли севернее, но также по левым притокам Терека, до впадения в Терек Малки, названы «земли пятигорских черкас»¹⁴. Об этом названии скажу подробнее ниже. Сведения других источников убеждают в том, что в XVI в. кабардинцы занимали земли и по правому берегу Терека. Об этом говорят археологические памятники — как курганы, так и известный памятник с р. Кумбелей, имеющий дату — 1581 г.¹⁵ Когда в 1589 г. русские послы шли в Грузию на Дарьяльское ущелье, они останавливались на правой стороне Терека, около «старого Олкасова кабака» — поселения кабардинского князя Алкаса из рода Клехстана, которого князь Шолох (из рода Таусалтана) называл тогда же своим «другом великим»: в XVIII — XIX вв. именно владения Таусалтановых и Гелехстановых находились в Малай Кабарде¹⁶.

В 1570 г. русский посол в Константинополе, Новосильцев говорил, что земля князя Темрюка Айдаровича, большего князя Кабарды, простирается «по Терке по реке и до моря», прибавив: «и зверь бил, и рыбу ловил»¹⁷. Это ут-

¹² Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 93; С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1. М., 1889, стр. 7 и др.; Г. А. Кокеев. Распад Кабарды на Большую и Малую и установившиеся отношения с другими народами. — «Социалистическая Кабардино-Балкария», 1940, № 285—287; его же. Малокабардинские поселения XVI—XVIII вв. на Северном Кавказе. — «Уч. зап. Кабардинского научно-исслед. ин-та», т. I. Нальчик, 1947.

¹³ Кабардинские дела, 1648 г., № 3, лл. 199—200; «Кабардино-русские отношения», т. I, № 178.

¹⁴ «Книга Большому чертежу», М.—Л., 1950, стр. 90.

¹⁵ Г. Ф. Турчанинов. Кабардинская надгробная надпись греческого письма конца XVI в. — «Сообщения АН Груз. ССР», т. V, вып. 3, Тбилиси, 1944; его же. Эпиграфические заметки. — «Известия АН СССР. Отд. литературы и языка», 1947, т. VI, вып. 6; Е. П. Алексеева. Указ. соч., и др.

¹⁶ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 145, 149; Г. А. Кокеев. Указ. статья.

¹⁷ Турецкие дела, кн. 2, лл. 116 об.—119 об.; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 23.

верждение надо принять в том смысле, что на Терек в среднем и нижнем его течении заходили кабардинские рыболовы и охотники. Во второй половине XVI в. кабардинских поселений в нижнем течении Терека уже не было: с середины XVI в. в Терских гребенях уже обосновались русские гребенские казаки, местность южнее Суэжи была занята ингушскими и чеченскими племенами, в устье Терека в середине XVI в. находилось особое Тюменское ханство (давнее название одному из протоков Терека — реке Тюменке), а южнее нижнего течения Терека в конце XVI — начале XVII в. образовалось кумыкское Эндерейское ханство.

Дальнейшие археологические исследования должны уточнить восточную границу Кабарды и изменения в расселении кабардинцев к востоку от Терека.

Русские и польские источники XVI в. употребляют название «пятигорские черкасы» или «черкесы», применяя его как к кабардинцам, так и к бесленейцам и западноадыгским племенам¹⁸. Район Пятигорья во второй половине XVI и в XVII в. уже не был местом постоянного жительства кабардинцев, источники не знают там кабардинских селений — «кабаков». Основная причина этого заключалась, несомненно, в том, что выход в степи и предгорья севернее р. Малки и р. Терека был опасен из-за нападений крымских татар, ногайцев, особенно ногайцев Малой Ногайской орды, а позднее — с 30-х годов XVII в. — и калмыков. Нападения эти вынуждали кабардинцев держаться ближе к горам, в случае опасности они скрывались в ущелья (по выражению русских источников, скрывались «в крешкие места»). Когда положение в степи позволяло, кабардинцы пользовались севернее указанных границ пастбищами и пахотными местами. Проезжая в XVII в. по Северному Кавказу, турецкий путешественник Эвлия Челеби писал, что Большая Кума сливается с Малой Кумой в нижней части кабардинской границы, и упоминает стоянку Бештау на границе Кабарды¹⁹. Документ 1616 г. сообщает что ногайский мурза

¹⁸ Продолжение ДРВ, т. X, стр. 75; Сб. РИО, т. 59, стр. 584; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 390, прим. 8; J. Wolff. Kniaziowie litewsko-ruscy. Warszawa, 1895, str. 364—366.

¹⁹ Отдел рукописей Ин-та истории языка и литературы Дагест. филиала АН СССР (в Махачкала), № 1157, перевод отрывков из путешествия Эвлия Челеби (машинопись).

Аксакел Магмет «ныне кочует у Пяти гор, против Кабарды», следовательно, Пятигорье не считает Кабардою²⁰. В 1643 г. сообщается, что мурзы Большой Кабарды Алегуко и Ходождуко «ныне ис кабаков своих выехали и стоят у Пяти гор»²¹. В 1646 г. терский сын боярский Игнатий Прохоров провожал сыновей того же Алегуки «под Кабарду до Пяти гор и ис под Пяти гор их отпустил в Кабарду»²². В 1648 г. ногайские мурзы Казыева улуса и сын Алегуки Темри-булат стояли с войсками в 3 тыс. человек «на заставе на реке Куме блиско Пяти гор», «для того, что опасаютца де они под Кабарду и под свои Казыевские улусы приходу войною калмыцких людей»²³. В начале 50-х годов «по реке Куме к Пяти горам» кочевали ногайцы Арасланбекова улуса²⁴. Отсюда понятно, почему «Книга Большому чертежу», сохраняя название «пятигорские черкасы» (напоминаю традиционное обозначение западноевропейских карт XV—XVI вв. — *circassi quinquemontani*, *circassi pietihorski*), поместила их не в районе Пятигорья, а в районе Большой Кабарды. Ландкарта геодезиста Степана Чичагова 1744 г. также не знает кабардинских поселений севернее Малки²⁵.

Западная граница Кабарды также в течение XVI—XVII вв. не была вполне установившейся. Бесленейцы, отделившиеся от кабардинцев при князе Кануко, по ряду данных, еще в XV в.²⁶, жили в XVII в. между Кубанью и Лабой, т. е. на значительном расстоянии от бассейна Терека, основной территории Кабарды. Но подвижность кабардинских поселений, с одной стороны, и постоянные распри кабардинских князей — с другой, вели к

²⁰ Кабардинские дела, 1616—1617 гг., без №, л. 100.

²¹ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 222, 224.

²² Кабардинские дела, 1646 г., № 1, л. 239.

²³ Ногайские дела, 1648 г., № 1, л. 226.

²⁴ Там же, 1651 г., № 2, л. 23.

²⁵ В. Кордт. Материалы по истории русской картографии, вып. 1. Киев, 1899, VI, XVII; 2-я серия, вып. 1. Киев, 1906, XV; Martini Broniovii... Tartariae descriptio..., Col., 1595, карта; С. Герберштейн. Записки о Московитских делах. СПб., 1908, карты; «Кабардино-русские отношения», т. II, между 114 и 115 страницами.

²⁶ Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 84; Е. Н. Кушева. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. — «Исторические записки», т. 34, стр. 250. Не к бесленейцам ли надо относить курганы так называемого «кабардинского типа» в верховьях Кубани? (см. Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 42).

тому, что по временам владения некоторых князей Большой Кабарды продвигались ближе к бесленейцам. Так, в 40-х годах XVII в. князья Алегуко Шегануков и Ходождуко Казыев ушли со своими кабаками за Кубань, а в июне 1644 г. перешли «из-под Бесленей» на прежние свои «кочевья», «на Куму реку»²⁷.

Таким образом, кабардинцы занимали территорию в предгорьях и на равнине, богатую пастбищами и удобными для хлебопашества местами, несравненно более удобную, чем горные ущелья, куда были отселены осетины и другие горские племена. Природные условия Кабарды охарактеризованы в описании уже первой половины XVIII в. в таких словах: «Баксан изо всех при кавказских горах лежащих мест почитается за крепкое, хлебородное и скотопажитное место»²⁸ — по Баксану располагались центральные угодья Большой Кабарды.

Определить для XVI — XVII вв. численность населения в Кабарде невозможно. Приведу некоторые указания источников, которые дают приблизительное представление о населении занятой кабардинцами территории.

В 1567 г. крымский калга²⁹ Магмет-Гирей, хвалясь в грамоте Ивану Грозному успехами своего набега на «кабартанских черкас», писал: «полону взяли больши двадцати тысяч»³⁰. Цифра эта, вероятно, преувеличена, но все же она показывает, что кабардинская равнина была сравнительно густо заселенной; вместе с тем названная цифра дает представление об опустошительности крымских набегов.

В 1640-е годы в данных о количестве кабаков в отдельных владениях кабардинских князей и мурз и о количестве ратных людей, которые они могли выставить, назывались такие цифры (в сумме): кабаков 112 (в эту цифру не входят кабаки рода Клехстана, расположенные в Малой Кабарде; в документе сведений о них не дано), ратных людей (очевидно, конных узденей) — 2055³¹. При

²⁷ Кабардинские дела, 1645 г., л. 8; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 249.

²⁸ АВПР, ф. Коллегии иностр. дел, Кабардинские дела, 1748 г., № 6; «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 160.

²⁹ Калга — высшая должность после хана в Крымском ханстве, часто — наследник ханского престола.

³⁰ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 16—17.

³¹ Там же, стр. 384—387.

сравнении с более подробными данными первой половины XVIII в. эти сведения представляются заниженными. В 1729 г. в Большой Кабарде был убит крымский султан Бахта-Гирей, попавший со своим многочисленным войском в засаду. Крымский хан требовал с кабардинцев (видимо, Большой Кабарды) 1700 ясырей за кровь Бахты-Гирея — по одному ясырю с 5 дворов. Следовательно, тогда в Большой Кабарде насчитывалось 8500 дворов³². Надо иметь в виду, что и позднее кабардинцы жили большими семьями, без раздела³³. В документах XVIII в. называются такие цифры войска, которое может выставить Кабарда: в 1718 г. — 10 тыс.; в 1739 г. — 6 тыс. Большая Кабарда и 3 тыс. Малая Кабарда (конных военных людей из беков и узденей); в 1775 г. — до 15 тыс., в случае соединения всех кабардинских владельцев³⁴.

* * *

Основными занятиями кабардинцев в XVI—XVII вв. было скотоводство и земледелие. Как указывалось выше, вопрос о том, какая из этих двух отраслей хозяйства была преобладающей в XIX в., вызвал дискуссию в исследованиях 1950-х годов. Для изучаемого периода нельзя, конечно, привести никаких статистических точных сведений, но общая совокупность данных заставляет считать, что основным занятием кабардинцев было в это время скотоводство. Об этом писал в XVII в. Тавернье, сообщая, что в Черкесии (он имеет в виду и Кабарду) «главное богатство — скот», что там прекрасные лошади, овцы дают хорошую шерсть, есть также быки и коровы, но посредственные³⁵. Аналогичные высказывания находим в источниках XVIII в. и даже первой половины XIX в.³⁶ О значении скотоводства свидетельствуют язы-

³² АВРР, Кабардинские дела, 1753 г., № 12.

³³ «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 353, 361.

³⁴ Там же, стр. 19, 316, 318; сведения Главани о «жилищах» и «селениях» в Кабарде очень неясны (К. Главани. Описание Черкесии 1724 г. — Сб. ММПК, т. XVII. Тифлис, 1893); о цифрах, приведенных Главани, см. указ. соч. Е. П. Алексеевой, стр. 49.

³⁵ J. Tavernier. Les six voyages en Perse..., v. I. Utrecht, 1712, p. 371.

³⁶ См., например, «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», 1760, июль (И. Г. Гербер. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астра-

ческие культы Ахына, скотоводческого божества, и Аймыша, покровителя овец³⁷. Крымские ханы при постоянных набегах на Кабарду в XVI—XVII вв. забирали пленных, а также «овец и животину», «лошадиные и животные стада». В записях обычного права Кабарды, сделанных уже в XIX в., за невыполнение предписаний назначаются штрафы холопами или скотом. Такой же характер носили штрафы и в более раннее время. Вот пример, относящийся к первым десятилетиям XVII в.: кабардинский князь Сунчалей Янгличев, обвиняя четырех «окочан» (выходцев в Терский город из ингушского общества Акко) в том, что они убили у него «по сердцу», т. е. по злобе, аргамака, взял с них штраф — «на трех человеках 50 животин рогатых, коров и быков, а у четвертого человека... за ево пай взял в холопи жену и сослал ее в кабаки свои в Кабарду»³⁸. Постоянны упоминания источников о княжеских табунах, о стадах овец и «рогатой животины»³⁹. В челобитной в Терскую приказную избу 1641 г. кабардинский князь Нарчов Езбузлуков, жалуясь на других враждебных ему кабардинских князей и ногайцев, называл такие цифры для табунов и стад своих и своих родственников, отогнанных врагами: 300 лошадей и кобылиц и 2 тыс. рогатой животины; 90 лошадей и кобылиц, 300 рогатой животины и т. д.⁴⁰ Кабардинские князья при посадках в Москву всегда приводили в подарок царю и царевичам аргамаков — быстроходных лошадей, меченых тамгами-таврами, получая соответствующее вознаграждение соболями или деньгами; некоторые из коней высоко оценивались на Москве в Конюшенном приказе — до ста рублей⁴¹. Для царской конюшни лошадей покупали «в Кызылбашах» — в Персии, в «Кумыках» — в Даге-

---

ханью и р. Куром народах...); «Русский инвалид», 1822, № 35 («О народах, соседственных Астраханской губернии»); «Журнал общепользных сведений», 1858, № 4 («Посев, жатва и сенокос у кавказских горцев»); «Кавказ», 1860, № 73 (Г. Г. Баратов, О природе и хозяйстве Кабарды) и мн. другие.

³⁷ Л. И. Лавров, Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев. — Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований, М., 1959, стр. 211—214.

³⁸ С. А. Белокуров, Указ. соч., стр. 560.

³⁹ «Кабардино-русские отношения»; т. I, стр. 161, 171, 194, 203, 354 и др.

⁴⁰ Там же, стр. 198; аналогичные цифры — на стр. 272.

⁴¹ Там же, № 97, 116, 132, 182, 233 и др.

стане, а также в Кабарде⁴². Конь князя Келмамета Куденетовича Черкасского так славился, что царь Михаил Федорович пожелал иметь его к своему «седлу», т. е. для верховой езды. Келмамет намеревался «тою лошадыю» «челом ударить» царю, но и конь и всадник были убиты в одной из битв⁴³. Источники уже XVIII и XIX вв. подробно описывают приемы отгонного кабардинского скотоводства — пастухи гоняли скот летом на высоко расположенные пастбища, а зимой на равнинные⁴⁴. Ясных указаний на это в документах XVII в. нет, но можно не сомневаться в том, что кабардинское скотоводство XVI—XVII вв. было отгонным. Однако кабардинцы и в это время знали сенокосение. Тавернье рассказывает о черкесском празднике при начале сенокоса, сопровождавшемся обрядами⁴⁵. Ш.-Б. Ногмов, давая перевод кабардинских названий месяцев, называет август — сенокосным месяцем, ноябрь — месяцем, в который сено перевозят домой⁴⁶.

Враги при нападении на кабардинцев жгли хлеб и сено⁴⁷. Источник уже 1770-х гг. поясняет, что в Кабарде скот находится на подножном корму с марта по декабрь, а на два-три зимних месяца нужно сено⁴⁸.

Кабардинское скотоводство терпело урон не только от вражеских набегов и внутренних столкновений, но и от падежей. Так, в начале 1640-х годов в Алегукинной Кабарде (Большая Кабарда) был «падеж великий» «на конские и на животинные стада»⁴⁹.

---

⁴² «Кабардино-русские отношения», т. I, № 176.

⁴³ Там же, № 132 и прим.

⁴⁴ В 1745 г. кабардинский владетель Рослаббек Кайтукин общал о горах около р. Баксана, «на которых в летнее время скотские табуны и овцы пасутся» (там же, т. II, стр. 126). См. также J. A. G ü l d e n s t ä d t. *Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge*. II. SPb., 1791, S. 8, 12 и др.; С. Броневский. *Новейшие географические исторические известия о Кавказе*, ч. 2. М., 1823, стр. 137 и др.; Н. Х. Тхамоков. *Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в.* Нальчик, 1961, стр. 68—74.

⁴⁵ J. Tavernier. *Op. cit.*, p. 375.

⁴⁶ Ш.-Б. Ногмов. *Указ. соч.*, стр. 38.

⁴⁷ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 103; т. II, стр. 29, 126, 128 и др.

⁴⁸ ЦГАДА, Госархив, разряд XXIII, № 5, ч. II, л. 101.

⁴⁹ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 222.

Говоря о большом значении скотоводства, необходимо вместе с тем подчеркнуть, что кабардинское крестьянство издавна знало земледелие, притом пашенное, что оно было распространено в плодородных равнинных частях Кабарды, но в специфической форме переложного земледелия с преобладанием посевов проса. В урожайные годы кабардинцы могли продавать, вернее, выменивать излишки. Приведем одно из ярких свидетельств, относящееся к 1614 г. Русский воевода Терского города обращался в Москву с просьбой прислать по Волге для гарнизона города «хлебные запасы»: он пояснял, что в предшествующие годы интервенции и крестьянской войны начала XVII в., когда Терский город был отрезан от Центральной России, терские служилые люди и стрельцы покупали просо у кабардинских и кумыцких людей, «а ныне де они проса на Терке и купити не добудут, потому что кабардинские черкасы ис Кабарды с продажным просом на Терек не бывали... в Кумыках де и в Черкасах у черкас хлеб не дородился...»⁵⁰. О распространенной у адыгов культуре проса говорят западноевропейские путешественники, поясняя, что черкесы не знают хлеба, а едят вместо него пасту — густо сваренное пшено, и пьют бузу — просяную брагу с медом⁵¹. О культурах проса и ячменя говорит Тавернье, добавляя, что кабардинцы «не сеют ни пшеницы, ни овса»⁵².

Переложная система земледелия, сохранившаяся в Кабарде и в XIX в., для XVII в. засвидетельствована Тавернье. Он пишет, что в Черкесии никогда не сеют несколько раз на одном месте, но меняют поля каждый год (здесь, очевидно допущено преувеличение)⁵³. Высказывание де Люка 1625 г., относящееся к западным адыгам,

⁵⁰ Архив ЛОИИ, ф. Астраханской приказной палаты, д. 1614 г.

⁵¹ См. Л. И. Лавров. Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в.—Сб. «Материалы по истории земледелия СССР», т. 1. М., 1952, стр. 212—216.

⁵² J. Tavernier. Op. cit., p. 371. Полагаю, что известия источника 1614 г. о ценах на пшеницу в Терском городе с пояснением: «а идет де на Терек пшеница из Кабарды, из Кумык», надо относить к привозу из Дагестана. Ср. Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 52 и 133—134. Для XVIII в. есть прямое указание источника на то, что пшеница в Кабарде сеемась («Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 128).

⁵³ J. Tavernier. Op. cit., p. 371.

о том, что «черкесы» обрабатывают землю киркой⁵⁴, относится, скорее всего, к обработке участков огородного типа. Многочисленные русские документы XVII в. подтверждают наличие в Кабарде пашенного земледелия⁵⁵. Определенные известия о том, какие употреблялись в Кабарде пахотные орудия, дошли только от конца XVIII — начала XIX в. Академик Паллас в 90-х годах XVIII в. видел, как в Кабарде пахали большими плугами, запрягая по 6—8 быков⁵⁶, но в это время тяжелые плуги уже могли быть позаимствованы кабардинцами от русских. Так как обычное право кабардинцев сохранило в XIX в. постановление о том, сколько проса должен давать господину крестьянин, если он «будет пахать одной парой» волов⁵⁷, можно думать, что еще и в это время, а тем более в предшествующие века, в Кабарде употреблялись пахотные орудия более легкого типа, типа сохи с железным сошником. Адыг султан Хан-Гирей писал в 1840-х годах о черкесском обычае класть у постели больного «железную соху» (т. е. соху с железным сошником) и молоток «из того же металла». Несомненно, древними были обычая возлияния божеству — покровителю кузнецов Тлешпу — на железе пахотного орудия, по сведениям XIX в. — плуга⁵⁸.

О значении земледелия в хозяйстве кабардинцев свидетельствуют названия месяцев (по Ногмову, май — пахотный месяц, сентябрь — месяц уборки хлеба, октябрь — месяц молотбы хлеба), культ Созериса (Шоузериша), покровителя хлебопашцев, и связанные с ним праздни-

---

⁵⁴ Жан де Люк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. — «Записки Одесского общества истории и древностей», т. XI. Одесса, 1879, стр. 490.

⁵⁵ Кабардинские дела, 1634 г., № 2, лл. 117, 138; 1644 г., № 1, лл. 149—152; 1645 г., л. 4 и сл.; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 121, 122, 129, 161, 231, 245 и др.

⁵⁶ P. Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des Russischen Reichs... В. I. Leipzig, 1799, S. 384.

⁵⁷ Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 157.

⁵⁸ Х. Г. [Хан-Гирей]. Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов. — «Русский вестник», 1842, № 1, стр. 36—37; Л. Я. Любье. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927, стр. 26—28; Е. Шиллинг. Черкесы (адыге). — «Религиозные верования народов СССР. Сборник этнографических материалов», т. II. М., 1931, стр. 49—52.

ва⁵⁹. В 1589 г. ряд кабардинских князей откладывали свою поездку в Терский город до осени, «покамест хлеб с поля попрячут» (очевидно, в ямы: по источнику 1748 г., кабардинцы прося, «для себя на год запасенное, засыпают в ямы») ⁶⁰. В 1629 г. один из кабардинских князей, обсуждая с терскими воеводами план похода на кабардинские же владения, советовал идти «в пахотную пору», чтобы не дать «кабардинским людям» «хлеба пахать» ⁶¹. Однако урожаи были очень неровны — случались недороды из-за засухи, иногда несколько лет подряд урожаи уничтожала саранча (в 1621 г. сообщалось, что саранча поедает хлеб «восьмой год» ⁶²), наконец, тяжелыми бедствиями для грудного населения Кабарды были внутренние распри между кабардинскими феодалами и нападения извне, когда выжигались поселения — кабаки, вытаптывались напши, сжигался хлеб, угонялся скот, жителей уводили в плен. Поэтому полевые работы — пахота, жатва — проводились под военной охраной ⁶³.

Большое значение скотоводства в хозяйстве кабардинцев, переложная система земледелия, политические и военные обстоятельства объясняют одну особенность быта кабардинцев XVI — XVII вв., да и в более позднее время — подвижность поселений. Каменного строительства, по указаниям археологов, кабардинцы в это время не имели. Городов как центров, сосредоточивающих постоянное оседлое ремесленное и торговое население, источники совсем не знают; напротив, известны прямые указания на

---

⁵⁹ Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 38; Л. И. Лавров. Доисламские верования..., стр. 215, 216. По мнению Л. И. Лаврова, «и в горах и на равнине современной Кабардинской АССР, а также в горах Клухорского района Груз. ССР и в области Пятигорья в XVII и XVIII вв. земледелие являлось лишь подсобным занятием местного населения» — его же. Развитие земледелия..., стр. 215. Для Кабарды XVII—XVIII вв. это высказывание представляется мне преувеличением роли скотоводства.

⁶⁰ «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 160.

⁶¹ «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 160; т. I, стр. 63 и 121.

⁶² Кабардинские дела, 1621 г., № 3, лл. 1—4. В XIX в. отмечены обычай, по которым «убивать саранчу считается» у черкесов «святотатством», и глубоко архаический обряд, имевший целью «умилостивить» саранчу («Журнал общепользных сведений», 1858, № 4, стр. 151 и сл.).

⁶³ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 92, 100, 103, 129, 194, 259 и др.

то, что в Кабарде, и вообще у адыгских племен, не было городов. Об этом говорят, например, для конца XV в. Интериано, для XVII в. — Тавернье⁶⁴. Постройки были плетневые, обмазанные глиной и покрытые соломой или тростником, как и позднее⁶⁵. Русские документы XVII в., употребляя для кабардинских поселений восточный термин «кабак», очень часто сообщают о том, что та или иная группа «кабаков» перешла на новое место. Иногда это были переселения на значительные расстояния, как это видно из приведенного выше примера о переносе кабаков Алегучки Шеганукова в 1640-е годы. В русских документах часто встречаются для кабардинцев термины «кочевья», «кочевали». Их нельзя понимать буквально. В одних случаях термины эти обозначают переселения «кабаков», в других — приемы отгонного скотоводства. В документе уже XVIII в. характерно выражение «кошами кочевать», т. е. жить в кошях при стадах⁶⁶.

Кроме скотоводства и земледелия, в Кабарде занимались пчеловодством (или бортничеством), рыболовством, охотой⁶⁷. Для высших слоев кабардинского общества охота была одним из развлечений. Отсюда термин — гульба за зверем⁶⁸.

---

⁶⁴ А. Веселовский. Несколько географических и этнографических сведений о Древней России из рассказов итальянцев. СПб., 1870; J. Tavernier. Op. cit., p. 373; сообщение Эвлия Челеби о городе Таустан в доступном мне переводе очень неясно.

⁶⁵ Е. Н. Студенецкая. Современное кабардинское жилище. — «Советская этнография», 1948, № 4; Л. И. Лавров. Формы жилища у народов Северо-Западного Кавказа до середины XVII в. — «Советская этнография», 1951, № 4.

⁶⁶ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 81, 88, 115, 125, 184, 224, 231, 239, 385; № 117, 125, 136, 150, 152 и др. ср. т. II, стр. 55, 254, 264; Л. И. Лавров. Развитие земледелия., стр. 214.

⁶⁷ Турецкие дела, кн. № 2, лл. 116 об. — 119 об.; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 144, 145, 166; Кабардинские дела, 1634 г., № 2, л. 111; Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 158, 172; Эвлия Челеби. Отрывки путешествия по Северному Кавказу (машинопись). Сообщение Олеария о фруктах, которыми его угощал служивший в Терском городе князь Муцул Сунчалеевич, не может служить свидетельством о садоводстве в самой Кабарде. Около русского Терского города в XVII в. было много садов, но прямых указаний на то, что сады были и у кабардинцев — жителей Черкасской слободы — в источниках не находим. Ср. Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 52—53.

⁶⁸ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 192.

Выше уже упоминалось о том, что в Кабарде не было городов с ремесленным и торговым населением. Распространена была среди кабардинского крестьянства домашняя промышленность, о видах которой можно судить по описаниям одежды, оружия, обстановки и курганным находкам, — это было производство шерстяных, войлочных и кожаных изделий, в том числе конской упряжки и седел, бурок, одежды, оружия, орудий труда и обстановки; среди женщин, особенно из феодальных семей, — вышивание, золотошвейное мастерство⁶⁹. Специализирована была добыча и обработка металлов. В Кабарде добывались железо, медь, свинец, серебро. По адатам, крестьянский двор, занимавшийся добычей железа, платил господину оброк полосой железа⁷⁰. Свинец из Кабарды в небольшом количестве привозили на продажу в Терский город. Кабардинцы знали выходы серебряно-свинцовых руд не только на территории самой Кабарды, но и в Балкарии, в ущелье Черека, и в Осетии в ущелье Ардона, «в Дугорях», т. е. в Дигории, в ущелье Уруха⁷¹. Добыча серебра составляла профессиональную тайну немногих лиц. Славились кабардинское оружие, оно нужно было и для обороны от внешних врагов, и для наездов, обычных в быту кабардинских князей и их феодальных дружин. Изготавливались луки, стрелы, колчаны, ножи, кинжалы, копья, сабли, шлемы, панцири, наручи⁷². Качество этих изделий было высоко, и хотя их у кабардинцев не хватало, «черкасское» оружие провизвало и на Восток, и на Русь. Ингерманно писал, что у черкесов стрелы «лучшие в мире». В 1615 г. кабардинский князь из Малой Кабарды Мудар Алкасов повез персидскому шаху Аббасу в дарах 5 иноходцев и «пансыри»⁷³. В 1595 г. шах Аббас, показывая русскому послу кн. Андрею Звенигородскому разное оружие сказал: «А пансыри добрые выходят к нам из Чер-

---

⁶⁹ В. П. Левашева. Белореченские курганы. — «Труды ГИМ» (вып. XXII. М., 1953; Е. Н. Студенецкая. Украшение одежды у кабардинцев. — «Уч. зап. Кабардинского научно-исслед. ин-та», т. V. Нальчик, 1950.

⁷⁰ Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 158.

⁷¹ «Кабардино-русские отношения», т. I, № 72—79.

⁷² В. П. Левашева. Указ. соч.; Ш.-Б., Ногмов. Указ. соч.; И. Г. Гербер. Указ. соч., стр. 28, и сл.

⁷³ Кабардинские дела, 1615 г., № 1, лл. 83—84.

кас»⁷⁴. О том, каково было выделявшееся кабардинскими мастерами для кабардинских феодалов богатое оружие и конское убранство, можно судить по описаниям оружия «черкасского дела» в старинных описях имущества и оружия русских царей и бояр и по образцам «черкасского» оружия в коллекциях Оружейной палаты. Лук расписывались красками, золотом и серебром, копыя, шлемы, наручи были «наведены золотом» и богато украшены; панцири отличались легкостью и прочным плетением колец. Хранившийся в XVII в. в царской казне «орчак» черкасского дела был нарезан красным сафьяном, шит золотом, обит серебряными гвоздями. В документе 1645 г. упомянуты «6 плащей пансырных серебряных, позолочены, с камнем», принадлежавшие князю Пшимахе Камбулатовичу. Высокий отзыв о кабардинских седлах и «лошадином верховом уборе» дал в 20-х годах XVIII в. Гербер. В XVIII в. производство седел в Кабарде было так распространено, что в 1788 г. Шейх-Мансур писал в Большую Кабарду о том, чтобы было сделано 20 тыс. седел, и по сведениям, дошедшим до Моздока, седла «изготавлиютца»⁷⁵.

Искусство кабардинских мастеров «панцырного и сабельного дела» ценилось на Руси, и в 60-х годах XVII в., в период войны Русского государства с Польшей за Украину, в Москву через Астрахань выписывали «черкас пансырного дела самых лучших мастеров да булатного сабельного дела сварщиков самых лучших мастеров», а в Астрахани налаживали учение этому мастерству местных

⁷⁴ Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. I. СПб., 1890, стр. 271. Однако в этом случае речь могла идти и об изделиях Дагестана, именно кубачинских. Об изготовлении в Кабарде в XVIII в. сабель, стрел, панцирей см. «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 125, 164, 235.

⁷⁵ П. Савваитов. Описание старинных царских утварей, одежды, оружия, разных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей Московской Оружейной палаты. СПб., 1865, стр. 213, 233, 234, 269, 309; «Временник ОИДР», т. VIII. М., 1850, Смесь, стр. 9; т. XV, 1852, стр. 27—28; «Чтения ОИДР», 1902, кн. II, Смесь стр. 16; кн. III, Смесь, стр. 43; И. Г. Гербер. Указ. соч., стр. 28; «Гос. Оружейная палата Московского Кремля». М., 1954, стр. 86, 113 (высказанное здесь предположение, что «черкасские панцири» делались на Украине, является недоразумением); «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 259; т. II, стр. 371.

«робят» и посланных с Москвы «литовских» (скорее всего белорусских) «робят»⁷⁶. Документы называют двух черкасских оружейников по именам — Калюбат и Баду. Второе имя встречается в относящихся к Кабарде документах⁷⁷. В 1640 г. в Черкасской слободе Терского города среди живших за мурзою Муцалом Сунчалеевичем «задворных черкас» упомянуты серебряный мастер и кузнечный мастер⁷⁸. Вместе с тем надо подчеркнуть, что и металлов, и своего выделанного оружия в Кабарде было мало, что туда завозилось оружие из Крыма, из Турции и главным образом из Руси, о чем будет сказано ниже.

В XVI—XVII вв. кабардинцы не умели делать огнестрельного оружия, и привозные пищали были среди них редкостью⁷⁹.

Источники XVI—XVII вв. не знают среди кабардинцев профессиональных торговцев⁸⁰. Хозяйство кабардинцев оставалось в основном натуральным. Яркий показатель этого — отсутствие у адыгов в то время, да и позднее, своей монеты и меновой характер торговли⁸¹. Правда, Кабарда находилась в непосредственной близости к основному северокавказскому пути, который шел из Крыма через Таманский полуостров или через Азов по северокавказским степям через Дагестан в Закавказье. В XIV—XV вв. адыги были связаны торговыми отношениями с генуэзскими колониями на северо-западном Кавказе. С конца XV в. колонии эти прекратили свое существование, их заменили построенные в стратегических целях турецкие крепости и военно-политическая обстановка в северокавказских степях сильно затруднила торговые сношения⁸². Из Крыма, Турции, Закавказья про-

⁷⁶ АИ, т. IV, № 147, 155; «Кабардино-русские отношения», т. 1, № 205—207, 209, 210.

⁷⁷ Кабардинские дела, 1648 г., № 1, л. 65 («Бута»); «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 353 (холоп Бата) и др.

⁷⁸ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 193—194.

⁷⁹ N. Witsen. Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, 1692, S. 439.

⁸⁰ В документах встречалось одно неясное указание 1650 г. на «черкас торговых людей», приехавших в Москву «с товары» («Кабардино-русские отношения», т. I, № 190).

⁸¹ Эвлия Челеби. Отрывки путешествия... (машинопись); И. Г. Гербер. Указ. соч., стр. 28; Н. А. Смирнов. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв. Нальчик, 1948, стр. 42, и др.

⁸² Там же.

никали в Кабарду для феодальных ее слоев шелковые и хлопчатобумажные материи, ювелирные изделия, дорогое оружие. Эти же связи способствовали развитию торговли: кабардинские феодалы продавали захваченных в плен «ясырей» и в Персию, и в Турцию, и в Крым⁸³.

Иной характер носили связи Кабарды с Дагестаном и с жителями гор. Так, кабардинские уздени и рядовые «черкасы» ездили в Эндерейское ханство в Северном Дагестане «для соли с телегами». Дорога из Дагестана к Сунже и далее называлась «Кабардинской дорогой» — очевидно, путь из Дагестана в Кабарду был наезжен. В 1635 г., когда был возобновлен на перевозе через Сунжу русский острог, предполагалось брать пошлину — тамгу — с торговых людей, которые будут ходить «ис Кумык в Кабарду и ис Кабарды в Кумыки в корованех», — «со выюка по киндяку, а с таи по кумачу». Эти хлопчатобумажные материи (скорее всего азербайджанского происхождения) могли потребляться и рядовыми кабардинцами. Из Кабарды в горы носили «хлеб» мешками⁸⁴.

Сообщение Эвлия Челеби о большой ярмарке, которая продолжается весной в течение 40 дней на границе Кабарды и на которую съезжаются торговцы со всего мира, не удастся проверить по другим источникам. Оно дано с характерными для Эвлия преувеличениями⁸⁵.

С половины XVI в. с присоединением к Русскому государству Казани и Астрахани расширяется торговля Ирана и Закавказья по волжскому пути с Русью. В Астрахань товары привозили или морем, или сухим путем через Дагестан и возникший в устье Терека в 1589 г. Терский город. Кабардинские князья и уздени были втянуты в эту торговлю и доставляли в Астрахань и Москву товары со своими «людьми», т. е. холопами, или пользуясь посредничеством восточных купцов — тезиков. Так, в 1647 г. черкасский мурза Татархан Арасланов повез из Терского города в Астрахань товаров на 7 тыс. руб.; в 1651 г. «человек» кабардинского князя Муцала Сунчалеевича Черкасского, служившего в Терском городе, доста-

⁸³ Кабардинские дела, 1634 г., № 2, лл. 121—123, 128—131; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 153; Н. И. Веселовский. Указ. соч., стр. 157—159 и др.

⁸⁴ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 99, 121, 160.

⁸⁵ Эвлия Челеби. Отрывки путешествия... (машинопись), стр. 71.

вил в Москву товару также на крупную сумму — 4242 руб. («1743 ансыря шолку рясново, 194 дараг кармазинных, 70 дараг гилианских, 140 юфтей сафьяновых») ⁸⁶. Князья подавали челобитные об освобождении от уплаты таможенных пошлин, и обычно эти челобитные удовлетворялись полностью или частично. В 1631 г. служившие в Терском городе Шолох и Муцал Сунчалеевичи получили право продавать каждый год товаров на 500 руб. беспошлинно в Астрахани и Терском городе; позже один Шолох повысил эту льготную сумму до 600 руб., а в 1638 г. тех же преимуществ добились князья Келмамет и Ильдар Куденетовичи ⁸⁷. Привод князьями в Москву в подарок царю лошадей иной раз имел характер торгового обмена. Так, в 1648 г. Муцал и его сын привели 9 коней, которые были оценены в 315 руб. Князьям дали в обмен из царской казны соболей на 400 руб., но они попросили дать деньгами и получили 200 руб. деньгами и на 200 руб. соболей. Путем торговли в руках кабардинских феодалов оказывались и русские деньги, и восточные «золотые» ⁸⁸. Из Москвы князья везли полученные в дар меха, особенно ценившиеся на Востоке, шубы, шапки, подаренную и купленную «заповедную рухлядь» — вооружение, которое они стремились приобрести для себя и для своих дружин, — панцири, железные шапки, наручи, наколенники ⁸⁹.

Несмотря на значительные обороты торговли кабардинских феодалов, она мало влияла на натуральное кабардинское хозяйство. За исключением лошадей, кабардинские феодалы доставляли на Русь не местные, кабардинские изделия и продукты, а закавказского и иранского происхождения, преимущественно шелк и шелковые ткани Ширвана и Гиляна. Бóльший интерес представляют повседневные связи рядовых кабардинцев с гребенскими казачьими городками и русским Терским городом, где во второй половине XVII в. два раза в неделю бывали базарные дни и где был конский базар. Здесь продавались, чаще менялись, местные северокавказские продукты и изделия: просо, скот, лошади, свинец, «ковры,

⁸⁶ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 280, 301.

⁸⁷ Там же, № 92, 113, 155, 161, 173 и др.; «Чтения ОИДР», 1893, кн. III, Смесь.

⁸⁸ «Кабардино-русские отношения», т. I, № 183.

⁸⁹ Там же, стр. 408 и др.; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 237, 369, 520—521.

попоны, овчины, шубы бараньи», марена⁹⁰. В течение второй половины XVI и в XVII в. экономические связи Кабарды с Русью, а также Кабарды с Закавказьем и Дагестаном, несомненно, развивались. Их подробное изучение заслуживает специального исследования. Однако они еще не повели к появлению в Кабарде денежного хозяйства. Об этом ярко свидетельствуют источники XVIII в., когда в Кабарде все еще не было своей монеты и торговля оставалась преимущественно меновой⁹¹.

* * *

Вопрос о том, существовали ли в Кабарде до XIX в. феодальные отношения, в настоящее время уже не является дискуссионным. Источники XVI—XVII вв. не оставляют сомнения в том, что в это время в Кабарде было классовое феодальное общество. Задачей исследования является изучение особенностей феодальных отношений в Кабарде.

Уровень развития производительных сил, описанный выше, — устойчивость натурального хозяйства, большое значение скотоводства, отсутствие городов — должен был отразиться на развитии феодальных отношений в Кабарде, привел к сложению своеобразных их форм, к устойчивости патриархально-родовых пережитков. В XVI—XVII вв. они были еще настолько крепки, что, может быть, правильнее говорить о патриархально-родовом укладе, который сохранялся наряду с феодальными производственными отношениями. Употребляю здесь и далее термины «патриархальный», «патриархально-родовой» в широком значении пережитков первобытно-общинного, бесклассового строя, о котором В. И. Ленин говорил: «...вначале мы имеем общество без классов — первоначальное, патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов»⁹².

Высшим феодальным слоем кабардинского общества были князья (по терминологии русских источников) и их сыновья — мурзы. Кабардинский термин для этого слоя —

⁹⁰ ПСЗ, I, т. III, № 1585; АИ, т. IV, № 40; Я. Я. Стрейс. Три путешествия. М., 1935, стр. 214; «Кабардино-русские отношения», т. I, № 155, и др.

⁹¹ «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 229—230, 242, и ссылки на стр. 96—97.

⁹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 438.

пши — в первоначальном значении — глава рода, старейший⁹³. Этот термин, известный из более поздних источников, отражен в имени князя, современника князя Темрюка Идаровича, Пшеапшоко, сына Кайтуко. Одним из ярких признаков господствующего, владетельного положения этого слоя было наименование от имен его представителей кабардинских феодальных владений, например, Казыева Кабарда в Большой Кабарде, от имени князя Казыя Пшеапшокова, жившего в конце XVI — начале XVII в., Шолоховы кабаки и Мударовы кабаки в Малой Кабарде, от имен князей Шолоха Тапсарукова из рода Таусалтана и Мудара Алкасова из рода Кলেখстана. Уже в первой половине XVII в. в Посольском приказе в Москве были записаны подробные родословные кабардинских князей, в которых их происхождение велось от легендарного Инала, по второму варианту — от Акабгу. Под влиянием мусульманского Востока не позже XVII в. возникли и легенды о происхождении адыгских князей от арабов⁹⁴. Высшие слои кабардинского общества были связаны брачными отношениями с представителями феодальных домов Грузии, Дагестана, Крыма, Ногайской орды⁹⁵. Об их высоком положении в кавказской феодальной среде свидетельствует и брак Ивана Грозного с Марией Темрюковной. Источником XVII в. засвидетельствован обычай, по которому дети князей от «меньшиц», т. е. от женщин не княжеского происхождения, и от «служниц», т. е. от рабынь, не считались равными рожденным от княгинь (кабардинский термин для них — тума)⁹⁶. При выдаче замуж дочери кабардинского князя или мурзы полагался высокий калым⁹⁷.

⁹³ Н. Ф. Яковлев. Грамматика кабардино-черкесского языка, ч. II. — «Уч. зап. Кабардинского научно-исслед. ин-та», т. II. Нальчик, 1947, стр. 294.

⁹⁴ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 1—8; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 383—387; т. II, стр. 189—190; Эвлия Челеби. Отрывки путешествия... (машинопись), стр. 69; М. А. Полиевкт ов. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932; Кабардинские дела за XVII в.

⁹⁵ Продолжение ДРВ, т. X, стр. 229; т. XI, стр. 52—53; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 136, 137, 166, и др.

⁹⁶ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 287; Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 156; Ф. И. Леонтович. Указ. соч., стр. 224.

⁹⁷ С. А. Белокуров. Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дагестанскую землю (1639—1640 гг.).—

Кабардинские князья были постоянно окружены своими военными слугами — «лучшими и средними узденями», «задворными, дворовыми узденями», по терминологии русских документов XVII в. (термин «узденъ» в Дагестане применялся по отношению к крестьянству; в Кабарде относился к феодальным слоям общества; кабардинский термин для них — уорк). Русские воеводы знали о влиятельном положении в Кабарде «лучших узденей». Так, в 1599 г. воеводы Терского города писали кабардинскому князю Шолоху Тапсарукову, чтобы он приехал поговорить «о государевых кабардинских делах», но не один, а «с козлары и с дужнюки»⁹⁸. Значение этих терминов выясняется, если сравнить дошедшие в документах XVI—XVII вв. имена и фамильные прозвища козларов и дужнюков со сведениями Ш.-Б. Ногмова и других авторов XIX в. о фамилиях первостепенных кабардинских узденей — тлакотлешей и узденей второй степени — деженуго. Уже в конце XVI в. в Кабарде среди «лучших узденей» находим Анзоровых, Тамбиевых, Куденетовых⁹⁹. Вот как рисует положение в Кабарде козлара (т. е. тлакотлеша) Хотова Анзорова русский источник конца XVI в., называя его «почтенным», «именитым» в Кабарде человеком: «Все кабардинские князи и мурзы и уздени слушают его во всем» и «без ведома его» «никому ничего не зделати». Дочь его была замужем за сыном кахетинского царя Александра, а племянница — за шамхалом дагестанским¹⁰⁰. Из известных позднее фамилий деженуго можно назвать Таутуковых, т. е. Доотоковых (один из них выехал служить на Москву еще при Иване Грозном) и Ентемировых (т. е. Астемировых)¹⁰¹. Козлары и дуж-

«Чтения ОИДР», 1887, кн. II, стр. 338; Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 104, 143; Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 156, 162.

⁹⁸ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 291.

⁹⁹ Там же, стр. 75—76, 80—81, 83, 119, 133, 135, 144, 290, 291; Н. Волконский. Кавказ в 1787—1799 гг. — «Кавказский сборник», т. XI. Тифлис, 1894, стр. 30—31. «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 92, 272—273 и др.; ср. Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 151, 167—169; В. Н. Кудашев. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913, стр. 117—120.

¹⁰⁰ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 7, 75, 81, 144; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 56—59, 63—64, 400.

¹⁰¹ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 145; Выписки о приезжавших на Москву царевичах и черкас-

нюки владели «своими кабаками», т. е. населенными крестьянами деревнями. Владение Анзоровых было известно в XVII в., как Анзорова Кабарда; в начале 1650-х гг. она находилась, по предположению М. А. Полиевктова, между р. Урухом и Черекон¹⁰². В середине XVIII в. названы в Большой Кабарде деревни Танби, 15 деревень Куденет и в Малой — 14 деревень Анзор. Впоследствии, в XIX в., Анзоровы считались одними из самых крупных в Кабарде земельных собственников¹⁰³.

«Дворовые уздени», как показывает самый термин, жили «во дворе» князя, в постоянном общении с ним, «задворные уздени» — вблизи его двора. Вторые считались выше первых. По-видимому, эти русские термины соответствуют названным в адатах узденям пшекау и бесленьюорк. Уздени обязаны были службой князю — при походах князя должны были «садиться на конь» и следовать за ним. Например, в 1634 г. кабардинский Каншов мурза Битемрюков сообщил, что с ним «садится на конь узденей моих 112 человек»; с братьями Татарханом и Суркаем мурзами Араслановыми в походе 1633 г. на Казыев ногайский улус было 200 дворовых людей, т. е. узденей¹⁰⁴. Уздени имели право переходить от одного князя к другому. Это право, отразившееся в записях адатов, прослеживается вглубь в источниках XVIII, а также XVII и XVI вв. По адатам, уздени «добровольно» служат князьям и вправе переселиться от князя в другое место, если будут обижены князем¹⁰⁵. По сообщениям XVIII в., уздени «вольны в выборе себе владельца»¹⁰⁶. По сведениям 1589 г., уздени князя Шолоха Тапсарукова говорили ему, чтобы он «отстал» от крымского хана и служил бы русскому царю. Один из лучших узденей грозил ему: «Как де тебе государю не служитьи., и яз де от тебя отъеду к

ских и ногайских мурзах с 1552 по 1618 г.— РИБ, т. XXII. СПб., 1908, стб. 58 и сл.

¹⁰² Кабардинские дела, 1646 г., № 1, л. 6; М. А. Полиевктова. Указ. соч., стр. 39.

¹⁰³ АВПР, Кабардинские дела, 1753 г., № 12; «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 194—196; В. Н. Кудашев. Указ. соч., стр. 117—120.

¹⁰⁴ Кабардинские дела, 1634 г., № 2, лл. 133, 142, 221, 244; 1645 г., л. 90; ср. Ш.-Б. Ногмова. Указ. соч., стр. 152; Ф. И. Леонтович. Указ. соч., стр. 224, 231.

¹⁰⁵ Ш.-Б. Ногмова. Указ. соч., стр. 153.

¹⁰⁶ ЦГАДА, Госархив, разряд XXIII, № 4.

иному князю»¹⁰⁷. В 1634 г. Келмамету Куденетовичу «бли челом... в уздени» «четыре брата черкасы», выехавшие от Алегуки Шеганукова, и Келмамет их принял. В 1640-х годах «за Шолоховыми» князьями были козлары «Хотовы дети Еналука с братьею» (из Анзоровых), которые ранее служили мурзам Алегуке и Ходождуре¹⁰⁸. Это — характерное право вассала выбрать себе сеньора¹⁰⁹. Своих узденей имели княгини-вдовы и уздени высших степеней¹¹⁰.

Уздени не только сопровождали своего князя в походах против внешних врагов или при междоусобных княжеских распрях, но и участвовали в наездах за добычей, обычных в княжеском быту¹¹¹. Отгон скота и увод ясырей вызывал ответную баранту, обусловленную обычным правом¹¹².

Вопрос о феодальной земельной собственности в Кабарде не отражен в ранних записях адатов, как нет в них и какого-либо постановления о межах¹¹³. Частная феодальная земельная собственность начала заметно развиваться в Кабарде с XVIII в., отчасти под влиянием русских порядков и царских земельных пожалований. В первой половине XIX в. она была уже широко распространена¹¹⁴. В XVII в. усваивали русские представления о зе-

---

¹⁰⁷ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 137.

¹⁰⁸ Кабардинские дела, 1634 г., № 2, л. 244; С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 7; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 386.

¹⁰⁹ Термин «безотходный уздень» см. в кн.: «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 206 и 414; значение его неясно.

¹¹⁰ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 202; Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 151.

¹¹¹ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 3—5, 8, 141.

¹¹² Кабардинские дела, 1634 г., № 2, л. 233; «Кабардино-русские отношения», т. I, №№ 98, 151, 156, 160, стр. 409, 416; Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 154; «Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в.», стр. 82, 367; В. К. Гарданов. Указ. соч., стр. 27—28.

¹¹³ Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 151—162; И. Радожичский. Указ. соч.

¹¹⁴ Т. Х. Кумыков. К вопросу об общественном строе Кабарды... См. особенно в «Приложении» — «Сведения о землях Б. Кабарды, собранные по народным показаниям полковником Петрусевичем в 1846 году»; «Материалы по обычному праву кабардинцев», стр. 198, 275, 411.

мельной собственности выехавшие на Русь кабардинские феодалы, влившиеся в ряды русского боярства и дворянства, и служившие по Терскому городу кабардинские князья и мурзы ¹¹⁵.

До XVIII в. основным видом феодальной земельной собственности были не разделенные владения больших княжеских семей, владевших той или иной группой кабаков, т. е. поселений, во главе со старшим в семье. В таких княжеских владениях феодал и члены его семьи выступали верховными собственниками всей земли и могли распоряжаться как пастбищами, так и пахотными местами ¹¹⁶. В так называемые «шертные» грамоты, по которым кабардинские князья присягали русским царям, включалась формула княжеской присяги — за себя, за братьев, за детей и племянников и за всю свою землю, или в другом варианте: «За себя и за братью свою и за детей своих за больших и за меньших и за улусных своих людей лучших и средних и черных людей Кабардинской земли» ¹¹⁷. В «Описании кабардинского народа», составленном в Коллегии иностранных дел в 1748 г., это явление было разъяснено так: после 5 сыновей Инала «от времени до времени у кабардинских владельцев вошло в обычай так, что после каждого владельца всеми подданными владеет один старшей по нем брат, а ежели братьев нет, то большой его сын, а протчие умершего отца дети должны жить при том их большем брате и содержание свое получать от него и для того быть у него в послушании» ¹¹⁸. Яркий пример

¹¹⁵ «Кабардино-русские отношения», т. I, № 158 и стр. 416. В 1645 г. в Терской приказной избе, а затем и в Посольском приказе разбиралось спорное дело о сенных покосах по р. Быстрой (одному из притоков Терека). Спор шел между Камбулатом Пшимаховичем и сыном его троюродного брата Будачеем Сунчалеевичем, представителями двух линий кабардинского княжеского рода. Будачей ссылаясь на то, что покосы были «истари отца его», т. е. отстаивал принцип наследственности по прямой линии. Камбулат говорил, что покосами владел его троюродный брат Канюв, после него их двоюродный брат Келмаммет (Куденетович), после него вдова Келмаммета и сам Камбулат. Очевидно, Камбулат руководствовался принципом старшинства, по которому он имел большее право на наследство брата, хотя и не родного, чем племянник. К сожалению, мы не знаем, как было решено дело.

¹¹⁶ Ф. И. Леонтович. Указ. соч., стр. 121—122.

¹¹⁷ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 108 и др.; В. Н. Кудашев. Указ. соч., стр. 35—36; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 80.

¹¹⁸ «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 152—153.

такого владения в XVI—XVII вв. владение потомков Кайтуко (впоследствии в Большой Кабарде). В середине XVI в. источники называют «кабаки Шепшуковы з братьею»¹¹⁹, т. е. сына Кайтуко Пшеапшоко с родственниками. Позднее это владение обычно называется Казыевой Кабардой по имени сына Пшеапшоко Казыя, причем это название удерживается и после смерти Казыя в начале XVII в. В первой половине XVII в. в Казыевой Кабарде главенствуют Алегуко Шеганукин (по имени которого Казыева Кабарда называется также Алегукиной) и Ходождуко Казыев, двоюродные братья, внуки Пшеапшоко, но считалось, что владеют Казыевой Кабардой «13 братьев» — кроме уже названных Алегуко и Ходождуко, 3 брата Ходождуко, 2 сына Алегуко, их внуки и племянники¹²⁰. В 1640 г. грамота из Большой Кабарды царю Михаилу Федоровичу была написана от лица 12 владельцев Алегукиной Кабарды (13-й, по-видимому, находился аманатом в Терском городе)¹²¹. В 1670-е годы в Большой Кабарде возникли резкие несогласия между потомством Казыя и потомством Алегуки, и единство этой большой владельческой семьи было нарушено¹²². В XVIII в. Большая Кабарда распалась на уделы четырех княжеских линий, между которыми шла ожесточенная междоусобная борьба¹²³.

Как указывалось выше, «лучшие» уздени — высших степеней — владели своими «кабаками». Судя по позднейшим данным, уздени низших степеней, военные слуги князей и первостепенных узденей, получали за службу жалованье и подарки натурой¹²⁴. В источниках XVIII — XIX вв. встречаем термин «узденская дань» (уорк-тын) — дар от князя служащим ему узденям¹²⁵. Указаний на то, что в XVI — XVII вв. в узденскую дань входили участки земли, в источниках нет.

¹¹⁹ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 11, 13.

¹²⁰ Там же, стр. 184.

¹²¹ Там же, стр. 181.

¹²² Там же, стр. 345.

¹²³ Г. Кокиев. К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII в. — «Уч. зап. Ин-та этнографии и национальных культур народов Востока», т. II, М., 1930.

¹²⁴ Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 155; Ф. И. Леонтович. Указ. соч., стр. 229, 230.

¹²⁵ «Материалы по обычному праву кабардинцев», стр. 89, 110.

Надо подчеркнуть, что в связи с подвижностью кабардинских «кабаков» феодальное владение не было твердо установленной территорией, с установившимися границами. Термин русских документов «владение» обозначал не столько определенную территорию, сколько зависимое от князя и мурзы население — узденей и крестьян, а затем уже земли, на которых велось их скотоводческое и земледельческое хозяйство. Отсюда такие выражения документов, как «откочевать со своими кабаки и со всем своим владеньем» на новое место.

Так как в Кабарде в изучаемые века не была распространена письменность («грамоты де в черкасах нет и писать не умеют»¹²⁶), не было и актов, закреплявших владение землей.

В феодальных слоях населения Кабарды духовенство в XVI—XVII вв. не играло особой роли. В 1560 г. из Москвы в Кабарду было послано христианское духовенство для крещения «кабартанских черкас»¹²⁷, но это не повело к утверждению среди них христианства. В конце XVI в. и в XVII в. кабардинские феодалы были мусульманами (за исключением тех, которые выезжали служить на Русь и крестились). Во всяком случае, присягали они обычно на Коране¹²⁸. Магометанская религия выделяла феодалов из «простого народа», среди которого были прочны языческие представления и обряды и сохранились следы христианства¹²⁹. Однако и в XVIII в. мусульманское духовенство было немногочисленно и не играло особой роли¹³⁰.

¹²⁶ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 186.

¹²⁷ ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 324; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 8.

¹²⁸ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 47, 107 и др.; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 50, 97, 212, 214, 215, 264, 265 и др.

¹²⁹ Л. И. Лавров. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев.

¹³⁰ Stehlin. Nachrichten von Tschirkassien oder von den Kabardinischen Landen.— «Magazin für die neue Historie und Geographie angelegt von... Büsching», B. VII. Hamburg, 1771, S. 468; J.-A. G ü l d e n s t ä d t. Op. cit., S. 488; О народах, соседственных Астраханской губ.— «Русский инвалид», 1822, № 35, стр. 138—140; Л. Я. Любве. Указ. соч., стр. 26—28. В документах XVII в. могу указать только одно упоминание муллы — «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 306.

Из-за характера источников изучение кабардинского крестьянства XVI — XVII вв. встречает большие трудности. Один из наиболее неясных вопросов — вопрос о крестьянской общине. Попытка изучения кабардинской общины XVIII в. сделана Н. Х. Тхамоковым, который пришел к выводу, что «кабардинская община XVIII в. пребывала в стадии завершения перехода из родовой общины в сельскую». Но и для XVIII в. сведения так отрывочны, что изложение Тхамокова построено не столько на конкретных данных источников XVIII в., сколько на общих указаниях классиков марксизма-ленинизма, с одной стороны, с другой — на источниках XIX в. и этнографических наблюдениях уже XX в.¹³¹

Выше уже приводились данные о кабардинских поселениях, которые и в русских, и в восточных источниках XVI — XVII вв. обозначаются тюркским словом «кабак». Известный по более поздним наблюдениям кабардинский термин «къуажэ» (село) отражен в записанной Ногмовым древней кабардинской песне «Чегема старого ров» (коже) и в его словаре (коджа)¹³². Т. Х. Кумыков считает, что кабардинский кабак «возник и оформился как административно-хозяйственный центр феодального владения»¹³³. Не могу согласиться с этой формулировкой. Полагаю, что кабардинские кабаки-къуаже возникли как поселения крестьянской общины, в той или иной ее форме. На ландкарте 1744 г., наряду с «деревнями» в Большой и Малой Кабарде, нанесены «дворы» ряда князей, стоявшие обособленно¹³⁴.

Как указывалось выше, источники XVI — XVII вв. говорят о большой семье в феодальной среде. Описания Кабарды XVIII в. подтверждают, что она крепко держалась и в среде крестьянства. Автор конца XVIII в. писал, что в Кабарде «каждое семейство от прадеда до позднего поколения живет нераздельно и пищу употребляют из одного котла»¹³⁵. Здесь описана семейная община с коллективным потреблением, следовательно, и с коллектив-

¹³¹ Н. Х. Тхамоков. Указ. соч., стр. 125—131.

¹³² Ш.-Б. Ногма. Филологические труды, т. I. Нальчик, 1956, стр. 53, 176.

¹³³ Т. Х. Кумыков. К вопросу об общественном строе Кабарды..., стр. 56.

¹³⁴ «Кабардино-русские отношения», т. II, ландкарта 1744 г.

¹³⁵ Там же, стр. 361.

ным производством. Записанное в первой половине XIX в. кабардинское обычное право включает пункт, затрудняющий разделение крестьянских семей; следовательно, тенденция образования малых семей уже имела в это время место. Однако и позднее большие семьи в крестьянской среде были обычным явлением.¹³⁶

Русские документы XVIII в. часто упоминают о кабардинских «старшинах», представителях «черного народа» или «фамилий черного народа». Исследователи сопоставляют термин «фамилия» с кабардинским словом «лъэпк» (в переводе Ногмова — род, родословная). Термин этот означал более широкую, чем большая семья, родственную группу, определяемую М. О. Косвеном как патронимия.¹³⁷

Документ 1777 г., передавая жалобы старшин черного кабардинского народа на притеснения владельцев, так излагал их речи: «...они владельцам подданными почитаются по одной только земле, а не природные крепостные, ибо все их общество составило многолюдство из одних пришельцев из разных мест»¹³⁸. Фразу эту можно привлечь для доказательства существования в XVIII в., наряду с семейными и патронимическими общинами, и кабардинской сельской, соседской общины. Обращаю внимание историков-кабардинцев на необходимость тщательного анализа названий кабардинских деревень, приведенных на ландкарте 1744 г., в пояснении к ней 1753 г. и в других документах XVIII в.¹³⁹

¹³⁶ Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 158, п. 13; Е. Н. Студенцакая. О большой семье у кабардинцев в XIX в.— «Советская этнография», 1950, № 2; «Материалы по обычному праву кабардинцев», стр. 200.

¹³⁷ «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 309, 323, 361 и др.; Ш.-Б. Ногма. Указ. соч., стр. 181; А. И. Першиц. Фамилия — лъэпк — у кабардинцев в XIX в.— «Советская этнография», 1951, № 1; М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа, стр. 32—42 (Патронимия); Н. Х. Тхамоков. Указ. соч., стр. 130—133.

¹³⁸ «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 114—115, 194—196, 211.

¹³⁹ И. Раджицкий. Указ. соч.; Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 151—172; «Материалы по обычному праву кабардинцев», стр. 224, 279, 352; В. М. Букалова. Антифеодалная борьба кабардинских крестьян во 2-й половине XVIII в. — «Вопросы истории», 1961, № 6; Т. Х. Кумыков. К вопросу об общественном строе Кабарды...

На основании источников уже XIX в. исследователи приводят кабардинские названия разрядов феодально зависимого населения: тлфокотлы — лично свободные крестьяне — общинники, оги и логанопыты — крепостные крестьяне, унауты — рабы, азаты — вольноотпущенники. Записи кабардинского обычного права первой половины XIX в. дают подробнейшее перечисление крестьянских повинностей, но записи были сделаны русскими чиновниками, на русском языке, и употребляют не кабардинские названия, а русские — крестьяне, холопы, рабы, часто пользуются восточным словом чагары; не всегда ясно, когда речь идет о тлфокотлах и когда о крепостных крестьянах. Это дает основание говорить о том, что к XIX в. положение тлфокотлов было уже близко к положению крепостных крестьян¹⁴⁰.

Для феодально зависимого населения Кабарды, различных его разрядов, русские документы XVI—XVII вв. употребляют термины «черные люди», «ясашные люди», «деловые люди», «пахотные люди», «ясыри», т. е. пленники-рабы; иностранные авторы пользуются обычно термином «сервы». Сведения XVI—XVII вв. о повинностях крестьян отрывочны и скудны, и в этом вопросе позднейшие данные надо привлекать с особой осторожностью, так как феодальные повинности в течение XVIII в., несомненно, росли.

Полагаю, что названия «черные люди» и «ясашные люди» относятся к одному и тому же разряду кабардинского крестьянства, который в источниках XIX в. определяется как «вольные земледельцы», тлфокотль, длфхкотль, токотль (в документах XVIII в. — «токошевы», «тукашуки»). К этому же разряду крестьян отношу такие термины русских документов XVII в., как «рядовые черкасы», «неименитые черкасы»¹⁴¹. Как «ясашные», они

¹⁴⁰ И. Радожницкий. Указ. соч.; Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 151—172; «Материалы по обычному праву кабардинцев», стр. 224, 279, 352; В. М. Букалова. Указ. соч.; Т. Х. Кумыков. К вопросу об общественном строе Кабарды...

¹⁴¹ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 59, 80, 104, 105, 129, 211, 264, 314, 403 и др.; т. II, стр. 269, 270; С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 4, 7, 8; Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 112; С. Броневский. Указ. соч., стр. 87; Хан-Гирей. Беслыйный Абат, стр. 128 и сл. Е. П. Алексеева считает, что термин «черные люди» означал и крепостных крестьян (указ. соч., стр. 99).

платили феодалам, верховным собственникам земли, ясак, дань (по терминологии XVIII—XIX вв. — подать, оброк), несомненно, натурой¹⁴², совпадавшую в данном случае с феодальной земельной рентой¹⁴³. Можно предполагать, что уже в изучаемое время черное крестьянство Кабарды выполняло и ряд других повинностей, записанных в XIX в. в адатах, повинностей, которые прикрывались патриархальными формами помощи и обычая гостеприимства, уходящими корнями в обычаи родового строя, например, приношения в день праздников, прием на постой и содержание слуг княжеских гостей и т. п.¹⁴⁴ Можно привести и одно известие уже 50-х годов XVIII в. о том, что «брагунцы», жители так называемого Брагунского владения, были «всенародно по своим обычаям для паханья на владельца Кудейнета под сеяние хлеба земли»¹⁴⁵. Здесь описывается выход крестьян на работы так называемой помочью, мирской сходкой — вид барщины, прикрытый патриархальной формой. Ввиду опасности набегов князя выезжали в поле вооруженные для охраны работающих, а также и для наблюдения за работами.

Источники XVIII в. описывают народные собрания в Кабарде, в которых принимали участие князя, уздени и «народные старшины», представители сельских общин или «фамилий». На таких собраниях князя, уздени и крестьянские старшины составляли особые «круги» — каждый разряд съезжался особо; решения княжеского круга обычно навязывались и двум остальным¹⁴⁶. Источники XVI—XVII вв. говорят о народных собраниях глухо. Например, по сведениям русских послов, шедших в Грузию в 1589 г., в Кабарде был съезд: старший кабардинский князь Янсох «совет учинил в Кабарде, съехався с ка-

¹⁴² Денежной ренты в Кабарде, можно сказать, не было и в XIX в. О характере «ясака» можно судить по известию 1650-х гг. о том, какой ясак платили кабардинским феодалам осетины (см. ниже).

¹⁴³ См. К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 804.

¹⁴⁴ Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 158—159; Ф. И. Леонтович. Указ. соч., стр. 237; В. К. Гарданов. Указ. соч., стр. 26.

¹⁴⁵ Дневник майора Татарова, веденный в Кабарде в 1761 г. (Д. А. Кобяков. Указатель географического, статистического, исторического и этнографического материала в «Ставропольских губ. ведомостях». Тифлис, 1872, стр. 186, 248).

¹⁴⁶ «Описание горских народов». Курск, 1794; «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 360—361.

бардинскими князи... и с Хотовым (Анзорovým, тлакотле-шем.— *Е. К.*) и со всеми мурзами и уздени и со всею землею», на съезде было решено подтвердить присягу русскому царю¹⁴⁷. Слова о «всей земле»¹⁴⁸ понимаю так, что в съезде участвовали и «черные люди», «черный народ», вероятно, через старшин. Однако, когда в 1645 г. население Северного Кавказа приносило присягу — шерть — царю Алексею Михайловичу, в шертовальные книги заносились имена кабардинских князей, мурз и узденей, которые и шертовали «за все свое владение». Очевидно, черные люди по именам в книги не писались¹⁴⁹.

Адаты XIX в. с исключительной подробностью определяют барщинные и оброчные повинности кабардинских крепостных крестьян¹⁵⁰. Об их положении в изучаемое время известно очень мало. Источники упоминают о «пахотных людях», «деловых людях» кабардинских князей, т. е. о крестьянах, выполнявших изделье — барщину¹⁵¹. Когда путешественник — иностранец Тавернье говорит, что крестьяне в Черкесии — сервы сеньора того поселения, где живут, — заняты обработкой земли и заготовкой дров, он, очевидно, говорит о крепостных крестьянах¹⁵². И та, и другая повинность входила в XIX в. в состав крестьянской барщины. Кабардинский князь Сунчалей Янгычевич, служивший в Терском городе, заставлял зависимых от него «окочан» (ингушей племени Аько) выполнять на него «изделье» — барщину: «пашня шахати и сено косити». Те же окочане жаловались в челобитной на Сунчалей, который «у нас же, государь, у 8 человек..., выбрав у нас насильством из табуна 8 конев добрых, и сослал

¹⁴⁷ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 134.

¹⁴⁸ Ср. формулу шертных грамот, приведенную на стр. 151—152.

¹⁴⁹ Книги посылались в приказ Казанского дворца, архив которого не сохранился. В нерусских слободах Терского города имена «рядовых черкас» писались «на список» («Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 264—266).

¹⁵⁰ Ш.-Б. Ногмо в. Указ. соч., стр. 153 и сл.; Ф. И. Леонтович. Указ. соч., стр. 235 и сл.; С. А. Г. [Султан Адиль-Гирей]. Об отношениях крестьян к владельцам у черкесов. — Сборник газеты «Кавказ», ч. 1. Тифлис, 1846, стр. 95—98; Т. Х. Кумыков. К вопросу об общественном строе Кабарды...

¹⁵¹ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 198; Кабардинские дела, 1633 г., № 1, л. 50.

¹⁵² J. Tavernier. Op. cit., p. 381.

в Кабарду в кабаки свои с человеком своим». В этой жалобе отразился практиковавшийся князьями обычай пользоваться лошадьми из крестьянских табунов, обычай, который адаты XIX в. ограничивают случаями поездок князей и наличием свободных от работы лошадей¹⁵³.

Ясыри были на положении рабов, покупались и продавались. Так как столкновения между кабардинскими феодалами были обычны, они торговали своими же единоплеменниками.

В XIX в. кабардинские феодалы пользовались по обычаю правом продавать и своих крепостных крестьян, но не в разбивку, а целыми семьями. Источники XVI—XVII вв. не дают примеров такой продажи¹⁵⁴.

От кабардинских феодалов зависели некоторые соседние племена — абазини, балкары, осетины, ингуши, платившие ясак — натуральный оброк. Причина зависимости разъясняется источниками уже XVIII в. как необходимость для жителей гор пользоваться осенью и зимой пастбищами на равнине¹⁵⁵. Еще к 60-м годам XVI в. относятся сведения о зависимости от кабардинских князей «Татской земли», «Мшанских и Сонских кабаков» — названия эти не удается пока определить. В начале XVII в. сообщалось, что «осинцы», т. е. осетины, жившие около Дарьяльского ущелья, «бывали за Айтек мурзою Черкасским, да от него поотложились». В середине XVII в. осетинские общества Дюгор и Сюрдюгор, жившие в ущелье р. Уруха, платили «ясак» феодалам Большой Кабарды: «с кабака по 10 коров или быков, да по ясырю, да по лошади по доброй, да с двора по овце по суягной, да по четверику пшеницы, да по четверику проса». Князья Малой Кабарды ездили в XVII в. за ясаком в чеченское общество Шубут. В 1620-е

---

¹⁵³ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 560—561; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 95—96, 405; Ф. И. Леонтович. Указ. соч., стр. 237—238; «Материалы по обычному праву кабардинцев», стр. 296, 365.

¹⁵⁴ Кабардинские дела, 1634 г., № 2, лл. 123, 128, 131, 245; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 96, 148, 153, 171, 195, 196, 257, 259, 414; С. А. Г. [Султан Адиль-Гирей]. Указ. соч. Другие термины документов XVII в. — холопы, дворовые люди, дворовая девка, служащая.

¹⁵⁵ Л. И. Лавров. Развитие земледелия..., стр. 218; АВПР, ф. Коллегия иностр. дел, Кабардинские дела, 1753 г., № 12; «Кабардино-русские отношения», т. II, № 137; J.-A. Güldenstädt. Op. cit., B. I, S. 456.

годы в Балкарах были «ясачные люди» князя Пшимахи Камбулатовича. По расспросным сведениям 1753 г., абазинцы 6 родов «Алтыкесек» «в древних годах» поселились близ Большой Кабарды «при вершине реки Кубани» и как «подданные» кабардинских князей платили им «подать»¹⁵⁶.

Ногайские татары, кочевавшие около Терского города, «закладывались» за кабардинских князей, живших в этом городе и служивших там¹⁵⁷.

Возникшие в середине XVI в. политические связи Кабарды с Россией укрепляли положение феодалов Кабарды, которых русское правительство поддерживало, тем более, что ряд кабардинских князей, выехавших служить в Москву, влился в среду русского феодального класса, получил крупные земельные пожалования, а некоторые из них заняли видное положение в русском правительстве.

Все приведенные сведения не оставляют сомнения в том, что в Кабарде XVI—XVII вв. существовало классовое общество, где крестьянство, непосредственные производители, эксплуатировались феодалами — верховными собственниками земли, путем отработочной ренты и ренты продуктами — той формы ренты, которая характерна для натурального хозяйства и которая, как указывает К. Маркс, «как нельзя более пригодна для того, чтобы послужить базисом застойных состояний общества...»¹⁵⁸. Застойные явления в хозяйстве вели к особенностям феодальных отношений в Кабарде, к устойчивости патриархально-родового уклада. По свойству русских источников, выходявших из правительственных кругов, общавшихся с феодальными слоями кабардинского общества, дальнейшие наблюдения относятся преимущественно к княжеским семьям. Наблюдения за рядом терминов русских документов, отмечавших «черкаские обычаи», поступки, совершенные «по чер-

¹⁵⁶ ПСРД, т. XIII, 2-я пол., стр. 370—371; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 11, 125; С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 511; М. Полиевктов. Посольство стольника Толочанова и дьяка Ивлева в Имеретию. 1650—1652. Тифлис, 1926, стр. 119—120; АВПР, ф. Коллегии иностр. дел, Кабардинские дела, 1753 г., № 12; «Кабардино-русские отношения», т. II, № 137.

¹⁵⁷ Кабардинские дела, 1634 г., № 2, л. 221; 1646 г., № 1, лл. 241, 289.

¹⁵⁸ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 809.

касски» или, напротив, совершенные вопреки черкасским обычаям — как «в Черкасах не ведется», убеждают в том, что к XVII в. уже сложилось неписанное кабардинское обычное право, которое наряду с идущими из глубокой старины обычаями отражало правовые нормы уже феодального общества; институты первобытно-общинного строя прикрывали установившиеся отношения господства и подчинения.

Выше уже говорилось о владении большой княжеской семьей без раздела. В этой среде были устойчивы и представления о роде, о родоначальнике-предке. В семьях пользовалась особым уважением и мать-вдова — «матушка» — отзвук матриархата. Так, в 1603 г. уздень князя Сунчала Янгличевича просил в Москве крестить его с «матушкой» и четырьмя братьями. В 1634 г. четыре брата Араслановы в поданной царю челобитной просили прибавить им жалованье, чтобы прокормиться «с матушкой». Вдова служившего в Терском городе князя Сунчала Янгличевича княгиня Желогоща занимала после его смерти влиятельное положение¹⁵⁹. По русским документам, исходящим из Терской приказной избы, известны мать Мудара Алкасова Калгаш, мать Келмамета Куденетовича княгиня Бабасух, мать мурзы Ильдара Ибакова Козета, мать мурзы Батыр-бия Эльмурзовича Алегихко и другие, которые принимали живое участие не только в семейных, но и в политических делах¹⁶⁰. В 1640 г. мурза Большой Кабарды Алегучо Шеганукин из Казыевых, говоря в своей грамоте об Айдаровых, вспоминал, что у них «отец и мать одна», т. е. общие предки¹⁶¹. Еще более ясные следы матриархата находим в документе 1747 г., где указан случай воспитания племянников «матерними братьями» (авункулат), или в документе 1782 г., который ссылается на то, что кабардинский владлец Мисоуст Багаматов подписался «по имени матери своей Мисоуст Хатугучукин»¹⁶².

¹⁵⁹ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 371; Кабардинские дела, 1634 г., № 2, л. 141; А. Олгарий. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и в Персию... СПб., 1906, стр. 514 и др.

¹⁶⁰ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 180, 182, 202, 241, 241, № 189 и др.

¹⁶¹ Там же, стр. 182.

¹⁶² «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 145, 348; «Материалы по обычному праву кабардинцев», стр. 275, 411; Е. О. Косве н. Авункулат.— «Советская этнография», 1948, № 1.

Можно перечислить ряд патриархальных обычаев, которые помогали феодалам удерживать власть над зависимыми слоями населения. Здесь прежде всего надо назвать обычай, по которому князья — пши, в прошлом старейшины — считались неприкосновенными для лиц из других сословий. В прокламации к кабардинцам 1822 г. генерал Ермолов со свойственной ему резкостью писал: «Уздением и простому народу повелеваю при всякой встрече с изменниками (князьями.— *Е. К.*) ... действовать оружием и забыть глупое обыкновение не стрелять на князей, когда они стреляют»¹⁶³. О том же обычае читаем в источнике 40-х годов XVIII в.: во время междоусобных столкновений князь рубил узденей и «подданных» своего врага, которые «на противного им владельца, по древним их обычаям, и рук своих поднять не могут, и только сами от них ретируются и спасают живот свой»¹⁶⁴. В свете этих разъяснений становятся понятными и некоторые любопытные известия русских документов XVII в. В начале 1630-х годов в Посольском приказе было отмечено, что у кабардинцев «тово в обычаях не ведетца, чтоб узденем мурз побивать», и на этом основании был послан терскому воеводе приказ выдать Келмамету Куденетовичу — очевидно, на смерть, для кровной мести — укрывшегося в Терском городе узденя мурзы Ходождуко, убившего мурзу Чеужея, родственника Келмамета¹⁶⁵. Когда у того же Келмамета случилась в Терском городе ссора с узденем князя Шолоха Сунчалеевича, и уздень пригрозил отрубить Келмамету саблей голову за удар, Келмамет подал челобитную о «позоре», где писал о кабардинском обычае, по которому «такова слова никак узденю мурзе не мощно молить»¹⁶⁶.

То же значение для укрепления господства князей имело аталгычество — восходивший к переходному периоду от матриархата к патриархату обычай отдачи детей на воспитание. С установлением феодальных отношений дети феодалов — мальчики и девочки — обычно отдавались в

¹⁶³ Ф. И. Леонтович. Указ. соч., стр. 261.

¹⁶⁴ АВПР, ф. Коллегии иностр. дел, Кабардинские дела, 1744 г., № 4.

¹⁶⁵ Кабардинские дела, 1634 г., № 2, л. 125; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 155; ср. В. Н. Кудашев. Указ. соч., стр. 147.

¹⁶⁶ Кабардинские дела, 1634 г., № 2, л. 124; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 154.

семьи, стоявшие ниже по социальной лестнице. Дядьки-аталыки и молочные братья оказывались связанными с семьей князя уже как бы родственными узами¹⁶⁷. Дядька-аталык не порывал связей со своим взрослым воспитанником. Администрация в княжеских владениях была не развита и не оформлена, и дядьки-аталыки и молочные братья постоянно выступают в качестве доверенных лиц князей и исполнителей их поручений. Такова роль дядьки князя Шолоха Сунчалеевича узденя Черкеса¹⁶⁸ или дядьки князя Муцала Сунчалеевича Бикши Алеева, который ездил посланцем от Муцала в Москву¹⁶⁹. Когда князь Сунчалей Сунчалеевич выехал на службу на Русь и крестился (под именем Григория), с ним выехали его дядька Таох Санашуков и молочный брат Тока — последний также в Москве крестился¹⁷⁰. Отдавали на воспитание в узденские семьи и княжеских дочерей. Сестра кабардинских князей Араслановых Загабзань в 1630-е гг. была выдана замуж в Малую Ногайскую орду, куда за нею последовал и дядька ее «черкашенин, который ее смала вскормил и вспоил»¹⁷¹. Аталыки и молочные братья, как видно из приведенных ниже примеров, должны были мстить за кровь убитого воспитанника.

Были распространены такие обычаи, как побратимство, куначество, гостеприимство. Вот любопытный пример побратимства. В 1640-х годах служивший на Тереке кабардинский князь Муцал Сунчалеевич побратался с терским воеводой князем Иваном Хилковым: Муцал был «князю Ивану брат названой, а Муцалова мать князю Ивану мать названая». Сообщение об этом вызвало в Посольском приказе недоверие к Хилкову, его обвинили в потворстве Муцалу, и он был смещен¹⁷². В те же годы «князем» Муцала считался тезик (восточный купец) Аджи Сеундюков, ко-

---

¹⁶⁷ М. О. Косвен. Аталычество. — «Советская этнография», 1935, № 2; его же. Этнография и история Кавказа, стр. 104—125; «Материалы по обычному праву кабардинцев», стр. 358—359, 411.

¹⁶⁸ Кабардинские дела, 1634 г., № 2, лл. 128—131.

¹⁶⁹ Там же, 1648 г., № 3, л. 100; «Кабардино-русские отношения», т. I, по указателю.

¹⁷⁰ Кабардинские дела, 1646 г., № 2, л. 52.

¹⁷¹ Там же, 1634 г., № 2, л. 140. Ср. Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 32.

¹⁷² Кабардинские дела, 1641 г., № 2; «Материалы по обычному праву кабардинцев», стр. 355.

торый посредничал в торговых делах князя ¹⁷³. По обычаю гостеприимства гость в доме считался неприкосновенным, и хозяин был обязан его охранять. На этот обычай ссылались в 1589 г. князь Мамстрюк Темрюкович в ответ на упреки в том, что принимал у себя в кабаке турецкого чеуша и не дал знать о его приезде русскому воеводе: «В Черкасах того не ведетца, что им над гостем лихо в кабаке сделать; а тот деи чеуш приехал ко мне гостити». Однако этот обычай понимался иной раз очень формально. Тот же Мамстрюк, по выезде чеуша из его кабака, «послал за ним людей своих красти; и у того чеуша украли люди его 10 лошадей и привели к нему, и чеушovy люди убили у него уздена до смерти» ¹⁷⁴.

Пережиточным явлением был левират: вдова должна была выйти замуж за брата умершего мужа — обычай, многократно отраженный источниками XVII в. для княжеских семей. Например, Бабатух Алкасовна после смерти своего мужа князя Куденека Камбулатовича была за его братом Пшимахой, Пархань Шегануковна сначала за Шолохом, затем за Муцалом Сунчалеевичами, жена Ибака Асланбекова по его смерти вышла за двоюродного брата Ибака Саурбека Пыштова и т. д. ¹⁷⁵

Накопец, оставался в полной силе обычай кровной мести, осложнявший и углублявший явления феодальной раздробленности. Рассказами о кровавых родственных распрях полны кабардинские предания и донесения в Москву русских воевод Терского города ¹⁷⁶. Родословные кабардинских князей, записанные в XVII в., пестрят именами убитых по кровной мести своими же близкими. Так, Пышта мурза Тапсаруков был убит родным племянником Хорошаем Шолоховичем; по прошению «Пыштовых детей», Хорошая убили «за отомщение крови» Пышта, мурзы Мудар и Охлов из Малой Кабарды; это вызвало убийство сына Пышты Саурбека хорошаевым дядькой — «за

---

¹⁷³ Кабардинские дела, 1648 г., № 3, лл. 326—327; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 293.

¹⁷⁴ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 137.

¹⁷⁵ Там же, стр. 5, 7, 8; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 385; «Материалы по обычному праву кабардинцев», стр. 205, 223, 261, 265.

¹⁷⁶ Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч.; Кабардинские дела

Хорошаеву кровь»¹⁷⁷. Таких примеров можно привести множество. Объясняя в Посольском приказе кабардинский обычай кровной мести, князь Муцад Сунчалеевич говорил: «А по их де свычаю по та места миру не бывает, покаместа кровь за кровь отомстят, и они де им за кровь убойца отдадут»¹⁷⁸. По-видимому, выкуп крови, регламентированный в записях кабардинских обычаев XIX в., в более раннее время был очень редок¹⁷⁹. Зато источник XVII в. отметил обычай примирения, идущий из глубокой старины: кровники могли помириться, если убийце или его родным удавалось похитить в семье убитого младенца и воспитать его¹⁸⁰. Сын Янхота мурзы Асланбекова из Большой Кабарды Безрука был убит «своими же Алегукины Кабарды» (по родословным росписям Алегуко, один из князей Большой Кабарды, троюродный брат Безруко), «а у Безруки мурзы Енхотова один сын маленок, кормят его в Олегукине Кабарде», т. е., очевидно, в семье убийцы¹⁸¹. Ссоры, не осложненные убийством, разрешались примирением и договором по древним обычаям¹⁸².

Раз князья и мурзы были неприкосновенны для лиц низшего социального положения, следовательно, в случаях убийства ими узденя (т. е. дворянина), крестьянина, а тем более раба, кровная месть со стороны родственников убитого была исключена. Записанные в первой половине

---

¹⁷⁷ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 8; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 386—387.

¹⁷⁸ Кабардинские дела, 1648 г., № 3, л. 573.

¹⁷⁹ Автор начала XIX в. Стегеман, говоря об обычае кровной мести у кабардинцев, замечает: «В простом народе можно за деньги примириться» (Г. С т е г е м а н]. Журнал путешествия по земле Донских казаков, к Кавказу и в Астрахань. — «Северный архив», 1824, № 21—22, ноябрь. Цену крови убитого князя-пши в записях адатов западноадыгских племен см. у Л. Я. Л ю л ь е. Указ. соч., стр. 41 и сл. Ср. высказывания Хан-Гирея (Бесльный Абат, стр. 140—141) и Н. Колобакина («Взгляд на жизнь общественную и нравственную племен черкесских». — Сб. газеты «Кавказ», ч. 1. Тифлис, 1846, стр. 121—126). См. также «Материалы по обычному праву кабардинцев», стр. 262, 273, 404.

¹⁸⁰ Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 34; Грабовский. Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе. — «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 4. Тифлис, 1870, стр. 32.

¹⁸¹ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 6; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 386.

¹⁸² «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 130, 180, 230—231, 369, 411, 412—413; т. II, стр. 131, 165, 173, 185.

XIX в. адаты содержат указания на применявшиеся в таких случаях нормы обычного права.

Убийство князем в ссоре своего узденя по обычаю вело к примирению: князь был обязан взять к себе малолетнего сына или брата убитого, воспитывать его до совершеннолетия, а затем отпустить домой, одарив лошастью с конским прибором, шашкой и ружьем.

В случае убийства узденем в ссоре своего чагара (крепостного крестьянина) убийца был обязан или освободить на волю брата убитого, или дать его семейству «человека» (очевидно, раба). По-видимому, та же норма применялась в случае убийства чагара князем.

Если крестьянин был убит посторонними, за убитого полагалось платить двух человек, из которых один давался семье убитого, а другой его господину.

Сообщений о подобных случаях в источниках XVI—XVII вв. встретить не удалось. Предполагаю, что первая из трех приведенных норм в это время действовала.

Определение Кабарды как классового феодального общества ставит вопрос о классовой борьбе. Источники XVIII в. дают яркую картину классового антагонизма, взаимной ненависти князей и «подвластных», обострения классовой борьбы, вызывавшегося ростом повинностей, притеснением крестьян феодалами, нарушавшими обычаи¹⁸³. Отражает классовую борьбу и кабардинский фольклор, данные которого не поддаются точной датировке. Сведения XVI—XVII вв. в этой области очень отрывочны. Причинами этого могут быть скудость источников, с одной стороны, с другой — то обстоятельство, что нормы обычного права, их патриархальная форма заглушали открытые проявления классовой борьбы. Однако можно определенно сказать, что уже в XVII в. развилось явление, которое приняло широкие размеры в XVIII в., — бегство холопов-ясырей в русские поселения. Из Адыгеи и Большой Кабарды ясыри выходили в донские казачьи городки и в период взятия казаками Азова — в Азов; из Малой Кабарды бежали в городки терских и гребенских казаков и в

¹⁸³ «Описание горских народов». Курск, 1794; «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 269—274; 327—331, 350—352, 361, 387, 388 и др.; Б. В. Скитский. Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды 1739—1779 гг. Владикавказ, 1930; В. М. Букалова. Указ. статья; Н. Х. Тхамоков. Указ. соч., стр. 160—172.

Терский город¹⁸⁴. Раздражение против княжеских насилий видим в известии об убийстве княжеского жеребца ожочанами, которых князь принуждал к барщине¹⁸⁵, в предании о князе Кайтуко Тохтамышеве, который поступал с народом «гордо» и вынужден был вместе с княгиней скрываться в шалаше в лесу, боясь расправы; там его нашли посланные «народа», которым он дал клятву быть с другими князьями и с «народом обходительным, благосклонным, учтивым и никого не обижать» — так это предание записано Ногмовым¹⁸⁶.

* * *

Уровень развития производительных сил и производственных отношений — натуральное хозяйство, феодальные отношения, осложненные устойчивыми патриархально-родовыми пережитками — наложили отпечаток на политический строй Кабарды XVI—XVII вв. Здесь не сложилось сильного централизованного государства. Попытки объединения в 60-х годах XVI в. при князе Темрюке Идаровиче или на общекабардинских съездах 80-х годов XVI в. не давали прочных результатов при отсутствии развитых экономических связей. В XVII в. Кабарда оставалась разделенной на ряд феодальных владений, иной раз миниатюрных. Около середины XVII в. наиболее крупным владением в Большой Кабарде были так называемые Алегукины кабаки — группа поселений, которыми владели двоюродные братья Алегуко Шеганукин и Ходождуко Казыев из рода Кайтукиных со своими семьями. Алегукина Кабарда находилась «за рекою Балк», т. е. за Малкой. В ней было около 50 кабаков, а в них «узденей добрых с 1000 с липком конных да черных людей с 2000 с лишком». Тогда же в Малой Кабарде выделялось владение Ибаковых из рода Таусалтана — кабаков с 40, «я людей в них узденей конных с 700 да черных людей с 1000 и больше». Это владение обычно называлось «Шолоховой Кабардой», по имени князя Шолоха Тапсарукова — «старого Шолоха». Во вто-

¹⁸⁴ Донские дела. — РИБ, т. XXIV, стб. 19, 199; т. XXIX, стб. 877; т. XXXIV, стб. 457 и др.; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 143, 408—410.

¹⁸⁵ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 560; «Кабардино-русские отношения», ч. 1, стр. 95—96.

¹⁸⁶ Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 72—73.

рой половине XVII в. оно получило название Келмаметовой Кабарды, так как старшим в ней стал Келмамет Ибаков. В Малой же Кабарде находились Мударова и Ахлова Кабарды — двух ветвей рода Клехстана. Козлары Анзоровы, ранее служившие мурзам Большой Кабарды, тогда считались «за Шолоховыми», т. е. также в Малой Кабарде.

«Идарова Кабарда» к 40-м годам XVII в. потеряла прежнее значение. Так, у князя Нарчова Езбузлукова из Идаровых с братом и с детьми было «7 кабаков, а в них 70 человек узденей», у потомков Камбулата Идаровича — «4 кабака небольшие, узденей в них с 30 с 5 человек»¹⁸⁷. Несколько крупнее было владение Будачея Сунчалеевича, получившего кабаки Мамстриюка и Доманука Темрюковичей — кабаков 11, «а людей в них 250 человек с лишним, опричь черных людей, а люди добры».

Правда, существовал патриархальный обычай выбора старшего, большего князя для всей Кабарды. «Больших князей» выбирали на съездах «всей Кабардинской земли», «рядом», т. е. по очереди из разных линий княжеского кабардинского дома. В середине XVI в. и до начала 70-х годов «большим князем» был Темрюк Идарович, в 80-е годы — его брат Камбулат, умерший в 1588 г. После смерти Камбулата «пришел ряд» т. е. очередь Осланбека Кайтукина, но когда он через год умер, посадили его брата Янсоха; позже большим князем стал Шолох Тапсаруков из рода Таусалтана. Сидели большими князьями в XVI в. также Биту Идарович и Кануко Кайтукович. В конце XVI в. с помощью из Москвы была сделана попытка посадить большим князем сына Темрюка Мамстриюка, но его убил Казый Пшеапшоков из Кайтукиных, у рода которого была «вековая недружба великая» с Идаровичами¹⁸⁸. С 1616 г. большим князем был Куденек Камбулатович. Пожалованные главными князьями из Москвы его брат Пшимаха (1621 г.) и Нарчов Езбузлуков (1631 г.) не были приняты в Кабарде.

Порядок старшего княжения «рядом» не был прочным и вел к распрям: в 1588 г. после смерти Камбулата в

¹⁸⁷ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 4—5, 7—8; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 384—387.

¹⁸⁸ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 3, 5, 7, 75, 120, 131, 305; «Кабардино-русские отношения», т. I, см. по указателю.

Кабарде была «смута... великая врось княжья». Междоусобия ослабляли кабардинский народ в обороне от набегов крымских и ногайских татар, калмыков, в войнах с кумыками, соседями кабардинцев на востоке. Нередко тот или иной кабардинский феодал сам обращался за посторонней помощью, вызывая опустошительные набеги, во время которых беспощадно выжигались кабаки, вытаптывались пашни, угонялся скот, пленное крестьянское население обращалось в рабство и продавалось на местных и черноморских невольничьих рынках. Постоянны были и челобитья кабардинских князей к терским воеводам с просьбой дать ратных людей «на недругов» из среды кабардинских же феодалов.

Рассказывая о княжеских междоусобиях в Кабарде после смерти князя Шолоха из рода Таусалтановых, Ногмов называет Кабарду того времени «рассеянным воинским станом», сетуя на то, что «междоусобия князей много способствовали успехам врагов внешних» и что «сами князья были причиной бедствий своей родины»¹⁸⁹.

Войско кабардинцев состояло из феодальных дружин князей, мурз и первостепенных уздепей, а в случаях большой опасности — и из народных ополчений. Войско того или иного князя собиралось под его знаменем¹⁹⁰. Конные отряды узденей были вооружены саблями, кольями, луками; уздени и князья носили панцири, шлемы, налокотники, наколенники. Крестьяне были вооружены преимущественно луками. Так как огнестрельное оружие было мало распространено, кабардинцы особенно ценили помощь русских отрядов-стрельцов, вооруженных «вогненным боем», пищалями. Артиллерии в Кабарде не было совсем. Кабардинская конница славилась и тогда, и позже. Вот почему в 1589 г., перед началом войны со Швецией, царь Федор Иванович так настойчиво добивался от кабардинских князей присылки «в немецкий поход на свейского короля» конного отряда в 200 человек «лутчих молодцов в пансырях и со всем служебным нарядом о дву конь с кошья»¹⁹¹.

¹⁸⁹ Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 73.

¹⁹⁰ «Кабардино-русские отношения», т. 1, стр. 204.

¹⁹¹ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 66—68; «Кабардино-русские отношения», т. 1, стр. 60—62; ЦГАДА, Госархив, разряд XXIII, № 5, ч. 2, лл. 23, 29 и др.; [Е. Болховитинов]. Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии. СПб., 1802, стр. 97—100, и др.

Княжеская дружина составляла при князе дружинный совет, к мнению которого князья прибегали при решении дел¹⁹². При неразвитости административного аппарата княжеские поручения выполнялись узденями-дружинниками, нередко связанными с князем патриархальными узами: аталыками, молочными братьями. В источниках XVI—XVII вв. только один раз встретилось указание на административную должность казначея, которым был при князе Мамстрюке Тамрюковиче «Мустопар» или «Мустафа»¹⁹³. Один раз встретилось указание на абыза, очевидно, татарина¹⁹⁴.

Предание, записанное Ногмовым, относит ко времени князя Берслана Кайтуковича Джанкутова (по одной из родословных он одного поколения с Идаром — Айдаром) установление третейских судов, разбиравших «все дела, кроме уголовных, и жалобы местных жителей», и главного суда, разбиравшего «уголовные и относившиеся до всего народа дела». К тому же времени предание относит и установление штрафов в пользу князей за неисполнение «обрядов», т. е. обычаев. Как видно из приведенного выше (см. стр. 97) примера, штрафы выплачивались натурой. Этот пример, относящийся к князю Сувчалею Янглычеву, не указывает, однако, на участие третейского суда в решении князя наложить штраф на зависимых от него людей¹⁹⁵.

Определяя социально-экономические отношения в Кабарде XVI—XVIII вв. как отношения феодальные, осложненные патриархально-родовыми пережитками или патриархально-родовым укладом и отличавшиеся, как и развитие производительных сил, застойностью, надо вместе с тем указать, что кабардинское общество было на Северном Кавказе наиболее развитым. Уровень социально-экономического развития в Кабарде был выше, чем в Адыгее, где сохранялось деление на племена, у ряда племен сильно задерживался и процесс феодализации. Сильно отставали

¹⁹² С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 143, 145.

¹⁹³ Там же, стр. 83.

¹⁹⁴ Ногайские дела, 1647 г., № 1, л. 14.

¹⁹⁵ Ш.-В. Ногмов. Указ. соч., стр. 113; С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 560; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 95—96; «Уч. зап. Ин-та этнических и национальных культур народов Востока», т. II. М., 1930, стр. 88.

от кабардинского общества и жившие в горных ущельях осетины, а также ингуши и чеченцы, разделенные на мелкие раздробленные родо-племенные общества и еще слабо затронутые в XVI—XVII вв. процессом развития классовых отношений.

2. Западные адыге ¹⁹⁶

Адыгским племенам Северо-Западного Кавказа в последнее десятилетие был посвящен ряд трудов. Работа Л. И. Лаврова «Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в.» ¹⁹⁷ шире ее заглавия, так как в ней собраны сведения не только о земледелии, но также о скотоводстве, рыболовстве, охоте, бортничестве и садоводстве. Того же автора исследование о «Доисламских верованиях адыгейцев и кабардинцев» ¹⁹⁸. В «Очерках по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII вв.» Е. П. Алексеевой ¹⁹⁹ находим материалы по вопросам расселения адыгов, их хозяйству, социально-экономическим отношениям, духовной культуре. Общие очерки истории западноадыгских племен в XVI—XVII вв. содержат соответствующие главы тома I «Очерков истории Адыгеи» (Майкоп, 1957) ²⁰⁰ и томов «Очерков истории СССР. Период феодализма» ²⁰¹. Капитальная монография М. В. Покровского посвящена социально-экономической истории адыгейских племен в конце XVIII — первой половине XIX в. ²⁰²

¹⁹⁶ Часть этого параграфа под названием «Племена Северо-Западного Кавказа XVI—XVII вв. по документам русских архивов» напечатана в сб. «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961.

¹⁹⁷ «Материалы по истории земледелия СССР», сб. 1. М., 1952.

¹⁹⁸ «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований». М., 1959.

¹⁹⁹ Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1957.

²⁰⁰ Автор текста о социально-экономических отношениях — Е. С. Зевакин.

²⁰¹ Конец XV — начало XVII в. М., 1955; XVII в. М., 1957. Автор — Е. Н. Кушева.

²⁰² М. В. Покровский. Очерки социально-экономической истории адыгейских племен в конце XVIII — первой половине XIX в. Автореферат докт. дисс. М., 1957. Часть диссертации опубликована в т. II «Кавказского этнографического сборника». М., 1958 (Адыгейские племена в конце XVIII — первой половине XIX в.).

Если труд М. В. Покровского написан на обильном материале источников XVIII — первой половины XIX в., то для изучения истории западных адыге в XVI—XVII вв. круг сведений значительно уже. Названные выше работы Е. П. Алексеевой, Е. С. Зевакина и Л. И. Лаврова основаны преимущественно на известиях восточных и западно-европейских источников, в меньшей степени — русских.

Труды двух выдающихся турецких географов XVII в. — Эвлия Челеби и Катиб Челеби, из которых первый побывал на Северном Кавказе дважды, содержат ценные сведения о народах Северного Кавказа, в том числе и о западных адыге. Научное издание, перевод и комментирование этих сведений являются одной из очередных задач советских востоковедов и кавказоведов. Незнание мною восточных языков лишает меня возможности использовать известия турецких авторов в полной мере, как и крымские источники. Имеющиеся переводы неполны и несовершенны²⁰³.

²⁰³ Известия Эвлия Челеби о Кавказе доступны мне в переводах на русский язык двух небольших отрывков из путешествия 1641 г., напечатанных еще в 1870-е годы (Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря. — Записки Одесского об-ва истории и древностей», т. IX. Одесса, 1875, стр. 174—183; Неудачная осада Азова турками в 1641 г. и занятие ими крепости по оставлении оной казаками. — Там же, т. VIII. Одесса, 1872, стр. 162—163, 167. В том и другом отрывке перевод Ф. Бруна с английского перевода Hammer'a 1850 г.), и в оставшемся не напечатанным переводе на русский язык 1930-х гг., хранящемся в машинописи в рукописном фонде Ин-та истории, языка и литературы Дагест. филиала АН СССР в Махачкала; здесь перевод отрывков путешествия 1660-х годов, географические названия и имена собственные не всегда прочитаны. В настоящее время Ин-т народов Азии АН СССР предпринял издание в переводе на русский язык извлечений из сочинения Эвлия Челеби. Вышедший в 1961 г. 1-й выпуск посвящен землям Молдавии и Украины. Сведения Катиб Челеби о Черкесии в его труде «Джихан-Нума» знаю по латинскому переводу Норберга (Gihan-Numa, p. I—II. London, 1818) и по русскому переводу И. Березина (И. Березин. Нашествие Батгя на Россию. — ЖМНП, 1855, май, отд. II, стр. 101), причем эти два перевода в деталях расходятся. О турецких географах XVII в. см. в т. IV. «Избранных сочинений академика И. Ю. Крачковского». М.—Л., 1957. Особого источниковедческого анализа требуют карты константинопольского издания «Джихан-Нума» 1732 г. Е. С. Зевакин относит карту Северного Кавказа к первой половине XVII в., между тем, как очевидно, ее надо датировать первой половиной XVIII в. («Очерки истории Адыгеи», стр. 125; И. Ю. Крачковский. Турецкий первопечатник Ибрахим Мутафаррика и его работы по географии. — «Тюркологический сборник», т. I. М.—Л., 1951).

Многие западноевропейские авторы и путешественники XVI и особенно XVII в. писал и о западных адыге. Подробные обзоры и перечни их работ даны М. А. Полиевктовым, Е. С. Зевакиным и Е. П. Алексеевой²⁰⁴. Эти нарративные источники являются основными для характеристики социально-экономических отношений у западных адыге указанных веков. Зато сведения о племенном составе адыге у западных авторов очень скудны.

В 1946 г. Е. С. Зевакин высказал мнение, что «русские архивные материалы и описания XVI—XVIII вв. исключительно ценны для изучения кабардинцев, осетин и других народов Центрального Кавказа, но они почти ничего не дают для изучения прикубанских черкесов вплоть до последней четверти XVIII в.»²⁰⁵. Вышедшее два года спустя исследование А. А. Новосельского²⁰⁶ убеждает в том, что это мнение неверно. Адыгейские племена находились в сфере влияния Крымского ханства и были постоянным объектом крымских набегов; поэтому Крымские и Ногайские дела Посольского приказа XVI—XVIII вв., широко привлеченные А. А. Новосельским в его монографии, содержат много упоминаний о Северо-Западном Кавказе. Другие серии дел Посольского приказа, особенно Кабардинские дела, расширяют круг этих сведений. Настоящий очерк не ставит своей задачей использование всех сохранившихся источников XVI—XVII вв. для характеристики социально-экономического и политического строя западных адыге в это время. В нем преимущественно привлекаются известия русских документов, еще не опубликованные или опубликованные в последние годы, но еще не введенные в научный оборот²⁰⁷. Эти материалы позволяют подробнее осветить два вопроса истории западных адыге в XVI—XVII вв. — о западноадыгских племенах и их расселении и отчасти о социальном строе племен бассейна Кубани.

Надо оговориться, что в фонде Посольского приказа не

---

²⁰⁴ М. А. Полиевктов, *Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу*. Тифлис, 1935; Е. С. Зевакин, *Западный Кавказ в известиях европейских путешественников и писателей XIII—XVIII вв.* — «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», т. I, М., 1946; Е. П. Алексеева, *Указ. соч.*

²⁰⁵ Е. С. Зевакин, *Указ. соч.*, стр. 84.

²⁰⁶ А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.* М.—Л., 1946.

²⁰⁷ «Кабардино-русские отношения», т. I—II, М., 1957.

сохранилось сколько-нибудь компактных дел о народах Северо-Западного Кавказа. Хотя в 1550-е и в начале 1560-х годов имели место непосредственные сношения адыгских племен с Москвою, дела о приездах из Черкесии и Кабарды в Москву и о посольствах из Москвы на Северный Кавказ за эти годы не дошли до нас²⁰⁸. В 1560-е годы связи с Западной Черкесией надолго прервались. Поэтому привлеченный в дальнейшем изложении архивный материал — это отдельные упоминания, разбросанные в Крымских, Турецких, Ногайских, Кабардинских и Донских делах Посольского приказа. Собранные здесь известия не являются исчерпывающими, возможны дальнейшие поиски и находки.

Характерной особенностью жизни западных адыге, ярко выступающей по источникам XVIII—XIX вв.²⁰⁹, было деление на племена, очень устойчивое. Для конца XVIII — первой половины XIX в. племенной состав адыгов подробно изучен М. В. Покровским. Для XVI—XVII вв. очерк расселения адыгских племен (с картой) находим в указанной работе Е. П. Алексеевой. Считаю, однако, возможным вновь вернуться к этому вопросу для племен бассейна Кубани, привлекая шире, чем это сделано Е. П. Алексеевой, русские документальные материалы. Начну обзор с запада на восток.

Русским и восточным источникам XVI—XVII вв. хорошо известно племя жанеевцев, Жане, Джан. Русифицированные формы названия этого племени — жанские, женские, жаженские, жжанские черкасы, или несколько иная форма — дужаны, джанские, аджанские черкасы. По словам русского документа 1626 г., «женские черкасы» жили «под Крымом». Де Лукка (1625 г.) считал, что от Темрюка, турецкой крепости на Таманском полуострове, до Джиа-

²⁰⁸ Опись Царского архива, составленная в начале 1570-х гг., убеждает в том, что дела эти, хотя бы частично, уцелели в пожар Москвы 1571 г. Но опись дел Посольского приказа 1614 г. называет первым по времени делом о сношениях Москвы с адыгами дело о приезде в Москву кабардинского князя Камбулата в 1578 г. Следовательно, дела 1550—1560-х годов о сношениях с Западной Черкесией уже тогда были утрачены («Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года», под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, стр. 36, 39, 40, 43, 86, 135).

²⁰⁹ См. обзоры М. О. Косвена: Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке, ч. I, II и III. — «Кавказский этнографический сборник», т. I. М., 1955; т. II. М., 1958; т. III, М., 1962.

на — два дня пути²¹⁰. Эвлия Челеби, проезжая в 1660-х годах по Северному Кавказу и миновав землю шефакийских черкесов в районе Анапы, побывал в Большой Жане и Малой Жане. Последнюю, по его словам, пересекал ряд рек, среди них Абен, т. е. Абиц, приток р. Адегу-ма, левого притока Кубани в нижнем ее течении. Большую и Малую Жану знал и Катиб Челеби²¹¹.

Местоположение поселений жанеевцев в нижнем течении Кубани обусловило историческую их судьбу: они оказались под непосредственным ударом и влиянием Крымского ханства и Порты. Более ясные сведения об этом идут от 50-х годов XVI в. В 1551 г. крымский хан Сахиб-Гирей по фирману турецкого султана ходил против мятежного племени Жане. С натиском Крымского ханства было связано участие жанеевских (по летописи — жаженьских или оджанских) князей в сношениях адыгов с Русским государством в 1550-е годы²¹². В начале 1560-х годов непосредственные сношения Москвы с жанеевцами оборвались. Жанеевский князь Сибок принял к себе (очевидно, на воспитание, как аталык) крымского царевича Сафа-Гирей, сына калги Магмет-Гирей. Во второй половине XVII в. турецкий историк Гезар-Фенн писал, что черкесы Жане входят в Таманский округ, куда назначаются судьи от турецкого султана²¹³. Это положение не означало, однако, прекращения борьбы, которая не затихала в течение XVII—XVIII вв.

Русские документы XVII в. постоянно упоминают жанеевцев наряду с «хунтунцами», с «Хундугом». В 1632 г. сообщалось, что крымский царь предполагает встретить возвращавшегося из Персии в Крым царевича Шагин-Гирей в «жанских черкасех» по сю сторону моря (т. е. на восток от Керченского пролива) в Хундуге. Более ясно указание документа 1635 г. — крымский царь стоял с ратью «по ту сторону Кубана реки (т. е. по левую сторону Ку-

²¹⁰ Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена. — «Записки Одесского общества истории и древностей», т. XI. Одесса, 1879, стр. 489.

²¹¹ Эвлия Челеби. Отрывки путешествия... (машинопись), стр. 58—59; Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 26—27 и карта; «Sihaп-Numa», р. I, р. 581.

²¹² Е. Н. Кушева. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. — «Исторические записки», т. 34, стр. 255—256, 262, 265—266.

²¹³ В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887, стр. 347—348.

бани.— *Е. К.*) в Джанских и Хантунских черкасах», намереваясь идти на мурз Малого Ногая, кочевавших «х Черному морю по ту сторону Кубана реки»²¹⁴.

Эвлия Челеби называет рядом с жанеевцами хатугайских черкесов, которые управлялись, по его словам, беком. По-видимому, то же племя разумелось в грамоте крымского хана Богатыр-Гирея 1638 г.— в русском ее переводе «Хатукай»²¹⁵. Полагаю, что это Хундуг русских документов. Такое сопоставление подтверждается первой сохранившейся русской картой Северного Кавказа 1719 г. (правда, очень несовершенной), где «жена» и «хетуге» стоят рядом, близ северо-восточного берега Черного моря, к югу от Кубани²¹⁶. Источники XVIII в. знают и жанеевцев и хатукайцев в нижнем течении Кубани²¹⁷. К середине XIX в. эти племена почти прекратили свое существование. Одной из причин была постоянная борьба с соседним Крымским ханством²¹⁸.

В русских документах XVI—XVII вв. часты упоминания о кемиргойцах и бесленеевцах, причем обычно эти два племени называются рядом, как соседи, какими они и были: в 1647 г. крымский царевич стоял «под Кемиргей, от Бесленей в полуднице, а от Казыевы Кабарды (в Большой Кабарде.— *Е. К.*) и от Малого Нагая в 3-х днищах»²¹⁹. Документ 1633 г. дает еще одно топографическое указание — в этом году крымский царевич стоял в «чер-

²¹⁴ Ногайские дела, 1632 г., № 1, л. 185; Кабардинские дела, 1634 г., № 1, л. 73; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 93.

²¹⁵ Крымские дела, 1638 г., № 17, лл. 17 и сл.

²¹⁶ «Кабардино-русские отношения», т. I, между 388 и 389 страницами.

²¹⁷ Например: описание Кубани (из Исторического месящеслова на 1791 г.) — «Собрание сочинений, выбранных из месящеслов на разные годы», ч. VII. СПб., 1791, стр. 158—160; P. Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793—1794, B. I. Leipzig, 1799, S. 398—399; «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 16, 141.

²¹⁸ М. В. Покровский. Указ. соч. — «Кавказский этнографический сборник», т. II, стр. 91—92; X. Г. [Хан-Гирей]. Черкесские предания. — «Русский вестник», т. II, СПб., 1841, стр. 306, 309, примеч.; Л. Я. Люлье. Общий взгляд на страны, занимаемые черкесскими народами... — «Записки Кавказского отд. Русского географического об-ва», кн. IV. Тифлис, 1857, стр. 185 и др.; Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 1. СПб., 1871, стр. 87 и др.

²¹⁹ Например, Кабардинские дела, 1634 г., № 1, л. 39; 1658 г., л. 2; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 279, 404—405.

кавказских Кемиргалах под Крымом на Псыже реке»²²⁰. Псыж — очевидно, левый приток Кубани р. Пшиш; по стоянка царевича в Кемиргалах на р. Псыж, конечно, не дает основания думать, что бассейном Пшиша ограничивалась вся территория, занятая кемиргойцами. Подтверждение это найдем ниже.

В летописных известиях 1550-х годов о сношениях западных черкесов с Россией кемиргойцы не упоминаются. Однако в июле 1634 г. в Терский город «из Черкас Кумургейской землицы» приехал Базрука мурза Канмурзин с узденями с таким поручением от своего «большого» брата, «Кумургейской землицы владельца Мурзабек мурзы»: бить челом царю Михаилу Федоровичу о том, чтобы он велел их «приняти под свою государеву высокую руку в холопство по-прежнему. А преж де тово под твою государевою высокою рукою оне в холопстве были и тебе, государю, шертовали, и то позадавлено»²²¹. Это воспоминание, скорее всего, относилось к 1550-м годам, когда к западным черкесам приезжал из Москвы для приведения их к шерти Андрей Щепотьев²²². В середине XVI в. кемиргойцы как племя, конечно, уже существовали. В русских источниках XVI — XVII вв. название племени дается в таких вариантах: кемиргинские, кумыргинские черкасы, кеморхи, кумыргейцы, Кумургейская земляца, Кумурга, Кемиргалы, реже Темиргой, Темирга. В источниках XVIII в. чаще встречается форма темиргой, но иногда и форма кемергой²²³.

Обращает внимание то обстоятельство, что ни у Катиб Челеби, ни у Эвлия Челеби мы не находим названия племени Кемиргой или Темиргой. Зато в «Джихан-Нума» среди адыгских племен названо племя Bulakchai, а у Эвлия племя Булуктай (Булаткай, Булткай), которое он нашел на реках Мати, Пчаз, Саха-Куша (т. е. Схагуаше — Белая) и Лабс²²⁴. Понять это название помогает де Лукка, кото-

²²⁰ Кабардинские дела, 1633 г., № 1, л. 61.

²²¹ Кабардинские дела, 1634 г., № 1, лл. 131—132; л. 133 — о сношениях с Терским городом Абазинской землицы (о чем ниже). Эти документы были выявлены сотрудниками ЦГАДА Н. Ф. Демидовой при подготовке в 1957 г. юбилейного кабардинского сборника документов.

²²² «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 3—4.

²²³ «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 24, 129, 141—143, 225, 228, 370 и др.

²²⁴ Ghan-Numa, р. I, p. 581; Эвлия Челеби. Отрывки путешествия... (машинопись), стр. 64, 66; «Записки Одесского об-ва истории и древностей», т. VIII. Одесса, 1872, стр. 162—163.

рый сообщает, что от Джиана (т. е. Жана) до Болотокоя 4 дня пути ²²⁵. По преданиям, кемиргойские князья вели свое происхождение от родоначальника Болотокоя ²²⁶. Правильность такого толкования подтверждает приведенный Эвлией перечень пяти владельцев Булткая, среди них назван «Бузрук» — не тот ли Баарука мурза Канмурзин, который приезжал в 1634 г. в Терский город из «Кумургейской землицы»?

В документе 1616 г. находим указание на Кундуки, Кундусские кабаки, расположенные в двух днях пути к западу от Казыевых кабаков Шешукова (от Большой Кабарды) ²²⁷, следовательно, вблизи от Кемиргоя, лежавшего в трех днях пути от той же Большой Кабарды. Название Кундуки сходно с названием Хундуг, но местоположение их, по русским документам, разное: Хундуг — в жанских черкасах, т. е. под Крымом, а Кундуки — недалеко от Большой Кабарды. Предполагаю, что это то небольшое адыгское племя, которое источники XVIII—XIX вв. называют хатюкой, гатюкой, атукаи. Карта 1719 г. помещает «томерги» и «атукай» у Лабы, первое племя к востоку от Лабы, а второе — севернее его по обоим берегам Лабы. М. В. Покровский на основании источников первой половины XIX в. указывает территорию темиргоевцев и родственников им мамхеговцев и егерухаевцев между Белой и Лабой, а хатукаевцев — между Белой и Пшишем. Л. Я. Люлье передает предание о том, что хатюкайцы родственны темиргоевцам и происходят от того же Болотокоя. Главани (1724 г.) застал у темиргоевцев двух беев; очевидно, это отражало процесс выделения из одного племени его ветвей ²²⁸.

Ближайшим к Кабарде закубанским адыгским племенем были бесленевцы. В русских источниках первые сведения о бесленевцах относятся к 50-м годам XVI в., когда абеслинский князь Маашук Кануков обратился за помощью против крымского хана и турецкого султана к

²²⁵ ЗООИД, т. XI. Одесса, 1879, стр. 489.

²²⁶ Л. Я. Люлье. Указ. соч., стр. 183—184; Т[орнау]. Воспоминания кавказского офицера. — «Русский вестник», 1864, т. 53, октябрь; Сталь. Этнографический очерк черкесского народа. — «Кавказский сборник», т. XXI. Тифлис, 1900, стр. 67, и др. авторы.

²²⁷ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 93.

²²⁸ Там же, между 388 и 389 страницами; М. В. Покровский. Указ. соч., стр. 92 и карта; Л. Я. Люлье. Указ. соч., стр. 183—184; Сб. МОМПК, т. XVII. Тифлис, 1893, стр. 151.

Русскому государству и, как и жанеевский князь Сибок, в 1557—1560 гг. служил в Москве²²⁹. Определение «абеслинского князя» как князя бесленеевцев основывается не только на созвучии названий, но и на отчестве Маашука — Кануков: князья бесленеевцев считали своим родоначальником Коноко²³⁰. Л. И. Лавров предлагает считать «абеслинского» князя Маашука Канукова абазинским князем. Однако русский дипломатический документ 1589 г. перечисляет раздельно черкас «кабардинских», «абазинских» и «абыслейских» (т. е. очевидно, бесленеевских)²³¹. «Берслановы дети» в русской передаче речей крымского царевича 1567 г. означают также бесленеевцев. У Ногмова находим для бесленеевцев форму «берслание»²³².

По русским источникам XVII в., бесленейцы (бесленейские, бестенейские черкасы, беслинцы, Бесленей, Бысленей) были ближайшим к Кабарде с запада адыгским племенем, но жили «за Кубаном»²³³. Эвлия Челеби попал к племени «Бесни» в бассейне Лабы и Кубани, проехав край Бузудук (т. е. бжедухов) и Мамшу (т. е. мамхеговцев²³⁴). Он рассказывает, что местечко, где живет правитель Бесни, находится в ущелье между двумя горами и что племя Бесни нашло себе убежище в гористых местах из боязни нападения калмыков²³⁵. В первой половине XVII в. бес-

²²⁹ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 255—256, 262, 264, 266; «Кабардино-русские отношения», т. I, по указателю.

²³⁰ P. Pallas. Op. cit., S. 394; Тюрнау. Указ. соч.; Сталь. Указ. соч., стр. 67 и сл., и др. авторы.

²³¹ Л. И. Лавров. Абазины. — «Кавказский этнографический сборник», т. I, М., 1955, стр. 12; «Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными», т. I, ч. 1. СПб., 1854, стб. 1120.

²³² Крымские дела, кн. 13, лл. 47 об. — 48; там же упоминаются «Зашузрукоты дети» — название для меня непонятное. «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 17, 394; Ш.-Б. Ногма. Филологические труды, т. I, Нальчик, 1956, стр. 238.

²³³ Ай, IV, № 53; Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 27; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 89.

²³⁴ В другом месте Эвлия упоминает Meshuk. Е. П. Алексеева считает Meshuk и Мамшу вариантами одного названия и отождествляет их с мохошевцами. Мамхеговцы, так же как названные Эвлией Адеми (адемышцы), в XVIII—XIX вв. считались ветвями темиргойцев, почему, очевидно, и не различаются с темиргойцами в русских источниках XVI—XVII вв. (М. В. Покровский. Указ. соч., стр. 92; P. Pallas. Op. cit., S. 397, и др.).

²³⁵ Эвлия Челеби. Отрывки путешествия... (машинопись), стр. 68—70.

ленеевцев за Кубанью теснили ногайцы Малого Ногая, которые в XVI в. кочевали между Кубанью и Азовом²³⁶. До появления «под Беслинцы» ногаев и калмыков бесленеевцы, надо полагать, жили просторнее, спускаясь по течению рек на равнину. На карте 1719 г. поселения Бесни показаны между Лабой и Кубанью (до поворота ее на запад). Путешественники конца XVIII в. помещают бесленеевцев на Лабе. В первой половине XIX в. это племя занимало территорию между верхним течением Лабы и Урупом, в то время как пространство между средним и нижним течением Лабы и Кубанью уже было занято русскими укреплениями²³⁷.

Языковеды считают бесленеевский диалект близким к кабардинскому языку²³⁸. По адыгским преданиям и песне, бесленеевцы отделились от кабардинцев при князе Капоко. Записанная в XVII в. родословная кабардинских князей выводит бесленеевских и кабардинских князей от одного родоначальника Акабгу; предание называет Капоко, как и кабардинского князя Идара, потомками легендарного Инала, в другом варианте — потомками старшего брата Инала Шамбоко²³⁹. В документах XVII в. близость бесленеевцев к кабардинцам подчеркивается выражением «в Кабарде в Бесленейях»²⁴⁰, сообщениями о частых сношениях кабардинских феодалов с бесленеевскими²⁴¹. В XVIII в.

²³⁶ В документе 1633 г. говорится, что Малый Ногай кочует «под Беслинцы»; в 1635 г. — что те же ногайцы кочуют «за Кубаном... вверх по Кубану реке под горами, меж Бесленей и Абазы» (Кабардинские дела, 1633 г., № 1, л. 63; 1635 г., № 1, л. 31; АИ, т. IV, № 53).

²³⁷ P. Pallas. Op. cit., S. 394; J. A. Güldenstädt. Op. cit., S. 469; М. В. Покровский. Указ. соч., стр. 92.

²³⁸ Н. Ф. Яковлев. Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков — «Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исслед. ин-та», т. I; Б. Х. Балкаров. Некоторые особенности бесленеевского диалекта кабардинского языка. — «Труды Ин-та языковедения АН СССР», т. I. М., 1952; М. А. Кумахов. К вопросу о классификации адыгских диалектов. — Уч. зап. Кабардино-Балкарского гос. ун-та, т. II. Нальчик, 1957, стр. 218, 227—228.

²³⁹ Ш.-Б. Ногмов. История адыгейского народа. Тифлис, 1861, стр. 84—86; Ш.-Б. Ногма. Филологические труды, т. I, стр. 57—61; Л. Я. Льюлье. Указ. соч., стр. 183; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 384; т. II, стр. 153, 359; P. Pallas. Op. cit., S. 394.

²⁴⁰ Кабардинские дела, 1636 г., № 1, лл. 2—4.

²⁴¹ Так, в начале 1640-х годов мурза Большой Кабарды Алегую, опасаясь места за гибель Келмамета Куденеговича Черкасского в неудачном походе на Большую Кабарду, ушел со своими каба-

кабардинцы в переписке с Россией неоднократно подчеркивали «сродство» с бесленеевцами. В 1747 г. кабардинский владелец Бамат Кургокин передал предание об отделении бесленеевцев от кабардинцев в таких словах: «Безленейцы их родственники, одного отца дети, и жили все вместе в подданстве российском по Куме, Терку и в протчих местах. И по умножению де нашего народа в здешних местах стало жить тесно, к тому же между собою имели ссору и по той причине разделились; одни братья остались на здешней стороне, а Безленей, что называются бесленейцы, пошел за Кубань, где и ныне живут поблизости к нам, и яко родственники наши непрестанно к нам в Кабарду и мы к ним ездим»²⁴².

Во второй половине XIX в. Н. Каменев записал предание о том, как племя абадзехов вытеснило бжедухов из бассейна Псекупса, а бжедухи в свою очередь потеснили жанеевцев и заняли низовья рек Пшиша и Псекупса до реки Афинса. По преданию, эти события происходили в 30-е годы XVII в.²⁴³ Сомневаюсь в том, что в XVII в. бжедухи уже вышли к Кубани. В годы путешествия Эвлии Челеби бжедухи (Бузудук), видимо, еще не спустились в гор. Русские документы XVIII в. не знают этого адыгского племени.

Е. П. Алексеева обратила внимание на то, что ни в XVI, ни в XVII в. письменные источники не упоминают о западночеркесских племенах, которые в XIX в. были наиболее многочисленны, — об абадзехах, шапсугах и натухаевцах, и высказывает предположение, что они тогда еще не сформировались в самостоятельные племена²⁴⁴. Полагаю, что причина отсутствия упоминаний другая. На карте 1719 г. к югу от «томерги» и «жена» к горам стоит обозначение «вольные черкесы». В XIX в. именно так называли абадзехов, шапсугов и натухаевцев, как не имевших

«за Кубань реку», т. е. к бесленеевцам, откуда позднее вернувшись на старые места поселений (Ногайские дела, 1640 г., № 1, с. 175—176; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 208 и др.).

²⁴² «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 140—141. Иное предание о бесленеевцах высказала Е. П. Алексеева (указ. соч., стр. 27).

²⁴³ Н. Каменев. Бассейн Псекупса. — «Кубанские войсковые ведомости», 1867, № 5; А. Н. Дьячков-Тарасов. Бзико-Зауо. — «Революция и горец», 1929, № 1—2, стр. 40; Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 28.

²⁴⁴ Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 27—28.

князей²⁴⁵. Источники XVIII в. уже знают их племенную принадлежность: абасыкеи, абазихеевцы, Большая Абаза (абадзехи); шапсо, шапзыги, сапсых (шапсуги); натукаши (натухаевцы); во французском переводе турецкого текста конца XVIII в. Мохаммеда Нашем эфенди: Natoukhadj, Shabschikh, Abazikh. Источники эти знают и особенности их социального строя: «владельцев не имеют, а правят между ними старики, закона никакого не содержат и ни у кого не в подданстве» (В. Бакунин в 1743 г. об абадзехах и шапсугах); у абазихеев нет пши, т. е. князей (Мохаммед Нашем эфенди)²⁴⁶.

Благодаря этой особенности и расселению в «крепких гористых местах» «вольные черкесы» мало общались с феодалами Крымского ханства, не установили они связей и с русскими. Эвлия Челеби в своем путешествии по Северному Кавказу, конечно, пользовался гостеприимством местных феодальных владельцев, не уклоняясь в глубь лесистых гор. Кроме того, есть основания думать, что названия Абаза в русских документах и Абазе у Эвлии могут обозначать не только абазин и абхазов, но и абадзехов.

Несколько черкесских племенных названий, переданных Эвлией Челеби, отождествить с позднейшими затрудняюсь (Такафер, Седеши, Таку)²⁴⁷.

Ряд народов перечислен в титуле крымских ханов. В переводе Ф. Лашкова титул этот звучит так: «Великие орды и великого юрта Крымского государства бесчисленных многих татар и неисчетных нагай и межгорских черкас, татцкий и тавкецкой и всех многих бусурман великий и благодатный государь...»²⁴⁸. Для пояснения этого текста

²⁴⁵ Т[орнау]. Указ. соч.

²⁴⁶ «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 141—143, 37 ЦГАДА, Портфель Миллера, № 348/7, Дополнение к кабардинскому описанию, В. Бакунина, 1743 г.; М. О. Косвен. Указ. соч., т. I, стр. 281; «Описание Кубани», стр. 158—160; М. А.-С. Barbier Meunard. Un document turc sur la Circassie.— «Centenaire l'école des langues orientales vivantes». 1795—1895. Paris, 1895, p. 479. Эта публикация указана Е. С. Зевакиным — «Очерки истории Адыгеи», стр. 479.

²⁴⁷ Л. И. Лавров полагает, что это небольшое племя выполняло у соседей роль жрецов. — «Доисламские верования адыгейцев кабардинцев», стр. 199.

²⁴⁸ Ф. Лашков. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI—XVII вв. Симферополь, 1891, стр. 73 и др.

необходимо обращение к подлиннику. Комментарий Е. П. Алексеевой к переводу Ф. Лашкова не представляется мне убедительным²⁴⁹.

Выше уже говорилось о том, что русские источники XVI—XVII вв. дают несколько черкесских названий, производя их от наименований не племенных, а географических.

Объяснение названия «пятигорские черкасы» в современной научной литературе является спорным и заслуживало бы специального экскурса. Ограничиваюсь здесь несколькими замечаниями. Несколько знаю, ни в одном из документов XVI—XVII вв., исходивших от адыгов или записанных с их слов, это название, как самоназвание, не встречается, хотя местность «Пять гор» упоминается часто. Сообщение «Книги степенной царского родословия» о приезде в 1555 г. послов «от всея Пятигорския земля»²⁵⁰ не служит для данного события первоисточником, так как является позднейшей (1560-х гг.) переработкой летописного известия, где такой формулировки нет. Мне уже приходилось указывать, что в русских документах XVI в. оно применялось и к кабардинцам, и к западным адыге²⁵¹. В том же значении употребляет это название и Мартин Фролевский, когда пишет, что обширная Пятигорская область примыкает к Таманской крепости, расположенной в окрестности Таврики²⁵². В XVII в. название «пятигорские черкасы» из русских источников исчезает, одно из последних его упоминаний — в «Книге Большому чертежу», где оно отнесено к населению бассейнов рек Малки, Баксана,

²⁴⁹ Е. П. Алексеева (указ. соч., стр. 27) сопоставляет название «тацкие» и «тевкецкие черкесы» с племенами Такаку у Эвбе (по Е. П. Алексеевой — Такаку) и Татчагус у путешественника Жюбуа де Монпере. Однако звуковое сходство с самым отдаленным, «Тацкий» — очевидно, от слова «тат». О значении термина «тат» см.: Л. З. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1868, стр. 329; В. Миллер, Материалы для изучения еврейско-татарского языка. СПб., 1877, стр. XVII; Б. А. Куфтин, Жилище крымских татар в связи с древней заселенностью полуострова. — «Мемуары этнографич. отд. Импер. Рус. архива», т. 1, кн. 1, стр. 106.

²⁵⁰ ИСРЛ, т. XXI, 2-я половина. СПб., 1913.

²⁵¹ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 390, примеч. 8.

²⁵² Martini Vroniovii... Tartariae descriptio... Col., 1595, p. 12.

Чегема, Череса, т. е. к Большой Кабарде²⁵³. В Польше и Литве оно держалось дольше — там в XVI—XVII вв. был известен род князей Пятигорских и в польско-литовском войске служили отряды конницы — так называемые «пятигорские хоругви». По происхождению их воины, как и князья Пятигорские, были скорее из Западной Черкесии, чем из Кабарды, во всяком случае, не только из Кабарды: с адыгами у Польско-Литовского государства были связи через Крым, ближайшими соседями которого были западноадыгейские племена²⁵⁴.

Темрюцкие и таманские (или атаманские) черкесы — это, конечно, черкесы, жившие на Таманском полуострове около турецких крепостей Тамани и Темрюка²⁵⁵. Их племенной состав, вероятно, был смешанным. Упоминаются они чаще всего в «Донских делах» (ЦГАДА), так как с ними часто сталкивались донские казаки. Название «адинские черкесы» документа 1642 г. связываю с поселением Ада на Таманском полуострове, в 30 верстах от Тамани. В первой половине XIX в. племя Адале или Хетуг (ср. выше Хетуге, Хундуг) на Таманском полуострове считалось в числе тех адыгских племен, «самобытность» которых прекратилась²⁵⁶. Название «Адоховских черкас» известия 1566 г. предположительно связываю с названием городища Адиох на реке Малом Зеленчуке²⁵⁷.

Приведенные выше данные убеждают в том, что XVI—XVII вв. племенной состав западных адыге в основном сложился так, как его знают источники уже XIX в.

²⁵³ Описание Кубани в «Книге Большому чертежу» очень кратко, и о западных адыге в ней нет упоминаний («Книга Большому чертежу». М.—Л., 1950, стр. 88, 90).

²⁵⁴ J. Wolff. Kniżziowie litewsko-ruscy. Warszawa, 1895, стр. 364—366; K. Gorsky. Historia jazdy polskiej. Kraków, 1894, стр. 323—324, 334.

²⁵⁵ Ногайские дела, 1640 г., № 1; Кабардинские дела, 1658 г., л. 2; РИБ, т. XXIX, стб. 442, 877 и др.; А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 387; Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 27.

²⁵⁶ СГГД, т. III, М., 1822, стр. 387 и сл.; «Описание Кубани» стр. 152; Л. Я. Люлье. Указ. соч.; Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 87; Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 11, 31, 128 (автор говорит предположительно о том, что адинские черкесы — абазинцы).

²⁵⁷ Т. М. Минаева. Городище Адиох в Черкесии. КСИМК, вып. 60, М., 1955; Л. И. Лавров. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев, стр. 196; Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 25; Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 249; Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 25.

²⁵⁸ Для того чтобы следить за процессом племеобразования

Изменения шли по линии потери некоторыми племенами «самобытного» существования, с одной стороны, с другой — выделения из одного племени ветвей. Происходили изменения в расселении племён по Закубанью, которые трудно учесть в подробностях.

Таким образом, прикубанские адыгские племена в XVI—XVII вв. занимали обширную территорию от Тамани до бассейна Лабы, которая включала плодородные равнины, предгорья и область лесистых гор. Названные выше исследования Л. И. Лаврова, Е. П. Алексеевой и М. В. Покровского показывают, что уровень развития производительных сил и производственных отношений у прикубанских адыгов был близок к уровню развития социально-экономических отношений у кабардинцев. Основными занятиями были скотоводство и земледелие, пахотное на равнине, мотыжное в горах; преобладали посевы проса. Земледелие, по-видимому, имело большее значение, чем в те же века в Кабарде. Подсобными занятиями были садоводство, пчеловодство и бортничество, охота, рыболовство, для которого в низовьях Кубани были лучшие, чем в Кабарде, условия. Была развита домашняя промышленность — обработка шерсти, кожи, дерева, шитье одежды; выделились в ремесло некоторые отрасли металлообработки, особенно производство оружия. Хозяйство оставалось в основном натуральным, города с ремесленным и торговым населением у западных адыгов не известны; торговля носила меновой характер. Близость Крыма и турецких крепостей неблагоприятно отражалась на развитии хозяйства западноадыгских племён. Они в большей степени, чем кабардинцы, подвергались опустошительным грабительским набегам татарских феодалов или их военным походам за вынужденной данью, основной частью которой были невольники — юноши и девушки. Деятельность на побережье турецких и крымских купцов вела к расцвету работорговли, которая была одним из средств обогащения адыгейской феодальной знати.

ния в глубь XV—XIV вв., нужны специальные поиски источников, крайне ограниченных, и специальные приемы их изучения. Так, большого внимания заслуживают рассказанные Ногмовым предания и особенно — тексты записанных им древних песен, в которых встречаются названия западноадыгских племён. См. Ш.-Б. Ногма. Указ. соч., стр. 60—61, 69—70, 77—78, 107—108; Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 69, 71—74, 76, 78, 79, 81, 84, 86, 94, 99, 102—103, 105, 109, 114.

Исследователи определяют социальные отношения у адыгейских прикубанских племен как раннефеодальные, глубоко своеобразные, с устойчивыми патриархально-родовыми пережитками; в крестьянской среде прочно держался общинный строй. Пользуясь источниками уже XIX в., М. В. Покровский дал подробную характеристику феодально зависимых крестьян — фокотлей, объединенных в общины переходного типа — от родовых к сельским, крепостных крестьян — пшитлей, рабов — унаутов и адыгейских феодалов — шиш (князей, беков) и дворян — уорков²⁵⁹. Вторая половина XVIII в. отмечена открытыми проявлениями классовой борьбы²⁶⁰. Источники XVI—XVII вв. преимущественно западноевропейские, показывают, что у адыгейцев в это время уже существовала феодальная знать и имела место феодальная эксплуатация крестьянства²⁶¹.

Изложенные ниже замечания основаны на источниках, еще не введенных в научный оборот. Они дают некоторый материал, поясняющий характер социального строя адыгейцев XVI—XVII вв.

Обращусь к одному из русских документов Посольского приказа. Выше упоминалось о приезде в 1634 г. в Терский город из «Кумургейской земли», т. е. от кемиргойцев мурзы Базрука Канмурзина с узденями, посланного «братом его большим, Кумургейские земли владением Мурзабеком»²⁶². Базрука принес шерт перед воеводами Терского города «за брата своего большово за Мурзабека и за меньшую свою братью и за всех мурз и узденей и за все людей Кумургейские земли» на том, что им быть по государеву высокою рукою «в прямом холопстве», «на веки неотступным». Как и в Кабарде, «Кумургейской землицей», т. е. территорией, занятой племенем кемиргойцев, на правах верховных собственников владела, очевидно без раздела, семья феодалов под главенством «большова брата»; «меньшая братья» входила в круг совладельцев родственников, конечно, не всегда родных братьев и даже не всегда братьев. Имя Мурзабека включает восточный

²⁵⁹ М. В. Покровский. Указ. соч., тл. III Общественный строй.

²⁶⁰ А. Н. Дьячков-Тарасов. Указ. соч.; «Очерки истории Адыгеи», т. I, стр. 200—204.

²⁶¹ Библиографические указания см. у Е. П. Алексеева (указ. соч., стр. 93—97).

²⁶² Кабардинские дела, 1634 г., № 1, гл. 131—132.

термин «бек» несомненно, что Мурзабек был иши, если пользоваться адыгским термином. Уздени, участвовавшие с Базрукой в принесении шерти, составляли низший по сравнению с владельческой семьей слой феодалов (это уорки по-адыгски). Обращает особое внимание формула присяги-шерти — «и за всех людей Кумургейской земли». Считаю, что она означала крестьян-общинников, т. е. прежде всего фокотлей. Полагаю, что феодальная собственность на землю у западных адыге XVI—XVII вв. существовала главным образом в форме общего владения большой феодальной семьей территорией племени с ее крестьянским населением, а для крестьян-общинников (фокотлей, тлхфокотлей) феодальная рента, конечно, натуральная, частично совпадала с налогом. Отработочные повинности фокотлей, известные по более поздним источникам, были прикрыты оболочкой добровольности, родовой помощи²⁶³. Западные и восточные авторы XVI—XVII вв. говорят о тяжелой зависимости крестьян (райя, сервы, невольники) от знати. Очевидно, эти сведения относятся к крепостным крестьянам — пшителям и к рабам — унаутам, но не к фокотлям.

По наблюдениям Е. П. Алексеевой, источники XVI—XVII вв. не знают термина, напоминающего термин фокотль, тлхукотль, лхукол. Одно из ранних употреблений этого термина (в своеобразной форме) находим в уже цитированной записке о Черкесии турецкого автора конца XVIII в. Мохаммеда Нашем эфенди. Он говорит о трех разрядах (во французском переводе — castes) населения черкесов: пши, узден и токав (toquav), определяя последний разряд, как caste populaire, т. е. народ. Классовый характер этого деления выступает в сообщаемых автором сведениях о значительной разнице в плате за кровь пши (т. е. пши) и токава (плата за кровь узденя составляла середину)²⁶⁴. Близкий термин для фокотлей западных адыге находим у английского автора 30-х годов XIX в. Фли, за которым его повторил Ф. Ф. Торнау, «то-вы»²⁶⁵. Русские документы XVIII в. употребляют его

²⁶³ М. В. Покровский. Указ. соч., стр. 126—127.

²⁶⁴ М. А.-С. Barbier de Meynard. Указ. публикация, стр. 47—48.

²⁶⁵ Торнау. Указ. соч., № 9, стр. 128. Н. Н. Раевский назвал

в 1840 г. «словие вольных людей», у адыгейских племен «то-вы» (М. В. Покровский. Указ. соч., стр. 127).

для кабардинских крестьян — «токовы», «токошевы»²⁶⁶. Источники XVI—XVII вв. сохранили нам ряд имен князей, беков, беев (т. е. пши) у западноадыгских племен — у шефаков, жанеевцев, хатукайцев, адемийцев, кемиргойцев, бжедухов, бесленеевцев. Некоторые родовые прозвища княжеских семей, известные по источникам XVIII—XIX вв., можно проследить в глубь XVII—XVI вв. В 50—60-е годы XVI в. князем у жанеевцев был Сибок, а у бесленеевцев — Машук. Русская летопись в одном случае назвала первого Кансауковым, а второго — Кануковым²⁶⁷, что соответствует известным позднее княжеским фамилиям: у жанеевцев — Анчоковых, а у бесленеевцев — Кануковых. Выше уже говорилось, что несколько авторов XVII в. называют территорию кемиргойцев по княжеской фамилии Болотоко, сохранявшей свое положение в Кемиргое и в XIX в.

До нас дошли яркие свидетельства высокого положения знати у адыгейцев, которая «в сильном почете», ее представители не занимаются «недворянским делом» и рождаются лишь с благородными и равными себе лицами, «тщательно избегая уронить свое звание»²⁶⁸. Несомненно, уже в это время складывались нормы обычного права западных адыге, сходные с кабардинским адатом, которые ограждали привилегии феодалов, используя пережитки патриархально-родовых отношений²⁶⁹.

О высоком положении адыгской знати говорят и родственные ее связи с феодальными домами Кавказа, Турции, Крыма. Первой женой турецкого султана Сулеймана была черкешенка, «*una donna circassa*», по итальянским источникам. Можно предполагать, что она была из бесленейского княжеского рода Кануковых: в первой половине XVI в. при турецком дворе служил один из Машуковых, очевид-

²⁶⁶ «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 270, 369; П. Х. Тхамоков. Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. Нальчик, 1961, стр. 148, 149.

²⁶⁷ ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 283—284.

²⁶⁸ А. Веселовский. Несколько географических и этнографических сведений о Древней России из рассказов итальянцев. СПб., 1870 (здесь перевод рассказа Георгия Интериано); Д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии... — «Записки Одесского общества истории и древностей», т. XXIV. Одесса, 1902, отд. I, стр. 125.

²⁶⁹ М. В. Покровский. Указ. соч., гл. III; Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 96.

по, сын Машука Канукова, вступившего в 1550-е годы в сношения с Москвою; при Иване Грозном Машуков выехал служить на Русь и стал здесь родоначальником князей Ага-Машуковых Черкасских²⁷⁰. Известны постоянные родственные связи адыгских феодалов с ханами Крыма. Когда в 1561 г. Иван Грозный посылал сватов к жанеевскому князю Сибоку и к кабардинскому князю Темрюку, московское правительство, несомненно, преследовало политические цели, противопоставляя свои планы сватовства брачным связям султана и хана²⁷¹. Первая жена хана Девлет-Гирея, мать калги Магомет-Гирея, была дочерью черкесского князя Тарзатыка. Черкешенкой была и младшая жена Девлет-Гирея²⁷². В 1616 г. бесленеевский князь Хакечя (или Кахечя) Бокин назван шурином крымского хана. Мать крымского хана Джанбек-Гирея Дурбика была дочерью бесленеевского князя Кануко²⁷³. Можно привести ряд других таких примеров²⁷⁴. С другой стороны, имеем известие 1563 г. о том, что Русудани, жена имеретинского царя Георгия II, была дочерью адыгейского владетеля²⁷⁵.

Ни в XVI—XVII вв., ни позднее западноадыгские племена не были объединены политически, они жили «разрозненно», по наблюдениям турецкого автора конца XVIII в.²⁷⁶ Постоянные междоусобия возникали не только между феодалами разных племен, но и внутри феодальных семей, между близкими родственниками; как и в Кабарде, обычай кровной мести обострял вражду. Еще Интериано писал о том, что у «знатных» случается, что «один из родственников убивает другого и большую часть его братьев», и рассказывал о тайных набегах знатных «на бедных крестьян, которых детей и скот уводят с собой из одной страны в другую и там продают их»²⁷⁷. Исключительно яркую картину владельческих междоусобиц в Черкесии нарисовал в своем «Описании Черного моря и Тартарии» Д'Асколи, бывший префектом в Каффе в 1634 г.

²⁷⁰ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 255—256.

²⁷¹ По неизвестным нам причинам сватовство у Сибока не дало результатов.

²⁷² Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 253.

²⁷³ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 93; Ногайские дела, 1632 г., № 1, л. 189.

²⁷⁴ В. Д. Смирнов. Указ. соч., стр. 347—348.

²⁷⁵ «Очерки истории Адыгеи», стр. 145.

²⁷⁶ М. А.-С. Barbier de Meynard. Указ. публикация, стр. 59.

²⁷⁷ А. Веселовский. Указ. соч.

По его словам, «иной отец не всегда безопасен от сына своего или брата»; «всякий, кому не хватает сил собственных вассалов, обращается за помощью к дружественному владельцу»; побежденный прибегает к подкупу крымского хана, «обещая ему 200 или 300 рабов», тот «более чем охотно пользуется случаем и тотчас собирает 40 или 50 тыс. воинов, с которыми идет к позвавшему владельцу»; противник, видя это, «для лучшего исхода решает сойтись с ханом на стольких-то невольниках»; затем хан выступает посредником в примирении сторон (правда, автор добавляет, что черкесы «огляделись, прошло уже много лет, как они перестали звать хана») ²⁷⁸. Ногмов передает предание о вражде двух братьев, жанеевских князей Антиноко и Канбулата, один из которых обратился за помощью к султану, другой — к хану, что вызвало тяжелое кровопролитие и кончилось гибелью Канбулата. Она оплакивается в древней песне, текст которой был записан Ногмовым; восточные источники называют братьев-соперников Хакшума и Антошак, относя события к первой половине XVII в. ²⁷⁹

Отряды адыгских племен, выступавшие в далекие походы, по требованию султана или хана, не сливались в одно войско, а сохраняли каждый свое племенное название. Так, в 1616 г. в несостоявшемся походе крымского хана в Персию должны были участвовать «бесленейские, кумиргинские, абазинские, жанские, хантунские и кабардинские Шолоховых и Казыевых кабаков и все черкасские князи и мурзы со всеми своими черкасскими людьми» ²⁸⁰. В 1634 г. турецкий султан писал крымскому хану о походе «на польского короля», и хан шел в поход «з горскими людьми, з бесленейцы, и з жанцы, з хунтуны, с кумыргейцы...» ²⁸¹. В 1641 г. в крымской рати под Азовом были адыгские отряды, перечисленные по племенам Эвлией Челеби ²⁸². Эти примеры отражают политическую раздробленность западных адыге.

²⁷⁸ Д'Асколи. Указ. соч., стр. 25.

²⁷⁹ Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 114—116; Ш.-Б. Ногма. Указ. соч., стр. 105—109; Хан-Гирей. Указ. соч.; В. Д. Смирнов. Указ. соч., стр. 555—556.

²⁸⁰ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 93.

²⁸¹ Кабардинские дела, 1634 г., № 1, л. 73.

²⁸² «Записки Одесского общества истории и древностей», т. VIII, стр. 162—163. Здесь названы воины следующих «колен»: Шагаки, Шана, Мешук, Такафер, Бозудук, Пултуктай, Катукай и Кабартай.

Источники дают нам примеры объединений адыгских племен, к которым иногда присоединялись и другие неадыгские народы Северного Кавказа. Объединялись для защиты от внешних врагов. В 1550-е годы в обращении за помощью к Русскому государству от «всей Черкасской земли» участвовали жанеевцы, бесленеевцы, очевидно, кемиргойцы и, может быть, кабардийцы (или абазины) ²⁸³. В 1570 г. кабардинский князь Темрюк «приходил помогати» «баязытцким черкесам» (очевидно, абазинам) против крымского царевича Адиль-Гирея, после того как «царевичевы татары» были побиты в «Кумуке» (в Кемиргое?) ²⁸⁴. В 1619 г. «против ногайских людей» готовы были «заодин стояти» «все головами своими» «и бесленейские, и кумиргинские, и жаньские черкасы», вместе с чеченскими и ингушскими обществами ²⁸⁵. Но эти объединения не могли быть прочными при слабости экономических связей в условиях натурального хозяйства, и адыги вели борьбу против крымских набегов чаще всего разрозненно. В одних случаях она была удачна, и ханы или царевичи возвращались в Крым с побитым войском и «без полону», в других отдельные адыгские племена становились жертвой тяжелых требований. Так, в 1615 г. крымский хан «Еман-Гирей салтан с ратными своими людьми пришел войною на кумиргинские черкасы и повоовал 7 кабаков, а потромил де те кабаки оманом» ²⁸⁶. В 1626 г. хан Шагин-Гирей «с крымскими ратными людьми» ходил войною на бесленеевцев, «прямивших» прежнему хану Джанибек-Гирею; бесленеевцы «давали Шаң-Гирею ясаку, ясрию женок и девок, и аргамаков, и пансырей, всего пятьсот, а Шан-Гирей просит тысячу» ²⁸⁷. В 1641 г. крымский хан ходил в «Дужаны» на князя Авджидумука, т. е. на жанеевцев, с 14-тысячным войском; «за зимним тяжким путем» крымское войско отошло под Азов, где с ним бились донские казаки ²⁸⁸. Дела Посольского приказа сохранили множество указаний на такие походы ²⁸⁹.

²⁸³ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 3—4 и 389, 390.

²⁸⁴ Там же, стр. 22.

²⁸⁵ Ногайские дела, 1619 г., № 1, лл. 140—144.

²⁸⁶ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 90.

²⁸⁷ Ногайские дела, 1626 г., № 1, л. 211.

²⁸⁸ Донские дела, кн. 2.—РИБ, т. XXIV, стб. 120 и др.

²⁸⁹ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 137, 143, 246, 346—347 и др.

Феодальные междоусобицы и крымские набеги были тяжелым бедствием для адыгских племен, особенно для крестьянского населения, задерживали их хозяйственное развитие, опустошали поселения.

3. Северокавказские абазины

Соседями западных адыге и кабардинцев Большой Кабарды в бассейне Кубани и верхней Кумы были северокавказские абазины. Л. И. Лавров, посвятивший абазинам специальное исследование, считает, что племена абазин — группы шкарауа и тапанта переселились с черноморского побережья на Северный Кавказ в течение XIV—XVI вв.²⁹⁰ В XVIII в., от которого об абазинах дошли более ясные известия, племена тапанта жили преимущественно в районе Зеленчуков и верхней Кумы. Обычное название Абазы (тапанта в XVIII—XIX вв.) — алтыкесек или шестидольная²⁹¹. Шесть ее основных племен — Лоо, Биберди, Дударуко, Клыч, Кяч и Джантемир — носили названия от фамилий возглавлявших их феодальных владельцев (по-абазински — аха).

Рассказанные Ногмовым предания и записанная им древняя песня говорят о столкновениях и сношениях кабардинцев с абазинами при внуке Инала Идаре и Темрюке Идаровиче²⁹², т. е. свидетельствуют о том, что в XVI в. абазины уже обитали на Северном Кавказе.

Л. И. Лавров считает первым достоверным свидетельством пребывания абазин на Северном Кавказе сообщение родословной XVII в. о том, что Кайтука мурза, сын кабардинского князя Мамстрюка Темрюковича, «утонул на Кубане реке, как в добычу ездил под абазинцев»²⁹³. Мамстрюк жил во второй половине XVI в., умер в первые годы XVII в. Можно сослаться и на известие, переданное

---

²⁹⁰ Л. И. Лавров. Абазины.— «Кавказский этнографический сборник», т. I, стр. 9.

²⁹¹ Там же, стр. 13; «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 188, 224, 292, 293.

²⁹² Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 86, 98; 99, 100; Ш.-Б. Ногма. Указ. соч., стр. 61; Л. И. Лавров. Абазины (далее — указ. соч.), стр. 12.

²⁹³ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 13; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 384.

в 1570 г. русским
в июле этого года
вал... черкасы Бааа
барды, приходил с
сом» — именно в э
взяты в плен крым.
касы» этого докумен...

Абазины, вошедшие в сношения с Русским государством при Иване Грозном, конечно, жили уже на Северном Кавказе. При Грозном выехал служить на Русь князь Казый — Василий Карданукович Черкасский²⁹⁵. Родословные русские книги XVII в. дают небольшую роспись «рода абазинских мурз», где дедом князя Василия и отцом мурзы Кардануко назван мурза Дударуко²⁹⁶. Предполагаю, что этот Дударуко и был родоначальником феодальной фамилии Дударуковых или Даруковых, владевшей позднее племенем дударуковцев, и что он тождественен тому «черкасскому князю» Тutoryку Езболуеву, который в 1555 г. приехал в Москву вместе с жанеевским князем Сибоком и крестился под именем Ивана²⁹⁷. В 1550-е годы приезжал в Москву и «черкасский князь» Алкыч Езбузлуков, очевидно, брат Тutoryка²⁹⁸. Не был ли он родоначальником феодальной фамилии Клычевых? (Напомню, что долго державшиеся названия отдельных владений в Кабарде, такие, как Казыева Кабарда, Шолохова Кабарда, произошли от имен князей, живших во второй половине XVI — начале XVII в.) Эти сношения и принесение присяги могли быть основанием для включения «Абазы» в число земель и народов, «приложившихся» к Русскому государству, —

²⁹⁴ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 22—23.

²⁹⁵ Выписки о приезжавших на Москву царевичах и черкасских и ногайских мурзах с 1552 по 1618 г.— РИБ, т. XXII. СПб., 1908, стб. 58 и сл. С 1560-х гг. В. К. Черкасский постоянно упоминается в разрядных книгах; в 1589 г. получил боярство; был женат на Марфе Ив. Мстиславской; в 1607 г.— воевода г. Переяславль-Рязанского, был убит болотниковцами (Н. Мятлев. К родословию князей Мстиславских.— «Сб. статей, посвященных Л. М. Савелову». М., 1915, стр. 300—316; ПСРЛ, т. XIV, 1-я половина. СПб., 1910, стр. 74; И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. Л., 1951, по указателю).

²⁹⁶ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 384, 387.

²⁹⁷ Там же, стр. 4.

²⁹⁸ Сб. РИО, т. 59. СПб., 1887, стр. 480.

об этом говорили русские дипломатические документы последней четверти XVI в.²⁹⁹

Источники XVII в. позволяют говорить о том, что тогда на Северном Кавказе уже жили четыре из перечисленных выше шести племен группы тапанта. В 1634 г. почти одновременно с мурзой западноадыгского племени кемиргойцев Базрукой Канмурзиным в Терский город приехал из «Обазинской земли» мурза Кумургука Отлепшукин Ловов т. е. представитель феодальной абазинской фамилии Лоовых, со своими узденями³⁰⁰. Кумургука сказал терским воеводам: «Брат его большой, Цека-мурза абазинской владелец, с ними, з братьею своею 12 человек, и со всеми своими абазинскими людьми, слыша твою государеву многую милость х кумыцким и к горским людям, прислали ево, Кумургуку, бити челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси, чтоб ты, государь, их пожаловал, велел им, Цеке з братьею, и со всеми абазинскими людьми быть под своею государевою высокою рукою в холопстве и во всем твоём государеве повеленье со всеми своими людьми Абазинские земли навеки неотступным»; 15 июля 1634 г. Кумургука дал шерть. Остается неясным, шертовал ли Кумургука за абазин племени Лоо или за всех абазин группы тапанта.

Отписка терских воевод 1643 г. рассказывает о том, что в мае этого года в связи с переговорами о принесении шерти Большой или Казыевой Кабардой к «Пяти горам» приехали мурзы этой Кабарды Алегуко (Шегануков, племянник Казыя Шепшукова) и его дв. брат Ходождуко (Казыев) с мурзами Ураковой половины Малого Ногай и «абазинские мурзы Хачака мурза Янтемир-мурзин да Сарлап (или Сарлап) мурза Левов да Казый мурза Доруков, да Янсох мурза Бийбердеев, да Алкас мурза Бегишев, да Джаным мурза Бабуков...» Несколько позднее для принесения присяги — шерти — Русскому государству Сарлап мурза Левов приезжал в Терский город с Алегукой и мурзами Малого Ногай³⁰¹. В этом тексте перечислены мурзы четырех из известных позднее шести племен абазин — та-

²⁹⁹ «Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными», т. I, ч. 1. СПб., 1851, стб. 985—993; Сб. РИО, т. 38. СПб., 1883, стр. 298—333; т. 142. СПб., 1913, стр. 532; Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 13.

³⁰⁰ Кабардинские дела, 1634 г., № 1, л. 133.

³⁰¹ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 224, 227, 232.

пантовцев: Джантемировых, Лоовых, Дударуковых, Бибердовых. Джаным мурза Бабуков, возможно, представлял абазин бабуковцев, не входивших в число основных тапантовских племен³⁰². В одном из документов 1634 г. назван еще мурза Тамбюка Левов — не родоначальник ли владельцев Тамбукаевых?³⁰³ Затрудняюсь сказать, от какого абазинского племени приехал Алкас мурза Бегишев. Среди абазин группы шкарауа позднее известно племя Баг, где владельцами были Багошевы³⁰⁴. Но все остальные мурзы цитированного выше документа 1643 г. были из тапантовских племен.

Когда в 1645 г. после смерти царя Михаила Федоровича приводили к присяге новому царю население Северного Кавказа, стрелецкий голова Борис Малыгин, посланный из Терского города, побывал в Казыевой Кабарде и у мурза Малого Ногай и привез оттуда шертовальные книги³⁰⁵. За гибелью архива приказа Казанского дворца эти книги не дошли до нас, и мы не знаем, участвовали ли абазины в присяге кабардинского мурзы Алегуки, как это имело место в 1643 г. Предполагаю, что да, так как в 1652 г., когда мурза Алегуко приехал в Терский город для подтверждения присяги, с ним шертовали бесленевский мурза Кантемир и абазинский мурза Янхот Левов, т. е. опять из Лоовых³⁰⁶.

Сведения об абазинах группы шкарауа в источниках XVII в. очень скудны. Пользуясь известиями Эвлия Челеби, Л. И. Лавров говорит о том, что в XVII в. уже жило на Северном Кавказе шкаровское племя мысылбай³⁰⁷.

В источниках XVI—XVII вв. нет ясных указаний на занятую северокавказскими абазинскими племенами территорию. Приведу известные мне отрывочные данные. В 1635 г. сообщалось, что «Малый Ногай за Кубаном (т. е. по левую сторону р. Кубани.— *Е. К.*) кочевали вверх по Кубану реке под горами меж Бесленей и Абазы»³⁰⁸. Близ

³⁰² Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 27. В «Табели» Большой и Малой Кабарды 1744 г. деревня Бабукова значится на р. Малке («Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 114).

³⁰³ Кабардинские дела, 1634 г., № 1, лл. 88, 106.

³⁰⁴ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 30.

³⁰⁵ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 265—266.

³⁰⁶ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 309.

³⁰⁷ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 27.

³⁰⁸ Кабардинские дела, 1635 г., № 1, л. 31.

ко к этому указание документа 1642 г.: в это время Алегую и Ходождуко мурзы Казыевы «покочевали» со своими людьми «с старых своих кочевных мест (в Большой Кабарде.— *Е. К.*) в сход к Малому Ногаю за Кубань реку под Абазы»³⁰⁹. Эвлия Челеби, сведения которого относятся к 60-м годам XVII в., рассказывает о «кабардинской деревне» Дудургай, население которой принадлежит «не к одному племени» и в 6 часах езды от которой к востоку протекает р. Дженджик³¹⁰, т. е. один из Зеленчуков, левых притоков Кубани. Нет сомнений в том, что здесь Эвлия говорит об абазинах-дударуковцах. Его рассказ о том, как в 70-х годах XVI в. в земле дударуковцев обосновался турецкий отряд Осман-паши, зимовавший там семь лет³¹¹, подтверждает приводимые выше сведения о пребывании этого абазинского племени на Северном Кавказе во второй половине XVI в.

Далее к востоку Эвлия посетил край племени Бебирдкач, т. е. абазин-бибердовцев, живших во время его северокавказского путешествия на берегу рек Дженджик, т. е. Зеленчуков, и Кубани; в этом краю, по его словам, находилась и крепость Бургустан³¹², следы которой сохранились на правом берегу Поджумка³¹³. Рассказ Эвлии о том, что правителями края Бебирдкач являются четыре брата, каждый из которых имеет по 100 кибиток и из которых двое подчиняются кабардинским бекам и двое — тавустанскому султану (?), Л. И. Лавров предположительно относит ко всей тапанте³¹⁴.

Главани в 1724 г. назвал абазин-тапантовцев Бескесек-Абаза, т. е. пятидольная Абаза, и дал такие сведения о численности этих пяти «долей»: дударуковцев — 200 жилищ, лоовцев — 200, бибердовцев — 120, клычевцев (у Главани — Кимлик) — 60 и трамовцев — 40 (трамовцы

³⁰⁹ Кабардинские дела, 1642 г., № 1, л. 117.

³¹⁰ Эвлия Челеби. Отрывки путешествия... (машиннопись), стр. 71—72.

³¹¹ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 13.

³¹² Эвлия Челеби. Отрывки путешествия... (машиннопись), стр. 71—72.

³¹³ Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 26; Е. П. Алексеева. Черки по истории Черкесии в XIV—XV вв.— «Труды Карачае-Черкесского научно-исслед. ин-та», вып. III (серия историческая). Черкесск, 1959, стр. 49 и карта.

³¹⁴ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 14. Для расселения абазин в XVI—XVII вв. см. также: Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 28—31.

управлялись владетельной феодальной семьей Трамовых, подчиненных Лоовым). Джантемировцев и кячевцев Главани не знает³¹⁵.

Наблюдения исследователя, основанные на данных XVIII—XIX вв., убеждают в том, что социально-экономические отношения у абазин были менее развиты, чем у адыгских племен. Основным занятием было отгонное скотоводство, земледелие было примитивным. Только кузнечное дело носило характер ремесла; обработка кож, шерсти, дерева в крестьянских семьях не вышла из стадии домашней промышленности. Еще в первой половине XIX в. господствующим был натуральный обмен. Для XVII в. об отсутствии у дударуковцев денег говорил Эвлия Челеби. Уровень развития феодализма был низким; Л. И. Лавров определяет социальные отношения у абазин XVIII—I-й половины XIX в. как патриархально-феодальные. Феодально зависимыми были рабы — унавы, крепостные — лыги и лично свободные крестьяне — акавы, численно преобладавшие. Среди феодалов высшим слоем были князья — аха; мелкая знать, дружинники, носила название амыста, среди них выделялись амыстаду — большие амыста. Характерно, что кабардинские князья — пши — не роднились с абазинскими аха; допускались браки последних лишь с членами семей кабардинских тлако-тлешей³¹⁶.

Несомненно, что называемые русскими документами мурзы Лоовы, Дударуковы, Бибердовы, Джантемировы — это абазинские аха. Отписка терского воеводы 1634 г. говорит о приезде мурзы Кумургуки Лоова с «узденями», т. е. со своей дружиной, амыста. Из слов Кумургуки следует, что у абазин в XVII в., как и в Кабарде, «Абазинской землицей» владела большая феодальная семья под верховенством «большова брата» — в этом случае владельцами названы «12 братьев» во главе с большим братом Цекой мурзой. Как уже говорилось выше, нет ясного указания на то, приезжал ли Кумургука от лоовцев или от всей тапанты³¹⁷.

³¹⁵ К. Главани. Описание Черкесии 1724 г.— Сб. МОИПК, вып. XVII, Тифлис, 1893, стр. 151; Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 14.

³¹⁶ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 17—22.

³¹⁷ Выражение «12 братьев», конечно, не означает именно братьев, но родственников — ср. со сведениями о «13 братах», вла-

В XVIII в., отвергая притязания крымских ханов и Оттоманской Порты на абазин, кабардинские князья настойчиво говорили об абазинах алтыкесек как о своих «издревле подданных», которые платят им «подати» (конечно, натуральные — баранами) и ходят с ними на войну. Основной причиной зависимости была нужда в пастбищах для отгонного скотоводства³¹⁸. Установление зависимости кабардинские феодалы относили то ко времени легендарного Инала, то ко времени Казы и Чегенука³¹⁹, т. е. владельцев Большой Кабарды Казыя Пшеапшкова или Шешшуква, погибшего в первой половине XVII в., и его старшего брата Шегануко³²⁰.

Русские документы XVII в. не раз упоминают абазинских мурз, сопровождающих того или иного князя или мурзу Казыевой Кабарды. Это сообщение подтверждает раннее установление зависимости абазин от феодалов Большой Кабарды. Так, в 1614 г. к терским воеводам от Казыя Пшеапшкова с просьбой о ратных людях «на недругов» приезжал «брат» Казыя Кул мурза Канукин и абазинский Алкаш князь Кордануков (очевидно, из Дударуковых)³²¹. Выше уже приводились известия 1640—1650-х годов об участии абазинских мурз талантовцев в сношениях с Терским городом внука Казыя Алегуки и сына Казыя Ходождуко. Сообщение русских послов, ехавших в 1639 г. в Грузию через Кабарду, о длительном пребывании Алегуки в «Абазах» Л. И. Лавров склонен комментировать как известие о поездке сюзерена к своим вассалам³²². В 1660-х годах Эвлия Челеби говорил о «подчинении» двух владельцев края Бебирдкач кабардинским бекам и двух других — «тавустанскому султану» (в переводе Л. И. Лаврова — «султанам горной страны»). Не означает ли это название старшего владельца Малой Кабарды, поскольку одна ветвь малокабардинских князей вела свой род от Таусалтана Ян-

---

девших в 1640 г. Казыевой Кабардой («Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 181 и 184).

³¹⁸ «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 141, 151—152; Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 11, 18.

³¹⁹ «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 151—152, 188, 189—190.

³²⁰ «Кабардино-русские отношения», т. I, по указателю.

³²¹ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 82.

³²² Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 11.

стан) ³²³. Л. И. Лавров предполагает, что Челеби имеет здесь в виду шамхала тарковского, так как выше он говорит о частых нападениях на бибердовцев «дагестанского шаха» ³²⁴. В первой половине XIX в. абазины-тапанта зависели от разных ветвей феодальных фамилий Большой Кабарды; по Ногмову, клычевцы, кячевцы и дударуковцы — от Атажукиных, бибердовцы и половина лоовцев — от Джанбулатовых, а другая половина лоовцев — от Мисостовых. Разделенные между абазинскими феодалами, абазины-тапантовцы были разбиты и зависимостью от разбивавших между собою кабардинских князей. /

³²³ «Кабардино-русские отношения», т. I, по указателю; Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 131.

³²⁴ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 14.

ГОРСКИЕ НАРОДЫ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

1. Осетины

Среди племен высокогорной части Кавказского хребта более развитыми, чем ингуши и чеченцы, в социально-экономическом отношении были ираноязычные осетины — потомки местного горского населения и алан, оттесненные в горы сравнительно поздно, в XIII — XIV вв., и прошедших первые стадии складывания феодальных отношений еще в период жизни в более благоприятных условиях на плоскости. Источники XVI — XVII вв. об осетинах очень немногочисленны, и о характере социально-экономических отношений в Осетии в эти века можно судить в значительной степени лишь по более поздним известиям XVIII — XIX вв. и по сделанным в XIX в. записям обычного права¹.

Осетины жили в горных трудно доступных ущельях, где протекали левые притоки Терека: Гизельдон (Тагаурское осетинское общество), Фиэгдон (Куртатинское), Ардоп (Алагирское) и Урух (Дигорское)². Основным занятием населения в этой горной местности было скотоводство. В составе ясака, который в половине XVII в. осетины-дигорцы платили кабардинским феодалам, основную

¹ «История Северо-Осетинской АССР». М., 1959, стр. 87—148; Осетины.— «Народы Кавказа», т. I. М., 1960, стр. 297—344 и библиография, стр. 569—570.

² Царевич Вахушти. География Грузии.— «Записки Кавказского отд. Русского геогр. об-ва», т. XXIV, вып. 5. Тифлис. 1904.

часть составлял скот — овцы, коровы, быки, лошади³. Разводили главным образом мелкий скот — овец и коз. Судя по записям обычного права, и в XIX в. в Осетии преобладала натуральная рента скотом. Занимались и земледелием, сеяли ячмень, пшеницу, овес, просо, но в горах хлеба никогда не хватало на весь год. К тому же сельскохозяйственные орудия были крайне примитивны. В первой половине XVIII в. царевич Вахушти в своей «Географии» писал о том, что плодородность в Осетии «незначительна, ибо никакие другие зерна не рождаются, кроме пшеницы, ячменя и овса, по причине холода, позднего лета и ранней осени, но и это не засевается изобильно по малоземелью и скалистой местности»; посевы часто уничтожались градом, и тогда жители терпели «сильный голод». «Нехваток хлеба» у осетин отметил и источник 1780 г.⁴

Подспорьем служила охота, которая носила общественный характер. Значение охоты подчеркивается почитанием божества охоты Авсати и приношением рогов оленей древние осетинские святилища, например, Реком в Аларском ущелье⁵.

Средства производства и предметы домашнего потребления изготовлялись в замкнутом натуральном хозяйстве. Но Вахушти, осетины «знают искусство выделывания кожи, тканье сукон, валяние их, приготовление хороших бурок. Знают ковать, слесарное ремесло, выделывать деревянные вещи, строить дома». Лишь кузнечное дело, обработка камня и отчасти кожи носили характер ремесла⁶.

Осетинам были известны выходы руд на занятой ими территории; так, в ущельях Уруха, Ардона, Хазыдона они добывали серебряно-свинцовые руды. Возможно, в

³ М. Подлевков. Посольство стольника Толочанова и князя Ивлева в Имерию. 1650—1652 гг. Тифлис, 1926, стр. 119—120.

⁴ Там же; Царевич Вахушти. Указ. соч., стр. 139; «История Северо-Осетинской АССР», стр. 88—91; Б. В. Скитский. Эпистолярная литература по истории Осетии. Орджоникидзе, 1956, стр. 10—144.

⁵ А. М. Дирр. Божества охоты и охотничий язык у кавказцев. — Сб. МОМПК, т. 44. Тифлис, 1915; Л. П. Семенов и Г. Кастуев. Музей краеведения Северной Осетии. 1897—1947. Дзауджикау, 1947, стр. 47.

⁶ Царевич Вахушти. Указ. соч., стр. 142; «История Северо-Осетинской АССР», стр. 91.

XVII в. и ранее они уже знали Садонское месторождение⁷.

Экономические связи с Грузией — через перевалы Главного Кавказского хребта — и с кабардинцами, поселения которых подступали к выходам из горных ущелий, существовали, но они не вели к появлению денежного хозяйства — торговля оставалась меновой. Вахушти отметил, что у осетин «деньги заменяются войлоками, чохой, небеленым холстом, сукном, овцами, коровой и пленником...»⁸.

Выделившаяся из массы населения феодализирующая верхушка получала от зависимого населения натуральную ренту, преимущественно скотом и продуктами скотоводства (сыром, мясом), которая взималась за пользование пастбищами и за их «охрану», а также в установленных обычным правом случаях. Отработочная рента и позднее была очень слабо развита, денежной — при господстве натурального хозяйства — не было. Разобщенность занятых осетинами ущелий вела к тому, что степень развития феодальных отношений в различных обществах Осетии не была одинаковой, размеры повинностей не во всем совпадали, а наименования сословий варьировались. Народные предания и предания, сложившиеся в феодальной среде, отразили процесс феодализации, возвышение феодалов — алдар (баделят, царгасат, тагнат, гагуат, как назывались феодалы различных осетинских ущелий). Характерно, что феодалы стремились оправдать свои права над народом ссылками на происхождение от чужестранных феодальных фамилий⁹.

Кроме феодально зависимого крестьянства (адамихатов, форсаглагов, «черного народа», по выражению русских источников XVIII—XIX вв.), в зависимости от осетинских феодалов были их потомки от жен незнатного происхождения (кумаяги, кавдасарды) и рабы — кусаги, ясыри, т. е. пленники, которые входили и в состав ясака, выплачиваемого осетинами кабардинским феодалам¹⁰.

⁷ «Кабардино-русские отношения», т. I. М., 1957, стр. 121, 407; Б. А. Калоев. Историко-этнографический очерк Садонских рудников. — «Известия Северо-Осетинского научно-исслед. ин-та», вып. 23, Орджоникидзе, 1959.

⁸ Царевич Вахушти. Указ. соч., стр. 142.

⁹ Б. В. Скитский. К вопросу о феодализме в Дигории. — «Известия Северо-Осетинского научно-исслед. ин-та», т. V, 1933, его же. Хрестоматия..., стр. 57—111.

¹⁰ М. Полдеев. Указ. соч., стр. 119—120.

Осетинские алдары, «знатные, сильные люди», жили в замках — галуанах, рассчитанных на большую семью или патрионию. Никакой объединяющей власти в Осетии не было, феодальные владения были раздробленными и миниатюрными. По источнику XVII в. известен дигорский мурза Карабгоев, владевший четырьмя селениями — кабаками. Карабугаевы — известная позднее феодальная фамилия в Стырдигории. Лежавшая к югу от Дигории в глубине ущелья Стырдигория состояла тогда из 20 селений¹¹.

Осетинские крестьяне жили «в несказанной бедности». В XVIII в. феодалы стремились увеличить размеры повинностей сверх установленных старинными обычаями. «Немало между ими (осетинами) бывает таких насильств, что у бессильных нагло отнимают пашенные и сенокосные земли, скот и все именье и самую его жизнь», — писал в 1780 г. начальник осетинской миссионерской комиссии протопоп Иоанн Болгарский. В 1780-е годы классовая борьба дигорских крестьян против баделят вылилась в открытое восстание. Чрезвычайно ярко она отражена и в осетинском фольклоре¹².

Характерной чертой социального строя осетин была устойчивость патриархально-родовых пережитков, которые дожили до XX в. В XIX в. их описал в своих этнографических очерках замечательный осетинский писатель и деятель Коста Хетагуров. Наблюдения над осетинским бытом и обычным правом послужили материалом для известного труда М. М. Ковалевского, искавшего в Осетии следы родового строя¹³. Советские исследователи изучают их на основе марксистско-ленинской методологии, показывая, как обычное право использовалось феодалами и трансформи-

¹¹ К. Ф. Ган. По долинам Чороха, Уруха и Ардона. — Сб. МОМЛК, вып. 25. Тифлис, 1898; «Народы Кавказа», т. 1, стр. 318.

¹² Б. В. Скитский. Хрестоматия..., стр. 111—118; его же. К вопросу о крестьянских движениях на Северном Кавказе во 2-й половине XVIII в. — «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», вып. 17, Орджоникидзе, 1956.

¹³ Коста. Публицистика. Орджоникидзе, 1941, стр. 29—64 (см. также в «Хрестоматии по истории Осетии», стр. 137—161); М. М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении, т. I—II. М., 1886; В. Б. Пфаф. Материалы для древней истории осетян. — «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 4. Тифлис. 1870.

рвалось под влиянием складывавшихся классовых отношений¹⁴.

Наиболее устойчивыми патриархально-родовыми чертами были большая семья и патронимия, семейная и патронимическая община, роль старших в семье, культ семейного очага, культ предков, гостеприимство и кровная месть, так ярко описанная Вахушти: «Если даже примирятся чрез посредство совета и выплатят стоимость крови, то потом все же убивают и возвращают цену, полученную за кровь»¹⁵. О том же говорил протопоп Иоани Болгарский: «...никакая обида у них не проходит без отмщения, потому что за великий у них почитается стыд, ежели обидимый обидчику уступит».

Необходимость для осетин пользоваться зимними пастбищами на плоскости повела к установлению их зависимости от кабардинских феодалов, стремившихся к тому же установить контроль за перевальными путями. Наиболее раннее известие об этой зависимости относится к 1604 г. В бытность русских послов Михаила Татищева и дьяка Андрея Иванова, которые прошли в Грузию через Совские щели, т. е. через Дарьяльское ущелье, «ближние люди» карталинского царя Юрия говорили им: «...меж Черкасские и Юрьевы царевы земли есть горские люди, словут осинцы, всего их человек з 200», жаловались на их набеги и просили послать на них ратных людей, русских и кабардинских, — «и только то место очиститца, и дорога будет из их Карталинской земли к государеве отчине х Кабардинской земле прямая и просторная». Здесь речь шла, несомненно, об осетинах-тагаурцах, живших вблизи Дарьяля. По сведениям послов, «те осинцы бывали за Айтек-мурзою Черкасским, да от него поотложились». Айтек — кабардинский мурза из рода Клекстана, известного позднее в Малой Кабарде. Именно малокабардинские феодалы, поселения которых подходили к выходу из Дарьяльского ущелья, сталкивались с осетинами-тагаурцами за право контроля над этим путем¹⁶.

¹⁴ З. Н. Ванеев. Родовой строй в Осетии. — «Известия Юго-Осетинского научно-исслед. ин-та АН Груз. ССР», вып. 1(V), 1946; М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, и др. авторы.

¹⁵ Царевич Вахушти. Указ. соч., стр. 142.

¹⁶ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1. М., 1889, стр. 508.

Другое известие — 1651 г. — относится к дигорцам, жившим «вверх по реке по Уруху». К русским послам Никифору Толочанову и дьяку Алексею Иевлеву, шедшим в Имеретию и остановившимся в одном из феодальных кабардинских владений — в Анзорове Кабарде, приходили дигорцы Измаил и Чибирка. Они рассказали, что владеет ими Аслан мурза Карабгоев, что в его владенье четыре кабака, что за дигорами лежит другое владение — «стургорцы, 20 кабаков [Стырдигория], а в кабаке, сказывали, жильцов дворов по 200 и больше. А для де обереганья ясак дают Алегуке да Хадаждуке мурзам черкасским и Зазаруке мурзе Анзорову с кабака по 10 коров или быков, да по ясырю, да по лошади по доброй, да с двора по овце по суйтной, да по четверику пшеницы, да по четверику проса». Алегуко и Хождуко — известные в XVII в. феодалы Большой Кабарды. Уже тогда осетины-дигорцы искали защиты от кабардинских мурз у русских послов и просили о постройке вблизи их мест русской крепости, обещая платить московскому государю тот же ясак, какой они платили кабардинским феодалам¹⁷. Ясак, конечно, взимался с осетинских крестьян. Осетинские же феодалы роднились с кабардинскими, были связаны с ними отношениями аталычества, которые укрепляли их власть над осетинским крестьянством. Из Кабарды проникло в Осетию мусульманство, которое распространялось в среде феодалов и отделяло их от народа. Осетинский фольклор отражает борьбу осетинского народа с насилиями кабардинских феодалов¹⁸.

Вступали осетинские феодалы в сношения и с грузинскими царями, поддерживавшими в Осетии остаток христианства, занесенного к аланам еще из Византии, а затем в XII в. и позднее подкрепленного шедшим из Грузии влиянием. В XVI—XVII вв. в народе христианские верования были уже в значительной степени заглушены языческими. Особенно оживленными были связи осетинских феодалов с карталинскими царями во второй половине XVII в.¹⁹

¹⁷ М. Полиевктов. Указ. соч., стр. 119—120; «Кабардино-русские отношения», т. I, по указателю.

¹⁸ «История Северо-Осетинской АССР», стр. 104—109; Б. В. Скитский. Хрестоматия..., стр. 123—129; «Кабардино-русские отношения», т. II. М., 1957, стр. 219, 310—311; Г. А. Кокоев. Кабардино-осетинские отношения в XVIII в.— «Исторические записки», т. 2.

¹⁹ «История Северо-Осетинской АССР», стр. 101—104.

Приемы отгонного скотоводства и экономические связи вели к общению осетинского крестьянства с грузинским и кабардинским, к обмену трудовыми и бытовыми навыками²⁰. Связи с русским народом стали развиваться позднее, с XVIII в.

2. Балкарцы и карачаевцы

Изучение истории балкарцев и карачаевцев прервалось во время Великой Отечественной войны и возобновилось лишь после XX съезда КПСС. Эта причина в соединении с крайней скудостью известий в источниках XVI — XVII вв. привела к тому, что названный период их жизни может быть восстановлен далеко не полно.

В июне 1959 г. в Нальчике состоялась научная сессия о происхождении балкарского и карачаевского народов²¹. В результате всестороннего обсуждения участники сессии пришли к мнению, что балкарцы и карачаевцы являются одним народом, образовавшимся в процессе смешения местных кавказских племен с ираноязычными и тюркоязычными племенами; последние проникали на Северный Кавказ несколькими волнами. Карачаево-балкарский язык имеет наибольшее сходство с кумыкским и половецким языками.

В брошюре Х. О. Лайпанова²², в соответствующих главах т. I труда «Народы Кавказа»²³, в недавно появившихся «Очерках истории балкарского народа»²⁴ обобщены сведения о социально-экономических отношениях у балкарцев и карачаевцев в дореволюционный период и о процессах, происшедших у этих в прошлом отсталых народов в советское время. Не повторяя данной в этих работах картины, поделюсь несколькими наблюдениями, относящимися именно к XVI — XVII вв. и отчасти к XVIII в.

²⁰ «История Северо-Осетинской АССР», стр. 104, 108—109; В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, т. I—III. М., 1881—1887; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. I. М.—Л., 1949.

²¹ «Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов». Нальчик, 1960.

²² Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957.

²³ «Народы Кавказа», т. I.

²⁴ «Очерки истории балкарского народа». Нальчик, 1961.

Для изучаемых веков остается не вполне ясным ответ на такой существенный вопрос, где же жили в это время карачаевцы и балкарцы. XIX век застает карачаевцев в верховьях Кубани, а балкарцев — живущими в ряде горных ущелий к западу от Осетии: в ущелье восточного Черема (так называемое балкарское общество), в ущельях западных истоков Черема (хуламцы и безенгиевцы), по Чегему (чегемское общество) и, наконец, в ущелье Баксана (урусбиевцы).

Надо заметить, что название «балкары» даже и в XIX в. относили к жителям Черекского ущелья, которые так себя называли, в то время как жители других ущелий именовались Чегем, Безенги, Хулам, Урусби²⁵. Поэтому первое в письменных источниках упоминание о «месте Балкары» в отписке в Посольской приказ терского воеводы И. А. Дашкова 1629 г. надо относить именно к жителям восточного Черема (река Черех также названа Дашковым)²⁶. По реке Череху через Болкары шли в 1650 г. в Имеретию русские послы Толочанов и дьяк Иевлев²⁷. По преданиям, ущелья к западу от восточного Черема были заселены выходцами из собственно Балкарии. Округ Чегем, имеющий 500 жилищ, назвал в 1724 г. Главани²⁸. Царевич Вахушти описал Балкарию как страну Басиани, расположенную по басианской реке, т. е. по Череху, и по впадающим в нее рекам²⁹. Документ 1743 г. знает хуламцев, безенгийцев и чегемцев, но не знает урусбиевцев. Исследователи полагают, что заселение долины Баксана — по преданию, из Безенгийского ущелья — надо относить лишь ко второй половине XVIII в., даже к последней его четверти³⁰.

²⁵ АНАК, т. II. Тифлис, 1868, стр. 1117; Н. А. Караулов. Балкары на Кавказе. — Сб. МОМПК, т. XXXVIII. Тифлис, 1908, стр. 131—149; М. К. Абаев. Балкария (исторический очерк). — «Мусульмания», 1911, № 14—17 (Париж); Х. О. Лайпанов. Указ. соч., и др. авторы.

²⁶ «Кабардино-русские отношения», т. I. М., 1957, стр. 120—121; «Очерки истории балкарского народа», стр. 27.

²⁷ М. Полиевктов. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию. 1650—1652. Тифлис, 1926, стр. 106 и др.

²⁸ К. Главани. Описание Черкесии 1724 г. — Сб. МОМПК, т. XVII. Тифлис, 1893.

²⁹ Царевич Вахушти. Указ. соч., стр. 150.

³⁰ «Известия Северо-Осетинского научно-исслед. ин-та», вып. 6. Орджоникидзе, 1934, стр. 31; «Кабардино-русские отноше-

Можно надеяться, что дальнейшие археологические исследования горной части Кабардино-Балкарии помогут уточнить картину расселения балкарцев. Участники одной из последних археологических экспедиций относят постройку башни сванского типа в с. Верхний Чегем ко второй половине XVII в. По преданию, она была построена сванами для чегемских феодалов Балкаруковых³¹.

Предания карачаевцев рассказывают о том, что предки их жили в Баксанском ущелье и что на Кубань они выселились из-за столкновения легендарного Карча с кабардинским князем Руси, требовавшим от Карчи дани³².

В 1639 г. русские послы Федот Елчин и Павел Захарьев прошли в Сванетию и Мегрелию через перевалы Главного Кавказского хребта, побывав в Карачаях³³. Ряд исследователей считает, что послы шли по Баксанскому ущелью и что, следовательно, выселение карачаевцев с Баксана в верховья Кубани произошло после 1639 г. Х. О. Лайпанов, ссылаясь на указания и карту Ламберти 1654 г., где карачиоли помещены к северу от истоков Ингура, считает, что переселение произошло между 1639 и 1654 гг. Л. И. Лавров, основываясь на упомянутом уже документе 1743 г., расширяет хронологические границы и считает, что карачаевцы пришли с Баксана на Кубань между 1639 и 1743 гг.³⁴

ния», т. II, стр. 188; Л. И. Лавров. Расселение сванов на Северном Кавказе.— «Вопросы этнографии Кавказа». Тбилиси, 1952.

³¹ П. Г. Акритас, О. П. Медведева, Т. Б. Шаханов. Архитектурно-археологические памятники горной части Кабардино-Балкарии.— «Уч. зап. Кабардино-Балкарского научно-исслед. ин-та», т. XVII. Нальчик, 1960; В. Миллер и М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды.— «Вестник Европы», т. II, кн. 4. СПб., 1884, стр. 549—567.

³² Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев. М., 1902, стр. 4—5; М. Алейников. Карачаевские сказания.— Сб. МОМПК, т. III. Тифлис, 1883, отд. II, стр. 164, и др. труды.

³³ С. А. Белокуров. Посольство дьяка Федота Елчина и свящ. Павла Захарьева в Дадрианскую землю.— «Чтения ОИДР», 1887, кн. II, стр. 302, 304—305, 310, 312, 318.

³⁴ А. Ламберти. Описание Колхиды. 1654.— Сб. МОМПК, т. XLIII. Тифлис, 1913, стр. 2, 191—192 и карта; «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 188; Г. А. Кокеев. К вопросу о происхождении и времени расселения балкарцев и карачаевцев на нынешней территории.— «Социалистическая Кабардино-Балкария», 1941, № 22—24; Х. О. Лайпанов. Указ. соч., стр. 29; Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 343.

Однако текст статейного списка Елчина и челобитных ездившего с ним в Мегрелию священника Павла Захарьева не дают, как мне представляется, ясного указания на то, что карачаевцы жили в 1639 г. по Баксану, а не по Кубани. В своей челобитной Павел Захарьев доносил, что, когда послы пришли в Алегукину Кабарду (в Большой Кабарде), брат мурзы Алегуки Хапука хотел отпустить их в Сони, т. е. в Сванетию, прямой дорогой. Но Елчин захотел поехать сначала в Карачай, куда послы пришли из Алегукиной Кабарды в пятый день; из Карачая в Сванетию шли также пять дней. Между тем на обратном пути на переход из Сванетии в Алегукину Кабарду потребовалось всего четыре дня. Высказываю предположение, что на этот раз послы шли «прямой дорогой», через Баксанское ущелье, а на пути в Мегрелию заходили к карачаевцам на Кубань, откуда прошли через перевалы в Баксанское ущелье и затем через Донгуз-Орун в Сванетию. Обращаю внимание местных историков на необходимость подробного анализа указанных текстов.

Уже упоминалось выше, что предание связывает выселение карачаевцев с Баксана с именем кабардинского князя Кази. Очевидно это Казый Пшеапшок, живший во второй половине XVI и в начале XVII в.³⁵ Если верить преданию, выселение имело место еще до путешествия русских послов 1639—1640 гг.

Записи обычного права балкарцев и карачаевцев, сделанные в 1840-х гг., и наблюдения ряда авторов XIX в. позволили советским исследователям дать характеристику хозяйства и социальных отношений в Балкарии и в Карачае в дореволюционный период³⁶. Основным занятием было отгонное скотоводство. Необходимость пользоваться зимними пастбищами на равнине повела к установлению зависимости балкарцев и карачаевцев от кабардинских феодалов. Земледелие в горах было скудным, хлеба хватало на 1—2 месяца; сеяли главным образом ячмень. Подспорьем была охота. Домашние промыслы были связаны преимущественно со скотоводческим хозяйством. Экономические связи с кабардинцами и осетинами и через перевалы

³⁵ «Кабардино-русские отношения», т. I, по указателю.

³⁶ Библиографические указания в т. I «Народов Кавказа», стр. 569 и в «Очерках истории балкарского народа». См. также публикацию: «Документы по истории Балкарии 40—90-х гг. XIX в.». Нальчик, 1959.

Главного Кавказского хребта со сванами и грузинами имели место, торговля была меновой.

Источники не оставляют сомнений в том, что в Балкарии и в Карачае сложились феодальные отношения, но в ранней, незавершенной форме. Феодалы Балкарии носили название аксюек — белая кость, а также баспаты, секельт; в середине XIX в. русское правительство признало за ними право именоваться таубиями, т. е. горскими князьями; в Карачае феодалы обычно именовались биями. Положение феодалов Балкарии и Карачая, их права на повинности зависимого населения были закреплены обычным правом.

Балкарское и карачаевское крестьянство делилось на разряды, отличавшиеся по степени зависимости (каракиши, куллы, ясакчи, казаки, каравашаи). Бесправными были казаки и каравашаи, положение которых сравнивают с положением унаутов в Кабарде. Повинности остальных разрядов крестьян определялись обычным правом. Денежной ренты не было, виды натуральной и отработочной ренты часто были прикрыты патриархально-родовыми пережитками. В XIX в. крестьяне жили сельскими общинами, внутри которых сохранялись большие семьи и патронимии. Характерно деление селений и кладбищ на патронимические кварталы. В силу условий горного земледелия пахотные участки рано стали собственностью отдельных семей.

Источники XVII—XVIII вв. не оставляют сомнения в том, что в это время феодальные отношения в Балкарии и Карачае уже имели место, как и зависимость балкарцев и карачаевцев от кабардинских князей, нередко закрепленная формами аталычества и молочного родства между феодальными семьями.

Царевич Вахушти, сведения которого относятся к первым десятилетиям XVIII в., писал, что в стране Басиали «имеются помещики с крепостными крестьянами»³⁷. В его формулировке степень феодализации балкарского общества очевидно преувеличена. Русские документы XVII в. называют феодалов Балкарии и Карачая мурзами, иногда князьями и владельцами. В 20-е годы XVII в. в связи с разведками на Северном Кавказе серебряной руды терский воевода Дашков сообщал в Посольский приказ, что «местом Балкары» владеют племянники по матери кабардинского князя Пшимахи Канбулатовича — Апшика с братьею Таз-

³⁷ Царевич Вахушти. Указ. соч., стр. 150.

римовы дети (в другом случае он назван Абши Тавзрек) и Абдаулла, которые «слушают» кабардинского мурзу Алегуку Шеганукова (Большой Кабарды), т. е. находятся в вассальной от него зависимости³⁸. Очень интересно сообщение Дашкова о «ясачных мужиках», которые на себе носят хлеб в мешках из Кабарды в горы. Надо вспомнить, что колесная дорога в Черекском ущелье была проложена (на средства жителей-балкарцев) лишь в 80—90-е годы XIX в.³⁹, до того сообщение шло по горным тропам. Т. Х. Кумыков полагает, что ясачные мужики выполняли повинность по доставке феодалам хлеба с кабардинской равнины в горы⁴⁰. В 1650 г. среди балкарских владельцев названы Алибек и Айдабул (может быть, тождественный Абдулле), дядька, т. е. аталык, кабардинского князя Камбулата, сына Пшимахи⁴¹. В 1747 г. емчском (молочным братом) князя Большой Кабарды Касая Атажукиши был балкарец Азамат Абаев, в 1768 г. также емчском кабардинского князя Казыи Кайсынова — Майхамат Биев⁴². Эти имена надо сопоставить с известными в XIX в. феодальными фамилиями Черекского ущелья — Айдабуловыми, Абаевыми, Биевыми⁴³.

В Карачае в 1639 г. Федот Елчин ходил «по пирам» к карачаевским мурзам и менял у них сукна, шелковые и бумажные материи на персидские деньги, серебряные женские украшения и серебряную посуду. Среди мурз названы Ельбуздук и Галистан; последнее имя проходит по карачаевским сказаниям⁴⁴.

Зависимость карачаевцев от кабардинских феодалов отражена в названии Карачаева Кабарда документа 1636 г.; о ней в 1724 г. писал Главани. По источникам XVIII в., балкарцы и карачаевцы платили кабардинским князьям дань овцами — по одной овце в год с семейства⁴⁵.

³⁸ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 120, 125.

³⁹ «Документы по истории Балкарии», № 118 и др.

⁴⁰ «Очерки по истории балкарского народа», стр. 28—29.

⁴¹ М. Полиевктов. Указ. соч., стр. 32, 117.

⁴² «Кабардино-русские отношения», т. II, стр. 141, 286.

⁴³ Н. А. Караулов. Указ. соч.

⁴⁴ С. А. Белокуров. Посольство дьяка Федота Елчина..., стр. 304—305.

⁴⁵ Кабардинские дела, 1636 г., № 1, лл. 1—5; К. Главани. Указ. соч., стр. 155; Х. О. Лайпанов. Указ. соч., стр. 25 и сл.; И. Г. Георгги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, т. II. СПб., 1799, стр. 53.

Жившие на перевальных путях в Грузию балкарцы и карачаевцы оказались в XVII в. в поле зрения русской администрации Терского города. Однако в это время знакомство русских людей с жителями горных ущелий Центрального Кавказа было еще очень беглым.

Приведенные выше очерки дают неполную, но все же достаточно ясную картину внутренней жизни народов Северного Кавказа в XVI—XVII вв. Пестрое этнически население Северного Кавказа не было однородным и по уровню социально-экономического развития. У адыгов, особенно в Кабарде и в некоторых частях Северного Дагестана, преимущественно равнинных, имели место феодальные отношения, хотя и в чрезвычайно своеобразных формах, осложненные устойчивыми патриархально-родовыми пережитками. Основой здесь было скотоводческое и земледельческое хозяйство. По северокавказской равнине и вдоль западного берега Каспийского моря на Дербент проходили давние пути, связывавшие эти районы с Закавказьем, Ираном, Черноморьем и с Русью. Однако это не вело к развитию денежного хозяйства.

Феодальный класс у адыгов имел установившееся деление по разрядам, привилегии феодалов были определены неписаным обычным правом, в котором шедшие из глубины веков, от первобытнообщинного строя, нормы были приспособлены к отношениям уже классового общества. Однако феодализм здесь еще далеко не имел законченных форм. Один из наиболее ярких признаков недоразвитости феодальных отношений — неоформленность феодальной собственности на землю, не закрепленной письменными актами и межами, осуществлявшейся в форме верховного права большой феодальной семьи на распоряжение пастбищами и пахотными местами. Разряды адыгского крестьянства находились в разной степени феодальной зависимости. Большинство состояло из незащищенных крестьян-общинников, где внутри сельской общины стойко держались патриархальные формы семейных и патронимических коллективов. Земельная рента была натуральной и частично отработочной, причем последняя часто прикрывалась патриархальными формами помощи. Господство натурального хозяйства вело к отсутствию централизации, к слабости государственности. Ка-

барда, делившаяся на Большую и Малую, и внутри этих делений не была сколько-нибудь сплоченной: каждая из двух частей была в свою очередь разбита на феодальные владения отдельных семей. У западных адыгов сохранилось деление на племена. Жившие рядом с адыгами абазины отставали от них в социально-экономическом развитии.

Более развитыми, чем у адыгов, выступают феодальные отношения в некоторых частях Дагестана. Здесь у кумыков, аварцев, лаков, кайтагцев в XVI—XVII вв. сложились в основном территории тех феодальных владений, которые известны в XVIII—XIX вв. как ханские. В равнинных частях имело место уже развитое земледелие. Если городов с ремесленным населением, можно сказать, не было, то имелись поселения — аулы с выраженной ремесленной специализацией. К XVII в. относятся предпринятые аварским феодальным владельцем — нусалом и кайтагским уцмием записи права в форме постановлений этих феодалов, отражающие обычное право, с одной стороны, нормы уже феодального права — с другой, столкновение феодальных и патриархально-родовых и общинных тенденций. Однако и в Дагестане феодальная земельная собственность слабо оформлена, нет централизации, сколько-нибудь развитой феодальной администрации, войска состоит из феодальных дружин и народных ополчений.

У других народностей и племен Северного Кавказа, отнесенных в горы, социально-экономические отношения были менее развиты, чем у адыгов и перечисленных народностей Дагестана. Если в Северной Осетии, в Балкарии и Карачае уже развивались феодальные отношения, хотя и в очень еще ранней форме, то в так называемых «вольных обществах» Дагестана в горной его части, в Чечне и в Ингушетии этот процесс задерживался. При преобладающем значении горного скотоводства, преимущественно овцеводства, при исключительно трудных условиях земледельческого хозяйства, не обеспечивающего населения хлебом, там сохранилось деление на родо-племенные группы, еще не затронутые или очень слабо затронутые процессом феодализации.

Бесконечные феодальные распри как между представителями феодальных фамилий одной народности, так и между феодалами разной национальности подрывали производительные силы, тяжело отражались на хозяйстве

трудящегося населения. Вековая борьба против завоевателей, шедших со стороны степей и через Дербентский проход, войны феодальных группировок и родо-племенные столкновения развивали воинственность, привычку владеть оружием. Но огнестрельного оружия население Северного Кавказа в это время почти не знало, артиллерии совсем не имело, а вооружение крестьянских ополчений резко отличалось от вооружения феодальных панцирных дружин.

Таково было положение на Северном Кавказе, когда его народы оказались втянутыми в сложные международные отношения, в столкновения интересов сильных государств — двух военно-феодальных государств Востока — Османской империи и государства Сефевидов — и Русского централизованного феодального государства. Именно в XVI—XVII вв. произошли события, определившие дальнейшую судьбу народов Северного Кавказа и положившие начало процессу их присоединения к России.

Часть вторая

**СНОШЕНИЯ НАРОДОВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
С РОССИЕЙ**

Г л а в а п е р в а я

УСТАНОВЛЕНИЕ СВЯЗЕЙ НАРОДОВ АДЫГЕ И СЕВЕРНОГО ДАГЕСТАНА С РОССИЕЙ И ПОЛИТИКА РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В 1552—1572 гг.¹

Шестнадцатый век был важным этапом в процессе создания Русского централизованного государства. В конце XV в. завершилось объединение русских земель. Политическое объединение, отражавшее экономическое развитие страны, в свою очередь послужило толчком к дальнейшим поступательным сдвигам в экономике. Советские исследователи относят к XVI в. предпосылки складывания всероссийского рынка, специализацию районов страны, рост товарно-денежных отношений. Эти явления, обозначившиеся яснее в течение XVII в., обусловили в дальнейшем развитие страны по прогрессивному капиталистическому пути.

Формирование централизованного государства на Руси, проходившее параллельно с развитием крепостничества и в сложной обстановке внутриклассовой борьбы среди феодалов, сопровождалось сложением центрального и местного административного аппарата, укреплением финансовой системы, реорганизацией вооруженных сил. Все это позволило русскому правительству активизировать внеш-

---

¹ В первоначальном варианте настоящая глава напечатана в т. 34 «Исторических записок» («Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг.»).

ную политику и занять видное место в международной жизни Европы.

Одной из важнейших задач внешней политики Русского государства XVI—XVII вв. была борьба за выход к морям. Разрешая эту задачу, правительство правящего феодального класса осуществляло и общенациональные интересы.

Тяжелая война за выход к Балтийскому морю в XVI в. не привела к ощутительным результатам. Более успешной была внешняя политика России на Востоке. Уже в 1550-е годы к Русскому государству были присоединены Казанское и Астраханское ханства. Это расширяло сферу распространения феодального землевладения на Среднее Поволжье, с одной стороны, с другой — обеспечило выход к Каспийскому морю. Однако не была достигнута безопасность южных границ государства — борьба с набегами крымских татар растянулась на века.

XVI век в истории Востока отмечен подъемом завоевательных войн двух сильных военно-феодальных держав — Османской Турции и государства Сефевидов в Иране. Объектом завоеваний служили и народы Кавказа. Для Турции одним из плацдармов для наступления на Кавказ являлось Крымское ханство, правители которого находились в вассальных отношениях к турецким султанам. Именно со стороны Крыма осуществлялась агрессия Турции в сторону Северного Кавказа.

Выход русского государства к Каспийскому морю повлек за собою развитие русско-кавказских связей и расширение круга вопросов политических и дипломатических отношений России с Турцией и Ираном.

Важное место во взаимоотношениях Кавказа и России с середины XVI в. заняли связи с народами Северного Кавказа, конкретному изучению которых и посвящено дальнейшее изложение.

I

В международной обстановке, сложившейся в XVI в. на Востоке и на Кавказе, одной из важнейших сторон были отношения между Ираном и Турцией. Через весь XVI век идут кровопролитные ирано-турецкие войны — войны 10-х и 30-х годов XVI в., война 1548—1555 гг., и,

наконец, длительная война, начавшаяся в 1578 г. Две последние особенно близко касались Кавказа. Промежутки между войнами отнюдь не означали прочного мира — они вызывались в значительной степени тем, что силы Турции в это время были отвлечены действиями на западе — в Средиземном море и в Венгрии. Значение ирано-турецких отношений для положения на Востоке учитывалось московскими дипломатами — в каждом из дошедших до нас наказов Посольского приказа русским послам или гонцам в Турцию и Крым мы находим в той или иной форме указания подлинно выяснить внешнеполитическое положение Турции — «как... турецкой... с цесарем и с-ципанским королем», как «с литовским королем», как «с угорским и с волошским и с крымским», и подробно выведать, «как ныне турецкой салтан... с казылбашским... и вперед меж их чево чают, воеватца ли им или миритца, и будет миритца, и на чем хотят миритца, и послы меж их ходят ли»².

Для понимания возникших в 1560-х годах связей Москвы с народами Северного Кавказа необходимо подробнее остановиться на некоторых фактах ирано-турецкой войны 1548—1555 г.

В 1547 г. правитель Ширвана, сводный брат шаха Тахмаспа Алгас-мирза (Элькас) поднял восстание против шаха, но был разбит и бежал с небольшим отрядом в Константинополь. Источники указывают его путь — через землю шамхала (крымшамхала?) на Северо-Восточном Кавказе, через степь в турецкие города Азов и Каффу и через море в Константинополь³.

После заключения в 1547 г. перемирия с императором и с королем венгерским султан Сулейман, считая тыл обеспеченным, начал в 1548 г. войну с Ираном, во время которой два раза лично предпринимал длительные походы. О задачах и ходе войны можно судить по современным

² ЦГАДА, ф. Посольского приказа, Турецкие дела, кн. 1, лл. 179—180; кн. 2, лл. 280 об.—281 и др. (далее дела Посольского приказа — без указания места хранения и фонда).

³ A Chronicle of the early Safavis being the Ahsanut — Tawārikh of Hasan-i-Rūmlū. V. II (english translation), Baroda, 1934, p. 142 (далее Hasan-i-Rūmlū); B. Dorn. Geschichte Schirwans... vorzüglich nach persischen Quellen.— «Mémoires de l'Académie des sciences de SPb.»; VI série, t. V. SPb., 1840, p. 321—323; А. Рахманов. Тарих-и Алам-и Аббаси как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960, стр. 46.

отчетам венецианских баиллов и донесениям французских послов из Венеции и из Турции. Один из этих послов — d'Aramon — сопровождал султана Сулеймана в походе 1548—1550 гг.⁴

Предпринятая султаном завоевательная война, целью которой было сокрушить государство Сефи-шаха, была начата после больших приготовлений и потребовала крайнего напряжения сил огромной Турецкой империи. В походе 1548—1550 гг. главные турецкие силы были направлены на завоевание Азербайджана, в частности Ширвана; в кампании 1554 г. Ширван снова называется как одно из трех главных направлений турецкого наступления⁵. Военные действия ближайшим образом коснулись Грузии и Армении и проходили частично на их территориях.

Затянувшаяся война оказалась для Турции нелегкой. Восстание в Трансильвании оттянуло часть сил. Далекий путь через горную местность Малой Азии затруднял снабжение огромного турецкого войска. Уже в 1549 г. французский посол сообщал, что своим персидским предприятием султан подвергает свое государство опасности, что потери в войске очень велики, что в янычары берут мальчиков 14 лет, что не хватает для войска лошадей. Недостаток конницы был особенно чувствителен, так как в войсках шаха конница была основной силой.

Одной из возможностей пополнить недостаток конницы было привлечение войск крымского хана как вассала султана, обязанного выступать в поход по его приказанию. Известно, что, например, в войнах с Венгрией султаны систематически пользовались силами крымских татар. Для участия крымских войск в персидских походах возможны были два варианта доставки крымской конницы к

⁴ E. Charrière. *Négociations de la France dans le Levant*, v. II. Paris, 1850, p. 35, 41, 52—53, 62, 64, 66, 78—81, 83, 86, 89, 94, 101, 106, 125, 177; J. Chesneau. *Le voyage de m. d'Aramon... en Levant*. Paris, 1887, p. 261 etc.; донесения В. Navagero 1553 г., D. Trévisano 1554 г., анонима 1555 г., у E. Alberi. *Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato*. Ser. III, t. I, p. 35—91, 124—163, 193—265; *Nuntiaturberichte aus Deutschland*. Abt. I. B. XI. Berlin, 1910, S. 383, 392, 431.

⁵ О Ширване в письме d'Aramon Генриху II от 8 июля 1548 г. (E. Charrière. *Op. cit.*, v. II, p. 66) и в анонимном итальянском донесении 1555 г. (E. Alberi. *Op. cit.*, Ser. III, t. I, p. 245); об Азербайджане в письме султана Сулеймана Генриху II, 1548 г. (J. Chesneau. *Op. cit.*, p. 261; «История Азербайджана», т. I. Баку, 1958, стр. 234—237).

театру военных действий: морем в Малую Азию на специальных транспортных судах или сухим путем через Северный Кавказ и Дербент в Закавказье⁶. Первый путь не раз использовался в XVII в. — так, в 1617 г. хан Джанибек-Гирей переправился с войском морем из Крыма в Синоп⁷. Второй путь был использован в прано-турецкой войне конца 70-х — 80-х годов XVI в., что очень способствовало успехам турок в Закавказье.

До нас дошли известия о том, что султан получал помощь крымского хана и в войне 1548—1555 гг. Венецианский посол в Константинополе Тревизано в отчете о посольстве, написанном в 1554 г., сообщает по рассказам, что, как только султан отправился в предприятие против «Софи», т. е. шаха, он послал чауша с дарами к крымскому хану, умоляя его выступить с возможно большим количеством войска, и хан двинулся к нему на помощь с 60 тыс.⁸ Путь, которым прошли татарские войска, неясен. Сухопутный путь через Северный Кавказ и Дербент в Закавказье представляется более вероятным, так как одной из главных целей похода 1548 г. было завоевание Ширвана. В 1554 г. в Москве считали возможным поход крымского хана «к Шамахе» — и именно через Северный Кавказ⁹. В 1553 или 1554 г., одновременно с персидским походом султана со стороны Малой Азии, через Северный Кавказ прошло и турецкое войско. Казим-мирза, из рода правителей Ширвана, был послан Сулейманом через Каффу и Темир-Капу, т. е. Дербент, в Ширван. В отряде Казима были янычары и 2 тысячи лошадей (всадников?), а общая численность его войск уже при сражениях в Ширване определяется источником в 10 тысяч турок, янычар и ширванцев¹⁰.

⁶ Н. А. Смирнов. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв. Нальчик, 1948, стр. 5—6.

⁷ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.—Л., 1948, стр. 87.

⁸ E. Alberti. Op. cit., Ser. III, t. I, p. 134—135; Цинкейзен относит известие Тревизано к 1548 г.—*Geschichte des Osmanischen Reiches* in Europa, B. III. Gotha, 1855, S. 189.

⁹ Ногайские дела, кн. 4, лл. 220 об.—224.

¹⁰ *Hasan-i-Rümlü*, под 961 годом; B. Dogn. Op. cit., p. 327—328; *Journal Asiatique*, v. IX, p. 284; «История Азербайджана», т. I, стр. 236. Здесь на основании восточных источников сообщается, что султан направил конный отряд татар в Ширван в подкрепление Казим-мире.

Таким образом, одной из стратегических задач Турции в войну 1548—1555 гг. было использование северокавказского пути для проникновения в Закавказье с севера и для нападения на иранские войска с тыла; другой задачей, связанной с первой, было вовлечение в войну крымских сил.

С вопросом о Северном Кавказе была связана для Турции и третья стратегическая задача. Еще во время ирано-турецких войн первой половины XVI в. Турция искала союзников среди узбекских владельцев Средней Азии. Войны узбеков с Ираном, как и турецкие войны, проходят через весь XVI век. Военные кампании со стороны Средней Азии не раз совпадали с наступательными действиями турецких войск, что создавало для шаха особенно опасное положение¹¹. В сопоставлении с этими известиями представляют большой интерес сношения султана со среднеазиатскими владельцами во время войны 1548—1555 гг. и особенно — для нашей темы — пути этих сношений.

Гаммер по турецким источникам сообщает о сношениях султана с Абдуллахфом (владельцем Самарканда) в начале ирано-турецкой войны. В Среднюю Азию был послан отряд в 300 янычар с артиллерией, а Абдуллахфом была обещана помощь в войне против шаха со стороны Средней Азии. Отряд достиг Средней Азии уже после смерти Абдуллахфа, последовавшей в 1551 г. Далее сообщается о прибытии в Константинополь в феврале 1556 г. посла самаркандского хана Барака и о двух ответных письмах ему в апреле 1556 и мае 1557 г.¹²

Судьба посланного в Среднюю Азию отряда янычар разъясняется рассказами турецкого реиса Саиди-Али в его «Зеркале стран»¹³. Саиди-Али был послан в 1553 г. к Пер-

---

¹¹ Hasan-i-Rümlü, p. 13; J. Hammer. Histoire de l'empire Ottoman, v. IV. Paris, 1836, p. 190; J. Malcolm. Histoire de la Perse, v. II. Paris, 1821, p. 271—278, 280—283, 293—298, 302—306; S. S. Oliver. The Safwi Dynasty of Persia.— «Journal of Asiatic Society of Bengal», v. LVI, p. 1. Calcutta, 1887, p. 40—47; R. B. Merriman. Suleiman the Magnificent.— «Harvard University Press», USA, 1944, p. 243.

¹² J. Hammer. Op. cit., v. VI. Paris, 1836, p. 103—104; «История Узбекистана», т. II. Ташкент, 1948, стр. 51—52.

¹³ Miroir des pays ou relation des voyages de Sidi Aly...— «Journal Asiatique», t. IX. Paris, 1826 et t. X. Paris, 1827 (французский пе-

сидскому заливу, к турецкому галерному флоту, действовавшему там против португальцев (португальцы через Ормуз снабжали войска шаха огнестрельным оружием, в чем шах особенно нуждался). Корабль разбило бурей, и турецкий фрегат высадился на берегу Индии, откуда проехал в Среднюю Азию. Саиди-Али рассказывает о том, что он встретил у среднеазиатских владельцев хана Барака и хана Бурхана отряды янычар и турецкого чауша Ахмеда, посланных султаном через землю черкесов, через Астрахань и «степи мангытов», т. е. ногайцев. Очевидно, посланный Абдуллатифу отряд разбился между враждовавшими между собой среднеазиатскими владельцами. Упоминается, что Баба-шейх, потомок ходжи Ахмеда, «погиб мучеником в земле черкесов» (по-видимому, как посол из Средней Азии в Константинополь). В 1555 или 1556 г. Саиди-Али вместе с несколькими турками из упомянутых выше отрядов хотел вернуться в страну Рум, т. е. в Турцию, через Астрахань и Каффу. В дороге они получили известие, что Астрахань взята русскими, что Ахмед-чауш участвовал в кровопролитном сражении с ними и что турецкий ага был взят в плен ногайским мурзой Арсланом. Путники вернулись и начали искать другого пути. Предполагали переправиться через Каспийское море в Ширван к войскам Казима, но выяснилось, что этот путь опасен. Пользуясь тем, что в 1555 г. между Турцией и Ираном был заключен мир, Саиди-Али проехал кружным путем через Иран, Багдад и Малую Азию и в 1557 г. вернулся в Константинополь. В Иране он получил аудиенцию у шаха, который, как выяснилось из его вопросов, знал о посылке султаном отряда янычар «в страну узбеков» и весьма интересовался этим. Саиди-Али уверял, что отряд был послан не для военной помощи, а для того, чтобы охранять посла в опасном пути через землю черкесов. Таким образом, и для установления связей с Средней Азией северокавказский путь имел для султана большое значение. Этapaми пути были также Астрахань и Ногайские степи.

Для того чтобы уяснить стратегические замыслы султана в войну 1548—1555 гг., надо сопоставить приведенные известия с событиями конца 1570—1580-х годов. Тогда с

ревод с немецкого перевода Diez'a 1845 г.); Haji Khalifeh. The History of the maritime wars of the turks. London., 1831.

помощью прошедших через Северный Кавказ крымских и турецких войск туркам удалось на время укрепиться в Дербенте, Ширване и Грузии, с узбекским Абдулла-ханом шли ссылки о военном союзе против шаха, и турецкие корабли появились на Каспийском море, закрывая пути русским бусам¹⁴.

II

Обратимся теперь к дошедшим до нас известиям о политике Турции и Крыма в отношении Астрахани и ногаев в годы ирано-турецкой войны середины XVI в. Советскими исследователями подробно изучены попытки крымского хана и турецкого султана в 1540—1550-х годах укрепить свое влияние в Казани¹⁵. Одновременно крымские войска действовали против Астрахани; делались попытки подчинить ногаев; в Астрахань посылались из Азова и турецкие отряды. Когда крымскому хану не удалось укрепиться в Астрахани военной силой, со стороны султана и хана были использованы методы дипломатического воздействия. Однако широкие планы султана Сулеймана потерпели неудачу. Турецко-крымский натиск повел к тому, что значительные группировки ногайских мурз приняли московскую ориентацию. Эти обстоятельства во многом определили русскую политику в Ногайской орде, облегчили русское продвижение по волжскому пути и помогли московским войскам взять и удержать отдаленную от Москвы огромными пространствами Астрахань.

Еще в 1545 г., когда ставленник Крыма Сафа-Гирей был изгнан из Казани, в Крыму возникли предположения «учинить» его «царем в Астрахани», согнав хана Аккубека, который в 1532 г. был посажен в Астрахани «черка-

¹⁴ Н. Porsius. *Historia belli Persici...* Frankfurt, 1583, p. 14—15, 22—23, 28—29; Н. И. Веселовский. *Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией*, т. I. СПб., 1890, стр. 185, 265, 429 и др.

¹⁵ С. О. Шмидт. *Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549)*.— *Труды Историко-архивного ин-та*, т. 6. М., 1954; *Внешняя политика Русского государства в середине XVI в. Присоединение Казани и Астрахани*.— *Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.* М., 1955; Г. Д. Бурдей. *Борьба России против агрессии султанской Турции и ее вассала Крымского ханства в XVI в. (50—70-е годы)*. Саратов, 1953.

сами» — вероятно, кабардинскими¹⁶. Но Сафа-Гирей вернулся тогда в Казань. В 1547 г. крымский хан Сагиб-Гирей «ходил на недруга на астраханского» и взял юрт. Однако крымцы не удержали Астрахани за собою — они разорили город и затем покинули его, угнав в Крым «улусных людей всех». В конце того же года хан прислал в Москву с гонцом грамоту, в которой писал о своем астраханском походе. Сагиб-Гирей объяснял уход крымских войск из Астрахани тем, что то «место недобро»; вместе с тем он сообщал о своем намерении в будущем держать астраханский юрт: «ож бог даст, хотим тот юрт устроить и держати его. Коли есмя Астрахань взяли, ино ногайские князи, Шихмамай князь в головах, и все мирзы нам послушны учинились, кого мы велим им воевати, и им того воевать, а на кого мы не велим им ходить, и им на того не ходить, так нам послушны и повинны учинились»¹⁷. Последние слова можно понять так, что хан говорил об установлении вассальной зависимости от Крыма Ногайской орды во главе с ее князем Шихмамаем. Ниже рассмотрим несколько слова эти соответствовали действительности. Независимо от этого они показывают, что в Крыму понимали значение Астрахани как пункта, из которого можно было влиять на ногайцев. Ханом в Астрахани был посажен крымский ставленник Ямгурчей. В 1548 г. Сагиб-Гирей посылал в Астрахань пушки и пищали¹⁸, очевидно, присланные султаном.

В упомянутой грамоте 1547 г. об астраханском походе Сагиб-Гирей писал: «И как отголе пошли есмя назад в свою землю, и заходили есмя на Кабайтерские (т. е. Кабардинские. — *Е. К.*) черкасы, да и дань есмя на них положили и взяли дань. А после того ходили есмя на Кайтаки, да и тех есмя даньщики учинили и, взяв с них дань, слава богу, и в свое государство пришли есмя»¹⁹. Если в этом русском переводе татарской грамоты слово «Кайтаки» не искажает обозначения подлинника, его надо раскрыть как владение уцмия кайтакского к югу от шамхальства в направлении Дербента. При таком толковании поход крымского хана, совершенный в 1547 г., т. е. тогда

¹⁶ ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 62; Продолжение ДРВ, ч. VIII. СПб., 1793, стр. 229; Крымские дела, кн. 9, л. 15 об. и сл.

¹⁷ Крымские дела, кн. 9, л. 55 об. и сл.

¹⁸ Ногайские дела, кн. 3, лл. 9 об.— 10.

¹⁹ Крымские дела, кн. 9, л. 55 об. и сл.

когда в Турции шли приготовления к войне с Ираном, можно рассматривать как одно из таких подготовительных мероприятий.

Как мы видели выше, в 1547 г. хан Сагиб-Гирей писал в Москву, что ногаи učinились ему «повинны и послушны». На деле астраханский поход хана имел иные результаты. В декабре 1547 г. в Москву пришли из Крыма посланные в ноябре вести, что ногайские мурзы присылали к хану гонца с такими речами: «Про што деи еси Астрахань разорил? Мы деи и преж тебе Астрохань взяли, да не разорили; буди тебе ведомо: Днепр деи наш, кое б твои татарова по Непру не кочевали»²⁰. Эти речи не соответствовали реальному положению в южных степях: основные массы ногайцев кочевали в это время по Яику, доходили до Волги и по временам переходили на ее правую сторону и прикочевывали к Дону. Зимовки в астраханских степях вели к заинтересованности ногаев в делах Астрахани. Князь ногайский Шихмамай предпринял ряд прямых шагов против укрепления здесь крымского влияния.

Осенью 1548 г. в Москву пришли сначала послы от мурзы Измаила, а затем и от самого князя Шихмамая и других мурз с речами о «крепкой дружбе». Одной из главных целей посольств была просьба об отпуске «вборзе» в ногайские улусы жившего в Москве бывшего астраханского хана «царевича Дервиша» (Дербыш-Алея), сестринича, т. е. племянника по сестре, князя Шихмамая и его братьев²¹.

Сопоставление этого известия с последующими событиями убеждает в том, что Дервиш был нужен Ногаям в качестве их кандидата на астраханский юрт. В начале февраля 1549 г. Дервиш был отпущен в ногайские улусы вместе с большим послом Ивана Грозного Иваном Федцовым (это было первое московское посольство к ногайскому князю после пятилетнего перерыва), который вез князю Шихмамаю текст чертной записки. Основным содержанием записки была формула: «другу другом быти, а недругу недругом», которая в дальнейшей переписке конкрети-

²⁰ Крымские дела, кн. 9, л. 52.

²¹ ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 120; Продолжение ДРВ, ч. VIII, стр. 86—87, 91, 95, 99, 104 и др.; В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. I. СПб., 1863, стр. 357—358.

зировалась так: «Крым и Казань нам (Москве.— Е. К.) недруг, а вам недрузи же»²².

Еще до этого обмена посольствами в течение 1548 г. фактически имели место действия против Крыма обеих договаривающихся сторон. Получив известия о том, что крымский хан посылает в Астрахань пушки и пищали, князь Шихмамай послал сына брата Юсуфа Али-Мирзу с 10 тыс. войска «беречь того на дорогу»²³. Поход был неудачен — крымцы побили ногаев «близко Перекопи», «многих живых» переимали, и крымский хан подверг их жестоким казням. После этого «многие» русские казаки ходили на крымские улусы — по словам московской грамоты, царь послал их, услышав о победе хана над Али-Мирзою²⁴.

В последующие годы одновременно с продвижением русских войск к Казани и после взятия ими Казани остро протекала борьба за влияние в Ногайской орде и за Астрахань между Московью, с одной стороны, Турцией и Крымом — с другой²⁵.

Иван Федцов не застал князя Шихмамая в живых. Ногайским князем стал его брат Юсуф. Тот «не учинил правды» на привезенной Федцовым записи. Московский посол встретился у князя Юсуфа с послом султана Сулеймана — первым турецким послом к Ногаям, который привез Юсуфу грамоту султана с предложением: «Яз деи другу твоему друг буду и недругу твоему недруг буду». Князь Юсуф послал ответное посольство к султану, о чем и известил в Москву²⁶. В дальнейшем князь Юсуф занял враждебную Москве позицию, Улусы князя Юсуфа кочевали по Яику и по Каме, он был связан с Казанью и счи-

²² Ногайские дела, кн. 3, л. 73; Продолжение ДРВ, ч. VIII, стр. 138.

²³ Ногайские дела, кн. 3, лл. 9 об.— 10.

²⁴ Продолжение ДРВ, ч. VIII, стр. 155—156.

²⁵ Благодаря тому, что книги Ногайских дел за 1548—1549 и 1551—1566 гг., хотя и с пропусками, но дошли до нас, русско-ногайские отношения за это время могут быть изучены подробно; здесь даются лишь основные факты, которые необходимы для понимания русско-кавказских отношений. См. М. Г. Сафаргалиев. Ногайская орда во 2-й половине XVI в.— «Сб. научн. работ» (Мордовский гос. пед. ин-т). Саранск, 1949; его же. Заметки об Астраханском ханстве.— «Сб. статей преподавателей» (Мордовский гос. пед. ин-т). Саранск, 1952.

²⁶ Продолжение ДРВ, ч. VIII, стр. 175.

тал, что казанская политика Москвы нарушает его интересы. Не поддержал Юсуф и кандидатуру Дервиша на астраханский юрт: тот «Юсуфу князю три годы бил челом о юрте своем», но Юсуф «братства не учинил»²⁷.

В 1551 г. хан Девлет-Гирей заменил в Крыму Сагиб-Гирей, и крымско-турецкая политика в Ногаях и в Астрахани активизируется. К Ногаям прибыл «с великими поминками» крымский посол Тагызекши, в Астрахань — посол Хозяш. Девлет-Гирей выпустил из тюрьмы уцелевших еще людей Али-Мирзы, попавших в 1548 г. в плен Сагиб-Гирею²⁸. Весной 1551 г. пришел и турецкий чауш Ахмет-ага. По-видимому, это был тот же чауш, которого позднее Саиди-Али встретил в Средней Азии. Он побывал у князя Юсуфа и группировавшихся около него мурз, у мурзы Измаила и в Астрахани. Целью посольства было создание большой антимосковской коалиции; Измаил мурза оповестил Ивана Грозного о предложении посла: «Хандыкерю и Крыму и Казани и Астрахани и нашим бы Ногаем всем содиначитися, да твою землю воевати»²⁹. Посол вел с мурзой Измаилом речь и об Астрахани; по его словам, к султану присылали из Астрахани просить царя, и султан «часа того» посылает «царя на Астрахань». Очевидно, уже после этого объезда Ахмет проехал и в Среднюю Азию — не с целью ли договориться там о действиях против Ирана во время нового похода султана?

Но турецкая миссия не имела успеха у мурзы Измаила. Кочевавший у Волги и постоянно сносившийся с Москвою по делам как торговым, так и политическим Измаил тотчас же предупредил Москву о целях турецкого и крымского посольств. Еще раньше Измаил писал царю Ивану с просьбой воевать Астрахань и посадить на астраханский юрт из своей руки Дервиша, с тем чтобы держать его так же, как царя Шигалея в Казани. «А только не пожалует царь и великий князь, нам на Астрахань не пособит, и нам ее взяти не мочно: пушек и пищалей у нас нет, ни судов нет же», — писал Измаил. В октябре 1551 г. Дервиш выехал в Москву и бил челом об астраханском юрте. Временно ему был дан Звенигород, с обещанием «по времени» доставать ему его юрт, т. е. Астрахань — первоочередным

²⁷ Продолжение ДРВ, ч. VIII, стр. 316.

²⁸ Там же, стр. 221, 260, 328.

²⁹ Там же, стр. 227—228, 255, 260, 265—266, 295, 328.

было «казанское дело». Уже в январе 1552 г. в грамотах мурзе Измаилу и Белек-Булат мурзе царь Иван обещал отпустить с Дервишом в Астрахань «рать свою в судех со многими пушками и пищальми»³⁰.

Весной 1552 г. крымские послы снова были у князя Юсуфа и мурзы Измаила, уговаривая на войну с Москвою. В 1552 г. Девлет-Гирей при поддержке турецких сил пытался своим походом на Русь помешать казанскому походу Ивана Грозного; хан дошел до Тулы, хотя первоначально предполагал воевать «до самое Москвы»³¹. Одна из записей разрядной книги, дошедшая до нас, правда, в искаженном виде, дает право говорить, что в набеге 1552 г. на Тулу участвовали войска Казима-мирзы, которые, по сведениям восточных источников, несколько позже прошли через Северный Кавказ в Закавказье³². Это объясняет подробности летописного рассказа о «многих людях» турецкого султана в войске Девлет-Гирея, о пушках, из которых стреляли по городу, «об огненных ядрах и стрелах», о «турках и янычанах», которым Девлет-Гирей велел идти на приступ. При отступлении татарского войска часть артиллерии и припасов была взята русскими, часть затонула или была намеренно потоплена при переправах через реки³³. По-видимому, русская политика в отношении Казани, Астрахани и Ногайской орды повела к тому, что войско Казима-мирзы, посланное султаном в Ширван, было временно отвлечено для участия в московском походе хана, в котором и потеряло часть предназначавшейся для закавказских операций артиллерии.

Основные силы ногаев не поддерживали крымцев в походе 1552 г. Измаил отговорил князя Юсуфа воевать с Мо-

³⁰ Там же, стр. 263, 313, 319—320.

³¹ Книга посольская метрики Великого княжества литовского, т. I. М., 1843, стр. 63; П. Н. Миллюков. Древнейшая разрядная книга официальной редакции. М., 1901, стр. 155.

³² ГПБ, Эрмитажное собр., № 390, л. 190; «И тово ж лета июня, как царь и великий князь был на Коломне, а крымский царь Девлет-Кирей, Мансуи-Кирев сын, а с ним люди крымские и пагайские и иных орд казанских и наряд с ними, пушки и пищали турецкого салтана, Таизымкасиа царя, приходили к Туле и мало Тулы не взяли» — очевидно, надо читать: «Да Азия Касима царя». Касим (из рода ширваншахов) мог быть назван в разрядной книге царем. ГБЛ, Собр. ОИДР, № 182, л. 218 дает вариант: «пушки и пищали турецкого салтана, Изым Касыма царя».

³³ ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 486—487; А. М. Курбский. История о великом князе Московском. СПб., 1913, стб. 16.

сквою³⁴, а пришедший к ногаям от султана и от крымского хана человек был засажен «в крепь»³⁵.

В 1552 г. и в следующие за взятием Казани годы Турция и Крым уделяют особое внимание Астрахани, стараясь удерживать там свои позиции.

В 1551 г. астраханский царь Ямгурчей бил челом в службу московскому царю, однако в 1552 г. Девлет-Гирею удалось склонить его на свою сторону. Московский посол Севастьян был сослан Ямгурчеем на один из островов, очевидно, для того, чтобы он не мог посылать в Москву вести, и имущество его было отнято — «живот пойман». Из Крыма были посланы в Астрахань 13 пушек. В 1553 г. новый крымский посол уговорил князя Юсуфа на выступление против Москвы; Ямгурчей также предполагал послать с ним отряд в 500 человек. Юсуф уже выступил в поход с большим войском, но Измаилу снова удалось отговорить его³⁶.

В этой обстановке Москва предпринимает решительные действия. Уже в январе 1554 г. Иван Грозный писал Измаилу с послом Микулой Бровцыным о своем намерении «делать астраханское дело». Когда в 1554 г. спустившиеся Волгою на судах московские войска посадили в Астрахани Дервиш-Алея, Ямгурчей бежал сначала, по слухам, в Тюмень, к устью Терека, затем в Азов и в этом же году вернулся с крымским войском, отрядом янычар и с противниками Измаила юсуфовыми детьми и мурзю Казыем, пытался выбить Дервиш-Алея из Астрахани, но был отброшен³⁷. Сыну Дервиш-Алея царевичу Янтемиру было послано за это дело из Москвы «великое жалование». В 1555 г. Девлет-Гирей снова сам предпринял большой поход на Русь, а три крымских царевича с князем Чегилеком ходили к Астрахани (в их войске были пушки и пищали). Дервиш-Алей изменил Москве «неволею» и перевез через Волгу враждебных Измаилу мурз. Измаил, ставший в 1555 г. ногайским князем после убитого в междоусобной борьбе

---

³⁴ Продолжение ДРВ, ч. IX, СПб., 1793, стр. 44, 48—49, 54; Ногайские дела, кн. 4, лл. 137 об.—139.

³⁵ Об этом писал в Москву мурза Касай. По-видимому, это известие не совпадает с рассказом Саиди-Али о взятии в плен мурзой Арасланом турецкого аги.

³⁶ Продолжение ДРВ, ч. IX, стр. 36—37, 49, 54, 91, 101, 106.

³⁷ Там же, стр. 122 и сл.; Ногайские дела, кн. 4, лл. 214 и сл., 269 и сл., 285 и сл.; ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 242—245.

Юсуфа, но не чувствовавший себя сильным в Орде, просил царя Ивана прислать ему на помощь стрельцов и пушки, послать в Астрахань рать, посадить на Астраханском юрте астраханского царевича Кайбуллу, сына Аккубека, и поставить города в Астрахани, на переволоке и на Иргызе³⁸. Но ослабление Ногайской орды в междоусобных расприх позволило Москве решить вопрос об Астрахани иначе.

В 1556 г. Дервиш-Алею было прислано повое крымско-турецкое войско — 700 татар под начальством Атман-Дувана и 300 янычар с пушками и шищами. По-видимому, тогда же вернулся в Астрахань из Средней Азии Ахмед-чауш и часть посланного туда турецкого отряда. Однако Дервиш-Алей не смог устоять против присланной из Москвы под начальством Ивана Черемисинова рати и бежал в Азов, а затем в Мекку. Астрахань была присоединена к Русскому государству³⁹. В устье Волги на новом месте, на острове, был поставлен русскими воеводами «новый» — деревянный — город⁴⁰.

Князь Измаил пытался выразить в грамотах к царю Ивану свое разочарование таким оборотом дела: «И яз жидал Астораханского взятъя тово ддя, яз был надеялся всю Астрахань себе» — и претендовал на часть астраханских пошлин и даже на то, чтобы Иван Грозный признал его отцом⁴¹. Но его шаткое положение в Орде позволило московским дипломатам обойти эти притязания.

Таким образом, в 1540-е — 1550-е годы Турция и Крым делали прямые попытки укрепиться в Астрахани. Это вызвало противодействие со стороны той части Ногайской орды, которая кочевала по Волге и зимовала у ее устья. Но кочевые ногайцы, ослабленные феодальными междоусобиями и лишенные артиллерии и огнестрельного оружия, не имели сил самостоятельно отразить крымско-турецкий натиск и посадить в Астрахани своего кандидата. Они обратились за помощью к Москве, которая и овладела «астраханским юртом».

Напоминая события конца 1540-х — начала 1550-х годов, связанные с взятием в 1556 г. Астрахани, подчеркнем,

³⁸ ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 249, 255—258, 262 и др.; Продолжение ДРВ, ч. IX, стр. 173.

³⁹ ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 274—275.

⁴⁰ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке». М., 1937, стр. 171.

⁴¹ Продолжение ДРВ, ч. IX, стр. 190.

что «казанское дело» и «астраханское дело» были задуманы в Москве в конце 1540-х годов одновременно, т. е. что задача овладения волжским путем от Казани до Астрахани была поставлена московским правительством как одна общая задача.

Уже и «астраханское дело» вовлекло Москву в круг вопросов, связанных с ирано-турецкой войной 1548—1555 гг. Некоторые факты указывают на то, что эта война нашла и прямое отражение в московской внешней политике.

В начале 1550-х годов в Москву прибыло посольство от шаха. Ответная грамота царя была датирована январем 1553 г., следовательно, посольство прибыло в Москву в 1552 г., а выехало из Ирана в том же году, а скорее — еще раньше, т. е. еще до взятия Казани. Дел этого посольства не сохранилось, и мы знаем о нем лишь по отрывочным упоминаниям⁴². О цели посольства можно судить по следующему сообщению. Когда в 1554 г. из Константинополя от султана прибыл в Москву под предлогом торговых закупок Мустафа Челибей, царь в своей грамоте, предлагая султану братство и дружбу, успокаивал его насчет персидского посла: «Некоторого на твое лихо к нам пришедшего от Тевриаские земли начальника речей никаких не приняли есмь и по его речем таков ему и отпуск учинили». Мы не знаем точно, о чем говорил иранский посол Хосейн в Москве — был ли поставлен вопрос о совместных военных действиях или о помощи артиллерией и огнестрельным оружием, в чем шах так нуждался⁴³. Что ответили послу шаха в Москве в 1552—1553 гг., мы также не знаем — московская грамота турецкому султану могла и очень неточно передать содержание переговоров. Однако вполне вероятно, что посол не получил определенного ответа на свои запросы, так как в Москве формально не хотели раз-

⁴² Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. IX. СПб., 1834, прим. 247; Турецкие дела, кн. 1, лл. 404—406 об. В восточных источниках посольство не нашло отражения (А. П. Новосельцев. Русско-иранские политические отношения во второй половине XVI в.— «Международные связи России до XVII в.», М., 1961).

⁴³ Еще в 1521 г., когда в Москву также приходил иранский посол, крымский хан сообщил в Константинополь, что посол просил «пушек и пищалей» и что будто бы великий князь московский «дал Кизылбашу пушек много и мастеров и доспехов» (Турецкие дела, кн. 1, лл. 187, 191 об.).

рывать с Константинополем. Но посольство из Ирана, конечно, подробно познакомило московских дипломатов с положением в Закавказье, с ходом войны и со стратегическими планами Турции на Кавказе. Отражение этого найдено в дипломатической переписке Москвы с ногаями.

Мы уже упоминали, что в январе 1554 г. в связи с подготовкой астраханского похода к ногайскому мурзе Измаилу был послан из Москвы в качестве большого посла Микула Бровцын⁴⁴. Главной целью посольства было согласование действий против Астрахани шедшей в судах по Волге московской рати с ногаями улусов Измаила. Бровцыну был дан текст записи о дружбе, на которой предполагалось привести к шерти Измаила после Астраханского взятия и основным содержанием которой, так же как и в проекте 1549 г., была формула стоять «на всякого недруга заодно». Уже в переписке с мурзой Измаилом 1553 г. ставился вопрос о том, как «своего дела над Крымским искати»⁴⁵. В наказе Бровцыну предусматривалась возможность того, что «Исмаил мурза учнет говорить, чтоб ему со царем и великим князем итти на Крым». Бровцыну предписывалось дать на это предложение такой ответ: «То, господине, твое слово добре добро и государю моему то твое слово будет любо. И ты, господине, уложи гораздо, как тому делу делатися, да свою мысль к государю моему со мною прикажи». Бровцын должен был предложить обмен послами: «И по тому ж меж себя уложите срок, как и о астраханским деле, да то дело, уложя, и зделаете». Ниже в наказе Бровцыну давались указания, как говорить с Измаилом в том случае, если придет весть о походе крымского хана в Ширван: «А нечто пойдет крымский царь к Шамахе, и ведомо будет в Ногаех, и Никуле говорити, чтоб Исмаил мурза на крымского сам пошел и искал бы над ним дела на дорозе (т. е. на пути через Северный Кавказ.— *Е. К.*), как прегож. И будет возможно, и он бы тут с ним делал на дорозе. И будет нельзи на дорозе, и он бы в то время на Крым пошел и воевал бы в то время Крым. И говорити Исмаилу мирзе разговором: коли, господине, возьмешь юрт крымский, и тогда и над крымским царем,

⁴⁴ Ногайские дела, кн. 4, лл. 206—224 и сл.; Продолжение ДРВ, т. IX, стр. 118—126, 149—151; в этом издании документы, относящиеся к посольству Бровцына, напечатаны с большими пропусками.

⁴⁵ Продолжение ДРВ, ч. IX, стр. 82.

что хошь, то зделаешь, потому что люди от царя отъедут к тебе за женами и за детьми. И коли к тебе люди крымские от царя поедут, и царю против тебя стояти будет нельзя. А будет, господине, тебе за которым делом самому ити нельзе, и ты детей и племянников пошли. А в то время и корысть получите, коли царя на юрте пет, а юрт порожжен. И говорят о том накрепко, чтоб однократно в то время Исмаил на Крым пошел». Бровцыну разрешалось дать Исмаилу «правду» на том, что государь будет с Исмаилом в крепкой дружбе, но категорически запрещалось дать «правду» в том, чтобы царю Ивану писать Исмаила братом или отцом.

Таким образом, русские еще не утвердились в Астрахани, а в Москве уже вплотную интересовались делами Шемахи — тогдашнего крупного торгового центра и центра шелкового района мирового значения — и принимали меры к тому, чтобы помешать турецким планам в отношении Ширвана. Было также понято значение Северного Кавказа в турецких стратегических планах. Московские дипломаты предполагали воспользоваться возможным походом крымского хана в Закавказье для разорения крымского улуса в отсутствие хана силами ногайцев.

Миссия Микулы Бровцына была неудачной⁴⁶. По-видимому, взятие Казани и судьба казашского царя — ногайского ставленника — Ядигера насторожили мурзу Исмаила. Он отказался шертовать на записи и послать военную помощь к Астрахани, ссылаясь на войну с Юсуфом, а просил отпустить царя Дервиша к нему⁴⁷. О том, как отозвался Исмаил на разговоры о возможном походе хана к Шемахе, у нас сведений нет. Но предложение о совместных действиях против Крыма нашло у Исмаила отклик.

В 1555 г. после убийства Юсуфа его дети и их сторонники — Кошумовы, Шигимовы и Уразлыевы — нашли поддержку у крымского хана. В грамоте, привезенной в Москву послом Исмаила Амангильдеем в мае 1555 г., Исмаил, прося у царя Ивана помощи, писал: «А Крымской нам и тебе недруг. И нам бы ево воевати, с тобою свеститися и срок учинити»⁴⁸. В связи с активными действиями

⁴⁶ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 13.

⁴⁷ Продолжение ДРВ, ч. IX, стр. 149—151; А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 13.

⁴⁸ Продолжение ДРВ, ч. IX, стр. 155.

Девлет-Гирей против утверждения русских в Казани и против укрепления русского влияния в Астрахани крымский вопрос стоял перед московским правительством очень остро. Крымские дела заняли центральное место в наказах Игнатию Загряжскому и Мясоеду Вислому, русским послам к князю Измаилу и к мурзе Касаю, выехавшим из Москвы в марте 1555 г. с «тайным делом»⁴⁹.

Послы должны были передать Измаилу и Касаю «мысль» царя Ивана — «над крымским промышляти, как пригоже, бог даст, на весну...». «А моя мысль, чтоб мне на крымсково самому ити, и вы б со мною послали детей своих и племянников, а с ними тысяч 5 или 6, того для, нечто бог нам помочь даст, и мы б Дербышева сына Янтемир царевича и ваших детей и племянников на том юрте оставили».

Таким образом, в наказах Загряжскому и Вислому выражена новая по сравнению с наказом Бровцына мысль: царь предполагает уже сам воевать Крым и посадить в Крыму своего кандидата — сына царя Дервиш-Алея царевича Янтемира. Загряжский должен был отклонить ногаев от мысли идти всем вместе на Крым весною, под тем предлогом, что русской рати будет «тысяч до 400 да и ногайские люди будут многие», «а Крым место невеликое», «таким ратем великим как возможно будет прокормиться». Напротив, мысль о походе ногаев на Крым «сее осени» послы должны были всячески поддерживать, обещая в помощь пищальников. Послам предписывалось уговаривать князя и мурзу дать «правду» на шерстной записи — «чтоб одноконечно правду учинили», передавая такие речи царя Ивана: «А нам ся видит, только меж нас на той записи крепкая правда будет, и крымскому делу возможно сделатися по тому же, как и астраханское дело зделалось. И только бог так зделает, и вашим людям безстрашно будет кочевати около Астрахани и у Тысячикревья и по иным местом, где кочевывала орда лаперед того, и к нам гостем вашим ходити будет с торгом безобидно».

Посольство Загряжского, как и посольство Бровцына, не дало результата — он приехал в улусы Измаила в период междоусобицы; вскоре Измаил был временно изгнан

---

⁴⁹ Там же, стр. 176—179, 181—187; Ногайские дела, кн. 4, лл. 266 об.—293; А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 13—14.

из орды своими противниками, и в июне 1555 г. Загряжский вернулся в Москву⁵⁰.

Несмотря на неудачный исход посольства Бровцына и Загряжского 1554 и 1555 гг., указы этим послам представляются большой интерес постановкой вопроса «о крымском деле» вслед за «делом казанским» и «делом астраханским» и изложенным в наказах проектом похода самого царя Ивана на Крым весной 1556 г., чтобы посадить на крымском юрте астраханского царевича Янтемира. С этим проектом нельзя не сопоставить позднейшего рассказа князя Курбского о том, что после покорения Казани и Астрахани «цареве советницы» убеждали царя, «да подвигнется сам, с своею главою, с великими войски на Перекопского»⁵¹. Этот рассказ отражает, видимо, действительно имевшие место в середине 1550-х годов планы.

III

В те же 1550-е годы, когда между Турцией и Ираном шла борьба за Закавказье, а русские войска продвигались по волжскому пути и вышли к Астрахани и Каспийскому морю, установились связи адыгских народов с Русским государством, имевшие для той и другой стороны большое значение.

Точных сведений о позиции дагестанского шамхала во время ирано-турецкой войны мы не имеем. И для Ирана, и для Турции было важно привлечь шамхала на свою сторону, так как через его владения проходил путь с Северного Кавказа в Дербент. По косвенным данным можно полагать, что позиция шамхала была в этой войне протурецкой: к шамхалу или к крымшамхалу ушел в 1547 г. изменивший шаху Алгас-мирза⁵²; в 1549 г., одновременно с походом султана на Иран со стороны Малой Азии, из Дагестана (более точного указания нет) выступил против шахского правителя Ширвана потомок ширваншахов Бюрган-Али. В 1554 г., когда в Ширване вместе с турецкими отрядами действовал против войск шаха Казим-мирза, сул-

⁵⁰ ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 256.

⁵¹ А. М. Курбский. Указ. соч., стб. 79.

⁵² Hasan-i-Rümlî, ч. II, р. 142 etc.; В. Dorn. Op. cit., p. 321—323; Аббае-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 80; «История Азербайджана», т. 1, стр. 236.

тан Сулейман предлагал правителям Кумыкской и Кайтагской областей (т. е. шамхалу и удмию кайтагскому) оказывать ему помощь, Казим-мирза, разбитый, бежал в Дагестан⁵³.

В грамоте 1567 г. Девлет-Гирей писал в Москву: «А шевкальцы мусльмане, а при отцех и при дедех и при дядьях наших от тех мест и по ся места меж нас с ними ссылка живет и люди к нам ходят, а наши люди к ним ходят, в дружбе и в любви ведемся»⁵⁴. Нельзя сомневаться в том, что в связи с войной середины XVI в. Крым и Турция старались установить связи с шамхалом, пользуясь доводами мусульманской религиозной пропаганды, тем более, что кумыки были суннитами, а иранцы — шиитами.

И крымские источники и сохранившиеся крымские и ногайские дела Посольского приказа дают за первую половину XVI в. десятки указаний о походах крымского хана на северокавказских адыгов — западных черкесов и Кабарду. Походы эти встречали нередко сильный отпор, причем адыги сами переходили в наступление. Одна из целей этих крымских походов была та же, какую преследовали многие походы татар на Русь и которая так отчетливо показана в упомянутой книге А. А. Новосельского — забрать добычу. При переговорах в начале 1570-х годов крымского посла в Москве посол так передавал речи хана Девлет-Гирея: «А только деи царь и великий князь даст мне Асторахань, и яз до смерти на цареви и великого князя земли ходити не стану, а голоден деи не буду — с левую деи мне сторону литовской, а з другую сторону черкасы, и яз деи стану тех воевати, тамо деи яз и сыгее того буду, ходу деи моего в те земли только два месяца и назад буду»⁵⁵. О характере набегов можно судить по следующему описанию одного из них: крымцы «всю землю Черкасскую воевали и жци и жены и дети имали и животицу и овцы пригнали»⁵⁶. Однако кроме этих набегов ради добычи, и крымские ханы и султаны преследовали в своей политике относительно адыжских племен и более прочные цели.

Первым опорным пунктом для Турции на черкесском берегу стала в конце XV в. крепость Тамань, для укреп-

⁵³ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 80.

⁵⁴ Крымские дела, кн. 13, л. 71 об. и сл.

⁵⁵ Там же, кн. 14, л. 167 и сл.

⁵⁶ Там же, кн. 13, л. 71 об. и сл.

ления которой были использованы укрепления прежней генуэзской колонии Матреги⁵⁷. Вторая турецкая крепость на Таманском полуострове была построена в 1519 г. как «город от черкас». По приказу султана крымский хан Магмет-Гирей послал «для бережения» крепости во время постройки 8 тыс. людей с двумя царевичами в помощь турецкому отряду⁵⁸. Так был построен Темрюк — небольшая каменная крепость того же типа, как и другие турецкие крепости на черноморском побережье Кавказа, например, построенная в 1547 г. в устье Чороха Гония или возникшие позже, в 70-х годах XVI в., Сухум и Бала-Даг (Гагры)⁵⁹. Расположена она была с крымской стороны Кубанского лимана близ берега Азовского моря. Однако продвинуть свои укрепления дальше в глубь Северного Кавказа туркам в XVI в. не удалось. Турецкая крепость Копы на месте генуэзской Копы на Кубани была построена лишь в начале XVII в., а до того развалины Копы стояли пустыми; русским они были известны как «пустой город на Кубе»⁶⁰.

Походы крымских и турецких войск на адыгов предпринимались или со стороны Таманского полуострова, причем войска из Крыма перевозились через Керченский пролив, или со стороны Дона. Целью походов «на ближних черкасов, т. е. на западных адыгов, было обращение их в подручных, т. е. служилых. Наряду с военными принимались меры иного характера — установление родственных связей, привлечение черкесских князей на службу к ханскому и султанскому двору с обращением в мусульманст-

---

⁵⁷ К. Герц. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, стр. 49—59; De la Montgauc. Voyages... en Europe, Asie et Afrique, v. II. La Haye, 1727, p. 60.

⁵⁸ Турецкие дела, кн. I, лл. 123—130; Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958, стр. 21—23.

⁵⁹ К. Герц. Указ. соч., стр. 118; Г. Арканников. Гор. Темрюк.—Сб. МОМПК, т. IV. Тифлис, 1884, стр. 257; Ф. И. Успенский. Старинная крепость на устье Чороха.—«Известия Академии наук», т. XI, 1917, стр. 168—169; А. М. Павлинов. Экспедиция на Кавказ 1888 года.—«Материалы по археологии Кавказа», вып. III. М., 1893, стр. 5; Из далекого прошлого Абхазии.—«Советская Абхазия», 14 июня 1940; А. В. Фадеев. Меч и золото на берегах Абхазии. Сухум, 1933, стр. 26—27.

⁶⁰ Е. Д. Фелицын. Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской обл.—«Кубанский сборник», т. V, 1899, стр. 17.

во (черкесы в это время были полуязычниками, полухристианами греческого исповедания)⁶¹.

Сын султана Селима Сулейман, будущий султан, до 1512 г. был беглербегом в Каффе. Его первой женой была черкешенка (*una donna circassa* — по итальянским источникам), и сын ее Мустафа считался наследником престола при Сулеймане до 1553 г., когда, заподозренный в измене, он по приказанию Сулеймана был убит; несколько позднее был убит и его малолетний сын⁶². Точнее происхождение матери Мустафы установить не удалось — вероятно, она была из Западной Черкесии и не простого рода⁶³. При дворе Сулеймана встречаем черкесов, например, черкесом был дефтердар Сулеймана Касым, бывший в 1569 г. пашой в Каффе. Первая жена Девлет-Гирея, мать калги (наследника престола) Магмет-Гирея, была дочерью черкесского князя Тарзатьяка⁶⁴, ее братья — Татар-мурза и Ахмет-Аспацат князя Черкасские служили при дворе Девлет-Гирея. Черкешенкой была младшая жена хана, и ее брат также служил при ханском дворе⁶⁵. Конюшими как у хана, так и у калги были черкесы — князь Толбулдук и князь Верхуша Черкасские⁶⁶. Можно привести ряд таких же примеров.

Однако в 1540—1550-х годах отношения крымского хана как с ближними, т. е. западными, так и с дальними черкасами, т. е. с Кабардой, были очень обостренными.

Весной 1545 г. хан Сагиб-Гирей ходил походом «на ближних черкас»; в том же году осенью он пошел «на черкас на дальних, на Хабартку, на пятигорских» (т. е. на

⁶¹ E. Alberi. Op. cit., Ser. III, t. I, p. 279—280, донесение Marino Cavalli 1560 г.; Г. Ф. Турчанинов. Эпиграфические заметки. — «Известия Отделения литературы и языка АН СССР», т. VI, вып. 6, 1947, стр. 509, 520, см. особенно о надписи 1590 г. греческими буквами на нижнечеркесском языке из станицы Таманской о попе Иоанне, иерействовавшем 30 лет.

⁶² А. Крымский. История Турции и ее литературы, т. I, М., 1916, стр. 180 и др.

⁶³ Бусбек, посол в 1550-х годах императора Фердинанда к султану, считал, что мать Мустафы — из Крыма (G. von Busbeck. Vier Briefe aus der Türkei. Erfurt, 1926, S. 36, 80, см. также Renz o Sertoli Salis. Solimano il Magnifico. Milan, 1945, стр. 89, — здесь приведены надменные речи матери Мустафы к ее сопернице Роксолане, бывшей пленнице-рабыне,

⁶⁴ ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 284.

⁶⁵ Крымские дела, кн. 11, л. 83 и др.

⁶⁶ Там же, кн. 12, л. 95 об.; кн. 11, л. 288 об. и др.

Кабарду). Возвращался хан из похода уже в октябре и стоял некоторое время «у перевоза против Керчи за тем, что было возитись нельзе, ветры велики»⁶⁷. В 1547 г., как уже указывалось, хан снова ходил на кабардинских черкесов «и дань... на них положил и взял дань»⁶⁸. В источнике нет указаний на то, какая это была дань, однако мы можем судить об этом по дошедшим до нас от XVII в. примерам. — Так, в 1625 г. Шагин-Гирей потребовал с бесленейцев «ясырю, жонок и девок, и оргаматов, и пансырей» тысячу⁶⁹. Дань людьми на адыгов обычно налагалась и султанами. Когда Селим в 1566 г. стал султаном после смерти Сулеймана, он писал хану, «чтоб к нему прислал черкасских робят и девок чистых 300 человек, что и было исполнено»⁷⁰. Это та самая позорная дань людьми, о которой как об установившейся говорит турецкий историк конца XVII — начала XVIII в. Фундуклу⁷¹.

Стремление Турции и Крыма подчинить черкесов вызвало с их стороны отпор. Около 1551 г. восстали жанеевцы, жившие близко к Крыму, в нижнем течении Кубани. По фирману султана хан Сагиб-Гирей ходил в 1551 г. «против мятежного племени Жанэ»⁷².

К 1552 г. относится первое летописное известие об обращении адыгов в Москву, которое, очевидно, надо связать с предыдущим событием⁷³. В ноябре 1552 г., вскоре после возвращения Ивана Грозного в Москву после взятия Казани, «приехали к государю царю и великому князю черкасские государи князи Маашук (иначе Магаушук, Бугашик. — *Е. К.*) князь да князь Иван Езбозлуков»⁷⁴, да

⁶⁷ Крымские дела, кн. 9, 15 об. и сл.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же, л. 55 об. и сл.

⁷⁰ Там же, кн. 13, л. 26 и сл.

⁷¹ В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887, стр. 347—348.

⁷² Там же, стр. 421; J. Hammer-Purgstall. Geschichte der Chane der Krim unter osmanischen Herrschaft. Wien, 1856, S. 54.

⁷³ ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 228; т. XXI, 2-я пол., стр. 538; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 3. Очевидно, адыгское посольство выехало в Москву до того, как в Черкесии могло быть получено известие о взятии русскими войсками Казани 2 октября. Но весть о неудачном походе хана к Туле в июне 1552 г. могла подтолкнуть решение об обращении адыгов к Москве.

⁷⁴ Иван Езбозлуков, т. е. сын Езбозлука. Его адыгское имя, видимо, было Алкыч — «Алкыч князь Езбузлуков сын княжой» упоминается в дипломатическом документе 1555 г. как приозвавший в Москву в начале 1550-х гг. (Сб. РИО, т. 59. СПб., 1887, стр. 480).

Танашук князь бити челом, чтобы их государь пожаловал, вступился за них, а их з землями взял к себе в холопи, а от Крымского царя оборонил». В июле 1553 г. по вестям, что крымский хан хочет идти на «государевы украины», царь Иван пошел на Коломну, отпустив воевод также в Серпухов и на Калугу. Черкесские князья были в этом походе с царем. В августе присланные в Москву «языки» сказали, что крымский хан не пошел на Русь, а «ходил на Черкасы»⁷⁵. О результате похода узнаем из письма польского короля Сигизмунда-Августа хану Девлет-Гирею. Король поздравлял хана с победой в походе на землю пятигорских черкас, на князя Албуздюя (т. е. на отца приезжавшего в Москву Ивана Езбозлукова), «который лихой умысел на панство ваше взял был, змовившеся с князем великим Московским, а вы его землю за то воевали, а с помощью божиею и самого его достали есте и жону и з детьми»⁷⁶. Очевидно, получив об этом известие, черкесские князья били челом царю Ивану об отпуске их «в Черкасы». Осенью 1553 г. они были отпущены на родину, «и крест государю целовали на том, что им со всею землею Черкасскою служити государю до своего живота: куда их государь пошлет на службу, туды им ходити». Тогда же в «Черкасы» был послан сын боярский Андрей Федорович Щепотьев «правды их видети». В сентябре 1554 г. к королю Сигизмунду-Августу был послан из Москвы гонцом Федор Вокшерин. На возможный вопрос о «пятигорских черкасах» Вокшерин должен был ответить, что после приезда в Москву черкасских князей Бугашика, Танашука и Ивана черкасы «ныне все служат государю нашему, и как им государь велит, и они так и делают», и напомнить о том, как после тульского похода хана 1552 г. государь велел воевать его «своим холопом, черкасом пятигорским»⁷⁷.

В 1554 г. крымский хан повторил поход на черкесов⁷⁸. Турецкий султан также принял свои меры. В 1552 или 1553 г. Сулейман назначил санджака в Азов с большим жа-

⁷⁵ ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 233—234; т. XXI, 2-я пол., стр. 543.

⁷⁶ «Книга посольская метрики Великого княжества Литовского», т. I, № 44, 46.

⁷⁷ ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 233—234; т. XXI, 2-я пол., стр. 543; Сб. РИО, т. 59, СПб., 1887, стр. 449.

⁷⁸ «Книга посольская метрики Великого княжества Литовского», т. I, № 61; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 6—7.

лованием (20 тыс. дукатов — по итальянскому источнику) и свитой в 500 человек; как и санджак в Каффе, он был подчинен непосредственно султану⁷⁹. В Азов санджак был назначен султаном впервые.

В августе 1555 г. Андрей Щепотьев вернулся в Москву после почти двухлетнего отсутствия. С ним прибыло новое многочисленное черкасское посольство — приехал князь Тутарык Езболуев, князь Сибок с сыном Кудадиком и братом Ацымгуком, с ними их людей 150 человек. «И били челом князи Черказские ото всей земли Черказские, чтобы государь пожаловал, дал им помочь на Турьского города и на Азов и на иные города и на Крымского царя, а они холопы царя и великого князя и з женами и з детьми во веки». Андрей Щепотьев подтвердил, что черкасы «дали правду всюю землею». Тогда же, в августе, в памяти гонцу в Литву Савлуку Турпееву ему предписывалось рассказать о приезде черкасских князей и об их челобитье, «чтобы их государь со всею землею взял за себя и дань на них положил имати на всякий год по тысячи ормакаков, да ходити князем их на всякие государевы службы, а с ними людем их быти на войну по 20 тысяч»⁸⁰. Известие о дани отсутствует в летописи и является, вероятно, преувеличением, допущенным в дипломатическом документе, как и сообщение о 20-тысячной войске. Слова Щепотьева о всей земле означают, по-видимому, что в принесении присяги участвовали не только князья и уздени, но и народ, крестьяне-общинники.

Имели ли события 1552—1555 г. в Черкасской земле какое-либо отношение к гибели султанского сына Мустафы в октябре 1553 г., мы не знаем; не удалось найти точного указания, из рода каких черкесских князей была мать Мустафы⁸¹. Есть известие о выезде из Константинополя к Ивану Грозному князя Ага-Машукова Черкасского — очевидно, сына Машука (Маашука). Не был ли связан этот выезд с обращением Машука к Москве?⁸²

⁷⁹ E. Alberti. Op. cit., Ser. III, t. I, p. 125. Санджак — военный начальник области.

⁸⁰ ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 259; т. XXI, 2-я пол., стр. 563; Сб. РИО, т. 59, стр. 480; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 4 и 390.

⁸¹ Подозрения Сулеймана против Мустафы возникли еще в 1540-х гг. См. E. Charrigèr. Op. cit., p. 624, 645.

⁸² РИБ, т. XXII, стр. 83.

Для понимания дальнейших событий важно установить, от каких именно «черкасов» приходили посольства 1552 и 1555 гг. Так как подлинные дела о «черкасских князьях приездах» до нас не дошли, на этот вопрос не удается ответить с полной определенностью.

В ряде дореволюционных трудов посольства 1552 и 1555 гг. были названы кабардинскими, и это указание было повторено в нескольких работах советских исследователей⁸³, между тем оно неточно. Сибок, по отчеству Кансауков, назван в русских современных источниках жажельским, жжанским или оджанским князем, т. е. князем западноадыгского племени Жане, а Машук, по отчеству Капуков, — абеслинским, т. е. бесленеевским князем, что вполне соответствует известным и позднее у жанеевцев и бесленеевцев княжеским фамилиям Анчоковых и Капуковых⁸⁴. В посольствах, судя по известию 1634 г., разобранному выше, участвовало и западноадыгское племя кемиргоевцев.

Определение Албуздуя, или Езбузлуко, и его сыновей Алклыча и Тутарыка (Додоруко) встречает затруднения. Т. Х. Кумыков считает Албуздуя и его сыновей кабардинцами главным образом по двум основаниям: 1) летопись называет их пятигорскими князьями, а в «Книге Большому чертежу» пятигорские черкасы помещены по Баксану, т. е. на территории Большой Кабарды; 2) в родословных кабардинских князей, записанных в XVII в., значится Елбузду Идарович, брат Темрюка Идаровича, и Елбутлука Битуевич, их двоюродный брат⁸⁵. Замечу, что пятигорскими князьями упомянутые лица называются не летописью, а Книгой степенной царского родословия, которая испол-

---

⁸³ Например, А. Ржевусский. Терцы. Владикавказ, 1888; Н. А. Смирнов. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв. Нальчик, 1948; М. С. Тогоев. Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселениями на Северном Кавказе. — «Известия Северо-Осетинского научно-исслед. ин-та», вып. 12. Дзауджикау, 1948. Более правильное толкование находим уже у Б[уткова]. «Вести черкеса о князьях русских Святославе и Мстиславе». — «Северная пчела», 1850, № 99.

⁸⁴ ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 284; т. XXI, 2-я пол., стр. 585; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 4; Сб. РИО, т. 59, стр. 584.

⁸⁵ Т. Х. Кумыков. К вопросу присоединения Кабарды к России. — Сб. статей по истории Кабарды, вып. V. Нальчик, 1956, и др. работы того же автора.

зовала известные летописи, переработав его. К тому же и в русских документах, и в польских источниках XVI в. название «пятигорские черкасы» применяется как к западным адыге, так и к кабардинцам. В представлении Мартина Броневского, Тамань примыкает к обширной Пятигорской области, простирающейся до Каспийского моря⁸⁶. Родословные, использованные Т. Х. Кумаковым, перечисляют сыновей Елбузду Идаровича и Елбутлуки Битуевича, но среди них нет ни Алклыча, ни Тоторуко-Ивана. Елбузду (Ябузлук) Идарович, младший брат Темрюка, и Елбутлуко (Албуздук) Битуевич, сын младшего брата Идара, известны по русским документам конца 80-х годов XVI в., когда старшим князем в Кабарде был Канбулат, один из братьев Темрюка Идаровича⁸⁷. Мною было высказано мнение, что Албузду и Тутарык Езболуев были князьями северокавказских абазин. При Иване IV выехал служить на Русь князь Казый — Василий Карданукович Черкасский; в родословной «абазинских мурз» его дедом назван Додоруко; родословная не идет вглубь и не называет отца Додоруко, поэтому его отождествление с Тутарыком летописного известия не находит прямого подтверждения. Определение Сибока как жанеевского, а Машука как бесленевского князя не вызывает сомнений. Она принята в «Очерках истории Адыгеи» (Майкош, 1957) и в изданиях Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Юбилей событий 50-х годов XVI в. был отмечен в 1957 г. как общий праздник 400-летия присоединения адыгских народов Северного Кавказа к России⁸⁸.

Таким образом, тогда, когда Турция стремилась обеспечить турецким и крымским войскам путь через Северный Кавказ в Закавказье и когда шла борьба за Астрахань между Турцией и Крымом, с одной стороны, и Москвою и ногами — с другой, установились самые тесные связи Москвы с адыгскими племенами Северного Кавказа, в том числе и с «ближними» к Крыму черкесами, жившими

⁸⁶ «Кабардино-русские отношения», т. 1, стр. 390; Martini Bronovii... Tartariae descriptio. Col., 1595, p. 12.

⁸⁷ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. 48—49, 70.

⁸⁸ «Народы Карачаево-Черкесии». Ставрополь, 1957; Е. П. Алексеева, И. Х. Калмыков, В. П. Невская. Добровольное присоединение Черкесии к России (к 400-летию юбилею). Черкесск, 1957.

в непосредственном соседстве с турецкими городами на Таманском полуострове, и эти связи были закреплены формальной присягой «всей Черкасской земли» о службе русскому царю.

Понятно то внимание, с которым были встречены в Москве черкесские посольства. — царь Иван пожаловал их великим жалованием «и в свои им земли учинил отъезд и приезд добровольной». Тутарык и Кудадек по их челобитью были крещены (Тутарык под именем Ивана, а Кудадек — Александра) и «велел царь и великий князь князю Александру жити у себя во дворе и учити его велел грамоте со царем Александром Казаньским (т. е. Утемыш-Гиреем. — *Е. К.*) вместе». Обещано было и «бережение от Крымского». Но царь Иван не желал формального нарушения мира с султаном и «о турецкого городех» велел ответить, что «Турской салтан в миру со царем и великим князем»⁸⁹.

Выше мы приводили выдержки из наказов Бровцыню и Игнатию Загряжскому 1554 и 1555 г., «крымском деле» и проекте большого русского похода на Крым весной 1556 г. Установление русских связей с адыгами Северного Кавказа создавало для Москвы весьма выгодную стратегическую позицию в войне против Крыма. Однако в 1556 г. русский поход на Крым не состоялся. В нашем распоряжении нет прямых источников, которые разъясняли бы причины отказа московского правительства от плана, изложенного в мартовском наказе 1555 г. Игнатию Загряжскому. Сопоставление известных по источникам фактов позволяет высказать ряд предположений.

В марте же 1555 г. состоялся приговор о посылке «на крымские улусы» русского войска с боярином Ив. Вас. Шереметевым во главе. Полки выступили из Белева 2 июня. Летопись сообщает, что в войске Шереметева было 4 тыс. детей боярских, а всего с людьми боярскими, казаками и стрельцами — 13 тыс., и что шли полки муравскою дорогою «в Мамай луг» «на стада на крымские»⁹⁰.

Цель этой посылки разъясняет Курбский. В своей «Истории о великом князе московском» он сообщает, что

⁸⁹ ПСРД, т. XIII, 1-я пол., стр. 259; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 4.

⁹⁰ П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга официальной редакции, стр. 171—172 (далее — Древнейшая разрядная книга); ПСРД, т. XIII, 1-я пол., стр. 256 и 258.

Шереметев был послан для того, чтобы отвлечь крымского хана от похода на «землю черкасов пятигорских», куда тот пошел воевать с «силами своими, препроводясь чрез проливы морския», т. е. очевидно, через Керченский пролив⁹¹. 22 июня Шереметев получил весть от сторожа с Изюм-кургана о движении больших крымских сил на Русь другою дорогой. Известив Москву о походе крымцев и послав часть войск на «царев кош», который и был захвачен, воевода пошел по татарской сакме. За Сосной, в расстоянии полутора верст от Тулы, Шереметев встретился со всеми силами крымского хана, который шел назад, в Крым, узнав о движении царя Ивана к Туле. 3—4 июля произошло тяжелое для русских двухдневное сражение на Судьбищах. Силы были неравны — в войске хана было 60 тыс. людей и, по рассказу Курбского, около тысячи янычар «с ручницами», и «дел», т. е. артиллерии, «не мало»⁹².

В грамоте, присланной в Москву в октябре 1555 г., хан писал о своем походе так: «Ити было ему на черкасы, и учинилися ему вести, что царь и великий князь послал рать свою на Крым, и он пошел встречу». Это сообщение подтверждает версию Курбского о цели посылки шереметевского отряда. В Москве, конечно, знали о походах крымцев на черкесов в 1553—1554 гг., вызванных их русскими связями, и старались спасти черкесов от разгрома, отвлекая вместе с тем крымские силы от Астрахани. Напротив, данное ханом объяснение причин его похода к Туле вызывает сомнение. По ходу событий ясно, что двигаясь на Русь, хан не подозревал о выступлении Шереметева. Поход хана скорее всего был связан с астраханскими событиями, а движение на черкасов могло быть, как это толкует Курбский, уловкой.

1556 год — год взятия русскими Астрахани — особенно насыщен событиями. В марте из Москвы была отпущена на Астрахань судовая рать и послан отряд казаков на лыжах. Тогда же пришли крымские вести о приготовлениях хана к походу. Из Москвы были посланы отряды Дьяка Ржевского по реке Пслу, где были сделаны суда, на Днепр, на крымские улусы, и Данилы Чулкова на Дон для вестей.

⁹¹ А. М. Курбский. Указ. соч., стб. 60.

⁹² Там же, стб. 63; ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 256—258, 261; Древнейшая разрядная книга, стр. 172—175.

В мае были получены сообщения о том, что крымский хан с войском и запасом «на все лето» для похода вышел из Крыма и стоит на Конских водах. Это вызвало поход царя Ивана в Серпухов и приготовления к походу далее в Тулу и за Тулу, где предполагалось ждать прихода крымского хана на поле. В Серпухове в июне царю Ивану пришла новая весть из Крыма — хан, узнав, что царь, «вышел, ждет его», отказался от похода на Русь и «пошел был на черкасы на пятигорские». Полученное ханом около Азова известие о появлении отряда Ржевского под Ислам-Керменем на Днепре снова отвлекло крымские силы от черкесов: хан вернулся со всеми людьми в Крым, послав на Ржевского царевича — калгу. Ржевский в это время успел спуститься к Очакову, где взял острог (по другим известиям, пожег посады у Очакова и Белгорода) и бился в засаде с людьми очаковского и тягинского санджаков, а затем поднялся вверх по правому берегу Днепра, отбившись от крымцев. Одновременно казачий атаман Мишка Черкашенин спустился по Миусу в Азовское море, ходил к Керчи, повоювал «за Ширинских князей улусом» и взял языков. Осенью 1556 г. действия против Крыма продолжались: в сентябре укрепившийся на Хортицком острове князь Дмитрий Вишневецкий прислал в Москву гонца бить челом в службу московскому царю, в октябре взял Ислам-Кермень и вывез в свой городок на остров крепостные пушки. «З другую сторону» пятигорские черкасы, «черкаский Таздруй ~~князь~~ и приехавший из Москвы жанский князь Сибок «з братьею», взяли турецкие города Темрюк и Тамань. Очевидно, в Москве, отказав черкесам в прямой помощи «на турецкого городы», все же снабдили их необходимым для осады каменных крепостей огнестрельным оружием⁹³.

По сведениям, сообщенным уже в декабре 1556 г. русским послом в Крыму Федором Загряжским, хан «збирался во все лето» (т. е. не распускал войско) и «у турецкого помочи просил, а чаял на себя приходу в Крым царя и великого князя».

Таким образом, до хана дошли сведения о том, что царь Иван предполагал в 1556 г. идти на Крым, и уже с весны

⁹³ ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 266, 269—273, 275—277; Древнейшая разрядная книга, стр. 180—183, 186; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 4.

1556 г. Девлет-Гирей принял меры против этого похода. Однако русские войска не предприняли решительных действий, ограничившись рядом смелых вылазок. По сравнению с первыми месяцами 1555 г., когда разрабатывался план похода на Крым, к 1556 г. положение сильно изменилось.

Осенью 1555 г. значительные русские силы были двинуты против шведских войск. Тогда же в Москву пришли вести об осложнении астраханских дел: измена царя Девшиш-Алея и прибывшая к нему крымско-турецкая помощь побудили московское правительство послать весной 1556 г. рать на Астрахань. Можно назвать и третью серьезную причину: в мае 1555 г. был заключен мир между Турцией и Ираном, известие о котором, конечно, дошло до Москвы в том же году. Уже в битве 1555 г. на Судьбищах участвовали значительные турецкие силы, а весть о готовящемся русском походе вызвала новое обращение хана к султану за помощью. Эта обстановка может объяснить, почему намеченное было в Москве на весну 1556 г. «крымское дело» оказалось отложенным.

Ирано-турецкая война 1548—1555 гг. как раз совпадает во времени с русским продвижением по волжскому пути, взятием Казани и Астрахани и установлением сношений адыгских племен с Москвою. Связь этих происходивших одновременно на Востоке крупных событий может быть установлена в полной мере только с привлечением турецких и персидских источников. Однако и изложенные выше факты убеждают о том, что такая связь существовала. В Москве знали об ирано-турецкой войне и турецко-крымских планах в отношении Кавказа и Астрахани и считали необходимым решительно противодействовать им. Вызванное турецко-крымской агрессией обращение ногайцев и адыгов за помощью к Москве облегчило московские предприятия этих лет. Вместе с тем московское правительство понимало, конечно, что турецкий султан, занятый войной в Иране и в Закавказье, не сможет направить в Астрахань и на Северный Кавказ большие силы. Нужно иметь в виду и другую сторону вопроса: русские успехи, несомненно, помешали стратегическим планам Турции на Северном Кавказе и в Закавказье, в Ширване. В 1555 г. Сулейман заключил мир с Тахмаспом, хотя далеко не достиг намеченных в начале войны целей — Грузия была поделена между двумя враждующими сторонами, а Ширван остался

в руках шаха. Думаю, что взятие Казани и Астрахани русскими и сношения с Москвою адыгских племен были в числе причин, побудивших султана к заключению мира: связи Турции с Средней Азией через Астрахань были нарушены, использование северокавказского пути для военных действий в Закавказье затруднено, силы крымского хана и часть турецких сил отвлечены для противодействия русским и адыгам⁹⁴.

Формально мирные отношения в 1548—1556 г. между Турцией и Москвою не были нарушены, что и отмечали находившиеся в Константинополе послы. Фактически же русско-турецкие интересы не только столкнулись в дипломатической области, но и русские войска не раз сражались как с посланными султаном крымцами, так и с отрядами турок.

IV

Мысль о «крымском деле», отложенном в 1556 г., не была, однако, совсем оставлена в ближайшие годы. Развитие русско-крымских отношений в первой половине XVI в. и в период заключительных операций Москвы против Казани и Астрахани показало в полной мере враждебность крымской политики внешней политике Москвы. Начавшаяся в январе 1558 г. Ливонская война не снимала вопроса о Крыме, так как союзный договор крымского хана с польским королем, по которому Девлет-Гирей обязался королю на каждого его неприятеля с ним «вседати... на свой конь» с силами своими, создавал опасность крымского фронта. Книга А. А. Новосельского показала все значение этой опасности для хода Ливонской войны. Срок перемирия между Москвой и Польшей, истекавший в 1562 г., ставил срок и для осуществления «крымского дела». Изучение дипломатических документов и военных событий конца 1550-х — начала 1560-х годов показывает, что московское правительство этих лет строило планы активных дей-

---

⁹⁴ «История Азербайджана», т. 1, стр. 235—237; А. Рахмани. Указ, соч., стр. 51; К. Г. Табатадзе. «Тазкире» шаха Тахмаспа I как источник для истории народов Закавказья. Тбилиси, 1955, стр. 8—9; L. Fekete. Zur Geschichte der Grusiner des 16. Jahrhunderts.— «Acta orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», v. 1, fasc. 1. Budapest, 1950.

ствий на юге и пыталось склонить Польшу к союзу против Крыма⁹⁵.

Связи с северокавказскими адыгами занимали в проектах военных действий против Крыма определенное место. Это было понято и Сигизмундом-Августом, который в своей переписке с ханом постоянно указывал ему на опасность для Крыма дружбы московского царя с «ятигорскими черкасами». Московское правительство приложило много усилий, чтобы удержать свои позиции на Северном Кавказе, Крым и Польша — чтобы выбить из них русских. Рассмотрим события в Черкесии в связи с общим планом действий Москвы против Крыма.

Для понимания упомянутых в «Истории» князя Курбского планов войны с Перекопской ордой⁹⁶ надо привлечь неизданные указы русским послам в Ногайскую орду — Мокею Лачинову к Али-Мирзе 1557 г.⁹⁷, Елизару Мальцеву к князю Измаилу 1558 и 1559 г., Петру Совину к князю Измаилу и Семену Мальцеву к сыну Измаила Магмет-мирзе 1560 г.⁹⁸ Сопоставление этих наказов с летописными известиями и перепиской хана с Сигизмундом-Августом показывает, что имелось в виду наступление на Крым по трем направлениям — со стороны Днепра, со стороны Дона и со стороны Таманского полуострова, из Западной Черкесии.

Опорным пунктом для действий со стороны Днепра был построенный в 1557/58 г. на реке Псел, у ее устья, город. На судах по Песлу русские войска могли выходить в Днепр ниже Канева и Черкас. Уже в мае 1557 г. Сигизмунд-Август предупреждал Девлет-Гирея о том, какую опасность представляет для Крыма постройка этого города, и сравнивал его по значению с теми городами, которые московские князья «подсажали» «ку паньству Козапскому»⁹⁹. Вопрос об этом городе занял место и в переписке

---

⁹⁵ И. И. Смирнов. Восточная политика Василия III.— «Исторические записки», т. 27; А. А. Новосельский (указ. соч., стр. 11, 12) называет их «активной обороной», нам представляется, что планы были более серьезные.

⁹⁶ А. М. Курбский. Указ. соч., стб. 80.

⁹⁷ Наказ Петру Совину (посланному одновременно к князю Измаилу) не сохранился.

⁹⁸ Ногайские дела, кн. 5.

⁹⁹ «Книга посольская метрики Великого княжества Литовского», т. I, № 86, 88.

Сигизмунда-Августа с Иваном Грозным¹⁰⁰. В Разрядах 1558 г. он назван новым городом на Псле. Воеводами в нем были: в 1558 г. кн. Аф. Андр. Звенигородский и Михайло Сунбулов, в 1559 г. — Сем. Алекс. Упин (а после его смерти в том же году князь Вас. Ив. Токмаков) и Михайло Булгаков, в 1560 г. — князь Петр Сем. Серебряный и Мих. Петр. Головин, которых сменил князь Александр Ярославов¹⁰¹. Уже в 1556 г. экспедиция Ржевского спустилась на Днепр по Пелу¹⁰². Отсюда же в 1558 г. действовал Дмитрий Вишневецкий и в 1559 г. Данила Адашев¹⁰³, в 1560 г. — снова Ржевский¹⁰⁴. На Хортице Дмитрию Вишневецкому удержаться не удалось — в 1557 г. крымский хан осаждал Хортицу безуспешно 24 дня, но в конце концов крымские люди с помощью «турских людей в судах и волохов» выбили оттуда Вишневецкого¹⁰⁵. Зато в 1558 г. Вишневецкому удалось засесть в Ислам-Кермень¹⁰⁶. Посольства к ногаям в 1557 г., главной целью которых было побуждать ногаев к совместным с русскими воеводами действиям против Крыма и к принесению шерти, должны были разъяснить значение днепровской «дороги» в Крым в таких выражениях: «А и государя нашего дорога найдена х Крыму Днепром, и та дорога добре добра, возможно ею государю нашему всякое свое дело над Крымом делати, как хочет»¹⁰⁷.

Одновременно с действиями со стороны Днепра был предпринят ряд активных действий со стороны Дона. Весной 1558 г. французскому послу в Константинополе стало известно, что «московиты» побили турок, которые стерегли «устье Танаиса». Летом крымский хан, прислав султану в подарок 300 мальчиков из русского полона, просил помощи, ссылаясь на опасность, которая угрожает Каффе в том случае, если он будет побит московскими людьми¹⁰⁸. О том, что хан послал «к турецкому просить людей», в Мо-

¹⁰⁰ Там же, № 103, 105; Сб. РИО, т. 59, СПб., 1887, стр. 581.

¹⁰¹ Древнейшая разрядная книга, стр. 197, 208, 209, 218, 221.

¹⁰² ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 269.

¹⁰³ Там же, стр. 288; 2-я пол., стр. 315.

¹⁰⁴ Ногайские дела, кн. 5, лл. 144 об. — 145.

¹⁰⁵ ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 281, 286, 296; Продолжение ДРВ, ч. X, стр. 7, 36.

¹⁰⁶ Ногайские дела, кн. 5, лл. 6 об. — 8.

¹⁰⁷ Там же, лл. 7 об. — 8.

¹⁰⁸ E. Charrière. Op. cit., t. II, p. 447—450, 464, 473.

скве стало известно в июне через убежавшего из Крыма полоняника¹⁰⁹. По его словам, «как турецкой царь людей на помочь» крымскому царю пришет, «и тогда де» хочет он «быти на великого князя украины». Помощь, по-видимому, была прислана, по крайней мере, французский посол сообщал о приготовленных для ее отсылки галерах¹¹⁰. Зимой 1558/59 г. царевич-калга предпринял большой поход на Русь, но повернул назад от р. Мечи. В его войске были ушедшие от князя Измаила ногайские мурзы, в том числе два сына Измаила¹¹¹, а общее количество людей у царевича — крымских и ногайских — определено летописью в 100 тыс. Вопрос о том, как отозвать к Измаилу откочевавших на крымскую сторону ногайских мурз, занял большое место в переписке Москвы с Измаилом 1557—1561 гг. Измаил не раз просил послать московскую рать Доном, чтобы уберечь его улусы от крымцев и «не перепустить» через Дон бежавших от него мурз¹¹². В феврале 1559 г. на Донец был послан из Москвы Дмитрий Вишневецкий — ему было велено «приходить на Крымские улусы, суды поделав, от Азова под Керчь и под иные улусы»¹¹³. На Айда-ре близ Азова он побил крымцев, пытавшихся пройти «под Казанские места войною»¹¹⁴. В том же году стоять на Дону был послан один из ближайших в те годы к Грозному членов Избранной рады, думный дворянин, постельничий Игн. Мих. Вешняков. Он сослался с детьми Измаила в Крыму и перезвал их к отцу¹¹⁵, не допустил он и перехода в Крым 5 мурз — «Араслановых братьи». Но посылка Вешнякова на Дон имела и другую цель. В наказе Елизару Мальцеву, посланному в 1559 г. к князю Измаилу, на возможный вопрос Измаила, «кого царь и великий князь послал на Дон воевод», предписывалось дать такой ответ: «Послал, господине, государь на Дон постельничего своего Игнатия Михайловича Вешнякова со многими людьми и

¹⁰⁹ Древнейшая разрядная книга, стр. 194.

¹¹⁰ E. Chagrière. Op. cit., t. II, p. 464.

¹¹¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 314—315; Древнейшая разрядная книга, стр. 194; А. А. Новосельский (указ. соч., стр. 427) относит этот поход к зиме 1557/58 г. Для уточнения даты см. Сб. РИО, т. 59, стр. 584.

¹¹² Продолжение ДРВ, ч. IX, стр. 279—281, 284; ч. X, стр. 11, 42, 79, 147.

¹¹³ ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 315.

¹¹⁴ Там же, стр. 318.

¹¹⁵ Там же, стр. 320.

велел ему крымские улусы воевати, которые блиско Дону и которые кочуют у моря около Керчи. И того ему велел беречи, чтоб крымские люди на вашу сторону не переходили. Да и мест ему велел смотрити на Дону, где пригоже город поставити». На возможный вопрос Измаила о городе, Елизар должен был пояснить: «Город хочет государь поставити на Дону того ддя, чтоб из того города блиско ходити х Крыму воевати и твоим бы улусом береженье было»¹¹⁶.

Вспомнивая впоследствии события этих лет, Курбский писал: «Идеже были прежде, в пустошенных краех русских, зимовища татарские, тамо грады и места сооружашася; и не токмо кони русских сынов во Азии с текущих рек напишася, с Танаиса и Куалы (в примечании на полях двух списков название «Куала» разъяснено, как Медведица. — *Е. К.*) и з прочих, но и грады тамо поставишася»¹¹⁷. По-видимому, результатом экспедиции Вешнякова была постройка города на Дону, может быть, временного типа. Упоминание Курбским Медведицы надо сопоставить со сделанным в 1560 г. князю Измаилу предложением — идти к Дону и стоять «на Усть-Медведицы»¹¹⁸.

В 1560 г. на Дон снова были посланы московские войска с Истомой Извольским и Данилой Чулковым в головах¹¹⁹. Посольства к князю Измаилу и другим ногайским мурзам 1557—1560 гг., из которых первое добилось от Измаила шертования, настойчиво убеждали ногайцев действовать заодно с московскими войсками против Крыма и именно со стороны Дона.

Третьей базой для действий против Крыма была в конце 50-х — начале 60-х годов Западная Черкесия.

Как уже упоминалось выше, осенью 1556 г., одновременно с действиями Вишневецкого против Ислам-Кермени, «пятигорские черкасы» Таздруй князь и жанский князь Сибок взяли турецкие города Темрюк и Тамань. Но черкесам не удалось удержаться на Таманском полуострове. В 1557 г. жанские и бесленейские князья во главе с Сибоком и Машуком были вынуждены покинуть родину, выехали в Москву, где крестились — Сибок под именем Ва-

¹¹⁶ Ногайские дела, кн. 5, лл. 106 об.—107; Древнейшая разрядная книга, стр. 208.

¹¹⁷ А. М. Курбский и. Указ, соч., стб. 13—14.

¹¹⁸ Ногайские дела, кн. 5, лл. 144 об.—145.

¹¹⁹ Там же, лл. 142 и сл.; ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 326.

силія и Машук под именем Ивана — и были «устроены» на службу в Москве¹²⁰. Среди выехавших был и шурин Девлет-Гирей Татар-мурза. В том же году черкесские отряды были направлены вместе с русскими войсками в Ливонию, где и принимали участие в военных действиях — и всякий раз в передовом полку¹²¹.

Занятые в Ливонии Машук и Сибок не смогли принять участие в кампаниях против Крыма 1558 и 1559 гг. Дмитрия Вишневецкого и Данилы Адашева. Зато силы кабардинского князя Темрюка Айдаровича, вступившего в сношения с Москвой уже после взятия Астрахани, в 1557 г., были тотчас использованы для помощи Вишневецкому. В 1558 г. посол князя Темрюка Кавкльч (Канкльч) был отпущен к Темрюку с предложением «собрався» идти на помощь Вишневецкому к Днепру мимо Азова. Об этом известили и князя Измаила, предлагая ему также послать войско и сойтись с Темрюком¹²².

У нас нет точных сведений о том, что происходило в Западной Черкесии в 1557—1559 гг. Но черкесы по-прежнему оставались враждебными туркам. В 1559 г. один из сыновей Сулеймана Баязед, враждовавший с братом Селимом, бежал в Персию. Были сведения, что он ушел в Черкесию и уже оттуда пербежал в Иран¹²³.

Появление на Дону русских войск побудило западных адыгов снова обратиться в Москву за помощью. Осенью 1559 г. к Вишневецкому на Дон приехал «из Черкас» мурза Ичурук. В сентябре Вишневецкий привез Ичурука в Москву, где тот бил челом от «всех черкас» (дальнейшие события показали, что речь шла о западных адыге), «чтобы их государь пожаловал, дал бы им воеводу своего в Черкасы и велел бы их всех крестити»¹²⁴. В условиях крымско-турецкой агрессии адыги, сохранявшие от византийских времен воспоминания о христианском культе, а частью и оставшиеся христианами, противопоставляли

¹²⁰ ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 283.

¹²¹ Древнейшая разрядная книга, стр. 188, 197—198, 203—204.

¹²² ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 284, 288; Продолжение ДРВ. ч. X, стр. 3.

¹²³ Турецкие дела, кн. 2, лл. 95 об.—96 об.; в конце 1550-х годов в Турции появился самозванец, выдававший себя за Мустафу; его поддерживали «черкесы» — очевидно, служившие у султана (N. Jorga. Geschichte des osmanischen Reiches. B. III, Gotha, 1910, S. 127).

¹²⁴ ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 320.

христианство шедшей от турок и крымцев мусульманизации. В 1560 г. Сибок и Машук были отпущены на родину с князем Дмитрием Вишневецким, также посланным «в Черкасы». Им было велено «промышляти над Крымским царем». Заголовок Никоновской летописи к рассказу об этом событии: «Отпустил государь Вишневецкого на государство в Черкасы» показывает, что Вишневецкий был послан не просто воеводой с военной помощью, а в ином, более высоком звании. Тогда же к «черкасам» были посланы «попы христианские» — «их крестити по их обещанию и по челобитию»¹²⁵.

Последующие действия «черкасов» и Вишневецкого против Крыма вызвали большое беспокойство и в Литве, и в Константинополе.

Связанный до 1562 г. перемирием с Москвой, Сигизмунд-Август с началом Ливонской войны всячески побуждал Девлет-Гирея к набегам на московские земли. Понятно, что мероприятия Москвы против хана тревожили короля, который в 1560 г. спешил предупредить хана об опасности союза Москвы с «пятигорскими черкасами» в таких выражениях: «...поразумети можешь, якими причинами и на черкасы пятигорские [московский князь] заходить, хочечи их собе пригорнути и сповиновати, абы их противко тебе, брату нашему, обернул...»¹²⁶

О том, как отзывались на действия Вишневецкого в Константинополе, узнаем из донесений французского посла. В начале 1561 г. он сообщал, что русские вместе с черкасами спустились по Дону мимо Таны (Азова), овладели несколькими крепостями и достигли Каффы; что 12 санджакам около Трапезунда посланы приказы восстановить положение; упоминает посол и капитана Дмитрашку, который сделался предводителем (chef) черкесов. В донесениях от февраля и марта 1561 г. сообщалось, что 20 галер готовы к отправке в Черное море для защиты татар и укреплений Каффы и Азова от черкесов и москвитов; что ожидаются действия Дмитрашки с черкасами в сторону Мегрелии. В августе посол доносил, что турецкий флот вернулся и что турки потерпели потери при попытке высадиться в незнакомом месте. Впрочем, посол высказывал

¹²⁵ Там же, стр. 324.

¹²⁶ «Книга посольская метрика Великого княжества Литовского», т. I, № 120.

мнение, что экспедиции москвитов к Азову скорее набеги, чем походы, вызванные твердыми намерениями¹²⁷.

В общей форме план действий против Крыма с трех сторон — со стороны Днепра, Дона и Черкесии — был изложен в наказе Петру Совину, посланному в апреле 1560 г. к князю Измаилу. Совин должен был говорить Измаилу «накрепко», грозя, в случае отказа Измаила, гневом государя и разрывом дружбы, «чтобы одноконечно перешел за Волгу на крымскую сторону и стал бы на Усть-Медведицы или где хочет, да отпустил бы крымсково воевати детей своих и племянников. А царя и великого князя люди на Дону готовы, а в головах у них Истома Извольский, а приказано ему накрепко з детьми его дело делати заодин и перевоз им держати, а на Днепре наместник черниговский Дьяк Ржевский со многими людьми готов стоит, а в черкасах князей Дмитрий Вишневецкий со многими ж людьми. А послал их царь и великий князь по его, Измаила, приказу, и он бы своего приказу не переменял, рать бы свою на Крым одноконечно послал, чтоб Вишневецково и Дьяково стоянье не безлеп было»: «занеже коли время настощ, тогда ево пригоже и делати; а коли время пройдет, и тогда тово дела зделати будет не мочно». О том же должен был твердить старшему сыну Измаила Магмет-мирзе посланный к нему Семен Мальцев¹²⁸. В июне эти побуждения были повторены. В грамоте Измаилу Грозный писал, напоминая «первое слово» Измаила о совместном выступлении против Крыма Москвы и ногаев: «И мы по твоему слову сее весны послали в Черкасы князя Дмитрея Вишневецкого да черкасских князей Амашика да Сибока, а велели им со всеми черкасы с Черкасскую сторону Крым воевати. А на Дон послали есмя своих детей боярских Данила Чюлкова да Юрья Булгакова да Истома Извольского да Тягриберди Мирзу Кипчака, которой к нам приехал ис Крыму, тех всех послали есмя со многими людьми и

¹²⁷ E. Chagriège. Op. cit., t. II, p. 647—648, 651—652, 672. Возможно, в этих сообщениях французский посол не различает черкасов с Днепра, т. е. черкасских казаков, и западных черкесов, но описание действий «Дмитрашки» с черкесами, несомненно, относится к черкесам-адыге. См. также E. Hurmuzaki. Documente privitoare la Istoria Romanilor, v. II, p. 1, Bucuresci, 1891, p. 361—362, в известии из Константинополя в Вену 1560 г.

¹²⁸ Ногайские дела, кн. 5, лл. 142—151 и сл.; Продолжение ДРВ, ч. X, стр. 75—88.

стрельцы, а велели есмь им з Дону Крым воевати и тебе и твоим детям и племянникам и всем твоим людем перевозы держати. А на Днепр послал есмь наместника своего черниговского Дьяка Ржевского со многими ж людьми, а велели есмь ему з Днепра Крым же воевати. И велели им ждати тебя и до зимы»¹²⁹.

Напоминание о необходимости не пропустить удобное время, конечно, имело в виду прежде всего срок перемирия с Польшей — 1562 год. Но 1560 год был удобен для действий против Крыма и в другом отношении: в сентябре 1559 г. Елизар Мальцев сообщал в Москву такие вести о Крыме — султан отказал крымскому хану в помощи на Москву — «мне деи самому недосуг»¹³⁰ — и, действительно, силы турок были отвлечены в это время войной в Средиземном море.

Несмотря на настойчивые речи, побудить Измаила к «большому ходу» на Крым так и не удалось. Осенью на Крым пошел было воевать сын Измаила Урус, но вернулся с Молочных Вод под тем предлогом, что у него утек в Крым язык¹³¹.

Считая, что причиной уклончивого поведения Измаила были его ссоры с астраханским воеводой Иваном Выродковым, на которого Измаил жаловался, Грозный в ноябре 1560 г. писал Измаилу в посланной с В.И. Вышеславцовым грамоте, что положил на Выродкова опалу, велел его «изымати» перед людьми Измаила, сковав, держать в Астрахани до весны, а весною «привести скована к Москве»¹³². Однако полученные в Москве в течение 1560 г. от Выродкова отписки сообщали о ссылках Измаила с Крымом. К 1561 г. в Москве могли убедиться в том, что рассчитывать на серьезную помощь в «крымском деле» со стороны Измаила бесполезно.

В этом же году были потеряны позиции Москвы и в Западной Черкесии — при попытке укрепить их особенно тесным союзом.

7 августа 1560 г. умерла царица Анастасия Романовна. 16 августа было принято решение о посылке послов для сватовства «в иных землях». В Литву свататься за сестру

¹²⁹ Там же, стр. 98—110.

¹³⁰ Там же, стр. 62.

¹³¹ Там же, стр. 115, 133.

¹³² Ногайские дела, кн. 5, лл. 204 об.—208; Продолжение ДРВ, ч. X, стр. 143.

короля Сигизмунда-Августа Катерину был послан окольный Фед. Ив. Сукин и дворцовый дьяк Григ. Шапкин; «к свейскому королю смотрити дочерей» — Фед. Григ. Беклемишев и подьячий Лаша Зиновьев, в «Черкасы у черкасских князей дочерей смотрити и привести их к Москве» — Фед. Вас. Вокшерин и подьячий Семейка Мякинин (из дальнейшего узнаем, что Вокшерин был в Кабарде у князя Темрюка)¹³³. Эти три одновременных посольства не оставляют сомнений в том, что Иван Грозный, замышляя сватовство, преследовал политические цели. Два первых посольства были неудачны. Беклемишев, приехавший в Швецию с «тайным делом», не застал короля Густава в живых, и сватовство не состоялось. Федор Сукин вернулся от Сигизмунда-Августа в ноябре 1560 г., и уже тогда неудача посольства была достаточно ясна. Посольство от Сигизмунда-Августа, прибывшее в январе 1561 г. и уехавшее 18 февраля, окончательно убедило московское правительство в отрицательном ответе короля — ливонский вопрос исключал возможность установления дружественных отношений между Польшей и Москвою¹³⁴. Тотчас после этого в феврале 1561 г. Бор. Ив. Сукин был послан в «пятигорские черкасы в аджанские у черкасских князей дочерей смотрити», т. е. к жанскому князю Василию Сибоку. Ехал Сукин с Рязани, «не займая Азова, полем» под сильным конвоем «для проезду польсково (т. е. степью. — *Е. К.*) от крымских людей»¹³⁵. Эта попытка сватовства, пропущенная или не понятая историками, подчеркивает, какое значение придавали в Москве установившимся связям с Западной Черкесией.

Но и это сватовство оказалось неудачным. Причин этого мы точно не знаем, не знаем даже, доехало ли посольство до места назначения. В 1561 г. Дмитрий Вишневецкий уехал из Черкесии и в 1562 г. выехал в Польшу, а затем и связи Сибюка с Москвою оборвались. Нам кажется, что эти события явились результатом польских усилий.

К лету 1561 г. относится переписка Дмитрия Вишневецкого с его братом Михаилом и последнего с королем о возможности для Дмитрия отъехать от московского царя на службу Сигизмунда-Августа. В своих листах Вишневецкий объяснял, что он перешел на службу в Москву, что-

¹³³ ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 329—330, 332.

¹³⁴ Сб. РИО, т. 71, стр. 1—46.

¹³⁵ ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 332.

бы, «справы того неприятеля выведавши», тем лучше служить королю. К осени 1561 г. Вишневецкий уже выехал из Черкесии и в начале сентября находился на Монастырском острове на Днепре. Лист Сигизмунда-Августа с амнистией Вишневецкому датирован 5 сентября 1561 г. Тогда же в сентябре другим листом Сигизмунд-Август приглашал на службу «до Великого княжества Литовского» тех князей Черкасских, которые этого пожелают¹³⁶. В ноябре 1561 г. Вишневецкий прибыл в Москву — очевидно, уже приняв решение отъехать в Польшу. В апреле следующего года Грозный послал его на Днепр — «недружбу делати царю крымскому и королю литовскому», а в июле пришла весть, что Вишневецкий изменил — «отъехал с поля з Днепра» к польскому королю¹³⁷.

Посланный в 1563 г. в Крым послом Афанасий Нагой должен был рассказать, что Вишневецкий был будто бы выведен царем Иваном «из Черкас» за то, что «учал жити в Черкасах не по наказу», а про измену Вишневецкого говорить: «Тот к государю нашему, как собака, притек, так собакою и потек, а земле государя нашего убытка никакова не умел учинити»¹³⁸.

Точно разобраться в этих событиях и их последовательности не удастся, но мы можем проследить их результаты.

Отозвавшись на лист Сигизмунда-Августа, сын Сибока Александр и князь Гаврила¹³⁹ Черкасские в конце 1562 г. или в начале 1563 г. отъехали из Москвы в Литву¹⁴⁰. В 1563 г. там служил еще один черкесский князь — сибок брат. В 1562 г. князя Сибок и Канук прислали в Крым сибокова брата Чубука «на Черкасское государство царевича просити». К ним был отпущен сын калги царевич Слам-Гирей, и в 1563 г. ждали их похода на близко связанного в эти годы с Москвой кабардинского князя Темрю-

¹³⁶ АЮЗР, т. II, № 142—144; Д. И. Эварницкий. Остров Хортица на р. Днепре.— «Киевская старина», 1886, январь; М. Грушевский. История Украины—Руси. Киев—Львов, 1909, стр. 114 и сл.; J. Wolff. Kniaziowie Litewsko-ruscy. Warszawa, 1895, str. 364 и др.

¹³⁷ ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 339, 341, 343.

¹³⁸ Крымские дела, кн. 10, лл. 60—60 об., 134; Сб. РИО, т. 71, стр. 156.

¹³⁹ По-видимому, Гаврила-Хокяго Камбулатович, из князей кабардинских, или Тазрютов?

¹⁴⁰ Сб. РИО, т. 71, стр. 94, 156; Древнейшая разрядная книга, стр. 235; J. Wolff. Op. cit., str. 364—365.

ка ¹⁴¹. По сообщению из Крыма в 1565 г. Афанасия Нагого, Девлет-Гирей был мирен «с черкасы ... з жанскими да с адоховскими и сына царева калги Магмет-Кирея царевича в черкасах 2 сына, царевич Сафа Кирей у Сибока князя, а другой царевич Ширван у Пуштыка князя...» ¹⁴². Так как в этом сообщении бесленеевцы не упомянуты, с ними, очевидно, у хана было состояние войны.

Московское правительство в 1563 г. прилагало усилия к тому, чтобы восстановить связи с Сибоком и вернуть его сына. Афанасию Нагому был дан приказ точно разведать о положении в Черкесии и о позиции Сибока. К наказу была прибавлена тайная память: «Нечто будет князь Александр Сибокон Черкасской из Литвы проехал в Крым, и Офонасью о том домыслитись, чтобы ему с ним видетися, и где ся с ним увидит, и Офонасью его спросити, чего для он от царя и великого князя поехал, и звати его ко царю и великому князю накрепко и государево жаловальное слово ему говорити, что государь ему его вину покроет своим милосердием — пожалует его своим великим жалованьем». В том случае, если бы Александр Сибокон поставил условием своего возвращения в Москву вызов и князя Гаврилы Черкасского, Нагой должен был и Гаврилу «звати», «а одноконечно Офонасью тем промыслити, чтоб князя Александра ко царю и великому князю перезвати» ¹⁴³. Но свидание Нагого с Александром Сибоконичем не состоялось — тот не приезжал в Крым.

Нужно считать, что в начале 1560-х годов Москва потеряла свои позиции в Западной Черкесии, и в переговорах с московскими послами в Крыму в 60-е годы Девлет-Гирей делил западных черкесов на «черкасов турецкого», где были «турецкого санчаки», и своих «царевых черкасов» ¹⁴⁴.

Однако принятие крымских царевичей не означало полной покорности западных адыге Крыму и Турции. Турецкий историк XVII в. Гезар-Фенн писал: «Крайний предел черкесов, обитающих в Таманском округе, куда назначаются от высокой державы (Турции. — *Е. К.*) судьи, составляют черкесы Жанэ; у них еще действуют вообще постановления шариата. Брать у них невольников не позволи-

¹⁴¹ Крымские дела, кн. 10, лл. 60 об., 166 об.—168.

¹⁴² Там же, л. 44.

¹⁴³ Там же, лл. 60 об., 100 об.—101 об.

¹⁴⁴ Там же, кн. 13, лл. 47 об.—48, 49.

тельно. А от Жанэ вплоть до черкесов Кабарды это места войны: брать у них полоняников позволительно»¹⁴⁵.

С окончанием в 1562 г. перемирия между Москвой и Польшей и окончательным падением Избранной рады в 1562—1563 гг. активная политика Москвы против Крыма была оставлена. К этому времени выяснилось, что нельзя было рассчитывать на серьезное участие в предприятиях против хана князя Измаила. Дмитрий Вишневецкий, действовавший на юге в 1556—1561 гг., изменил Ивану Грозному. Воспитанный при царском дворе, сын Сибока последовал его примеру. Западная Черкесия оказалась для Москвы потерянной. Надо думать, что наряду с переменой общего курса внешней политики¹⁴⁶, эти неудачи ускорили разрыв Грозного с Избранной радой и обострили его формы. Изменение политики московского правительства в отношении Крыма ярко отразилось в наказах русскому послу в Крым Афанасию Нагому 1563 и следующих годов и в переписке Москвы с князем Измаилом 1562—1563 гг. Нагой должен был склонять хана Девлет-Гирея к дружбе с царем и к разрыву крымско-польского союза, который благодаря татарским набегам так осложнял военные действия Москвы на западном фронте¹⁴⁷. Город, построенный на Пеле для операций против Крыма со стороны Днепра, был, по распоряжению из Москвы, «разорен» — в 1562 г. он уже не упоминается в росписи воевод украинских крепостей, а русским послам в Крым 1563 и следующих годов на возможный вопрос «о Псельском городе, чего для его разорили», предписано было уклончиво ответить: «Сказали были государю нашему тамошние украинные люди, что то место пригодитца х пашням и к иным угодыям, а государь был нам того для велел им и город поставити...», но место «не пригодилось», и государь велел город разорить. «А государю нашему города новые не нужны, божией милостью и старые города емлет»¹⁴⁸.

¹⁴⁵ В. Д. Смирнов. Указ, соч., стр. 247, 347—348, 717.

¹⁴⁶ С. В. Бахрушин. «Избранная рада» Ивана Грозного.— Научные труды, т. II. М., 1954, стр. 351.

¹⁴⁷ Крымские дела, кн. 10; Продолжение ДРВ, ч. X, стр. 237, 275—279; А. А. Новосельский. Указ, соч., стр. 10—12.

¹⁴⁸ Крымские дела, кн. 10, л. 59 об.; Древнейшая разрядная книга, стр. 229—231. В 1566 г. «евангелие Псельского города казны» было передано путивльским городовым приказчиком в местную церковь (М. Н. Тихомиров. Начало книгопечатания в России, стр. 26).

В послании Курбскому 1564 г. Иван Грозный язвительно писал: «Что же убо и ваша победа иже Днепром¹⁴⁹ и Доном? Колико убо злая истопаания и пагуба христианом содеяшеса, супротивным же ни малые досады!»¹⁵⁰ Эти сказанные в полемическом увлечении слова нельзя назвать справедливыми: активная политика против Крыма конца 50-х — начала 60-х годов не дала решительных результатов, но, несомненно, способствовала успехам первых лет Ливонской войны. В то время как Сигизмунд-Август обещанием поминков и их присылкой всячески склонял хана к набегам на русские земли, Девлет-Гирей не раз оказывался вынужденным уйти за перекопский вал и сидеть на полуострове в осаде¹⁵¹.

Таким образом, во время ирано-турецкой войны 1548—1555 г. русско-адыгские связи затруднили предприятия турецко-крымских войск против Ширвана со стороны Северного Кавказа и отвлекли часть крымских и турецких сил от Астрахани в период астраханских операций русских войск. Во второй половине 50-х годов эти связи способствовали активным русским действиям против Крымского ханства, имевшим значение для хода Ливонской войны. Адыгские племена получили сильную поддержку со стороны Русского государства в их борьбе с крымско-турецким натиском.

V

Если в начале 1560-х годов связи западных адыге с Россией прервались, то кабардино-русские отношения со второй половины 1550-х годов особенно упрочиваются. Их развитие тесно связано с вопросами сношений Москвы с Закавказьем и с северо-восточным Кавказом.

Тотчас по утверждении русских в Астрахани в 1556 г. туда прибыли послы из Средней Азии (из Ургенча), из Шемахи, Дербента и из Северного Дагестана — «из Шев-

¹⁴⁹ Некоторые списки дают здесь вариант: «Хопром».

¹⁵⁰ «Переписка кн. А. М. Курбского с царем Иоанном Грозным». Пг., 1914, стр. 74.

¹⁵¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 326 и др.; «Книга посольская метрики Великого княжества Литовского», т. I, стр. 184, 199, 201 и др.; А. А. Новосельский. Указ, соч., стр. 10—12.

кал» и «из Тюмени» — «о миру и о торговле»¹⁵². За время с 1549 по 1583 г. в Москве побывало не менее шести бухарских и двух хивинских посольств, и установились торговые сношения Москвы с Средней Азией, значение которых для сбыта русских товаров и покупки среднеазиатских показано в ряде исследований¹⁵³. О деятельности русских купцов в 1560-е годы в Ширване узнаем из сообщений встречавшихся там с ними агентов английской торговой компании¹⁵⁴. В 1563 г. шемахинский «Абдула-царь» писал в Москву с посольством «о торговых людех, чтобы царь и великий князь торговым людем велел дорогу отворити и торг им велел давати повольной»¹⁵⁵. Причины посылки Иваном Грозным в 1567 г. к шаху «в Гурмыз» «с своею бологодетью (т. е. товарами.— *Е. К.*) от своей казны» купцов Дмитрия Ивашева и Федора Першина¹⁵⁶ уясняются современными известиями об Ормузе, порте на Персидском заливе, как крупнейшем центре восточной торговли¹⁵⁷.

Правительство феодального государства, остро нуждавшееся в денежных средствах в период реформ управления и войска и длительных войн, получило после овладения волжским путем новые источники дохода от таможенных пошлин и системы царской торговли при посредничестве верхушки русского купечества¹⁵⁸.

Московские дипломаты прекрасно понимали значение волжско-каспийского пути для европейского транзита и после присоединения Астрахани использовали вопрос о свободе транзита в дипломатических переговорах. Так, уже

---

¹⁵² ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 277, 281, 284.

¹⁵³ «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. 1. Л., 1933, стр. 60—62, 400—405; ААЭ, т. 1, № 289; М. В. Фехнер. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. Изд. 2. М., 1956; Н. Д. Миклухо-Маклай. К истории политических взаимоотношений Ирана со Средней Азией в XVI в.— «Краткие сообщения Ин-та востоковедения АН СССР», т. IV, 1952, и др.

¹⁵⁴ «Английские путешественники...», стр. 211, 230 и др.

¹⁵⁵ ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 371.

¹⁵⁶ Там же, стр. 408; ААЭ, т. 1, № 289; «История Азербайджана», т. 1, 1958.

¹⁵⁷ «Английские путешественники...», стр. 20, 22, 209, 218, 224, 229, 232, 240—241, 243, 247, 253, 257—258; Hadi-Hasan. A history of Persian navigation. London, 1927, p. 143—144; С. В. Бахрушин и И. Иван Грозный. М., 1945, стр. 76; М. В. Фехнер. Указ. соч.

¹⁵⁸ М. В. Фехнер. Указ. соч.; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.», стр. 269—277.

в 1557 г. А. Ф. Адашев и дьяк И. М. Висковатов договаривались со шведскими послами о том, чтобы за свободу транзитной торговли «свейских людей» «через отчину великого государя» «в Шамаху и в Тевриз и в Бухары и в Китай и в Индею и в Литовскую землю и ко Царюграду и в иные государства» русским гостям и купцам была бы дана свобода торговли через Свейскую землю «в Любок и в Антроп и во Ишманискую землю и во Англию и во Французскую землю»¹⁵⁹. Общеизвестно, какое крупное место в русско-английских дипломатических отношениях занимал вопрос о праве английской Московской компании торговать через Астрахань со странами Средней Азии и с Ираном¹⁶⁰. Большой интерес представляют известия о поездках торговавшего в Данциге флорентийского купца Тедалди через Нарву, Москву и Астрахань в Тавриз для продажи там «суконного товара»¹⁶¹. О том, что высоко оценивали в Москве присоединение Астрахани к Русскому государству, можно судить по документам Посольского приказа, в которых решительно подчеркивалось, что Астрахань «вотчина государя нашего» и что государь «устроил ее неподвижно, как тому юрту неподвижно быти»¹⁶².

Выход на восточные рынки был одним из результатов присоединения Астрахани к Русскому государству. Другой результат заключался в возможности политического влияния на дела Кавказа и сложившуюся вокруг Кавказа международную обстановку.

После заключения в 1555 г. между султаном и шахом мира Ширван находился в вассальной зависимости от шаха. Тем больший интерес представляют дошедшие до нас известия о нескольких посольствах Абдуллы-хана ширванского в Москву в 1560-е годы. Мы не знаем подробно содержания переговоров и не знаем, какие «свои самые сокровенные тайны» доверил в 1563 г. Абдулла-хан Дженкинсону для устной передачи в Москве Ивану Грозному¹⁶³.

¹⁵⁹ Сб. РИО, т. 129, СПб., 1910, стр. 52.

¹⁶⁰ Hakluyt. The principal navigations... of the English nation..., Vol I. London, 1809, p. 418, 424 ff.; исследования И. И. Любименко и др.

¹⁶¹ Е. Шмурло. Известия Джигованни Тедалди о России время Ивана Грозного.— ЖМНП, 1891, май.

¹⁶² Крымские дела, кн. 12, л. 178; кн. 13, лл. 92, 97.

¹⁶³ «Английские путешественники...», стр. 204, 211; ААЭ, т. 1, № 289; ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 371; С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, стр. LXXXI; А. П. Новосель-

Несколько более определенны известия о сношениях Москвы в 1550—60-е годы с Грузией. До Москвы дошли сведения о разорении шахом Тахмаспом Иверской земли (Карталинии?) в 1556—1557 гг.¹⁶⁴ По-видимому, эти сведения были переданы в Москве в 1557 г. послом кабардинских князей Темрюка и Тазрюта, который сообщил, что с «кабартыньскими черкасы в одной правде и в заговоре иверский князь и вся земля Иверская и государю с ними же бьют челом» о «холошестве» и о помощи на недругов¹⁶⁵. Об «ужасном положении» грузинского дая, утесняемого «Турком и Суфием», говорил Дженкинсону в Шемахе весной 1563 г. «посланец грузинского царя», искавшего путей послать к русскому царю за поддержкой¹⁶⁶. Это сообщение Дженкинсона разъясняет цели приезда в Москву посла кахетинского царя Левана Якова, выехавшего в обратный путь в ноябре 1564 г. Леван, конечно, просил о помощи против султана и шаха¹⁶⁷. Ссылка грамоты царя Михаила Федоровича 1641 г. кахетинскому царю Теймуразу на то, что царь Иван Васильевич «принял... под свою царскую высокую руку грузинского Леонтыя царя... во оборону для православные христианския веры»¹⁶⁸, остается пока не подтвержденной русскими источниками XVI в. Грузинский источник рассказывает, что Иван Грозный по просьбе царя Левана прислал ему войско, которое было введено в кахетинские крепости; позднее, «когда усилился шах Тамаз», Леван вынужден был отослать войско обратно, чтобы оно не погибло в его стране¹⁶⁹.

Приведенные известия при всей их отрывочности позволяют, однако, определить общую линию политики рус-

---

цев считает, что посольства Абдуллы ездили на Русь с торговыми целями (А. П. Новосельцев. Указ. соч., стр. 448—449).

¹⁶⁴ Сб. РИО, т. 59, стр. 541.

¹⁶⁵ ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 284; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 5. Исследователи расходятся в мнении о том, кого из грузинских даярей здесь имеет в виду русская летопись — карталинского Луарсаба или кахетинского Левана.

¹⁶⁶ «Английские путешественники...» стр. 211.

¹⁶⁷ ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 391; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 12; «История Грузии», Тбилиси, 1961, стр. 138—139.

¹⁶⁸ М. А. Полиевктов. Посольство кн. Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. 1640—1643. Тифлис, 1928, стр. 19—20.

¹⁶⁹ М. Г. Джанашивили. К материалам по истории и древностям Грузии и России. Тифлис, 1912, стр. 21—22 (перевод отрывка из Картлис-Цховреба); «История Грузии», стр. 138—139.

ских дипломатов в отношении Грузии в 1550—1560-е годы. Она заключалась в стремлении оказать грузинскому царю возможную поддержку. Сравнивая эти известия с более подробными сведениями о русско-грузинских отношениях последней четверти XVI в., убеждаемся, что одной из важных сторон русско-грузинских отношений при Грозном должен был быть вопрос об опорных пунктах и путях этих сношений. Пути шли через Северный Кавказ, и отношения Москвы с народами Северного Кавказа имели для политики Москвы в Закавказье большое значение.

Несмотря на то, что связи Грузии с Москвою противоречили политике шаха в Закавказье и реализации им условий мира 1555 г., нет никаких указаний на осложнение в 1550—1560-е годы русско-иранских отношений. Такое осложнение было бы для шаха невыгодно ввиду возможности новой ирано-турецкой войны. Посольства от шаха бывали в Москве¹⁷⁰. Известие об одном из них дошло в характерном рассказе, переданном в 1563 г. русскому гонцу в Крым Елизару Ржевскому «янычанским агой» Багмутом. Ага рассказал, что послы от шаха к султану привезли ему в поминках трех кречетов. Султан, зная, что в Иране кречеты не водятся, «тем поминком учал дивиться»; послы рассказали, что «ис Кизылбаша были послы на Москве», где и получили от царя позволение купить кречетов — «и они де те кречеты в Кизылбаш привезли с Москвы»¹⁷¹. Понимаем, что султан настороженно относился к пересылкам шаха с Москвою¹⁷² и что именно поэтому шаху было выгодно сообщить о них в Константинополь.

Ирано-турецкий мир был подтвержден в 1562 и 1568 гг. Однако отношения между Ираном и Турцией оставались очень напряженными, и еще задолго до начала в 1578 г. открытых военных действий обострения не раз грозили развиться войною. В конце 1550-х — начале 1560-х годов поводом для возможной войны было бегство в 1559 г. к шаху через «черкасов» и Северный Кавказ сына султана от Роксоланы Баязедя (характерен переданный в 1570 г. в Константинополе русскому гонцу слух о том, что Баязед хотел бежать на Русь)¹⁷³. С той и с другой стороны шли приготовления к войне, которую султан, занятый военными

¹⁷⁰ Турецкие дела, кн. 2, лл. 120 об.— 121.

¹⁷¹ Крымские дела, кн. 10, л. 330 и сл.

¹⁷² Турецкие дела, кн. 2, лл. 120 об.— 121.

¹⁷³ Там же, лл. 95 об.— 96 об.

предприятиями на западе, оттягивал дипломатическими переговорами и золотом. В конце 1560-х годов, во время крупного восстания против султана в Йемене, в Константинополе очень опасались враждебного выступления шаха, и к границам Ирана были двинуты из Малой Азии турецкие войска¹⁷⁴. Несомненно, что благодаря этому вопрос о северокавказском пути и о связях с Средней Азией сохранял для султана прежнее значение. Гаммер передает прямые известия турецких источников о ссылках султана в конце 50-х — начале 60-х годов с среднеазиатскими владельцами — речь шла о совместных действиях в случае войны против шаха¹⁷⁵. В 1561 г. в донесении из Константинополя в Вену о турецко-персидских отношениях упоминалась возможность похода татарского хана с его войском в Ширван¹⁷⁶.

Для изучения политики Москвы на Северном Кавказе существенно отметить, что в Москве знали о напряженности ирано-турецких отношений. Русские послы не бывали в Константинополе с 1539 г. Но послы и гонцы из Москвы в Крым, выполняя полученные из Посольского приказа наказы, постоянно сообщали о том, «как турецкий салтан с кизылбашским».

Общие сведения были таковы, что султану «кизылбашский — великий недруг»¹⁷⁷. В 1563 г. русский посол к хану Девлет-Гирею Афанасий Нагой писал из Крыма, что турецкий султан «воюетца... с кизылбаши да с чешским королем» и присылал в Крым гонца «людей просити на помочь», в чем Девлет-Гирей отказал султану, сославшись на поход царевичей со всеми людьми «на великого князя украину»¹⁷⁸. Подробные сведения о бегстве Баязета к шаху и о недружбе в связи с этим «турского» «с кизылбашским» были получены в Москве позднее — в 1570 г.¹⁷⁹ В январе 1565 г. Нагой сообщил, что «воюетца де турецкий с френским, а с кизылбашским де турецкой в миру». Затем

¹⁷⁴ E. Alberi. Op. cit., Ser. III, t. I, p. 278, 282; J. von Busbeck. Op. cit.; «Английские путешественники...», стр. 204, 207; E. Chagrigé. Op. cit., t. III, p. 62—64, 82—89. См. также для 1566—1567 гг. Nuntiaturberichte aus Deutschland, 2-й раздел, т. VI, стр. 40—41.

¹⁷⁵ J. Hammer. Op. cit., v. VI, p. 104.

¹⁷⁶ E. Nurmuzaqi. Op. cit., v. II, p. 1, p. 392—393.

¹⁷⁷ Турецкие дела, кн. 2, л. 72 об.

¹⁷⁸ Крымские дела, кн. 11, лл. 265—269; кн. 12, л. 44—44 об.

¹⁷⁹ Турецкие дела, кн. 2, л. 98.

Нагой собрал и подробности о походах турецких войск к острову Мальта и в Венгрию, куда по требованию Сулеймана в 1566 г. ходил с большим татарским войском калга Магмет-Гирей¹⁸⁰. В 1570 г. русскому гонцу рассказали в Константинополе, что в 1566 г., умирая, Сулейман будто бы завещал сыну Селиму, «чтоб ся он с кизылбашским воевал и кизылбаша б взял за себя»¹⁸¹. В ноябре 1569 г. Нагой узнал, что «ныне деи у турского была кличь: война на 3 годы; а говорят деи, хочет воеватца с кизылбашским», который уже отпустил на войну своего сына¹⁸².

Таковы были получаемые в Посольском приказе сведения о турецко-иранских отношениях в годы после взятия Астрахани, когда создались условия для постоянных сношений с Русским государством народов Северного Дагестана и Кабарды.

В 1557 г. в Москву пришли послы «от крымшевкала¹⁸³ и от всей земли шевкальские да от тюменского князя с поминки». Они били челом о холопстве и о том, чтобы государь приказал астраханским воеводам «беречи их со всех сторон» и дал бы «чистую дорогу» торговым людям. Посольство предлагало уплату ежегодной дани. Ответ московского правительства нам неизвестен¹⁸⁴. В ближайшие же годы сказались в полной мере и феодальная раздробленность Дагестана, и соперничество отдельных владельцев: тюменский мурза Мамай Агишев искал в 1559 г. в Астрахани военной помощи против своего дяди, тюменского князя (Мамай позже крестился и выехал вместе с братом на службу в Москву; братья Тюменские участвовали в действиях русских войск в Ливонии)¹⁸⁵. «Из Шевкал» тогда же просили прислать рать на «крымшевкала», а им

¹⁸⁰ Крымские дела, кн. 12, л. 192; кн. 13, лл. 75 об.—76 об.

¹⁸¹ Турецкие дела, кн. 2, лл. 99—100.

¹⁸² Крымские дела, кн. 13, лл. 260—261.

¹⁸³ Употребление русской летописью термина «крымшамхал» сбивчиво — по-видимому, иногда он стоит вместо слова «шамхал».

¹⁸⁴ ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 284; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 5; Е. Н. Кушнев. Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв. (Дагест. филиал АН СССР. Ин-т истории, языка и литературы). Махачкала, 1954, стр. 8 и сл.; «Очерки истории Дагестана», т. 1, Махачкала, 1957, стр. 121—141.

¹⁸⁵ ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 322; А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. II, изд. 2, 1895, стр. 307 (братья Василий и Роман Агишевичи Тюменские здесь ошибочно отнесены к сибирской Тюмени); РИБ, т. XXII. СПб., 1908, стб. 64; Сибирский сборник, т. 1. М., 1845, стр. 45, 48, 72—81 и др.

дать «инога, а они всею землею холопц государевы неотступно». Это интересное, но лаконичное сообщение русской летописи не поддается разъяснению¹⁸⁶. В 1558 г. посол от шамхала в Москву просил царя оборонить его «от холопей своих от черкасских князей», т. е. от кабардинцев¹⁸⁷. Однако установившиеся в эти же годы взаимоотношения Русского государства с Кабардою исключали поддержку шамхала против кабардинцев.

В июле 1557 г. в Москву через Астрахань приехал «черкасской мурза» Кавкльч Кануков. Летопись так передает содержание речей Кавкльча: «А пришел от братии, от Кабартынских князей черкасских, от Темрюка да от Тазрюта князя бити челом, чтоб их государь пожаловал, велел им себе служити и в холопстве их учинить, а на Шавкал был им государь пожаловал, астраханьским воеводам велел помочь учинити. Да говорил Кавльч-мурза Черкасской: только их государь пожалует, учинит у себя в холопстве и помочь им учинит на недругов так же, как их братью пожаловал, черкасских жаженьских (вар.: жжанских) князей Машука и Себока з братьею с их, и с карбатинскими черкасы в одной правде и в заговоре иверский князь и вся земля Иверская и государю с ними же бьют челом, чтоб государь царь и в. князь их по тому же пожаловал, как и тех всех». Кавкльч (вариант Канькльч) был отпущен в Кабарду в январе 1558 г. на Астрахань. Так как с ним было послано приказание кабардинским черкасам идти всем мимо Азова на помощь Дмитрию Вишневецкому, посланному тогда же на Крымские улусы (об этой посылке см. выше), надо считать, что челобитье кабардинских князей было в Москве принято. В феврале того же года в памяти Р. В. Олферьеву, посланному в Литву, ему предписывалось сообщить о походе Вишневецкого на Крым: «со многою ратию» — «да и черкасом кабардинским и ногайским мирзам многим со многими людьми» государь «велел ити на крымского ж». Ниже снова повторялось, что государь велел сойтись с Вишневецким «нагайским мирзам многим со многими людьми, да черкасским князем пятигорским, Ташбузруку з братьею и со всеми черкасы...». Так как хранившиеся при Грозном в царском архиве гра-

¹⁸⁶ ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 322.

¹⁸⁷ Там же, стр. 313; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. II—III.

моты Темрюка, дела о посылках к нему и о приездах черкасских князей не сохранились, основным источником для изучения кабардинского посольства 1557 г. являются приведенные сообщения летописи ¹⁸⁸.

В этом сообщении поименованы два кабардинских князя, приславшие Канклыча, — Темрюк и Тазрют. В позднейшем известии 1558 г. Темрюк Идарович или Айдарович назван большим князем, т. е. он был старшим князем в Кабарде в эти годы, что подтверждается и родословной XVII в., которая называет Темрюка, как и других старших князей, князем кабардинским. Тазрюта родословные не знают; предполагаю, что он тождествен Ташбузруку, упомянутому в памяти Олферьеву и названному в одном из посольских документов 1570 г. Ташпруком, союзником Темрюка. Отождествляю их с Тапсаруко родословной, сыном Таусалтана, потомство которого позже известно в Малой Кабарде ¹⁸⁹ — русские источники передают обычно адыгские имена в разных вариантах и часто в очень искаженной форме. Таким образом, можно думать, что посольство 1557 г. представляло кабардинцев не только владений Идаровичей, но и Таусалтановых, т. е. владений, расположенных и по левому и по правому берегу Терека, и к тому же было отправлено от имени старшего князя (по Ногмову, разделение Кабарды на Большую и Малую произошло при сыне Тапсаруко — Шолохе). Родословные не знают Канклыча Канукова. Правда, в них значится Кануко, сын Кайтуко (потомство последнего позже известно в Большой Кабарде по Баксану), но среди сыновей Кануко Канклыч не назван ¹⁹⁰. Остается неясным, участвовали ли в челобитье 1557 г. Кайтуковичи, которые в 1560-е годы враждовали с Темрюком и Ташпруком и придерживались крымско-турецкой ориентации.

Знаменательно сообщение кабардинского посланца о союзе кабардинцев с Грузией и о совместном челобитье ка-

¹⁸⁸ ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 284—288; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 5; Сб. РИО, т. 59, стр. 542—543; «Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года», под ред. С. О. Шмидта. М., 1960.

¹⁸⁹ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 21, 383—387.

¹⁹⁰ Ржевусский отождествляет Канклыча известия 1557 г. с Янглычем, отцом Сунчалая, служившего позже в Терском городе. Но Янглыч Желеготович по родословным из рода Айдара (Идара), а не Кайтуко и Кануко (А. Ржевусский. Указ. соч., стр. 12).

бардинских и иверского князей о подданстве. Иверская земля известия 1557 г., как уже указывалось выше, очевидно, Кахетия.

Слова Каяклыча о том, что Темрюк и Тазрют просят их пожаловать и помочь им на недругов так же, как государь пожаловал их братью «жаженьских», т. е. жанеевских князей Машука и Сибока¹⁹¹, показывают, что Темрюк не принимал участия в посольствах 1552 и 1555 г. Вместе с тем наименование Машука и Сибока «братско» свидетельствует, что кабардинцы и западные адыге сознавали общность происхождения.

Признание кабардинцев «холопами» русского царя и их служба Русскому государству не означали включения Кабарды в государственные границы и не повели к назначению в Кабарду русской администрации, как это было признано необходимым в отношении Казанского и Астраханского ханств¹⁹². Феодалная раздробленность Кабарды вела к тому, что в дальнейшем далеко не всегда все феодалы всех кабардинских владений считали себя подданными Москвы. Но с 1557 г. связи кабардинцев с Россией уже не прерывались, и последующая история кабардинского народа была процессом вхождения Кабарды в состав Русского многонационального государства. Дата июль 1557 г. была отмечена в июле же 1957 г. как юбилей 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России¹⁹³.

В последующие за 1557 г. десятилетия установились самые тесные связи кабардинцев русской ориентации с Москвою. В 1558 г. князь Темрюк прислал к Грозному своих сыновей Булгерука и Салнука (или Салтангула) с просьбой оборонить его «от шевкальского государя». Салнук был крещен под именем Михаила, остался при дворе Грозного, был обучен грамоте и стал потом одним из видных опричников¹⁹⁴. Три другие сына Темрюка — Доманук, Мамстрюк и Матлов или Мазлов — также побывали

¹⁹¹ Как указывалось выше, Машук был князем бесленевцев.

¹⁹² М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 516.

¹⁹³ «Правда», 6 июля 1957 г.; Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958, стр. 8 и сл.; Т. Х. Кушков. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957; «История Кабарды с древнейших времен до наших дней». М., 1957.

¹⁹⁴ ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 284; 2-я пол., стр. 312—313. См. также «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 7 и сл.

в 1560-е годы в Москве¹⁹⁵. Ко двору Грозного выезжали для службы — одни временно, иные навсегда — и другие кабардинские князья. Кабардинские конные отряды включались в состав русских войск, действовавших в Ливонии, обычно в передовой полк¹⁹⁶. В 1560 г. из Москвы были посланы в Кабарду — как и к западным адыге — «попы христианские» — «по их обещанию и челобитью крестить их, кабартанских черкас»¹⁹⁷. В 1561 г. Грозный укрепил связи с Темрюком женитьбой на его дочери гуаше (т. е. княжне) Кученей — Марии Темрюковне, от которой у Грозного был сын Василий, скоро умерший¹⁹⁸.

Вслед за тем имело место окончательное оформление отношений службы и подданства кабардинцев. В конце 1561 г. царь Иван послал к Темрюку «и ко княгине его и к детям их и к племяни их свое великое жалованье», «платье и деньги и купки и ковши и иные суды серебряные», со своими послами И. Б. Федцовым и Н. К. Голохостовым, и Темрюк «со всею своею братьею и з землею учинился государю в службе»¹⁹⁹. По-видимому, память именно об этом событии, как о «присяге, которая пред царем Иваном», сохранилась у кабардинцев до XIX в., когда предание о ней записал Шора Ногмов. Полагаю, что к присяге приводили и старшин крестьян-общинников²⁰⁰. В 1563 г. с первым же после 1561 — 1562 гг. послом в Крым Аф. Нагям хану Девлет-Гирею было сообщено, что после брака с дочерью Темрюка царь «Темрюка князя и землю Черкасскую пожаловал, велел ему себе служитьи, и ныне Темрюк князь и Черкасская земля в государя нашего воле»²⁰¹. В русских проектах шертных грамот хана 1563 г. включалось условие не воевать князей, «которые на нас смотрят» или «которые нам служат» — здесь

¹⁹⁵ ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 333, 397. Булгерук и Матлов по родословным не значатся.

¹⁹⁶ Там же, стр. 368; Сб. РИБ, т. XXII, стб. 61—64.

¹⁹⁷ ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 324.

¹⁹⁸ Там же, стр. 329—330, 333, 365—366; Л. Г. Лонатицкий. Русско-кабардинский словарь. — Сб. МОМПК, т. XII, 1891, стр. 61; Ш.-Б. Ногма. Филологические труды, т. 1. Нальчик, 1956, стр. 143.

¹⁹⁹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 344.

²⁰⁰ «Предания атыхейцев не бесполезные для истории России». — «Кавказ», 1849, № 45; Ш.-Б. Ногмов. История адыхейского народа. Тифлис, 1861, стр. 108.

²⁰¹ Крымские дела, кн. 10, л. 59—59 об.

несомненно имелись в виду и присягнувшие Ивану Грозному кабардинские князья²⁰².

Выше уже говорилось о политическом характере сватовства Грозного в 1560 — 1561 гг. Брак с Марией Темрюковной закреплял связи не только с Кабардою. Одна сестра Марии — Алтынчач-царица — была за астраханским царевичем Бекбулатом, братом царевича Тохтамыша, выехавшего служить в Москву еще в 1556 г. В 1561 г. Бекбулат вместе с сыном Сайн-Булатом, будущим Симеоном Бекбулатовичем, одновременно с приездом Марии Темрюковны выехал служить в Москву, где уже давно хлопотали об этом, стремясь, по-видимому, собрать при дворе возможных претендентов на астраханский юрт²⁰³. Это было тем более важно, что сын астраханского царя Дервиш-Алея Магмет находился в Турции под охраной, получая жалованье («олафу») от султана; по-видимому, на его дочери был женат сын Сулеймана (с 1566 года султан) Селим²⁰⁴. Другая сестра Марии — Малхуруб — была женой Тинехмата, сына ногайского князя Измаила²⁰⁵. После смерти в 1563 г. Измаила Грозный послал к ставшему князем Тинехмату своего посла М. Т. Петрова. Петров должен был в разговоре «наедине» о крепкой дружбе упомянуть Тинехмату от лица Грозного их «племянство» по женам. В наказе Петрову был дан текст речей Грозного Тинехмату: «А что тебе от нас неотступну быти, тому пособство есть, а пособство тому то: наша царица великая княгиня и твоя княгини меж себя сестры, неотступленью твоему от нас и в том пособство будет», и ниже, с напоминанием о дружбе между Грозным и Измаилом: «а ныне и свыше того в дружбе крепкой быти хотим для того, что с тобою в племянстве учинилися есмя»²⁰⁶. Впрочем,

---

²⁰² Там же, лл. 102 и сл., 259.

²⁰³ ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 333; В. В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., ч. I, стр. 423—428; ч. II. СПб., 1864, стр. 1—26.

²⁰⁴ Турецкие дела, кн. 2, л. 116; П. А. Садиков. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г.— «Исторические записки», т. 22, стр. 146; его же. Царь и опричник.— Сб. «Века». Пг., 1924, стр. 77; в начале 1570-х годов был слух, что султан Селим хочет посадить своего тестя, астраханского царевича, в Крыму вместо Девлет-Гирея.

²⁰⁵ Продолжение ДРВ, ч. X, стр. 229; ч. XI, стр. 53 и др.

²⁰⁶ Ногайские дела, кн. 6, лл. 254—255.

надежды Москвы на дружбу Тинехмата не оправдались, и пересылки ногайского князя с Девлет-Гиреем угрожали дальнейшей безопасности Астрахани ²⁰⁷.

Дошедшие до нас известия о деятельности князя Темрюка Айдаровича позволяют составить представление о его внутренней и внешней политике. Темрюк был большим, или начальным, князем в Кабарде. Его попытки при помощи русских отрядов привести других кабардинских князей «в послушание себе» с уплатой дани вызвали сильное противодействие в Кабарде, где государственное объединение было слабым и где непрочное «одиначество» князей обуславливалось обычно договорами между князьями «на общем совете» с выдачей друг другу закладов «для укрепления» ²⁰⁸. Во внешних сношениях Темрюк, враждая с шамхалом, установил связи с Грузией (в 1557 г. был «в одной правде и в заговоре с иверским князем» и всей Иверской землей) и с 1557 г. принял в противовес крымско-турецкому нажиму ярко выраженную русскую ориентацию.

С конца 50-х годов положение Темрюка осложнилось тем, что в степях между Азовом и Северным Кавказом, «в промежке», обосновалась Малая ногайская орда во главе с мурзой Казыем Ураковым. Казый принимал к себе крымских царевичей и поддерживал интересы Крыма и Турции на Северном Кавказе, был «во всей цареве (т. е. ханской. — Е. К.) воле» ²⁰⁹. Вмешавшись во внутреннюю междукняжескую борьбу в Кабарде, Казый принял сторону враждебной Темрюку группировки князей во главе с Пшеапшюкой Кайтукиным, на дочери которого женился и который был привлечен в крымский лагерь. Со слов князя Измаила в Москве было известно, что «крымский царь да Казый мурза да некоторые черкасы, которые Казыевой жене племя, и они три их содиначилися». Как уже указывалось выше, Темрюк установил связи с противником Казыя ногайским князем Измаилом, выдав за его сына Тинехмата свою дочь Малхуруб и объединившись с ним для совместных предприятий против Казыя и

²⁰⁷ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 27—28.

²⁰⁸ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 75, 120, 131, 134—136, 305, 350; ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 344, 371, 387—398.

²⁰⁹ Крымские дела, кн. 13, лл. 62—63, 201 и сл., 262 и сл., 284 об., 348; кн. 14, л. 22 и сл.

Пшеапшока²¹⁰. Казый и погиб в 1577 г. во время одного из походов на Кабарду²¹¹.

Русское правительство оказывало Темрюку сильную поддержку. За десятилетие 1558 — 1567 гг. в ответ на посольства Темрюка в Москву у него шесть раз побывали русские послы и не менее четырех раз ему была оказана сильная и длительная военная помощь, в которой особое значение имели отряды стрельцов — «ратных людей с вогненным боем»²¹².

Уже в 1557 г. кабардинское посольство просило о помощи со стороны астраханских воевод против шамхала. Эта просьба была повторена сыновьями Темрюка в 1558 г. В 1560 г. видный воевода Ивана Грозного И. С. Черемисинов «по неправдам шевкаловым» ходил из Астрахани «на Шевкал и на Тюмень морем», в судах, со стрельцами, казаками и «астраханскими людьми». У города Тарки был высажен десант. Шамхал держался против русских войск половину дня, а затем, покинув Тарки, бежал от них в горы. Черемисинов не пробовал удержаться в Тарках — он выжег город и вернулся в Астрахань, поймав «полону русского и шавкальского... много». В летописи шамхал не назван по имени. Л. И. Лавров, пользуясь данными эпиграфики, считает, что это был Буддай-шамхал, сын Амаль-Мухаммеда²¹³.

В рассказе о походе Черемисинова летопись не поясняет, в чем же заключались «неправды» шамхала. Одной из причин похода Черемисинова была, очевидно, вражда

²¹⁰ Продолжение ДРВ, ч. X, стр. 91, 118—120, 124, 166, 174, 179, 180, 212, 252, 260, 266, 283; ч. XI, стр. 14, 40, 47, 62; Крымские дела, кн. 13, лл. 41 и сл., 62—63, 75, 278, 284 об.

²¹¹ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 15—16.

²¹² ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 284, 288; 2-я пол., стр. 312—313, 322, 324, 328, 330, 333, 339, 343—344, 365, 371—372, 383, 397—399, 405, 408; Древнейшая разрядная книга, стр. 283; Продолжение ДРВ, ч. X, стр. 104, 193, 279; ч. XI, стр. 139; Крымские дела, кн. 10, лл. 164—165; кн. 12, лл. 67 об.—68; кн. 13, лл. 41—52 и сл., 62—63.

²¹³ Крымские дела, стр. 324, 330; о каменных укреплениях в Тарках можно судить по дошедшему до нас описанию начала XVII в.—С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 404; Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции.—«Сб. музея антропологии и этнографии», т. XVII, 1957, стр. 379; его же. Тарки до XVIII в.—«Уч. зап. Дагест. филиала АН СССР. Институт истории, языка и литературы», т. IV. Махачкала, 1958.

шамхала с Темрюком. Посольство «из Шевкала» 1559 г. и его просьбы прислать рать на «крымшевкала» и дать им иного открывало возможность вмешательства в дела шамхальства. Можно указать и более общую причину. Во время ирано-турецкой войны шамхал придерживался крымско-турецкой ориентации. Несомненно, турецкие султаны и крымские ханы стремились удержать свое влияние в Северном Дагестане и в последующее время, что объясняет решительную поддержку кабардинцев в столкновениях с шамхалом, которую оказывало Кабарде московское правительство.

В 1562—1563 гг., когда Темрюк с сыном Домануком вынуждены были спастись от своих «недругов» в Астрахань, посланные из Москвы воевода Г. С. Плещеев и стрелецкий голова Г. Врасский с отрядом в 500 стрельцов и 500 казаков ходили на «Шепшужовы улусы», т. е. на князя Пшеапшоку Кайтукина, на подчиненные ему города в «Татской земле» и на «Мшанские и Сонские кабаки». С помощью русских войск Темрюк привел недругов «в свою волю».

Дошедшее в Крым известие увеличивало силы русского отряда до тысячи стрельцов и сообщало, что русские люди поставили Темрюку «город», т. е. крепость, и Темрюк «в городе сел». Плещеев выехал из Москвы в сентябре 1562 г. и вернулся в октябре 1563 г. В сентябре 1565 г. к Темрюку были направлены из Москвы два отряда. Один — дети боярские муромцы и мещерыне и «все казаки Рязанской крайны» под начальством Ивана Дашкова — шел из Шацкого города полем на Астрахань. Другой — черкасские казаки и стрельцы под начальством известного воеводы Дьяка Ржевского — шли на судах по Волге и зазимовали под Девичьими горами. Дашков и Ржевский жили в Кабарде у Темрюка с июня по август 1566 г., «Шапшужовы кабаки з братьею многие воевали и полону и животов имали много», а в Москву вернулись в октябре. Еще в декабре 1565 г. в Крым пришло неясное для нас известие, что «государь... на Тереке город ставит». Может быть, это был лишь слух, вызванный приходом в Астрахань отряда Ивана Дашкова.

Надписи на памятниках шамхальского кладбища в сел. Кумух свидетельствуют о том, что Бугдай-шамхал и его два брата погибли в Черкесии, как «шагиды», т. е. в борьбе за веру. Указанная на одном из памятников дата пада-

ет на время с июля 1566 по июль 1567 г.²¹⁴ Не был ли поход шамхала в Черкесию попыткой оказать помощь Пшеашшоке?

По просьбе Темрюка, переданной в Москве в декабре 1566 г. его сыном Матловым или Мазловым, поставить город «на Терке реке усть Сююичи реки» «для брежения от недругов его» весной 1567 г. из Москвы были посланы воеводы для городского дела — князь А. С. Бабичев и П. Протасьев «со многими людьми, да и наряд, пушки и пищали», которые шли по Волге в судах. Русский город на Северном Кавказе был в том же году оставлен. По крымским сведениям, из Москвы для постройки города было прислано людей «тысячи две-три». Несомненно, в связи с этим событием в 1567 г. шамхал присылал в Москву своего посла Секит-имелдеша (по другому известию, шамхал присылал своего внука) «с великими поминки», в числе которых был приведен и слон. Тюменский князь Токлуй сообщил в Крым, будто шамхал бил челом Ивану Грозному, что «хочет быти в его воле». Ответное посольство из Москвы поставило вопрос о постройке русского города на реке Овечьи Воды. Шамхал, понимая, что ему против московского царя «не устояти», «дал» ему Овечьи Воды²¹⁵. О том, состоялась ли постройка этого города, прямых известий нет.

Установление тесных связей Москвы с Кабардою и постройка русского города на Северном Кавказе были событиями большого значения и имели серьезные последствия.

Выше мы говорили о сношениях с Москвою грузинских царей. Эти сношения шли именно через Кабарду. Известие 1557 г. было приведено выше²¹⁶. В 1563 г. Дженкинсон, давая советы посланцу от грузинского царя, указал ему и дорогу возможных сношений с русским царем — «через страну черкесов, пользуясь благоволением Темрюка, короля названных черкесов, на дочери которого царь недавно женился»²¹⁷. В 1564 г. Иван Грозный отпустил посла царя Левана Якова вместе с кизитским митрополитом и

²¹⁴ Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. — «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XVII. Л., 1957, стр. 379—380.

²¹⁵ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 578; Крымские дела, кн. 13, лл. 161 об.—163.

²¹⁶ ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол., стр. 284.

²¹⁷ «Английские путешественники...», стр. 214.

старцами «Святые горы» — они должны были ехать «на Астрахань да на Черкаскую землю (т. е. через Кабарду.— *Е. К.*), да и в Грузинскую землю», а оттуда через Трапизондскую землю в Царьград ²¹⁸. Здесь путь через Кабарду в Грузию указан как налаженный путь. В этой связи нужно рассмотреть летописное известие с подробностями похода 1562 — 1563 гг. Григория Плещеева. Темрюк с «государевыми людьми» воевал «Шешуковы улусы да воевал Татские земли близ Скиньских городков и взяли 3 городки: город Мохань, город Енгирь, город Каван и мирзу Телишку убили и людей многих побили, а те городки были Шешуковы княжие, и люди тех городков добились челом Темрюку князю, и дань Темрюк князь на них положил; и воевали землю их одиннадцать дней и взяли кабаков Мшанских и Сонских 164 и людей многих побили и в полон имали да взяли четырех мурз: Бурнаша, Ездюоура, Бурмака, Дудыля...» ²¹⁹.

Приведенное известие заслуживает специального комментария кавказоведов для определения упомянутых в нем топографических и племенных названий. Ясно, что между Темрюком и Пшеашкокой здесь шла борьба за соединение с Кабардой «татские» ²²⁰, т. е. не кабардинские, подчиненные кабардинским князьям земли. Название одного из взятых «городков» — Каван — направляет внимание на известный осетинский аул Кобан в ущелье Гизельдона с его башнями и замками ²²¹. Документы конца XVI и XVII вв. дают материал для определения Сонских кабаков. «Соны» русских источников — это сваны, для которых русские приняли грузинскую форму их названия; но термин Сонская земля употреблялся тогда в более широком смысле, покрывая, например, и владения рачин-

²¹⁸ ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 391.

²¹⁹ Там же, стр. 371.

²²⁰ О значении слова «тат» см.: В. Миллер. Материалы для изучения еврейско-татского яз. СПб., 1892, стр. XVII; Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. 1. СПб., 1868, стр. 329; Б. А. Куфтин. Жилище крымских татар... — «Мемуары этнографического отд. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии», вып. 1. М., 1925, стр. 34—35.

²²¹ Вахушти. География Грузии. — «Записки Кавказского отд. русского географического об-ва», т. XXIV, вып. 5. Тифлис, 1904, стр. 144; Б. Скитский. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. Дзауджикау, 1947, стр. 81.

ских, ксанских и арагвинских эриставов²²². Отсюда название перевальных путей из Кабарды в Грузию «Сонскими щелями» (так называли русские и Дарьяльский проход), контроль над которыми оспаривали друг у друга в конце XVI в. кабардинские князья²²³. Очевидно, одной из целей походов Темрюка и Плещеева 1562—1563 гг. было обеспечить сношения с Грузией через перевалы центральной части Кавказского хребта. Приблизительно к этому времени — вероятно, к 1563 г. — относится и посольство царя Левана к Прозному, результатом которого надо считать посылку в Грузию русского отряда.

При сношениях Кахетии с Москвой в 60-х годах XVII в. грузинский посол прошел через перевалы из Кахетии в Тушетию и на пути видел остатки заброшенного города Чечен, от которого сохранялся тогда земляной вал. При расспросах об этом городе в Москве посол и местные жители — тушинцы — пояснили, что здесь раньше был русский город — «великих государей... российских», но не могли сказать, когда. Город находился в 2¹/₂ днях пути от тогдашнего Терского города и в одном дне езды от «Туш», т. е. Тушетии²²⁴. Источники довольно хорошо отражают события на Северном Кавказе последней четверти XVI и первых десятилетий XVII в., но такого города не называют. Не был ли он поставлен при Грозном в один из длительных походов русских войск 1563 или 1566 гг.? Если так, то, очевидно, с целью служить опорным пунктом в сношениях Москвы с Кахетией.

Еще большее значение имели связи Москвы с Кабардою для контроля над основным северокавказским путем — с запада на восток и с востока на запад²²⁵.

Местоположение построенного в 1567 г. по просьбе Темрюка русского города определяется исследователями по разному. Обычно город 1567 г. исследователи помещают на левом берегу Терека против впадения в него Сулжи. Основанием служит текст «Книги Большому чертежу»:

---

²²² М. А. Полиевктов. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932, стр. 29, 38.

²²³ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 34—35, 285—286, 473—474 и др.

²²⁴ М. А. Полиевктов. Указ. соч., стр. 21—22.

²²⁵ Н. А. Смирнов. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях, стр. 5—6, 15.

«А против устья реки Сунши, на другой стране Терка, острог»²²⁶. Это указание представляется на первый взгляд совершенно ясным. Однако сопоставление показаний источников заставляет сомневаться в правильности буквального его понимания.

В 1651 г., когда основным опорным русским пунктом на Северном Кавказе был построенный в 1588 г., по просьбам из Грузии и из Кабарды, у устья Терека Терский город, возник вопрос о необходимости поставить на реке Сунже, правом притоке Терека, «острог стоялый» «для бережения от приходу воинских людей». Путем опроса местных жителей выясняли, где удобнее поставить город: «на Сунше реке на устье, где впаала Сунша в Терек реку, или на старом городище от устья Сунши реки в 10 верстах». Старожилы показали, что «прстойнее» поставить острог, «где бывало прежнее городище»; острог, называвшийся Суншинским, был поставлен при устье Сунжи «между двух вод» «на Кыське, где Сунша с Терком сошлась»; через два года он был сожжен иранским и кумыкским войском после двухнедельной осады²²⁷. Очевидно, прежнее городище грамоты 1651 г. оставалось от того «Суншинского острога», который был построен при Федоре Ивановиче и существовал до 1605 г. Обращаясь к документам этого времени, находим ряд ссылок на «старое городище на Сунше», «Суншино городище, где стоят ис Терского города головы в остроге», т. е. на место постройки города при Грозном, где и был поставлен около 1590 г. Суншинский острог²²⁸. Карта Герритса 1613 г., использовавшая карту Федора Борисовича Годунова, позволяет внести еще одно уточнение: острог Supsa показан на этой карте на левом берегу Сунжи²²⁹. Сообщение летописи о том, что в 1566 г. Темрюк просил поставить город «на реке Терке усть Сююнчи реки» в сопоставлении с указанием современного документа о том, что город был поставлен «на... земле» Темрюка «беречися ему от своих недругов» в общем соответствует местоположению прежнего городи-

²²⁶ «Книга Большому чертежу». М.—Л., 1950, стр. 91.

²²⁷ АИ, т. IV, № 52; Кумыкские дела, 1651 г., лл. 270—279, 293; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 302—303, 311—317.

²²⁸ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 30, 31, 70, 72, 77, 94, 123, 131, 133, 148, 290, 349.

²²⁹ В. Кордт. Материалы по истории русской картографии, вторая серия, вып. 1. Киев, 1906.

ща грамоты 1651 г.²³⁰ Город 1567 г. был около 1571 г. снесен. В 1577 — 1578 гг. по просьбе брата Темрюка Камбулата Айдаровича русский город был возобновлен «на реке на Терке на устье Сунчи». Связь постройки города с начавшейся в 1578 г. турецко-иранской войны выясняется из последовавших затем событий. Когда в 1578 г. по приказанию султана калга Адиль-Гирей шел с татарским войском в Закавказье и «лез Сунчю реку у Горячего колодезя» (позднее Теплицы св. Петра), он посылал к воеводе «города Терка» «прошати... дороги..., чтоб им Сунчю реку от терских казаков перелезти здорово». На обратном пути разбитые персами татарские войска «перелезли Сунчю реку далеко от Терского города», но были настигнуты русским воеводой, который их «побил на голову и лошади их отогнал». Этот русский город был также вскоре разорен по требованию хана²³¹.

Уже многократное возобновление укрепления примерно на одном и том же месте показывает, что оно было выгодно в стратегическом отношении. Крепость стояла недалеко от перевоза через Сунжу на пути, который источниками конца XVI и XVII вв. называется обычно Османовским шляхом или Османовщиной²³². Известно, что в 1583 г. турецкий Осман-паша с войском прошел из Дербента в Крым-северокавказским путем, где «на Терке» на него напали терские казаки²³³. К перевозу сходились несколько путей с запада — по Сунже, по долине между Сунженским и Терским хребтами, дорога по правому берегу Терека и, наконец, дорога по левому его берегу, так как и в этом случае переправлялись через Терек до впадения в него Сунжи²³⁴. Местоположение крепости на ле-

²³⁰ ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 405; Крымские дела, кн. 13, лл. 101 об.—102. Миниатюра Лицевого свода 70-х годов XVI в. изображает постройку крепости на левом берегу реки, впадающей в другую. — «Кабардино-русские отношения», т. I, между 12 и 13 страницами.

²³¹ «Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными», т. I. СПб., 1951, стб. 942—943.

²³² Кумыкские дела, 1627, № 1, лл. 396, 396 об., 412—413.

²³³ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 119, 147, 148; Турецкие дела, кн. 2, лл. 415—416.

²³⁴ М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. М., 1874, карта; Н. Зейдлиц. Терская область. Тифлис, 1878; Е. Вейденбаум. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888, карта.

вом берегу Сунжи показывает, что она охраняла перевоз через реку с крымской стороны. Близ этих же мест, по преданиям XVIII в., возникли первоначально городки гребенских казаков, о появлении которых «в Черкасах» с Волги встречается первое упоминание в 1563 г.²³⁵ Значение перевоза через Сунжу подчеркивается еще одним фактом: в 1635 г. уже на самом перевозе «на... Османовской дороге на Сунше реке» был поставлен русскими городок, куда кроме воинских людей были посланы и целовальники для пошлинного сбора²³⁶.

Присматриваясь к тексту «Книги Большому чертежу» замечаем, что слово «против» в ней далеко не всегда имеет значение «напротив»; «другой страной Терка» могла быть названа в Москве правая сторона реки.

От устья Сунжи шел основной путь в Дербент и Закавказье с переправой через ряд речек и рек. Кроме этой дороги, шедшей, по выражению русских источников, «подом», был еще один путь, лежавший южнее, — подле гор, менее удобный, но избегавший сунженского перевоза²³⁷. На востоке, где горы подходят близко к морю, эти дороги должны были сходиться. Для контроля над участком дороги от Сунжи до Койсу и в земле шамхала русские воеводы «отняли» в 1590 г. у шамхала реку Койсу и затем поставили у ее устья «Койсинский острог», так же как Петр I поставил на той же реке Койсу (Сулаке) Крепость св. Креста «на дербентской дороге»²³⁸. Сведения о Койсинском остроге и Крепости св. Креста помогают понять значение посылства из Москвы к шамхалу 1568 г., о котором шамхал сообщил весной 1569 г. в Крым: «прислал деи ко мне царь и великий князь посла своего, а просит деи у меня реки Овечьих Вод, а хочет деи город поставить. И яз деи ему Овечьи Воды дал, а не дати де было ему не мочно, против

²³⁵ Ногайские дела, кн. 6, л. 145 об.; Портфели Миллера, № 757/30, лл. 2—3 об. «Описание гребенских казаков»; М. О. К о с в е н. Описание гребенских казаков XVIII в.— «Исторический архив», 1958, № 5; Ив. Попко («Терские казаки с стародавних времен», вып. 1. Гребенское войско. СПб., 1880, стр. 440) считает, что первоначально гребенские городки располагались на правом берегу Сунжи.

²³⁶ Кумынские дела, 1635 г., лл. 21—25.

²³⁷ Е. Вейденбаум. Указ. соч., стр. 251—253, 256, 259.

²³⁸ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 181, 185, 193, 202, 203, 275; «Материалы по истории Осетии», т. 1. Орджоникидзе, 1933, № 111; Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 106.

деи его не устояти ж»²³⁹. Если сделанное С. Броневским отождествление названия реки Овечьи Воды с Койсу и правильно оспаривается позднейшим исследователем²⁴⁰, то все же общий смысл московского требования ясен: дело шло о постройке города на одной из рек в северной части шамхальства для контроля над дербентской дорогой. А так как «астраханская дорога» была также «заперта» «для проезжих людей»²⁴¹, то пути сношений хана и султана как с Дагестаном и Закавказьем, так и с Средней Азией оказались едва ли не полностью перерезанными.

Это обстоятельство объясняет многое в дипломатической переписке и военных событиях 60-х и начала 70-х годов.

В 1563 и 1564 гг. Афанасий Нагой передал в Москву дошедшее до него из нескольких источников сообщение о плане похода турецких и татарских войск к Астрахани — по Дону с переволокой из Иловли в речку Черепаху и Волгу или по предполагавшемуся каналу — «перекопу» и с постройкой трех турецких крепостей: двух у переволоки и одной у Астрахани. Поход был намечен на весну 1564 г.²⁴² Конкретность сообщенного Нагим плана похода, в общем совпадавшего с осуществленным в 1569 г. турецко-татарским походом на Астрахань, убеждает в том, что полученные Нагим сведения соответствовали действительности. Нагой собирал данные и о причинах, вызвавших подготовку к походу. Основной причиной, «большей досадой Турского» на московского государя была указана такая: «которые бусурманы ис Тюрмень и ис крымшевкалов и из иных государств пойдут на Астрахань к Бахметеву гробу, и твои де государевы воеводы в Астрахани их не пропущают, то де турскому на тебя, государя, и большая досада»²⁴³. Здесь явственно выступает связь проекта похода с положением на Северном Кавказе и вопросом о «запертых» путях.

Поход на Астрахань в 1564 г. не состоялся. Сообщения Нагого разъясняют, почему султан отказался от этого

²³⁹ Крымские дела, кн. 13, л. 249 об.

²⁴⁰ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 2. М., 1823, стр. 188; К. Ган. Первый опыт объяснения кавказских географических названий. — Сб. ММПК, вып. 40. Тифлис, 1909.

²⁴¹ Турецкие дела, кн. 2, лл. 144 — об. — 151.

²⁴² Крымские дела, кн. 10, л. 321 об. и сл.; кн. 11, лл. 13 об., 32 об. — 33 об. — 278.

²⁴³ Там же, кн. 10, лл. 321 об. и сл.

предприятия: Девлет-Гирей, опасаясь утверждения султана в Астрахани, употребил все усилия, чтобы отговорить султана от похода, что ему и удалось. Вместе с тем, начиная с 1564 г., в дипломатической переписке с Москвой хан по совету его «думы» выдвинул настойчивые требования отдать Казань и Астрахань его сыну Адил-Гирею, ставя эту передачу непременным условием дружбы с Москвою против Сигизмунда-Августа. Несмотря на тяжесть татарских набегов, осложнявших для Москвы ведение Ливонской войны, в Москве категорически отклонили переговоры об отдаче Казани и Астрахани, как «бездельные речи», которые к «доброму делу не пристоят», и выдвинули вызвавшие негодование Девлет-Гирея предложение посадить царевича в Касимове, как был посажен касимовским царем Шигалей ²⁴⁴.

С 1563 г., когда возобновляются после длительного перерыва дошедшие до нас книги Крымских дел Посольского приказа, мы имеем переданные в Москву крымские отклики на взаимоотношения народов Северного Кавказа и Москвы. Они показывают, что в Крыму были очень обеспокоены сближением Темрюка с Москвою и появлением в Кабарде русских войск. В одних сообщениях проглядывает опасение, что русская помощь помешает обычным крымским набегам на Кабарду ²⁴⁵, в других, — что ответит от Крыма «подручных» хану и султану черкесов ²⁴⁶ и что Тюмень и шамхальство окажутся «за Москвою», наконец, в-третьих, — что, взяв Казань и Астрахань и утвердившись на Северном Кавказе, Иван Грозный после возможной победы над Литвой и Польшей, обратится на Крым. Последние опасения поддерживались Сигизмундом-Августом, который, убеждая хана не разрывать их союза против Москвы, писал, что московский царь мирится с ханом «оманкою, хотя у короля Киев взяти и с одного с черкасы с пятигорскими и с Астраханью и с Казанью спустити и тою де стороною всею хочет владети» ²⁴⁷.

²⁴⁴ Крымские дела, кн. 11, лл. 178 и сл., 186 об. — 187, 235 об. и сл., 300 и сл., 334—335 об., 368 об.; кн. 12, лл. 30—35 об., 81 об. и сл., 121—122, 245—246, 298 об.; кн. 13, лл. 82 и сл., лл. 92—97; П. А. Садиков. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г., стр. 142—143; А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 11—33.

²⁴⁵ Крымские дела, кн. 10, л. 130 об.

²⁴⁶ Там же, лл. 166 об.—168; кн. 13, лл. 47 об.—49.

²⁴⁷ Там же, кн. 10, лл. 325—326; кн. 11, л. 229 об., кн. 13, л. 47 об.

Постройка в 1567 г. русского города на Северном Кавказе вызвала резкое обострение крымско-русских отношений²⁴⁸. При переговорах с русскими послами в сентябре 1567 г. хан говорил: «И будет деи государь ваш похочет со мною быти в дружбе и в братстве, и он бы де города на Терке не ставил, а дал мне поминки Магмет-Киреевские, и яз де с ним помирюся. А будет де ему на Терке город ставити, и он де мне давай гору золоту, и мне деи с ним не мириватца, потому что деи поймал курты бусурманские Казань да Асторохань, а ныне деи на Терке город ставит и несетца к нам в суседи»²⁴⁹. В посланной вслед за тем с гонцом Али Чаушом грамоте²⁵⁰ хан, ставя ультимативное условие: «и похощь дружбы и миру, и ты тот город вели снести», грозил, что «за свой сором» учнет «стояти». Жалуясь на то, что царь ставит город, «чтоб шевкальскую землю и черкасскую изневолить», хан писал, что «черкасы хандыкереву величеству (т. е. султану. — *Е. К.*) и нам подручны», «а шевкальцы мусульманы, и при отпех и при дедех и при дядьях наших от тех мест и по ся места меж нас с ними ссылка живет и люди к нам ходят, а наши люди к ним ходят, в дружбе и в любви ведемся»²⁵¹. Этой же осенью три царевича, пошедшие было на «государевы украины», повернули с Донца «на черкасы». Как сообщала грамота Девлет-Гирея, он послал «рать» на «черкасскую землю», и царевичи, отлучая черкас от Москвы, «всю землю черкасскую воевали и жгли и жены и дети имали и животину и овцы притнали»²⁵². Каждый из трех участвовавших в походе царевичей прислал в свою очередь по грамоте на Москву, хвалясь удачей похода и требуя сноса города: «Ходили есмь того места смотрити, где на Терке город поставили, и воевали есмь кабартыньских черкас, и вся рать наша навоевалась, полону взяли больши 20 тысяч, что было животины и овец, то все отгонили»²⁵³. Впрочем, полученные русскими послами в Крыму частные сведения об этом походе были иными: «что черкасов деи царевичи не извоевали и в загонех деи у них (т. е. у царевичей. — *Е. К.*) многих людей поби-

²⁴⁸ Н. А. Смирнов. Кабардинский вопрос..., стр. 15 и сл.

²⁴⁹ Крымские дела, кн. 13, лл. 49—50.

²⁵⁰ Доставлена в Москву в ноябре 1567 г.

²⁵¹ Крымские дела, кн. 13, лл. 71 об.—74.

²⁵² Там же.

²⁵³ Там же, лл. 75 об.—76 и сл.

ли»²⁵⁴. Грозный отозвался ссылкой на свое родство по жене с Темрюком, «бережением» которого от недругов будто бы и ограничивались задачи строивших город воевод.

Тяжелые события последующих лет заставили, однако, русское правительство пойти на уступки и снести построенный на Северном Кавказе город.

Весной 1567 г. от вышедшего в Крым из-за моря полоняника до Афанасия Нагого дошел неясный слух о готовящемся походе «турского и крымского царя» на Астрахань²⁵⁵. В марте 1568 г. Девлет-Гирей получил официальное извещение об этом от султана Селима, в июне для приготовления к походу прибыл в качестве кафинского пашы черкес Касим и поход был назначен на весну 1569 г.²⁵⁶ Заключение в том же году Турцией мирного договора с императором и союзного договора с Польшей надо также поставить в связь с подготовкой похода. Как и в 1563—1564 гг., Девлет-Гирей, не хотевший, чтобы люди «турского» ходили через его землю и боявшийся предположений султана посадить на астраханский юрт сына Сагиб-Гирея Крым-Гирея, пытался отговорить султана от похода и одновременно направлял послов в Москву с грамотами, в которых грозил совместным с турецкими войсками походом на Москву и предлагал Грозному поступиться Астраханью ханскому сыну²⁵⁷. Однако на этот раз султан Селим не отказался от своего широко задуманного плана, и в 1569 г. совместный поход турецких и татарских войск к переволоке и к Астрахани состоялся.

Фактическая история закончившегося полной неудачей похода 1569 г. дается в упомянутом выше исследовании и публикации П. А. Садикова и в статье турецкого историка А. Н. Курата²⁵⁸. Здесь нас интересует выяснение причин, толкнувших султана на организацию этого далекого и сложного предприятия.

²⁵⁴ Крымские дела, кн. 13, лл. 1, 52 об.

²⁵⁵ Там же, лл. 56 об.—57 об.

²⁵⁶ Там же, лл. 145 и сл., 163, 166.

²⁵⁷ Там же, кн. 10., л. 164 об.; кн. 13, лл. 145 и сл., 163, 168—173.

²⁵⁸ A. N. Kurat, The Turkish Expedition to Astrakhan in 1569 and the Problem of the Don—Volga Canal.—«The Slavonic and East European review». London. December 1961, vol. XL, № 94, p. 7—23. Последнее исследование — Г. Д. Бурдея (Русско-турецкая война 1569 года. Саратов, 1962) — не использовано по условиям печатания.

В 1569 г. в Константинополе находился французский посол Грантри де Граншан, систематически посылавший донесения королю Карлу IX, а в 1567 — 1573 гг. там же жил венецианский посол Маркантонио Барбаро, составивший общее донесение о посольстве. И тот и другой уделили много внимания астраханскому походу и сошлись в указании его общей цели — открыть удобный путь для военных действий турок против шахских войск с севера. Французский посол упоминает, в частности, и Ширван, для завоевания которого предполагалось доставлять водным путем по Дону, Волге и Каспийскому морю продовольствие и военные припасы. Параллельные сообщения посла о восстании в Йемене, о возможной войне иранского шаха с султаном, о движении больших турецких сил к границам Персии подчеркивают связь между астраханским походом и турецко-персидскими отношениями²⁵⁹. Понятно, что поход турок вызвал возобновление сношений между Ираном и Москвой. В 1569 г. из Москвы, по-видимому, в ответ на иранское посольство, был послан к шаху послом Алексей Хозников, и французскому послу в Константинополе сообщили, что шах выполняет все переданные ему из Москвы советы²⁶⁰. Кажется, нет сомнений в том, что агрессивные планы султана относительно Закавказья и Ирана были основной и общей причиной астраханского похода.

Сообщения английских торговых агентов, действовавших в эти годы в Иране, выдвигают на первый план другую, близкую их интересам причину. В 1566 и 1568 гг. англичане получили выгодные торговые привилегии от шаха и расширили торговлю с Ираном по волжско-каспийскому пути. Это нарушало интересы венецианских и турецких купцов, вывозивших из Ирана, главным образом из Ширвана, шелк в обмен на европейские товары, привезенные в Алеппо. Англичанин Чэпмэн писал, что торгующие в Алеппо купцы являются «втайне смертельными врагами» английской компании, а в 1575 г. англичанин же Михаил Лок объяснял астраханский поход происками итальянских и турецких торговцев, жаловавшихся султану на то,

²⁵⁹ E. Alberi. Op. cit., Ser. III, t. 1, p. 330—339; E. Charrière. Op. cit., t. III, p. 57, 80, 82, 89.

²⁶⁰ П. А. Садиков. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г., стр. 157; E. Charrière. Op. cit., t. III, стр. 57—58; А. П. Новосельцев. Указ. соч., стр. 449—450.

что торговля через Астрахань подрывает торговлю через Алеппо ²⁶¹.

Несмотря на то, что предприятие султана кончилось полной неудачей, оно очень встревожило московское правительство. Понятно его стремление возможно подробнее выяснить причины враждебного выступления султана, начатого к тому же без формального объявления войны. Обстоятельные сведения были доставлены по этому вопросу Афанасием Нагим — как собранные по слухам, так и на основании официальных переговоров с ханом Девлет-Гиреем и его приближенными. В январе 1570 г. из Москвы в Константинополь поехал гонцом Ив. Петр. Новосильцев, посланный специально для того, чтобы разузнать официальным и неофициальным путем о причинах похода. Он вернулся обратно в том же 1570 г., привез грамоту Селима и подробный статейный список своего путешествия.

Обе указанные современными иностранными источниками причины — стратегическая и экономическая — отражались и в русских документах.

При разговоре Новосильцева «в полате» с «Маамет-пашою», т. е. с великим визирем Магометом-Соколи, паша спросил Новосильцева: «Как, господине, государь ваш с кизылбашским и послы и гости меж их ходят ли», и на ответ Новосильцева, что ходят, заметил: «Государю деи нашему кизылбашский великий недруг, а посылал деи государь наш летось людей мимо Асторохань проведывати дороги, куда идти на кизылбашского» ²⁶². При выяснении причин похода Новосильцев услышал рассказ, что будто бы после смерти Сулеймана Девлет-Гирей присылал к Селиму с такими доводами: «...что деи от Царяграда в Кизылбаши тебе и твоей войне ходити добре далеко и путь не ближней и в том деи будет твоей рати изрон великой в конех. А отцу деи твоему был шах недруг. И тебе деи посылать свою войну в Кизылбаши на. Азсторохань, а от Асторохани деи х Кизылбаши добре ближе, а се водяным путем. Да в Азсторохань же деи приходят из Кизылбаши гости, а

²⁶¹ «Английские путешественники...», стр. 226—228, 234, 243, 246—247; Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. Т. II, № 11. См. также E. Hürmuzaki. *Op. cit.*, v. II, p. 1, p. 588; Э. М. Шахмалиев. Из истории торговой политики европейских держав на переднем Востоке в XVI в. Баку, 1958.

²⁶² Турецкие дела, кн. 2, лл. 120 об.—121.

опричь деи Азсторохани приходу из Кизылбаша никуды торговым людям не будет. И тебе бы деи Азсторохани за себя взяти, и Кизылбаш деи будет за тобою наборзе...». Хан будто бы предлагал султану послать с ним «свою войну» к Астрахани с тем, что тогда и Казань будет его же ²⁶³.

В этом рассказе сомнительна инициатива хана, который, как ясно из приведенной выше крымской информации, не желал утверждения турок в Астрахани. Но доводы в пользу необходимости для султана обладать Астраханью очень близки тем, о которых сообщали венецианский и французский послы.

Уже в приведенных сообщениях упоминаются экономические мотивы. Торговое значение Астрахани в дипломатических документах не раз подчеркивается. Касим бег кафинский будто бы говорил Селиму: «А се деи приходят в Азсторохань изо многих земель гости торговати воденным путем многие, и казна деи с Асторохани московскому государю сходит добре великая. И ты б деи Асторохань за себя взял: и станешь за свою веру, и казна тебе с нее будет великая же» ²⁶⁴. По сведениям, сообщенным Афанасием Нагим от апреля 1568 г., султан писал хану о пришедших в Константинополь послах юргенчского царя и бухарских «шихах», т. е. шейхах; они жаловались на то, что московский царь «многие мусульманские юрты воюет», и передавали, что в Астрахань «изо многих земель кораблям с торгом приход великой, а доходит» дарю «в Асторохани тамги на день по тысяче золотых» ²⁶⁵. Прямых указаний на роль торговавших в Алеппо купцов в побуждении султана к походу в русских источниках нет, за исключением упоминания 1570 г. о враждебном по отношению к Москве акте «халепского» гостя (т. е. купца из Алеппо), о чем подробнее будет сказано ниже.

Но наряду с этими двумя общими причинами в русских источниках явственно выступает и еще одна — конкретная — причина как непосредственный повод к турецкому походу на Астрахань: и из Крыма, и из Турции идут официальные жалобы на то, что «дорога затворилася», и требования «дорогу отперети». Изложенный выше комментарий к известиям о постройке русских городов на Северном

²⁶³ Там же, лл. 95 об.—107 об.

²⁶⁴ Там же, л. 72 об.

²⁶⁵ Крымские дела, кн. 13, л. 163.

Кавказе и о мероприятиях русских воевод в Астрахани разъясняет эти требования.

В конце 1568 г. Девлет-Гирей писал в Москву: «И из Асторохани, и из Бухар, и из Шамархани, и из Ташкенти и от Озямских земель хаживали к Меке азеи, и дорога им была то. И наперед сего в той стороне которые ни приходили азеи, ничего не бывало. А ныне всем мусульманам насильство и лихо учинилось»²⁶⁶. Магомет-паша говорил Ивану Новосильцеву: «Ходят деи в Асторохань и к Москве бухарцы и шамохейцы с торгом, и тех... из Асторохани государя вашего воеводы и приказные люди не пропускают молитися к осподню гробу по нашей вере..., то деи добро ли ваши так чинят?»²⁶⁷, а затем задал вопрос и о городе «на государя нашего земле на Терке», прибавив, что «то все земля, черкасы и кумыки и крымшевалы государя нашего и вера наша ж. А государь деи наш того для посылал летось людей своих и того места досматривати, что стал город на Терке»²⁶⁸. Присланная с Новосильцевым грамота султана, называя кабардинских князей «искони вечными» холопами султана, прямо объясняла поход 1569 г. тем, что на дороге, которой «из астороханские земли кипчаские и иные земли мусульманы» приезжали в страны султана, «ныне... стоят твоего величества люди» и поставлен город. Султан требовал «астороханскую дорогу отперети», «отставити» город, построенный «в нашей кабардынской земле», «отовсюдова людей проезжих... пропускати и дорогу... отперети» и, наконец, отпустить задержанных ханских послов²⁶⁹.

Еще одно событие, совпавшее по времени с походом 1569 г., могло указывать русскому правительству на связь астраханского похода с русско-кабардинскими отношениями. 1 сентября 1569 г. умерла царица Мария Темрюковна. Позднее в официальной церковной грамоте сообщалось, что она «вражним злокозньством отравлена бысть»²⁷⁰. Едва

²⁶⁶ Крымские дела, кн. 13, лл. 170 об.—182.

²⁶⁷ Турецкие дела, кн. 2, л. 87 и сл.

²⁶⁸ Там же, лл. 117—119 об.

²⁶⁹ Там же, лл. 56—59; Итальянский перевод грамоты султана Ивану Грозному 1570 г. был доставлен, по-видимому, неофициальным путем, в Вену (E. Huzmizaki. Op. cit., v. II, p. 1, str. 603—604). Этот текст не вполне совпадает с русским переводом, но общий смысл его тот же.

²⁷⁰ ДРВ, ч. XIII. М., 1790, изд. 2-е, стр. 104—106.

ли можно доискаться, насколько это сообщение соответствовало действительности. Но современные дипломатические документы дают понять, куда были направлены подзрения Грозного. В датированном декабрем 1570 г. наказе русскому послу к королю Сигизмунду-Августу И. М. Канбарову предусматривалась возможность такого вопроса с польской стороны: «А нечто вспросят, что царицы и великой княгини Марьи не стало, и черкасы, чаю, государю вашему не служат», на что Канбаров должен был ответить: «Государь наш царь и великий князь государь великий, где захочет, тут женитца, а люди ему не по племянству служат; сколько за государем нашим земель и царств, и те государю нашему служат не по племени, а черкасы, как служили при царице и великой княгине Марье, и ныне по тому же государю нашему служат»²⁷¹.

Сложившаяся в 1570 г. обстановка заставила Москву пойти на уступки. Из Крыма приходили сведения о серьезных приготовлениях султана и хана к набегу на Русь и о походах крымцев на Кабарду.

Из доставленных в Посольский приказ «речей» находившегося в плену в Крыме Семена Мальцева в Москве узнали, что султан весной 1570 г. «на Русь хочет послати крымского царя да Пила пашу, зятя своего, со многими людьми» и что в руках у турок есть чертеж дорог к Москве — «реки и дороги и город Москва и посад и Коломна вычерчены, а писал халыпский гость Кучюк Безергень». В этом известии купец из Алеппо, очевидно, бывавший в Москве, выступает в роли турецкого разведчика²⁷². В феврале 1570 г. Афанасью Нагому в Крыму сообщали, что султан «на Дунае велел мост мостити и в Волохах и в Белгороде запасы готовити», а также послал к польскому королю «просити Киева», «а ему б из Киева послати на московскую украину рать свою», в чем король будто бы отказал — Киева не дал²⁷³. Весной 1570 г. по просьбе Кайтукиных Асламбека и Пшеапшока Девлет-Гирей отпустил царевича Адиль-Гирейя «воевати Ташрука (Тапсоруко Таусалтанова) да Темрюка»²⁷⁴. Царевич воевал «базытцких черкас» (вероятно, абазинцев). Темрюк пришел

²⁷¹ Сб. РИО, т. 71. СПб., 1892, стр. 612, 782.

²⁷² П. А. Садыков. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г., стр. 157—158.

²⁷³ Крымские дела, кн. 13, л. 275 об.

²⁷⁴ Там же, дд. 278 об., 283 об.

им на помощь, сам «з бою съехал ранен», а два его сына Мамстрюк и Беберюк были взяты на бою в плен и приведены в Крым. Осенью Девлет-Гирей снова отпустил царевичей на Темрюка. Эти битвы и рана Темрюка послужили темой древней песни, записанной Ногмовым ²⁷⁵.

10 февраля 1571 г. состоялся приговор боярской думы о посылке к Селиму гонцом Андрея Ищеина сына Кузьминского. В марте он выехал в Царьград с грамотой царя Ивана, в которой тот писал, что показал «братские любви знамя», велел снести город «с Терки реки из Кабардинской земли», вывести из него людей в Астрахань и «отперети дорогу» «всяким проезжим людям» ²⁷⁶.

Но Кузьминский еще не доехал до Константинополя, а в мае того же года Девлет-Гирей с царевичами пришел на Русь, подошел к самой Москве, и 24 мая Москва была сожжена дотла. Успех этого набега позволил Девлет-Гирею предъявить царю тяжелые требования: отдать хану Казань и Астрахань и дать «всю дорогу». Иван Грозный, соглашаясь формально на отдачу Астрахани, затягивал переговоры, ссылаясь на то, что большое дело надо делать не гонцами, а большими послами; одновременно царь наказывал Афанасию Нагому разузнать о возможности смягчить условия сдачи Астрахани, с тем чтобы царевич был посажен в ней «из... руки» Грозного, «как в городке» (т. е. в Касимове), и «дорога в наше государство изо всех земель не затворилась» ²⁷⁷, т. е. чтобы сохранить возможность выхода по волжскому пути на Восток.

Современный иранский источник говорит, что Девлет-Гирей ходил в 1571 г. на Русь «по приказанию султана» ²⁷⁸. Предварительное совещание Девлет-Гирея с пашой Касимом и участие в походе «белгородских и азовских людей», так же как и приведенные выше известия 1570 г.,

---

²⁷⁵ Крымские дела, кн. 13, л. 286 об.; Ш.-Б. Ногма. Указ. соч., стр. 80—85.

²⁷⁶ Турецкие дела, кн. 2, лл. 144 об.—151.

²⁷⁷ Акты исторические, относящиеся к России... т. I, № 145; Крымские дела, кн. 13, лл. 400—452. Тогда же Афанасию Нагому и гонцу Севрюку Клавшову было сделано указание о выкупе попавших в крымский плен сыновей Темрюка. Это указание заставляет огнестись с недоверием к известию Штадена о том, что отец Марии Темрюковны принимал участие в набеге хана 1571 г. Причина жестокой казни в том же 1571 г. Михаила Темрюковича остается неясной.

²⁷⁸ Nasan — i — Rumlü, p. 194.

служат подтверждением этому сообщению²⁷⁹. К сожалению статейный список Андрея Кузьминского, который мог бы дать более точные сведения об отношении султана к драматическим событиям 1571 г., не дошел до нас. В декабре 1570 г. Нагой узнал содержание привезенной турецким чаушем грамоты — султан приказывал хану не воевать польского короля, если тот пришлет казну, «а про государя де про московского турецкой положил на цареву волю», т. е., не давая прямого указания о набеге на Русь, сообщал, что против него не возражает. Девлет-Гирей решился на поход — с одной стороны, он боялся повторения турецкого похода к Астрахани, с другой — искал случая отвести от себя гнев султана за неудачу похода 1569 г.²⁸⁰

Успех похода 1571 г. побудил хана настаивать на отдаче ему и Казани, и Астрахани. «И ныне что нам Астрахань даешь, а Казань не даешь, и нам то негодно и непригоже кажется: одно реки верховье у тебя будет, а устью у меня как быти?» — писал он Грозному в декабре 1571 г. Грозный, оправившись от поражения 1571 г., напротив, начал переговоры о том, чтобы хан «прошенье о Казани и Астрахани отставил»²⁸¹. Летом 1572 г. Девлет-Гирей снова предпринял большой поход на Москву. На этот раз очевидно прямое участие султана в организации похода — с Девлет-Гиреем были янычары и многие люди «от Багмет баши великого двора», т. е. от двора Магомета-Соколи, которые, по-видимому, должны были наблюдать за ходом и результатами предприятия. Намерения султана разъясняются его грамотой, датированной 15 июля 1572 г. и посланной Ивану Грозному с Андреем Кузьминским (она дошла до Москвы только в декабре). Султан писал о том, чтобы «князь Иван» отдал Астрахань ему, а Девлет-Гирею поступился бы Казанью. Уверенный, очевидно, в успехе похода, султан в оскорбительных выражениях предлагал Ивану Грозному быть «подручным» у султанского «высокого порога». Блестящая победа, одержанная над ханом у Воскресенья на Молодях в конце июля 1572 г. русскими войсками под предводительством Мих. Ив. Воротынского, сняла вопрос об отдаче Астрахани, а тем более Казани. Во время боя был взят в плен и находившийся в крымских

²⁷⁹ Крымские дела, кн. 13, л. 400; кн. 14, л. 8.

²⁸⁰ Там же, кн. 14, лл. 265—266.

²⁸¹ Там же, лл. 36 об.—38, 60 об. и сл.

войсках «астраханский царевич»²⁸². Но город на Северном Кавказе был русскими покинут — в 1571 г. или 1572 г.

* * *

Мы рассмотрели, как развивались сношения народов Северного Кавказа с Русским государством в течение двадцатилетия 1552—1572 гг. События на Северном Кавказе в последние 12 лет царствования Грозного тесно связаны с событиями последних лет XVI и первых лет XVII в. и рассматриваются в их общей связи в следующей главе.

---

²⁸² А. М. Курбский. История о великом князе Московском, стб. 126—127, 129; Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. М., 1925, стр. 113; ГПБ, Эрмитажное собр., № 390, лл. 461 об.—465; ГБЛ, Собр. ОИДР, № 182, л. 362; Турецкие дела, кн. 2, лл. 224—227; В. И. Буганов. Документы о сражении при Молодах в 1572 г.—«Исторический архив», 1959, № 4; его же. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г.—«Археографический ежегодник за 1961 год». М., 1962, стр. 259—275; Г. Д. Бурдей. Молодинская битва 1572 года.—Сб. «Из истории межславянских культурных связей». М., 1963, стр. 48—79.

Г л а в а   в т о р а я

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
И РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО
В ПЕРИОД ИРАНО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ
ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI в.
И В ПЕРВЫЕ ГОДЫ XVII в.

После 1571 г. и сноса Терского города сношения народов Северного Кавказа с Россией, видимо, прервались — сведений о них нет. До Москвы доходили лишь стороной вести о положении на Северном Кавказе. Так, через посланного в 1574 г. в Крым Ивана Мясоедова московское правительство узнало, что черкасы пятигорские, которые служат крымскому царю, отказались дать ему ясаки, ссылаясь на разорение от мурзы Малого Ногай Казыя. Девлет-Гирей укорял тогда Казыя за разгром черкасов¹. Но когда в 1577 г. Казый был убит в походе на Кабарду, «царь о Казые добре кручинился: только де на Казые царского имени не было, а камена был стена крымскому юрту и Азову»². В 1577 или 1578 г. пришло сообщение о столкновении между Большими ногаями и «Тюмень-шевкальской ратью», т. е. отрядами шамхала и тюменского владельца³.

Сношения России с кабардинцами возобновились в 1578 г. Их инициатива опять-таки шла с Северного Кавка-

---

¹ Крымские дела, кн. 14, л. 258—258 об.

² Там же, кн. 15, л. 40—40 об.; А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.—Л., 1948, стр. 16. Казый ходил в Кабарду на помощь своему тестю Пшеапшоне, которого воевали «кабардинские черкасы».

³ Ногайские дела, кн. 8, л. 252—252 об. и сл.

за и была связана непосредственно с возобновлением пра-но-турецкой войны.

«Большая война» с Ираном была решена в Константинополе в 1577 г., после заключения перемирия с императором. В 1578 г. сначала султан, а затем и крымский хан заключили мир и с Польшей⁴. Весной 1578 г. 100-тысячная армия Мустафы-паши двинулась с запада на Грузию, Армению и Азербайджан, где в том же году заняла Шемаху и Дербент⁵. В своих сообщениях из Константинополя и Венеции о ходе войны французские послы постоянно упоминали Ширван, из-за которого между султаном и шахом шла борьба и куда, после овладения турками Шемахой, правителем был назначен Осман-паша⁶. Как и в 1550-е годы, для успеха военных действий турок в Азербайджане им была необходима помощь татарской конницы. Осенью 1578 г. калга Адиль-Гирей с 15-тысячным войском прошел через Северный Кавказ в Закавказье. Характерно, что вести об этом походе были приняты в орде Больших ногаев, как вести о повторном походе на Астрахань⁷.

Уже весной 1578 г. в Москву приехало большое кабардинское посольство: брат Темрюка Камбулат Идарович — старший князь в Кабарде, Казый Пшеапшочков (из Кайтукиных) и Созоруко Тапсоруков («Сюзрюк Тапросуков» — из Таусалтановых)⁸. Они били челом «ото все черкаские Кабарды» в службу и просили поставить город «на Терке реке, на усть Сунцы-реки», прислать плотников и воеводу с огненным боем, который бы их оборонил «от крымского царя и от иных недругов их». Камбулат привез в Москву своего сына Хорошая, который был оставлен служить на

---

⁴ G. Noradounghian. Recueil d'actes internationaux de l'Empire ottoman, t. I, 1300—1789. Paris, 1897; А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 31.

⁵ H. R. Roemer. Der Niedergang Irans nach dem Tode Ismails des Grausamen. Würzburg — Aumühle. 1939, S. 30; А. П. Новосельцев. Русско-иранские политические отношения во 2-й половине XVI в.— «Международные связи России до XVII в.», М., 1961, стр. 451—452; Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 83.

⁶ E. Charrière. Négotiations de la France dans le Levant, v. IV. Paris, 1860, p. 110, 122, 128, 151—152, 166, 394.

⁷ Ногайские дела, кн. 8, л. 339 об.

⁸ По родословной он значится сыном Таусалтана («Кабардино-русские отношения», т. I. М., 1957, по указателю).

Москве и был крещен (Борис Камбулатович Черкасский). После шертования Камбулату дана была большая жалованная грамота с золотой печатью⁹, в Черкасы был послан воеводой Лука Новосильцев «со многими людьми и с вогненным боем» и плотниками. Город был в том же году построен, и когда Адиль-Гирей шел мимо него в Ширван, он вынужден был просить у Новосильцева дороги, чтобы «Сеунчю реку от терских казаков перелести здорово». Воевода пропустил Адиль-Гирея в Кизылбаши, где войско его было разбито, а сам он был взят в плен. Когда остатки войска шли назад в Крым, Новосильцев побил их «на голову» и отогнал у них лошадей¹⁰.

Однако этот город существовал очень недолго — погром на Тереке вызвал недовольство и султана, и хана. Магомет-Гирей написал об этом в Москву, и город был снесен, по видимому, в 1579 г.¹¹ В этом же году поход крымских татар в Закавказье повторился. На этот раз в поход ходил сам хан Магомет-Гирей с тремя царевичами — Казы-Гиреем, Сафа-Гиреем и Сеадет-Гиреем. Захватив добычу, хан вернулся назад, а Казы-Гирей и Сафа-Гирей остались в Азербайджане, оказывая большую помощь турецким войскам в битвах за Ширван (в одной из них Казы-Гирей был взят в плен)¹².

Уступчивость русского правительства понятна — 1578—1579 гг. были тяжелыми годами Ливонской войны, а договоры Стефана Батория с султаном и Крымом создавали для России угрозу с юга. В январе 1580 г. Иван Грозный писал Магомет-Гирею, что, узнав, о досаде хана на постройку Терского города, он велел «для твоей, брата нашего, любви», «Терский город отставить», послав наскоро гонца. Постройку города царь объяснял тем, что кабардинские черкасы утаили от него, что «иные черкасы послушны

---

⁹ Тогда же в Кабарду была послана царская грамота сыну Темрюка Мамстрюку с предложением соединиться с Казыем Шепшуковым и идти «на нашу службу», собрав 300 черкас. Имелось, конечно, в виду их участие в войне в Ливонии («Кабардино-русские отношения», т. I, № 21).

¹⁰ Крымские дела, 1579 г., № 2, лл. 40—44; «Кабардино-русские отношения», т. I, № 21 и 25; С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1. М., 1889, стр. 580.

¹¹ Турецкие дела, кн. 2, лл. 254—258.

¹² А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 86; Н. Р. Роемер. Op. cit., S. 30.

тебе, брату нашему», и что он учинил их «под своею рукою»¹³, считая, что они «безгосударные люди». Вместе с тем царская грамота старалась возбудить в хане подозрение против планов султана: «А ныне Хандыкерево величество Шамаху, и Ширван, и Железные ворота города поимал, и только он Асторохань возьмет, и после того тебе, брату нашему, с нами ссылка и мир и братство попортица»; русское правительство возбуждало перед ханом вопрос о шерти по прежним обычаям, давая своим послам наказ «говорити гладко по государеву наказу, а на раздор ничего не говорити»; однако по вопросу об Астрахани предписывалось настаивать на том, что «поступитца отнюдь нельзя Астрахани»¹⁴.

Магомет-Гирей отказался идти в повторный поход в Закавказье, несмотря на настойчивые приказания султана. Основной причиной этого отказа было нежелание крымских князей и мурз идти в далекий поход¹⁵. Возможно, что приведенные выше переговоры русского правительства с ханом также оказали влияние на решение хана. В 1582 г. трехтысячный отряд янычар под командованием Джафар-паши (Еффер-паша русских источников) был доставлен на судах к Темрюку на Таманском полуострове и лишь через 80 дней дошел до Дербента, испытав большие лишения. Другие отряды пришли к Осман-паше с запада. После удачной для турок битвы на берегах Самура Осман-паша по приказанию султана пошел в 1583 г. в Крым, чтобы наказать Магомет-Гирей за ослушание. На Тереке на турецкое войско напали терские казаки — по словам Осман-паши, с тысячу человек. Позже Осман-паша говорил русскому послу к султану Борису Благово, что он казаков «побил всех, только утекло их человек з двести». Нарративные турецкие источники рисуют совсем другую картину: Осман-паша с большим трудом перешел Терек, казаки преследовали его и далее и подожгли степь. Турецкое войско дошло до Крыма со значительными потерями. Ставленник султана Ислам-Гирей утвердился на ханском престоле в 1584 г. после междоусобной борьбы, во время которой Ма-

¹³ В тексте отпуска характерная поправка: зачеркнуто «в холостве»; отписка в эти годы редактировал в Посольском приказе Андрей Щелкалов.

¹⁴ Крымские дела, 1579 г., № 2, лл. 28—39, 40—44; № 1.

¹⁵ Турецкие дела, кн. 2, лл. 369—370; А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 33; E. Charrière. Op. cit., v. IV, p. 42.

гомет-Гирей был убит, а его сыновья — Сеадет-Гирей, Мурат-Гирей и Сафа-Гирей бежали из Крыма¹⁶.

Еще в 1583 г. султан Мурад послал в Москву со своим кушцом грамоту Ивану Грозному, где жаловался на то, что его гонцы, посланные с грамотами через Кафу в Дербент к Осман-паше, были захвачены на Тереке «русскими беглыми казаками», которые отвели их «в ваше государство». В 1584 г. вопрос о казаках на Дону и на Тереке и о том, чтобы турецким людям от терских казаков «проход был в Кизылбаши бесстрашен», был основным вопросом переговоров турецкого правительства с Борисом Благово, посланным в Константинополь известить о вступлении на престол Федора Ивановича и подтвердить его братство и дружбу с султаном. Мягкий со стороны турецкого правительства тон переговоров отражал изменение обстановки — Ливонская война кончилась перемирием (пока до 1587 г., впоследствии перемирие было продлено до 1602 г.), между тем как ирано-турецкая война была еще в полном разгаре. В декабре 1584 г. Борис Благово услышал в Крыму от князя Мурата Сулешова такие вести о положении в Закавказье: «Ныне на турецкого стали заодин кизылбашской с певкальским да тюменским и с иными князьями, а ныне стоят на турецкой границе блиско Шамахи и в те городы, которые поимал турецкий у кизылбашского, ис Царягорода и во Царегород людей воинских не пропускают...»¹⁷

Турецкое правительство было крайне заинтересовано в сохранении дружбы с Россией. Однако Осман-паша в разговорах с Благово не раз упоминал о возможности турецкого похода на Астрахань в том случае, если дорога к Железным воротам не будет очищена¹⁸.

Окончание Ливонской войны позволило правительству Федора Ивановича уделить больше внимания восточной политике и Кавказу: в 1585—1590-е годы не только расширяются и укрепляются связи с Москвой Грузии и Северного Кавказа, но возникает и проект военного союза

¹⁶ Турецкие дела, кн. 2; А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 33—34; Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I. М., 1946, стр. 127—128; «Кабардино-русские отношения», т. I, № 24; E. Chagrière. Op. cit., v. IV, p. 266—267, 275—276, 284.

¹⁷ Турецкие дела, кн. 2, лл. 382 об.

¹⁸ Там же, лл. 248 об.—249 об.; 258—466 об.; «Кабардино-русские отношения», т. I, № 22, 24; Н. А. Смирнов. Указ. соч., стр. 128—130.

между шахом и Россией против Турции; русским правительством было организовано несколько военных походов в Дагестан.

Бегство трех царевичей из Крыма открывало для русского правительства новые возможности влиять на положение в Ногайской орде, на Кавказе и в Крыму. Сеадет-Гирей (русские источники называют его царем, каким он был в глазах его сторонников — крымцев) и Сафа-Гирей бежали сначала к Ногаюм, затем «в Шевкалы», откуда Сеадет-Гирей завязал сношения с кахетинским царем Александром. В 1586 г. Сафа-Гирей находился в «Черкасах»; он ездил не только в Кабарду, но и на запад, к черкесам Жанэ, с которыми был связан отношениями аталычества. Мурат-Гирей в 1585 г. приехал из Астрахани в Москву, был там принят и окружен вниманием. В начале 1586 г. Сеадет-Гирею и Сафа-Гирею было послано от имени царя Федора Ивановича жалованье¹⁹.

Сношения с крымскими царевичами прежде всего давали русскому правительству оружие для давления на ногаев²⁰. В 1580-е годы князем Больших ногаев был Урус. В 1585 г. до Москвы дошли вести о том, что князья Урус и мурза Тинбай обращались к хану Ислам-Гирею с просьбой ходатайствовать за них перед султаном. В 1586 г. с ответом приехал в Ногаи Кюкчи князь; грамоты калги (и ханае?) обещали жалованье «без оскуденья» и заступничество перед султаном. Однако не все ногайские мурзы придерживались крымско-турецкой ориентации. В 1586 г. их тревожили ссылки султана с бухарским ханом Абдуллой. Турецкий паша был послан к нему султаном «просить люди воевати Кизылбаши»; посольство это не дало результатов из-за внутренних междоусобий в Средней Азии. На обратном пути паша шел к князю Урусу, но был ограблен мурзой Урмагметом Тинехматовым. Тинехматовы дети сообщали в Москву о завоевательных планах бухарского хана Абдуллы: «с турским салтаном сослався, и Волгу, и Яик, и Крым, и Кафу под один верх соединачить», а для того сначала «извести» ногаев. Мурзы просили прислать

---

¹⁹ Основные источники для освещения сношений Москвы с царевичами в Ногайских делах 1586, 1587 гг. и в Крымских делах, 1586 г., № 1; Сеадет-Гирей пытался связаться с Москвой еще в 1584 г. (Турецкие дела, кн. 2, л. 291 об.).

²⁰ А. А. Новосельский и. Указ. соч., стр. 35.

Мурат-Гирей царевича «с ратью». В марте и мае 1586 г. в Москву пришли послы от Сеадет-Гирей и Сафа-Гирей, от шамхала, его брата и сыновей Султан-Магмута и Суркая с просьбой отпустить с царевичем Мурат-Гиреем московские силы на «царевичевых недругов». Так как хан Ислам-Гирей был поставлен султаном, Сеадет-Гирей занимал явно выраженную антитурецкую позицию и, очевидно, склонял к ней и шамхала. Летом 1586 г. астраханский воевода кн. Лобанов-Ростовский получил сведения о том, что люди турецкого султана пришли в Азов, что они должны идти в Дербент к Ефер-паше и привезти ему от султана казну, что у них есть намерение «сее осени на Терке город ставити, а на весну итти в Кизылбаши», что черкасы готовят для турецкой рати корм. Сообщалось о планах Сеадет-Гирей и шамхала: «Будет турского и крымского рать пойдет в Кизылбаши, и им де о дороге битца, чтоб дороги не дати да и казны б из Азова в Дербень не пропустити». Грузинский царь (очевидно, кахетинский царь Александр) сообщал Сеадет-Гирею о положении в Закавказье — о том, что шах взял Тавриз, что его люди идут к Шемахе, что Ефер-паша хочет бежать.

Эти сообщения определили решение русского правительства об отпуске Мурат-Гирей в Астрахань с московским войском. Одна из разрядных книг, использованная А. А. Новосельским, так определяет основную цель этого похода: «А из Астрахани итти ему промышлять над Крымом, а взем Крым, сести ему в Крыму царем, а служити ему царю и великому князю»²¹.

Дипломатические материалы Посольского приказа уточняют сведения разрядной книги: до смерти Сеадет-Гирей в конце 1587 г. русское правительство называло своими кандидатами на Крым трех царевичей и прежде всего «царя» Сеадет-Гирей.

Осенью 1585 г. при переговорах со шведами под Нарвой шведские послы говорили о возможном союзе Швеции и Крыма против России; в ответ русские послы ссылались на приезд Мурат-Гирей в Москву, а Сеадат-Гирей в Астрахань и на решение русского царя «на крымское царство отпустить из своих царских рук Сеадет-Кирей царя з братьею»²².

²¹ Там же.

²² Сб. РИО, т. 129. СПб., 1910, стр. 387, 413—414, 507—508.

Когда в 1587 г. после смерти Стефана Батория возник вопрос о кандидатуре Федора Ивановича на польский престол, и русские послы С. В. Годунов, Ф. М. Троекуров и В. Я. Щелкалов повезли на избирательный сейм предложенные Москвой условия, в них была включена десятой следующая статья: по утверждению в Крыму царя Сеадет-Гирея на том, чтобы он вечно с Россией, Польшей и Литвой не воевал, усмирить ногайских татар, кочующих между Доном и Волгой, с помощью польских войск²³.

Возможный поход Сеадет-Гирея с братьями и русскими войсками на Крым не раз упоминался в 1585—1588 гг. в переписке Посольского приказа с ногайскими мурзами и крымским ханом²⁴.

Те планы, которые русское правительство соединило с выездом из Крыма трех царевичей, объясняют обстановку отпуска Мурат-Гирея из Москвы в Астрахань. А. А. Новосельский подчеркнул одну ее сторону — меры предосторожности, строжайший надзор над царевичем, которые показывают, что полного доверия к нему не было²⁵. Надо указать и на другую сторону — на большую пышность, которой был окружен царевич, и значительность отряда, посланного с сопровождавшими его в Астрахань русскими воеводами; Борис Годунов назвал Мурат-Гирея своим сыном.

Грамота царя Сеадат-Гирея, посланная в 1586 г. из земли шамхала к ногайскому князю Урусу, говорит, что «белый царь» дал Мурат-Гирею по его запросу «рати 40 тысяч вогненово бою и детей боярских и стрельцов и донских и волжских казаков, да и астраханских стрельцов 10 тысяч да и терских казаков, да и много казны дал»²⁶.

В этой грамоте допущены крайние преувеличения — стрельцов с Мурат-Гиреем и воеводами Романом Пивовым и Михайлом Бурцевым пришло в Астрахань более тыся-

---

²³ Н. Н. Бантыш-Каменский. Переписка между Россией и Польшей по 1700 г.— «Чтения ОИДР», 1861., кн. I, стр. 17—18; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Изд. «Общественная польза», кн. 2, стб. 566—567; Н. U e b e r s b e r g e r. Österreich und Russland seit dem Ende des 15 Jahrhunderts. В. I. Wien und Leipzig, 1906, S. 517—518.

²⁴ Ногайские дела, 1587 г., № 4, лл. 8—15; Крымские дела, кн. 16, 17, 18.

²⁵ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 35.

²⁶ Ногайские дела, 1586 г., № 13, л. 81.

чи, волжских атаманов и казаков около 900 человек; на Волге присоединилась к отряду и небольшая группа черкасских, т. е. украинских, казаков; с Москвы шли с отрядом атаман терских казаков Борис Татаринов и с ним 10 казаков — очевидно, приезжавшие в Москву по своим делам²⁷. Но и такие силы надо считать немалыми. В Астрахани была устроена царевичу торжественная встреча (15 октября 1586 г.).

В делах не сохранилось наказа, который был дан из Москвы Пивову и Бурцеву и содержание которого они должны были сообщить астраханскому воеводе кн. Лобанову-Ростовскому, с тем чтобы выполнять его «сопча». О тексте наказа мы можем судить лишь по отрывочным указаниям. Дело о походе Мурат-Гирея к Астрахани вообще очень дефектно. Поэтому планы русского правительства не вполне ясны.

В наказе была речь «о большом деле» — под ним разумелся, очевидно, поход Мурат-Гирея, Сеадет-Гирея и Сафа-Гирея на Крым. Сам Мурат-Гирей верил в его возможность, получив в Москве обещания. Однако это дело не считалось первоочередным. Таким был признан поход на казыевского мурзу Якшисата (т. е. на Малых Ногаев), который держался крымско-турецкой ориентации. Мурат-Гирею предписывалось сослаться об этом с царевичами, с ногаями Большой орды, с шамхалом, тюменским ханом, грузинским царем, с «черкасами» и со «всеми горскими князьями»²⁸. Очевидно, поход на Малый Ногай считался необходимым для дальнейших мероприятий против Крыма: «Не приворотя деи Якшисата, Крымом промышляти нельзе»²⁹. Очень большое место занимал вопрос о возможном походе турецких людей через Северный Кавказ в Дербент с «казною на 3 года» для находившихся в Закавказье турецких войск, а также для постройки города на Тереке; предписывалось промышлять над «турскими людьми», чтобы им «дороги не дати»; в этом деле возлагались надежды и на терских казаков, с которыми, по-видимому, в Москве была достигнута договоренность; судя по нескольким упоминаниям, можно считать, что уже в этом наказе 1586 г.

²⁷ Ногайские дела, 1586 г., № 13, лл. 25—30, 36.

²⁸ Ногайские дела, 1586 г., № 18, л. 100. Под «черкасами» имелись в виду не только кабардинцы, но и черкесы Жапа, связанные с Сафа-Гиреем отношениями аталычества.

²⁹ Крымские дела, 1586 г., № 1, лл. 21—22.

говорилось о возобновлении Терского города; в наказе шла речь и «о кизылбашской, и о грузинской ссылке», но какие именно мероприятия имелись в виду, неясно.

В 1587 г. истекал срок перемирия 1582 г., заключенного со Стефаном Баторисом. Поэтому русское правительство было озабочено тем, чтобы использовать приезд Мурат-Гирея в Астрахань для привлечения в предполагавшийся на весну 1587 г. литовский поход сил ногаев и северокавказских владельцев. В Москве помнили об участии кабардинских и черкесских отрядов в Ливонской войне и стремились привлечь в литовский поход «черкас до двусот человек», обратившись к кабардинским мурзам; предполагалось, что пойдут и «терские казаки охочие». Однако смерть Стефана Батория в декабре 1586 г. вызвала отмену прежних распоряжений о литовском походе³⁰.

Сношения царевичей с Москвою и приезд в Астрахань Мурат-Гирея с русскими войсками вызвали у хана Ислам-Гирея большие опасения, тем более, что его положение в Крыму не было прочным. В Посольском приказе из разных источников было известно, что «Ислам-Гирея царя все крымские люди не любят и чают на себя приходу с... государевыми людьми Сеадет-Кирея царя»³¹. С одной стороны, хан посылал в Москву гонцов «о дружбе и братстве», уговаривал не верить царевичам, а «сослать их, где их ни слыхать, ни видети и куда и казны не пригодитца им дати»; с другой стороны, он старался обеспечить верность себе мурз Казыева улуса, посылал на «пятигорских черкас», воевавших казыевцев, калгу Фети-Гирея (его зимний поход 1587 г. был неудачен), организовал два крупных набега крымцев на «государевы украинны» в 1586 и 1587 г.³².

Дьяки Посольского приказа то уверяли хана в том, что цель присзда Мурат-Гирея в Астрахань — привлечь ногайских мурз к походу против Польши, то ссылались на решение не нарушать дружбу с Ислам-Гиреем, почему русское правительство будто бы ответило отказом на «великое челобитье» царевичей отпустить их на Крым с ногами, черкасами и кумыкскими людьми³³.

³⁰ Ногайские дела, 1587 г., № 6.

³¹ Ногайские дела, 1586 г., № 13, л. 73 и сл.; № 1, лл. 4 и 90 об.

³² Крымские дела, кн. 16, лл. 28—32, 73, 132, 146, 147 об. и сл.; А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 35—36.

³³ Крымские дела, кн. 16, л. 122, 124 об., 145, 146.

Выезд Мурат-Гирея на службу русскому царю, сношения Сеадет-Гирея и Сафа-Гирея с шамхалом, Грузией и черкасами, приход русского войска в Астрахань чрезвычайно заботили и турецкое правительство. Дорога через Северный Кавказ была «отнята». В 1585—1586 гг. не удалось доставить казну через Северный Кавказ в Дербент Ефер-паше, и папа находился там в тяжелом положении. В 1586 г. он пытался пройти через шамхальство к Тереку, о чем сносился с шамхалом, но это ему также не удалось³⁴. Тревожила султана и постройка в 1586 г. на Дону «нового» русского города — Ливен.

1585 г. султан послал к находившемуся в шамхальстве Сеадет-Гирею одного из своих близких лиц, Муслы-аталыка, с призывными грамотами, видимо, надеясь вызвать к себе Сеадет-Гирея обманом. Аталык был захвачен в пути казаками, выдан ими русскому правительству и в 1585—1587 гг. находился в тюрьме в Москве, где от него получили важные сведения; позже его «извели»³⁵. В апреле 1585 г. один из турецких сановников, Меси-паша, настойчиво добивался сведений о царевичах от русского посла Бориса Благово. В декабре того же года чеуш Ибрагим привез в Москву грамоту султана, где тот требовал прислать ему Мурат-Гирея с тем же чеушом и унять донских казаков под Азовом. Мурат-Гирея, конечно, не выдали, ответив уклончиво, что он служит в Астрахани. Сношения с Константинополем после этого на ряд лет прервались³⁶.

В 1587 г. в Посольский приказ пришли из Крыма тревожные вести о том, что в Константинополе готовится поход на Астрахань под начальством Пиалы-паши, что в Кафу уже прислали зелье, свинец и ядра, что предполагается приступить к Астрахани «приметом», что чеуш турецкого султана послан к ногайскому князю Урусу приводить его к шерти (а в 1586 г. астраханскому воеводе удалось добиться шертования Уруса России при посредничестве Мурат-Гирея). Ответными мерами со стороны русского правительства были посылка на Дон войска во главе с М. Г. Салтыковым-Морозовым, а стрелецких голов Ф. Лихарева и Л. Хруцова — к запорожским казакам и

³⁴ Ногайские дела, 1586 г., № 1, лл. 3—4.

³⁵ Турецкие дела, кн. 2, лл. 346—348 об.; Крымские дела, кн. 17, 18.

³⁶ Турецкие дела, кн. 2, лл. 431 об., 438, 452, 466 об.—482; Н. А. Смирнов. Указ. соч., стр. 137, 140.

выход царевичей из Астрахани «на поле» с русскими ратными людьми³⁷.

К 1588 г. проект посадить в Крыму взамен враждебного Руси Ислам-Гирея зависимого от Москвы хана был оставлен. В 1587 г. умер приехавший в Астрахань Сеадет-Гирей³⁸. Весной 1588 г. в Крыму место умершего хана Ислам-Гирея занял Казы-Гирей, вернувшийся из кизыл-башского плена, брат Сеадет-Гирея, Мурат-Гирея и Сафа-Гирея. Казы-Гирей предложил Сафа-Гирею и Мурат-Гирею вернуться в Крым, и первый тотчас отозвался на этот призыв. Казы-Гирей в переписке с Москвой настойчиво писал об отпуске к нему Мурат-Гирея. Русское правительство отвечало, что положило это на волю самого царевича (в чем можно сомневаться). В 1590 г. Мурат-Гирей умер в Астрахани. По рассказу «Нового летописца», он был «испорчен» ведунами, присланными из Крыма и из Казыева улуса; А. А. Новосельский предполагает, что царевича отравили по указанию из Москвы, где опасались осложнений во взаимоотношениях с Крымом³⁹.

Однако годы пребывания Сеадет-Гирея и Сафа-Гирея на Северном Кавказе, а Мурат-Гирея в Астрахани имели большое значение для развития сношений Северного Кавказа с Россией и для восточной политики русского правительства.

Выше уже упоминалось, что в 1586 г. возникал вопрос о «грузинской ссылке». В том же году в Грузию (в Кахетию) ездил из Астрахани толмач Русин Данилов, который вернулся осенью с грузинским посольством. Так возобновились сношения Кахетии с Россией, которые повели к тому, что в 1587 г. кахетинский царь Александр принял русское подданство, надеясь на защиту от «безбожных агарян», турок, и от нападений шамхала. До возобновления в 1578 г. ирано-турецкой войны Кахетия находилась в зависимости от шаха; поэтому царь Александр счел необходимым известить шаха о том, что русский царь его «пожаловал, учинил его под своею царскою рукою и хочет его держати в своем жалованье и во обереганье от всех недругов»;

³⁷ Крымские дела, кн. 16, лл. 138 об.—139, 193—193 об.; кн. 17, лл. 43 об., 119 об., 120, 129 об.—130; А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 35.

³⁸ Ногайские дела, 1587 г., № 6.

³⁹ Крымские дела, кн. 16, 17, 18; ПСРЛ, т. XIV, 1-я пол., СПб., 1910, стр. 39—40; А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 37.

вместе с тем кахетинский царь просил шаха также держать его «под своєю рукою и во обереганье от турецкого и ото всех недругов» т. е. фактически говорил об установлении двойного подданства. Положение Ирана в ходе войны с Турцией было настолько трудным и сохранение дружбы с русским правительством настолько важным (о чем ниже), что шах Аббас согласился на это и отпустил грузинского посла «с добрым делом». К тому же Кахетия была в эти годы недостижима для шаха — «Грузинская земля стала за хребтом у турецких городов», т. е. городов Азербайджана, завоеванных турецкими войсками ⁴⁰.

Кахетинские посольства в Москву настойчиво ставили вопрос о постройке русской крепости на Тереке и о том, чтобы держать там «многих людей» и перенять и укрепить «от бесермен» дорогу на Грузинскую землю ⁴¹. Вопрос о возобновлении Терского города был решен в Москве еще раньше, до прихода в Астрахань в сентябре 1586 г. первого грузинского посольства. Причиной этого решения была необходимость запереть турецким войскам и гонцам султана дорогу в Закавказье, предупредить намерение султана поставить свои крепости на Тереке, а также затруднить возможность вторичного похода на Астрахань. На этот раз крепость была поставлена при устье Терека, на одном из его протоков — Тюменке, почему была названа сначала Тюменским острогом. Местоположение крепости давало возможность сноситься с нею из Астрахани водным путем. Ставили ее в 1588—1589 гг. сопровождавшие Мурат-Гирея в Астрахань Михайло Бурцев и Келарь Протасьев. Острог был деревянным; он был снабжен «нарядом», т. е. артиллерией, а в его гарнизоне основную силу составляли стрельцы, вооруженные «огненным боем», пищалями. Воеводой в остроге в 1589 г. был кн. Андрей Иванович Хворостинин ⁴².

- Надо напомнить, что ко времени постройки Терского города астраханский кремль был укреплен каменной

---

⁴⁰ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 32—33, 41; Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. I. СПб., 1890, стр. 65, 110; А. П. Невосельцев. Указ. соч., стр. 457; Ш. А. Месхиа и Я. З. Цицадзе. Из истории русско-грузинских взаимоотношений. Тбилиси, 1958, стр. 44.

⁴¹ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 15, 36, 37 и др.

⁴² Там же, стр. 51, 63, 73 и сл.

стеной, а в 1589 г. на Волге, на переволоке, был построен Царицын, очевидно, для того, чтобы предотвратить возможность повторения похода турецких войск на Астрахань.

Выше приводились сведения о послых от шамхала, его брата и сыновей, пришедших в Москву в 1586 г. вместе с послом Сеадет-Гирея. По-видимому, именно об этом после говорила грамота к шамхалу 1589 г. от терского воеводы Андрея Хворостинина. Грамота называла посла Ханбулатом и напоминала о том, что шамхал бил тогда челом, что-бы государь пожаловал, принял бы шамхала «под свою царскую руку и во оборону от всяких недругов» и держал бы на Терке своих людей «для турецких людей приходу, чтобы турецкие люди пришед на Терке города не поставили»⁴³. В это время шамхал поддерживал сношения с Сеадет-Гиреем и Мурат-Гиреем, который женился на дочери шамхала⁴⁴. Однако в годы постройки крепости и в первые годы после постройки поведение шамхала было колеблющимся. Хворостинин собрал об этом такие сведения: турецкий паша присылал к шамхалу чеуша «проведати — турецкому ли шевкал хочет служить или московскому». Шамхал будто бы ответил, «что не хочет служить ни турецкому, ни московскому, а хочет жить о себе». Сообщив в Терский город через кабардинского мурзу, что он хочет быть под государевою рукою, шамхал вместе с тем разведывал, не будет ли Терскому городу «поокидки», т. е. не будет ли он покинут. По мнению воеводы, шамхал «все манит, вперед от него пикоторого добра нечего ждать». Он не отпустил своей дочери в Астрахань к Мурат-Гирею. Дальнейшие связи русского правительства с Кахетией, которая подвергалась набегам со стороны шамхала, повели к обострению отношений с шамхальством.

Взаимоотношения с владельцем «Окопкой землицы» Шихом, с аварскими владельцами нусалом и «Черным князем» сложились для Терского города благоприятно. Посол от Шиха, приехавший в Москву осенью 1588 г., привез грамоты. В них Ших писал, что как только он узнал о приезде Бурцева на Терек для постройки города, он тотчас приехал к нему, дал государю «правду» и привозил воево-

⁴³ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 113—114.

⁴⁴ Там же, стр. 18, 77, 79, 114; «Кабардино-русские отношения, т. I, стр. 58—59.

дам запасы: мед, вино, овец, кур и ячменя; Ших обещал и в дальнейшем возить запасы в город и ходить на службу со своими слугами: «а ныне у меня,— писал он,— слуг моих 500 человек» (цифра эта явно преувеличена). При посредничестве Шиха установились сношения терского воеводы с сыном «Черного князя» Каракиша (Каргаша, Каракуши) и с Уварской землей, т. е. с нусалом⁴⁵.

Очень оживленными, но и сложными были связи с Кабардою.

В январе 1588 г. в Москву приехали сын старшего кабардинского князя Камбулата Идаровича Куденек и сын Темрюка Мамстрюк с обещанием службы и с просьбами об обороне от султана и от крымского хана и о постройке города на Тереке. Мурзы говорили от «всей Черкасской Кабардинской земли». Куденек и Мамстрюк были приведены на Москве к шерти, в текст которой были внесены условия быть «неотступными и до своего живота и к Турскому и к Крымскому и к Шевкальскому и к иным государевым недругом ни х кому не приставати», жить в Терском городе, перемежаясь, и в случае похода турецких или крымских ратей «со государевыми воеводами за город стояти и битись с ними до смерти». Камбулату была послана царская жалованная грамота за золотой печатью. Однако во время переговоров выяснилось, что в Кабарде, как и ранее, не было единства: посольство представляло Идарову Кабарду; противниками Идаровых были Кайтукины и Таусалтановы, и в шертную запись был внесен, очевидно, со слов Куденека и Мамстрюка, текст о походе вместе с государевыми ратными людьми против тех черкасских князей, которые служат «Крымскому и Шевкальскому»⁴⁶.

В феврале 1589 г. в Москву приехали послы от Шолоха Тапсорукова (из Таусалтановых), который, в свою очередь, просил оборонить его «от недругов». Русское правительство воспользовалось завязавшимися сношениями с Кабардою. В июле 1589 г. из Москвы были посланы царские грамоты Камбулату Идарову, Мамстрюку Темрюкову и Шолоху о присылке 200 черкас «о дву конь в пансырех и со всякою службою, с копыи» для участия в шведском

⁴⁵ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 62—64, 82, 104—105, 133, 138—139.

⁴⁶ «Кабардино-русские отношения», т. I, № 27—30.

походе (впрочем, осенью 1589 г. распоряжение было отменено) ⁴⁷.

В том же году Хворостинин получил такие сведения о внутреннем положении в Кабарде: после смерти старшего князя Камбулата Идарова возникла «смута великая врось княжья». По-видимому, Камбулатовы старались удержать первенство, между тем как по обычаю старшинство должно было перейти к другой линии кабардинских пши, к Кайтукиным. К осени была достигнута договоренность о выборе «на большое княженье» одного из Кайтукиных, Янсоха (его старший брат, Асламбек, в 1589 г. умер).

После своего избрания Янсох созвал съезд, на который съехались Кайтукины и Идаровы и на котором он «совет учинил» «и с Хотовым (тлакотлещем Анзоровым) и со всеми мурзами и уздени и со всею землею» о том, чтобы подтвердить свою «службу» русскому царю. Представители Кайтукиных и Идаровых принесли шерть и в Терском городе, и русским послам в Грузию, кн. С. Г. Звенигородскому и дьяку Тарху Антонову, остановившимся в сентябре 1589 г. на Сунже, и дали обещание проводить послов к Дарьялу. Послам важно было заручиться поддержкой тех кабардинских владельцев, кабаки которых были расположены на их пути,— Шолоха и Алкаса (Джамурзина, из Клехстановых) и к которым послы везли из Москвы царские грамоты и жалованье. Шолох и Алкас не участвовали в состоявшемся в Кабарде съезде, и послам с трудом удалось зазвать их на Сунжу. Возникли длительные переговоры, в ходе которых Шолох безуспешно пытался оговорить принесение шерти условиями: «на которого недруга надобеть мне люди, и государь бы меня пожаловал, велел терским воеводам людей давати и в реке в Терке и по иным рекам в рыбных и в звериных ловлях и во всяком угодые мне поволил, в которых местах мои угодыя бывали преж сего, и на перевозях и по рекам на всяких угодыях своим государевым людям меня и моих людей громити не велел». О том же говорил с послами и Алкас. Дав в конце концов шерсть, Шолох и Алкас уклонились, однако, от содействия Звенигородскому на дальнейшем пути к «Сонским щелям», т. е. к Дарьялу ⁴⁸. По полученным послами сведениям, зи-

⁴⁷ «Кабардино-русские отношения», т. I, № 35, 36, 37.

⁴⁸ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 75, 80—82, 100, 102, 133—137, 139—147, 148—149; «Кабардино-русские отношения», т. I, № 32, 38.

му 1588—1589 гг. у Шолоха жил крымский царевич Ауза-чек-салтаи, который привез жазованье султана и который весной повез в жены хану дочь Шолоха; в ответ на уговоры своих узденей проводить русских послов Шолох съехался на то, что он не может отстать «от Крымского и Шевкальского и Кумышова»: «А в Крыму деи у меня две дочери и многой мой род и племя; а в Шевкалех и Кумы-ках таково же»⁴⁹. Особое внимание султана к Таусалтановым попятно — местоположение их кабаков позволяло контролировать путь через Дарьял.

Идаровы и Кайтукиши объединились в своей борьбе против Таусалтановых и Клехстановых (т. е. против Малой Кабарды).

По их просьбам в Москве и в Терском городе в конце 1589 г. на Шолохову Кабарду был послан казначий голова Григорий Полтев с большим отрядом стрельцов; с ним шла и «черкасская рать», т. е. отряды враждебных Шолоху кабардинских владельцев (Янсоха Кайтукина, сыновей его брата Асламбека, Казыя Пшеапшокова «с братьею» и Камбулатовых). Шолохова Кабарда была разорена, более 30 кабаков «выжжены» и «вывоеены». Находившийся в войске Полтева посланец царя Александра кабардинец Янша по приезду в Кахетию так описывал заключительный этап похода: когда «государева рать» подошла близко к кабаку Шолоха, он сам с детьми и с узденями «вышел к Григорию Полтеву пеш», дал в аманаты своего сына, 20 человек лучших узденей и внука шамхала, жившего у него «в закладе». Полтев известил царя Александра о том, что он «очистил» к нему дорогу и привел всю Кабардинскую землю «под государеву руку»⁵⁰.

Еще в 1550-е и 1560-е годы имел место обмен посольствами между шахом Ирана и Москвою. В 1580—1590-е годы дипломатические сношения приобрели систематический характер.

В мае 1585 г. русский посол в Крым Иван Мясной получил сведения о том, что, когда Сеадет-Гирей и Сафа-Гирей приехали «в Кумыки» (т. е. к шамхалу), персидский шах прислал к ним «великое жалованье», зазывая к себе; звал их к шаху и Казы-Гирей, еще находившийся в Персии в плену. Мясной записал эти вести в свой статейный спи-

⁴⁹ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 137.

⁵⁰ Там же, стр. 121—122, 136, 181—183.

сок, который в том же году доставил в Москву⁵¹. Весной 1586 г. грамота шаха была прислана находившемуся в Москве Мурат-Гирею. В том же году о после шаха к Сеадет-Гирею писал из Астрахани в Посольский приказ Лобанов-Ростовский. Один из ногайских мурз, побывавший у шамхала, так передавал речи посла от имени шаха Сеадет-Гирею: «яз деи Дербень возьму и дам тебе»; царевич будто бы отказал ему, сославшись на то, что «без государева указа Дербень мне не надо...»⁵². Шах искал союзников для продолжения войны с Турцией; очевидно, вести про царевичей, про поход Мурат-Гирея к Астрахани с русскими ратными людьми и про русских казаков на Тереке дошли до него и вызвали решение обратиться в Москву. Посол шаха Мохаммеда Ходабенде Анди-бек в 1587 г. привез царю Федору Ивановичу грамоту шаха о дружбе, братстве и любви; речи посла были более определенными — он говорил о соединении против турецкого султана, о помощи ратью с огненным боем, о том, что шах хочет поступиться царю Дербентом и Баку, взяв эти города у султана. Русское правительство ответило посылкой в 1588 г. к шаху посла Григория Васильчикова. Уже в Астрахани тот узнал, что шаха Мохаммеда сменил на престоле его сын Аббас, на имя которого и была переписана царская грамота; в ней предлагалось прислать великих послов для «докончания», т. е. договора о военном союзе — «на всякого бы недруга нам стоять заодно»⁵³. Шах Аббас принял Васильчикова «с великой любовью» и подтвердил предложенные его отцом условия — поступиться Дербентом и Баку. Васильчиков говорил с шахом и шаховыми людьми о «великой рати», присланной с Мурат-Гиреем в Астрахань и на Терек, о постройке на Тереке города, о приказании воеводам «из Астрахани и с Терки приходит на турецких людей, чтоб их не пропустити через Терек на Кизылбашскую землю», о том, что у Мурат-Гирея и воевод есть указ послать к шамхалу, к тюменскому князю, к горским князьям и черкасам (т. е. к кабардинцам) предложение стоять заодно с войсками шаха и царя «на турецкого и на крымско-

⁵¹ Крымские дела, кн. 16, л. 24—24 об.

⁵² Крымские дела, 1586 г., № 1, лл. 85—86; Ногайские дела, 1586 г., № 7, л. 2.

⁵³ Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 3—4; А. П. Новосельцев. Указ. соч., стр. 453, 454.

го», о возможном участии в этих военных действиях царя Александра иверского. Позиция шамхала вызывала недоверие, о чем Васильчиков говорил с шаховым придворным Фергат-ханом⁵⁴. Васильчиков вернулся назад осенью 1589 г. с послами шаха Бутак-беком и Анди-беком. И в Иран, и из Ирана Васильчиков ехал морем на бусах, и проезд был опасен, так как русского посла подстерегали на море турецкие люди из Баку на катаргах и стругах, «чтоб им Григорья не пропустить»⁵⁵.

Иранские послы вели переговоры в Москве в 1590 г. Грамота шаха говорила о дружбе, о любви и продолжении «ссылки», но о договоре в ней речи не было, а о Дербенте и Баку было сказано уклончиво: «те города Дербент да Баку поступаемся, а вам бы счастьем своим тех городов достигать». Ответного посольства из Москвы не было послано, и ответная грамота царя была сдержанной — в Москве узнали о том, что весной 1590 г. между шахом и султаном был заключен мирный договор. Занятый тяжелой войной с бухарским ханом Абдуллой из-за Хорасана, шах Аббас вынужден был просить о мире и отказаться в пользу Турции от Закавказья и Южного Азербайджана⁵⁶.

Последние десятилетия XVI в. были временем наибольших успехов Османской Турции в Закавказье. Казалось, что планы султанов обладать Ширваном и выйти к Каспийскому морю осуществились. В Ширванском беглербегстве было образовано 14 округов-санджаков, в Дербентском — 7. На Каспийском море появился турецкий военный флот. Военные суда — катарги — строились в Низабате, той самой Низовой пристани между Дербентом и Баку, куда раньше обычно приставали русские торговые люди. Если путь в Среднюю Азию через Северный Кавказ был для турок закрыт Терской крепостью, то с завоеванием Азербайджана и пристаней на западном берегу Каспийского моря открылись возможности сношений с Бухарой по морю; с бухарским ханом Абдуллой шли переговоры о военном союзе с Турцией⁵⁷.

⁵⁴ Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 88, 91—92, 97.

⁵⁵ Там же, стр. 7 и 105.

⁵⁶ Там же, стр. 112, 138—139, 145, 169; А. П. Новосельцев. Указ. соч., стр. 453—454; Н. А. Смирнов. Указ. соч., т. I, стр. 140. L. Bellan. Shah Abbas I, sa vie, son histoire. Paris, 1932, p. 40—41.

⁵⁷ Historia Belli Persici gesti inter Murathem III Turcarum et Mehemetem Hodabende Persarum regem, breviter ac vere conscrip-

Появление турецкого флота на Каспийском море нарушало установившиеся торговые сношения Астрахани с Ираном и Средней Азией, а сухопутная дорога на Шемаху также в эти годы была закрыта. Это задевало интересы азербайджанских и армянских купцов оккупированных турками прикаспийских городов, население которых терпело «от турецких людей утеснение и обиду великую». От русских полоняников, вышедших из Дербента и Шемахи, русскому правительству стало известно, что «армя и бусурманя, в тех во всех городах жилецкие люди, говорят и жадают все, чтоб им быти за ... царем и великим князем Федором Ивановичем...», так как тогда им «во все земли торги бы отворилися невозбранно»⁵⁸.

Несмотря на то, что договор о военном союзе с шахом в 1590 г. не состоялся, последующие годы были периодом активной политики русского правительства на Кавказе. Мнение М. А. Полиевктова, что «кавказская политика Москвы в XVI в.» «почти целиком исчерпывается шамхальским вопросом»⁵⁹, неверно — оно суживает и круг кавказских и северокавказских связей России и задачи восточной политики Русского государства. В 1590-е годы и в начале XVII в. русское правительство стремилось ослабить военные успехи Турции в Закавказье и турецкое влияние на Северном Кавказе и, используя сложившуюся международную обстановку, продвигаться в сторону Ширвана и обеспечить пути сношений с Грузией и Азербайджаном.

Именно в 1590-е годы в полный титул русского царя было внесено добавление: «государь Иверские земли карталинских и грузинских царей и Кабардинские земли черкасских и горских князей... государь...»

Уже город в устье Терека создавал для русских воевод возможность контроля северокавказского пути. Около 1590 г. был восстановлен острог на Сунже — на «Суншинском городище», т. е. на месте русских острогов 1567 и 1578 гг. Большое посольство в Кахетию кн. Семена Звенигородского ехало в 1589 г. к царю Александру через

---

ta ab Henrico Porsio. Fr. 1583, p. 14—15, 22—23, 28—29; Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 429; т. II, стр. 5; В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1924.

⁵⁸ Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 105, 284, 449.

⁵⁹ М. А. Полиевктов. Экономические и политические разведки Русского государства на Кавказе. Тифлис, 1932.

Дарьял, так же как и предшествующее посольство Биркина и Пивова 1587—1588 гг. Звенигородский задержался на «Суншинском городище», где принял присягу — шерть ряда кабардинских князей и мурз и сына «Черного князя» Гелея, который шертовал за Аварскую и Черную земли. Там же, на старом городище, на Сунже присланный из Терского города дворянин Алексей Петров приволил в 1589 г. к шерти «неименитых черкас», которым в Терский город было ехать «далече». По-видимому, в неименитых черкасах надо видеть старшин кабардинского крестьянства.

Когда послы шли с Сунжи к Дарьялу, на городище остался казачий голова Василий Апучин с отрядом в 200 человек стрельцов и казаков; терские воеводы велели ему «все перевозки занять и укрепить, чтоб за твоими государственными послы никаких людей не пропустили, докамест пройдут в Грузинскую землю». Когда посольство шло из Кахетии назад осенью 1590 г., на старом городище уже был поставлен новый острог. С Звенигородским вышли из Кахетии вольные терские казаки, которые «стояли у Александра царя летом по щелем в горах от шевкала на сторожах»; из них 25 человек были оставлены Звенигородским в Кахетии⁶⁰.

В переговорах с русскими послами в 1589—1590 гг. царь Александр и его доверенные лица настойчиво говорили о том, чтобы на шамхала было послано русское войско и чтобы дорога через шамхальство в Кахетию была очищена. Упоминалась возможность похода русских войск не только на шамхала, но и под Дербент «с большим парядом» на судах Волгою и морем или же сухим путем. Звенигородскому передавали, что шамхал посылал к султану посла с просьбой вступить за него и защитить от походов на него с двух сторон из Кахетии и из Терского города: «А только моею землею завладеют, а Дербени твоей и Шамахе и Ширвани и Гопже и всем городом, что ты поймал у Кызылбашского и у Семена, Олександрова зятя (у карталинского царя), как устояти? Все те города будут за царем за московским, а бусурман в тех городах высекут»⁶¹.

Уже в 1589—1590 гг. терский воевода Хворостинин теснил шамхала на реке Койсу-Сулаке и отнял у него «Койсу с рыбными ловлями и со всякими угоды». Это место было

⁶⁰ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 77, 119, 123, 131, 133.

⁶¹ Там же, стр. 162, 165, 170, 174, 175, 185, 203, 206 и др.

намечено для постройки острога. Весной 1591 г. из Москвы были посланы воеводы князь Григорий Осипович Засекин и князь Петр Михайлович Шаховской с войском на шамхала. Тогда же в Кабарду Мамстрюку Темрюковичу была послана царская грамота с предложением собраться с братьями и племянниками и принять участие в действиях Засекина против шамхала. Во время боев шамхал был ранен; Засекин взял и сжег Эндери («Андрееву деревню») ⁶².

Постройкой Терского города, Сунженского острога и занятием устья р. Койсу создавалась в 1589—1590 гг. ситуация, очень близкая той, которая сложилась на Северном Кавказе в конце 1560-х годов и вызвала набег Девлет-Гирея 1571 г. На этот раз русские крепости и русские отряды и установившиеся у них сношения с кабардинцами и горскими князьями еще более прочно, чем в 60-е годы, запирали для «турских людей» дорогу к «Железным воротам» — Дербенту.

В июле 1591 г. крымский хан Казы-Гирей совершил большой поход на Русь с целью дойти до Москвы и разорить ее. Запись в Посольской книге Крымских дел дает такое описание этого похода и неудачного для хана результата его: хан пришел на Москву «со многими людьми с крымскими и с ногаями Казыева улуса и с турецкого салтана людьми, з белгородцы и с очаковцы, и наряд и янычары с ним турецкого были, а было с ними всяких людей с полтораста тысяч, а шел царь прямо к Москве, войны не разпуская». Хан стал у села Коломенского: против него вышли русские воеводы со многими людьми и Борис Годунов со своим двором, соединясь с «береговыми воеводами», т. е. с отрядами, отошедшими от Оки. «Полки с полки бились весь день». Казы-Гирей «побежал тое же ночи до света со всеми людьми с великим страхованьем и прибежал к Оке реке, многих людей потопил и воски свои царь, в которых сам ехал, и многую рухлядь пометал и одним днем до осмидесят верст до реки до Оки бежал, а в ночи и реку перелез, а на другой день столько же бежал» ⁶³.

⁶² С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 193, 237, 239, 242, 245, 251, 253—255; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 64—65, 401. Грамота 1591 г. упоминала о том, что Мамстрюк был в плену у шамхала, который безуспешно пытался отвести его от русского подданства.

⁶³ Крымские дела, кн. 18, лл. 189 об.—190 об.; ПСРЛ, т. XIV, 1-я пол., стр. 42—43.

Находившийся в этом году в Крыму русский гонец Иван Бибииков собрал сведения о возвращении хана после похода в Бахчисарай в августе 1591 г.: «пришел царь из войны в Бахчисарай в ночи в телеге, а сказывают про царя, что он ранен»; еще до приезда хана «прибежал калга скорым делом». В 1592 г. набег крымцев на Русь повторился — на этот раз ходили царевичи и разорили русские уклады⁶⁴.

Эти два набега совпали с началом русско-шведской войны, и русские источники ясно говорят о том, что у хана была договоренность о них с шведским правительством. Другой причиной было усиление русско-кавказских связей и постройка на Северном Кавказе русских крепостей⁶⁵.

В феврале 1592 г. состоялся приговор боярской думы об отправлении к султану Мураду в послах Григория Афанасьевича Нащокина и Андрея Иванова. Наказ предусматривал возможные вопросы «о Терском городе и о Иверской земле и о черкасах и о нагаех Казыева улуса, что государь в Кабардинской земле на Терке город поставил и Грузинскую землю и черкас пятигорских и Казыев улус, которые голдовали государю их, отводит под свою руку», а также вопрос о посылке рати на шамхала. На последний предписывалось отвечать незнаем; об Иверской земле — что царь не возражает против уплаты Александром кахетинским дани султану, но просит не отводить Иверскую землю от христианства; в связи с возможными вопросами о «пятигорских черкасах» в наказ была включена созданная в Посольском приказе и затем постоянно повторяющаяся в дипломатических документах легенда о том, что они были «изначала» холопами русских царей и жили «в резанских пределах», откуда бежали и вселились в горы, а при Иване Грозном вступили в русское подданство — по их челобитью и для их «береженья» и поставлен «в Кабардинской земле на Терке город, что без города быть черкасом невозможно». Грамота царя султану включала сообщение о том, что в Астрахань и в Терский город посланы указы «не вчинать» войны и задоров с турецкими людьми, «которые сидят в Дербенте и в Баке и в Шемахе и по иным

---

⁶⁴ Крымские дела, кн. 19, л. 103; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 2, стб. 612—614; А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 41.

⁶⁵ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 41.

городам», взятым у шаха, а также сообщение об отказе дать шаху военную помощь на султана и об отпуске его послов «без дела» — так грамота тенденциозно передавала итоги посольства Бутак-бека и Анди-бека, подчеркивая их безрезультатность.

Уже на Дону русские послы узнали от полоняников такие вести: «Летось царь ходил на государевы украинны, а с ним был наряд и янычаре с вогненным боем. И он промышлять не умел, только многих людей потерял и рать свою погубил. И за то де ему, чаять, будет перемена». В разговорах Нащокина с Синап-пашою указана и причина похода 1591 г.: «покручинили нашего государя казаки терские: которые люди ходили в Кизылбаши, и они тем помешку чинили, а донские казаки Азову тесногу чинят — и за то государь наш велел крымскому ходить на государя вашего землю». Позже Синап-паша говорил об этом более подробно: «А на Терке де и по Дону государь ваш поставил новых 4 города, и государя нашего людем к Темиркале дорогу отняли, ино толь любовь государя вашего к государю нашему, за то веть пригоже за сабли да воеватца»; паша снова повторил, что султан велел идти хану на русскую землю «за эти задоры». Грамоты султана царю Федору и Синап-паши Борису Годунову, посланные в 1593 г. с чеушем Резваном, перечисляя новые крепости на Дону, на Терке, на Сунже и на море «блиско Дербени», содержали требование отворить дорогу турецким людем и угрожали новым набегом хана на русские земли, если требования не будут удовлетворены⁶⁶.

Уже зимой 1591 г. в Москву приехали от Казы-Гирей крымские гонцы с сообщением о том, что хан снова хочет «дружбы и любви». Таким же был тон сношений хана с Москвой и в последующие годы. Вместе с тем Казы-Гирей постоянно предостерегал русское правительство, извещая о «досаде» султана на вновь построенные города. Гонец в Крым Михайла Протопопов слышал в 1592 г. от амиата (т. е. доброжелателя) князя Сулешова такой рассказ: «сее весны прислал деи турецкий царь Казы-Гирею царю посланника своего Сулейман чеуша, а приказывал к царю, чтоб он собрався со многими людьми, с крымскими и по-

⁶⁶ Турецкие дела, кн. 3, лл. 1—260; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. СХІХ; Н. А. Смирнов. Указ. соч., стр. 140—148 (не учитывая указания автора на то, что Борис Годунов «не понимал значения турецкой военной экспансии»).

гайскими, шел под Терский город да на пятигорских и на кабардинских черкас, которые государю служат, для того что деи у государя на Терке стоит город, да вступаетца в Черкасы, на Дону под Азовом живут казаки и приходят под Азов безпрестани, корабли и каторги громят и людей турецкого царя побивают»⁶⁷. О том же в июле 1593 г. говорил дьяку Андрею Щелкалову крымский посол Ямгурчей: «Будет похочет государь с Казы-Гиреем царем быть в миру и в дружбе и в любви, и, государь бы с Терки терских казаков свести велел и Терку город велел снести, для того что турецкий салтан всегда к Казы-Гирею царю приказывает и пишет, что из Азова через Терку турецкого хандыкаря люди приходят не могут, для того что им на Терке реке русские казаки помешку чинят и проезду не дадут»; вызывали досаду султана и вновь построенные на южной украине русские города, особенно Ливны (1586 г.) — «а хочет турецкой, покинув Терку, одинолично над Ливнами промышлять»⁶⁸.

В грамоте Борису Годунову, присланной с Ямгурчем, хан собственноручно писал, что султан не может терпеть того, что «ныне из его города из Азова в Дербень людем его проходу нет», что он «со многою ратью и с парядом хочет городы имать и Москву воевать, а мне бы ему помочь чинить», что султан присылает ему казну и дорогие подарки⁶⁹.

Казы-Гирей уверял русских послов, что он не раз отговаривал султана от похода к Астрахани и к Ливнам, и запрашивал на этом основании большие поминки⁷⁰. Уверяя хана в том, что в Астрахань и на Терек послан крепкий заказ давать дорогу крымским и турецким людям, русские дипломаты вместе с тем подчеркивали невозможность сноса Терского города — «и тому сестатися нельзя, что государю своей отчины отстунитись, то дело нестаточное»⁷¹.

Шедшие из Константинополя угрозы снести Терский город и советы хана Казы-Гирея не раздражают султана отказом ни в какой степени не повлияли на кавказскую политику русского правительства в 1590-е годы: в Москве

⁶⁷ Крымские дела, кн. 19, лл. 311 об. — 312.

⁶⁸ Там же, кн. 20, лл. 18, 24 об. — 25.

⁶⁹ Там же, кн. 18, лл. 234—238 об.

⁷⁰ Там же, кн. 21, л. 281.

⁷¹ Там же, кн. 18, лл. 253 об. — 254 об. и др.

были хорошо осведомлены и о внутреннем положении в Османской империи и о ее международных делах. В 1593 г. Григорий Нащокин стал свидетелем восстания спагов в Константинополе⁷². В том же году началась длительная и тяжелая война Турции с Австрийским государством Габсбургов за Венгрию. С 1594 г. до 1607 г. крымские войска почти ежегодно участвовали в походах султана в Мохары, т. е. в Венгрию. Междоусобная война ослабила ногаев, и нападения их на русские укранны затихли⁷³. Положение на западной границе было благоприятно для активизации восточной политики Москвы: в 1590 г. было подтверждено перемирие с Польшей, в 1593 г. война со Швецией фактически прекратилась.

В 1590-е годы и в первые годы XVII в. шел непрерывный обмен послами между Кахетией и Москвой.

Поход Засекина не удовлетворил царя Александра. Его послы Арам и Кирилл, побывавшие в Москве в 1592—1593 гг., просили послать на шамхала «большую рать» и занять Тарки. В 1594 г. прибавилась просьба поставить город и в Казыкумухе, т. е. в Лакии, в горах. Кахетинский царь рассчитывал на помощь своего свата крымшамхала, который враждовал с шамхалом и за которого стояла «половина Кумыцкой земли». В 1592 г. в Москве побывал старший кабардинский князь Янсох, следовательно, русское правительство могло рассчитывать в действиях против шамхала и на поддержку со стороны Кабарды⁷⁴.

Решение послать «большую рать» на шамхала было принято в Москве летом 1593 г. Воеводой был назначен князь А. И. Хворостинин. В грамоте Бориса Годунова-посла царя Александра говорилось о том, что Хворостинину велено овладеть Тарками, посадить там свата царя крымшамхала «со своими людьми вместе» и «отворить» дорогу из Иверской земли на Терек, в Астрахань и «во все свои государства»; что царь Александр и крымшамхал должны связаться с Хворостининым и действовать вместе с русским войском, «чтоб шевкала извовать и разорить». В поход с Хворостининым пошли некоторые мурзы Боль-

⁷² Турецкие дела, кн. 3; Н. А. Смирнов. Указ. соч., стр. 145—146.

⁷³ А. Н. Новосельский. Указ. соч., стр. 37—42.

⁷⁴ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 252—256, 264; Крымские дела, кн. 19, лл. 243 об.—244; Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 173.

ших Ногаев и кабардинские отряды. Проводником («вожем») при Хворостинине был послан дербенец Уллага, как знающий «тамошние места, Тарки и иные городки и места горских и кумыцких людей»⁷⁵.

Поход Хворостинина состоялся в 1594 г. Хворостинин поставил сильный острог при устье Койсу-Сулака, где был оставлен гарнизон в 1 тыс. стрельцов под начальством князя Вл. Тим. Долгорукова. Но в Тарках, которые были на время заняты, города поставить не удалось — помощь от царя Александра и крымшамхала не пришла, шамхал привлек часть «черкас» на свою сторону, и Хворостинин, разорив Тарки, вернулся в Терский город, понеся значительные потери⁷⁶.

Послы царя Александра позже говорили на Москве, что грузинское войско не пришло к Хворостинину, так как не могло пройти через горы. Можно думать, что причины были иные: оккупированные турками города были расположены близко от Кахетии, и кахетинский царь был вынужден давать дань турецкому султану, посылая ее в Константинополь или турецкому паше, находившемуся в Дербенте; с другой стороны, на позицию царя Александра могло повлиять обращение в 1594 г. шамхала к шаху Аббасу с просьбой о заступничестве⁷⁷.

В середине 1590-х годов на Каспийском море была построена еще одна русская крепость — в устье Яика. Посол казахского хана Тевеккеля в 1594—1595 гг. сообщил в Москве о намерении бухарского хана Абдуллы, союзника султана, поставить город на Яике, в Сарайчике, с тем чтобы «отвести нагай заволяжских», а затем угрожать и Астрахани. Это известие вызвало организацию военной экспедиции, результатом которой была постройка в 1595 г. в устье Яика русского острога. Постройка была осуществлена так же, как перед взятием Казани постройка Свияжска: по

⁷⁵ Там же, стр. 256—257 (названная здесь цифра — 15 тыс. русских ратных людей — несомненно, преувеличена); Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 199, 267. По-видимому, именно в этом «шевкальском походе» принял участие Илейка Горчаков — будущий царевич Петр. — ААЭ, т. II, № 81.

⁷⁶ Там же, стр. 266—267, 273; Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 203, 279, 362—363; ПСРЛ, т. XIV, 1-я пол., стр. 45—46.

⁷⁷ Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 111, 264, 273, 276, 286, 302, 317, 322; А. Н. Новосельцев. Указ. соч., стр. 455, 457.

Волге был спущен в Каспийское море плотами готовый, но разобранный деревянный город, который был быстро поставлен ⁷⁸.

Таким образом, к середине 1590-х годов была создана целая система русских крепостей на Каспийском море — у устья Яика, у устья Волги — Астрахань, Терский город у устья Терска, Койсинский острог у устья Койсу-Сулака и, наконец, Сунженский острог у перевоза через Сунжу на «Османовской дороге», т. е. на том самом пути, которым в 1583 г. прошел Осман-паша из Дербента в Крым. Астраханский кремль был каменным, остальные остроги — деревянными и земляными. Все они были снабжены артиллерией и гарнизонами стрельцов. Из Терского города, Сунженского и Койсинского острогов поддерживались постоянные сношения с Кахетией, с Кабардой, Аварией и «горскими землицами». Терский город был и тем военным центром, откуда направлялись экспедиции в Дагестан.

После похода Хворостинина 1594 г. была предпринята попытка договориться с шамхалом. В Терский город приезжал его посланец, в Тарки были посланы сын боярский и толмач, чтобы шамхал дал шерть и дал бы в заложники в Терский город своего сына. Эти переговоры, как и посредничество в 1595 г. посла шаха Анди-бека, не привели к успеху. В 1598 г. к шамхалу приехал посол турецкого султана Аспап-бек, привез ему жалованье и вел переговоры о том, чтобы при устье Койсу вместо русского острога поставить турецкую крепость. В связи с этим шамхал отказал в присяге русскому царю, ставя ее условием сноса Койсинского острога, писал в грамоте к царю о приказании султана «не одиначитись с Теркою» и о подготовке, совместно с «ратями» дагестанских владельцев и с крымскою ратью, похода против Койсы. Однако сыновья шамхала Андий, кафыркумужский владелец, тарковский Суркай-Шевкал и эндерейский Султан-Магомед в 1602—

---

⁷⁸ Крымские дела, кн. 17, лл. 320 об.—321; Сибирский сборник, т. I, стр. 129; ЦГАДА, рукопись бывш. Главного архива МИД, № 110/156, лл. 805—807 (разрядная книга); Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. II, стр. 49—50; «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.» (сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961, № 1—20; В. Б. Кобрин. К вопросу о казахско-русских отношениях в XVI в. — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1946, № 11(20), стр. 55—57. Этот острог через несколько лет был спесен.

1603 гг. присылали в Москву послов с предложением подданства; послы были отпущены с жалованьем⁷⁹.

В конце 1590-х и в начале 1600-х годов взаимоотношения с Кабардой осложнялись, как и ранее, внутренними междоусобиями. В конце XVI в. Казый Пшеапшоков «с братьею» убили двух братьев Темрюковичей — Доманука и Мамстряка, «зазвав к себе меду пить и держав их у себя два дня скованных и на третий день убили». После этого Казый увел свои кабаки и кабаки Темрюковичей на Кубань к бесленейцам и жил там три года. Весьма вероятно, что причиной гибели Темрюковичей была их ярко выраженная русская ориентация. Гибель Темрюковичей побудила их двоюродных братьев Куденека Камбулатовича и Сунчалаея Янгличевича (оба из Идаровичей) спастись от «недругов» в Терский город. В 1603 г. Сунчалаей приезжал в Москву, просил разрешения жить в Терском городе, где и остался служить со своими сыновьями. Старшим князем в Кабарде был в конце XVI — начале XVII в. Шолох Тапсаруков. Его ориентация была, как и раньше, колеблющейся. В 1601 г. воеводы Терского города сообщили о том, что он им не служит и не прямит, но в 1603 г. послы Шолоха, как и Казыя Пшеапшокова, побывали в Москве⁸⁰. Такова была обстановка на Северном Кавказе в первые годы XVII в., когда из Москвы были предприняты новые походы в Дагестан.

Переговоры об укреплении союза между шахом и царем Федором были возобновлены в Москве шахским послом Анди-беком в 1594—1595 гг. Летом 1595 г. состоялся приговор боярской думы — послать к шаху послов «а в наказ им написать: говорити шаху о докончании и о соединенье на том, чтобы поступился государю шах городов, которые нынче за турецким, Дербени да Шемахи да Баки, а достунал бы их шах, а государь ему учнет помогати людьми», т. е. к двум городам, названным ранее шахом, московское правительство присоединило Шемаху, центр Ширвана. Проект договора в двух противнях — «докончальная грамота, шах Аббасово слово» и «докончальная грамота, государево слово», включавший эти условия, был

---

⁷⁹ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 364—372; Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. II, стр. 2, 4, 22, 27, 53.

⁸⁰ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 305, 350, 365—371; «Кабардино-русские отношения», т. I, по указателю.

вручен в 1597 г. для передачи шаху послу Василию Тюфякину. Но, очевидно, в Москве понимали, насколько трудно настаивать на уступке шахом Шемахи. В наказе Тюфякину предусматривалась возможность отказаться от Шемахи с тем, чтобы «в государеву сторону поступился шах Дербени да Баки». Тюфякин умер в пути, и переговоры о союзе тогда не состоялись. Дефектность архивных материалов не позволяет говорить с полной определенностью о том, был ли заключен союз против Турции между царем и шахом в последующие годы. Дело о посольстве к шаху в 1600 г. Александра Засекина дошло до нас только в отрывках⁸¹. Новейший исследователь русско-иранских отношений А. П. Новосельцев, основываясь на сообщении проезжавшего через Россию имперского посла Г. Тектандера, считает, что союз был заключен в 1602 г. и что он предусматривал совместные военные действия против Турции, причем русские войска должны были двинуться на Дербент⁸².

Надо оговориться, что сообщение Тектандера, передававшее его разговор с послом шаха Аббаса при встрече в Казани в марте 1604 г., не вполне ясно⁸³. Но связь военных предприятий русского правительства на Кавказе в начале XVII в. с возобновлением ирано-турецкой войны в Закавказье и с русско-иранскими переговорами не вызывает сомнений.

В декабре 1600 г. царь Александр передал терским воеводам слух о том, что весной ожидается поход шаха под Тевриз, Шемаху, Дербент и Баку (слух опережал события). Отписка об этом известии пришла из Терского города в Москву в июне 1601 г. Послы И. А. Нащокин и И. Леонычев, отпущенные из Москвы в Кахетию осенью 1601 г., должны были рассказать царю Александру о государственной рати, посланной в Дагестан с воеводой князем Ив. Петр. Ромодановским-Ряполовским. Однако этот поход не состоялся или из-за пожара в Астрахани, уничтожившего запасы, или из-за ошибочного известия о смерти царя Александра⁸⁴.

⁸¹ Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 287, 298—299, 352—371 и сл.; т. II, стр. 28—141.

⁸² А. П. Новосельцев. Указ. соч., стр. 456.

⁸³ Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию. 1602—1603 гг.—«Чтения ОИДР», 1896, кн. II, стр. 41.

⁸⁴ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 330, 336—337, 353, 430.

Шах Аббас возобновил войну против султана осенью 1603 г.⁸⁵ В феврале 1604 г. в Москве уже обсуждалась возможность нового похода в Дагестан. В Посольском приказе подробно расспрашивали посла царя Александра старца Кирилла о трех пунктах, названных в грамоте царя Александра как удобных для постройки русских крепостей, — о Тарках, о Соли (соленом озере близ Тарков, откуда «все горские люди» брали соль) и Буйнаке, средневековом городище к югу от Тарков; по словам Кирилла, «на то городище прилегло две дороги — одна дорога к Дербени, а другая в Шамахи и в Баку; а Дербень от Буйнака 3 днища, а Шамаха 4 днища, а от Шамахи до Баки 2 днища. И как на том месте город будет — и те дороги все отоймутца»⁸⁶.

Летом 1604 г. из Москвы были отпущены старец Кирилл и русские послы М. И. Татищев и дьяк А. Иванов, которые должны были посетить не только Кахетию, но и Карталинию. Они везли сообщение о новой «государевой рати», посылаемой на шамхала с тем, чтобы царь Александр действовал сообща с русскими воеводами, — в Москве еще не знали, что царь Александр ушел с грузинским отрядом для присоединения к войскам шаха. Решение русского правительства о походе в Дагестан было принято вопреки грамоте Александра, которая была прислана из Терского города в Москву в марте 1604 г. и которая сообщала, что «лезгинские и шевакские люди» все с ним помирились и хотят быть «холопами» русского царя, — следовательно, поход преследовал более широкую цель, чем оказание помощи Александру против шамхала⁸⁷.

Поход 1604—1605 гг. был предпринят весьма значительными силами. Его возглавил воевода Ив. Мих. Бутурлин, с которым пошли три полка (другими воеводами были: в передовом полку кн. В. И. Бахтеяров и И. О. Полев, в сторожевом — кн. В. М. Лобанов и кн. В. Кольцов-Мосальский). Полки пришли в Терский город осенью. В январе 1605 г. Бутурлин писал в Кахетию русским послам, что он воевал «Андрееву деревню» (т. е. Эндери), Эрпели, Кара-Бутаки и Тарки и «поставил» в Тарках

⁸⁵ L. Bellan. Op. cit., p. 123.

⁸⁶ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 391, 395, 401, 405.

⁸⁷ Там же, стр. 412, 414, 420 и сл., 430; L. Bellan. Op. cit. p. 127, 130.

«каменный город» — по-видимому, использовал древние каменные укрепления Тарков. Но в дальнейшем русские воеводы потерпели тяжелое поражение. В 1605 г. к Таркам пришло из Шемахи турецкое войско — «паша и с ним турецкие люди и енычя», подкрепленное кумыкскими отрядами (очевидно, шамхала и Султан-Магомед). Часть кабардинских феодалных владельцев объединилась с кумыкскими людьми — «у Казыя у Шепчюкова, у Шолоха умышленье с кумыцкими людьми содново...». Бутурлин «учинил мир» с турецким пашой, «чтоб его выпустить (из Тарков. — *Е. К.*) на Терек здорово». Условие не было выполнено, и при отступлении русские понесли тяжелые потери — более 7 тыс. человек, «кроме боярских людей». Сунженский и Койсинский остроги были оставлены и сожжены. Однако на Терский город турецкий паша идти не решился. Во время похода ясно обнаружилось и взаимное недоверие между шахом и русским правительством. Это сказалось и в трагических событиях в Кахетии 1605 г., когда царь Александр и царевич Юрий были убиты — очевидно, по приказанию шаха, и в том, что шертная грамота 1604 г., составленная в Москве для ногайских мурз, включала условие: «...к турецкому султану и к крымскому царю и к кизыльбашскому шаху и к бухарскому царю и в Ташкенъ и в Юргенч и в Казацкую орду и к Шевкал и к черкасом и ко всем государевым ...недругом и непослушником не приставать...»⁸⁸.

Значение русской политики на Востоке в последние десятилетия XVI в. было понято в Западной Европе и заняло большое место в дипломатических сношениях. На Западе не раз возникали планы антитурецкой коалиции среди правительств стран, которые вели борьбу с турецкой экспансией.

Большое внимание уделялось возможному участию в коалиции России и Ирана и русско-иранскому союзу, а в этой связи и действиями русского правительства на Каспийском море и на Кавказе. Так, в начале 1590-х годов в Рим приходили известия о том, что из Москвы оказывают

---

⁸⁸ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 449, 480, 481, 513, 514; ПСРЛ, т. XIV, 1-я пол., стр. 57—58; А. Попов. Изборник словенских и русских статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 322—323; ЦГАДА, рукопись бывшего Главного архива МИД, № 110/156, лл. 869 об.—870; «Чтения ОИДР», 1918, кн. I, стр. 106.

помощь грузинам; сообщение о походе Хворостинина 1594 г. было истолковано как выступление московских сил против турок⁸⁹. Имперские послы в Москву в 1590-е годы добивались сведений о результатах русско-иранских переговоров; грамота императора Рудольфа царю Федору, привезенная послом Авраамом Бургграфом в 1597 г., содержала просьбу объявить «втайне, на чем вы нынеча и как с персидским шахом уложили». Русское правительство в ответ отвечало русско-иранские отношения весьма тенденциозно: сообщалось, что шах «во всей государеве воле», что он просит, чтобы русский царь «взял его под свою царскую высокую руку»; что русские крепости на Северном Кавказе и в Дагестане поставлены «близко турецких городов Дербени и иных» по «шахову прошению», что поход на шамхала предпринят, так как он «голдовник турецкого» и причинил убытки земле шаха⁹⁰.

Как известно, антитурецкий союз не состоялся, но русское правительство оказывало императору некоторую поддержку. В 1594 г. запорожским казакам было разрешено из Москвы наняться в службу императору для участия в походе против турок; в 1595 г. в Прагу была послана соболина казна на 44 тыс. руб.; разрешался проезд через Россию в Иран и обратно послов из Западной Европы, им оказывали поддержку в этих путешествиях; в Москве имперские послы встречались с иранскими и с разрешения Польского приказа вели с ними переговоры⁹¹.

Исследователь русских сношений с Западом во второй половине XVI в. Я. С. Лурье, анализируя переговоры Москвы с Габсбургами, приходит к выводу, что Борис Годунов, в качестве правителя при Федоре, а затем царя, охотно использовал переговоры о союзе против Турции

---

⁸⁹ «Россия и Италия», т. I, вып. 2. СПб., 1907, стр. 180—181; J. Matoušek. Turecká válka v evropské politice v letech 1592—1594. V Praze, 1935, p. 167—168, 226; «Описание путешествия в Москву посла римского императора Николая Баркоча». — «Чтения ОИДР», 1874, кн. IV, стр. IX—X.

⁹⁰ «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений с Римской империей», т. II. СПб., 1852, стб. 219, 224, 499—503, 514.

⁹¹ Там же, стб. 21—31, 154—173; 236—237; Дневник Эриха Лясоты. — «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси». Киев, 1890, стр. 163, 167; H. Uebersberger. Op. cit., S. 553 и сл., 561; J. Matoušek. Op. cit., p. 229—230.

как дипломатический маневр, но «вести войну с султаном он не собирался»⁹².

Дошедший до нас текст проекта договора между русским царем и шахом о военном союзе и совместных военных действиях против султана, привлеченное А. П. Новосельцевым сообщение Текандера, характер военных походов в Дагестан заставляют признать, что вывод Я. С. Лурье нуждается в уточнении: очевидно, русское правительство не отказывалось от войны с Турцией на Кавказе, но держалось в этом вопросе самостоятельной политики, не подчиненной интересам правительств западных государств.

Несмотря на неудачу похода 1604—1605 гг., итоги русско-кавказских связей последних десятилетий XVI в. надо признать значительными. В тот период, когда султанская Турция получила явный перевес над сефевидским Ираном в войне за Закавказье, осуществление планов султана установить полное господство в Закавказье оказалось осложненным; на местах возникла ориентация на Россию и на помощь русского правительства; среди враждующих феодальных группировок были сторонники сближения с Турцией и Крымом, но их позиция не была устойчивой. Постройка на Северном Кавказе русских крепостей затруднила выполнение стратегических замыслов турецких военачальников и облегчила военные действия шахских войск. Дальнейшее развитие сношений народов Северного Кавказа с Россией протекало уже в обстановке перевеса сил Ирана над Турцией в ирано-турецких войнах за Закавказье.

---

⁹² Я. С. Лурье. Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI в. — «Международные связи России до XVII в.». М., 1961, стр. 441.

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
И РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО
В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVII В.

В годы интервенции и крестьянской войны сношения Северного Кавказа с центральным правительством Русского государства были затруднены и на время прервались. Однако связи с Терским городом продолжались, и это служит ярким свидетельством того значения, которое приобрела уже к началу XVII в. эта построенная в 1588 г. русская крепость. В течение XVII в. значение это еще возросло.

Судьба русских крепостей, которые были построены на Северном Кавказе в 60, 70 и 90-х годах XVI в. и снесены в результате турецкого вмешательства, заставила русское правительство особенно озаботиться укреплением Терского города, или Терка. Видевший Терский город в 1623 г. Ф. А. Котов отметил, что «на Терки город деревянный не велик, только хорош»¹. В 1630-е годы голландский инженер Корнилий Клаусен укрепил город валами и башнями². В конце 20-х — начале 30-х годов, также под руководством иностранных специалистов, производились обширные, хотя и неудачные работы по водопроводному делу — устройству канала для направления к городу русла протока р. Терека³. В 1669—1670 гг. город был

¹ Хождение на восток Ф. А. Котова в 1-й четверти XVII в. — «Известия ОРЯС Акад. наук». 1907, т. XII, кн. 1, стр. 77; в изд. 1958 г. — стр. 33.

² А. Олеарий. Описание путешествия в Московию. СПб., 1906, стр. 423.

³ Архив ЛОИИ, собр. Гамеля, карт. XIII; АИ, т. III, 156, 290.

построен на новом месте и расширен, для чего на Терек посылался английский полковник Томас Бейли⁴. В 1689 г. после пожара были построены сосновый кремль и земляная крепость с башнями и валами четырехсаженной высоты⁵. По указам в крепости полагалось быть 3—4 приказам стрельцов (1½—2 тыс. чел., в наличии обычно бывало меньше); во второй половине XVII в. по временам в прибавку к ним посылались стрельцы из Астрахани и солдатские полки. Уже в конце XVI в. и в XVII в. московское правительство использовало северокавказские крепости как место ссылки⁶. В 1689 г. артиллерия города состояла из 39 пушек.

В Терском городе было не только военно-служилое население — там жили временно или постоянно русские торговые люди, работные люди, обслуживавшие приходившие с моря бусы и стружки и рыбные промыслы.

В течение XVI в. несколько раз возобновлялся так называемый Сунженский острог на р. Сунже, недалеко от ее впадения в Терек, «на персозе», где пересекал р. Сунжу важнейший северокавказский путь⁷. Казаки городки были расположены в «Гребенях» по левому берегу Сунжи и по правому берегу Терека ниже впадения в него Сунжи⁸. Казаки, обосновавшиеся здесь как вольные поселенцы, большую часть беглые с Руси крестьяне, были частью обращены в служилых казаков, получавших денежные и хлебные оклады из Терского города. Так, в 1623 г. жалованье давалось 30 атаманам по 1 рублю и по 2 четв муки и 470 казакам по полтине и по 3 осмины муки на год, т. е. 500 человекам. Население городков было многочисленнее

---

⁴ Я. Я. Стрейс. Три путешествия. М., 1935, стр. 213; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 328.

⁵ АИ, т. V, № 180, стр. 313—317; «Кабардино-русские отношения», т. I, М., 1957, стр. 377. См. также: Е. И. Крупнов. Городище «Трехстенный городок». — «Советская этнография», 1935, № 2.

⁶ АИ, т. IV, № 96, стр. 239—240; № 169, стр. 329—330; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 167, 168; Какаш и Текандер. Путешествие в Персию через Московию. — «Чтения ОИДР», 1896, кн. II, стр. 39—40.

⁷ АИ, т. IV, № 52, стр. 156—158; «Русско-дагестанские отношения», стр. 132—134.

⁸ ЦГАДА, Портфели Миллера, № 757/30 — о гребенских казаках; М. О. Косвен. Описание гребенских казаков. — «Исторический архив», 1958, № 5.

этого комплекта, и терские воеводы были бессильны установить над ними сколько-нибудь эффективный контроль.

Из Терского города шли пути к Азову и на Дон, на Рязьск, к Москве, на Астрахань. Через Терек отправлялись русские посольства в Персию и в Закавказье, в Грузию, и осуществлялись сношения с Дагестаном, Кабардой и «горскими землицами»⁹.

Однако Терский город был не только русской крепостью: очень рано около русского города появилось многочисленное местное население. В 1590-х годах на Терек из-за ожесточенной феодальной войны выехали из Кабарды князь Куденек Камбулатов и Сунчалей Янгличев (из Идаровых) со своими узденями; после поездки в Москву в 1603 г. Сунчалей остался служить в Терском городе¹⁰. Так было положено основание под стенами Терского города Заречной (за рекой Тюменкой) Черкасской слободы, куда в последующие годы выезжали служить и другие кабардинские князья с их узденями и холопами¹¹. В 1640 г. в Черкасской слободе была произведена перепись дворов людей, зависимых от князя Муцала Сунчалеевича Черкасского, в ней перечислены 175 дворов «дворовых» и «задворных» узденей Муцала, зависимых от него и от его узденей «черкас» и окочан, тезиков и татар, «закладчиков» Муцала¹². Черкасская слобода была укреплена особым острогом. Рядом с нею возникли слобода Новокрепченская, населенная выехавшими в Терский город и крестившимися северокавказскими жителями, слобода Татарская и слобода Окоцкая, возникшая в конце XVI — начале XVII в. в связи с бегством из «Окох» от притесненных кумыцких мурз окочап¹³, которые получали окладное жалованье и широко использовались терскими воеводами в сношениях с северокавказскими народами.

---

⁹ М. А. Подиевков. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932; «Кабардино-русские отношения», т. I; «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.». Махачкала, 1958.

¹⁰ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1. М., 1889, стр. 4.

¹¹ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 104—105, 133—135 и др.

¹² Там же, № 126.

¹³ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 4. См. также гл. II первой части наст. издания: Чечня и Ингушетия.

В казачьи городки выходили и местные люди; нерусскими были обычно и жены казаков¹⁴.

Среди служивших по Терскому городу кабардинских — Черкасских — князей особую роль играли Сунчалей и его потомки. За оказанные русскому правительству услуги по сношениям с различными северокавказскими владельцами и по приведению их «под государеву руку», особенно в год вступления на престол Михаила Федоровича, Сунчалей был пожалован в 1615 г. князем «над окочаны и над черкасы», служившими в Терском городе, с правом «их судить и в ратном строении и во всяких делах их ведать»¹⁵. Этой жалованной грамотой в Терском городе рядом с русским воеводой и подчиненными ему ратными людьми создавалось особое вассальное Черкасское княжество (Олеарий называет его ленным владением)¹⁶; в дальнейшем оно переходило к потомкам Сунчалей: в 1625 г. — его старшему сыну Шолоху, умершему бездетным, в 1636 г. — другому сыну Муцалу (при них влияние на дела оказывала их мать, вдова Сунчалей, княгиня Желегоща), в 1661 г. — Каспулату Муцаловичу, в 1682 г. — Салтан-Беку Канбулатовичу, со смертью которого прекратило свое существование. Московское правительство щедро оплачивало службу Сунчалеевичей. Видное положение самого Сунчалей и его потомков было отмечено их высокими денежными окладами — от 100 до 280 руб. в год (кроме хлебного оклада), богатыми подарками, правом беспошлинной торговли в Астрахани до 600 руб. в год и пожалованием в 1678 г. терским таможенным сбором (взамен денежного и хлебного оклада)¹⁷. На протяжении всего XVII в. Сунчалеевичи служили посредниками в сношениях русского правительства с владельцами и народами Северного Кавказа, участвовали в военных экспедициях терских ратных людей, оказывали значительное влияние на местных воевод, по отношению к которым держались довольно независимо, и постоянно бывали в Москве, поддерживая непосредственную связь с Посольским приказом.

¹⁴ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 416; «Русско-дагестанские отношения», стр. 110.

¹⁵ Кабардинские дела, 1614 г., № 6, л. 38 об.; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 404.

¹⁶ А. Олеарий. Указ. соч., стр. 369.

¹⁷ I ПСЗ, т. I, №№ 308, 514; т. II, № 743; «Кабардино-русские отношения», т. I (по указателю).

В столице при царском дворе и в центральных учреждениях Сунчалеевичи находили поддержку у выехавших на Русь кабардинских князей, вошедших в круг московской феодальной знати. Среди них князь и боярин Дмитрий Мамстрюкович Черкасский в 20-е и 30-е годы XVII в. длительно возглавлял приказ Казанского дворца, т. е. тот приказ, который управлял восточными областями Русского государства и имел влияние на восточную, в том числе и кавказскую политику; сын служившего в Терском городе Сунчалаея Григорий (до крещения Сунчалей) Сунчалеевич в 60-е годы был первым воеводой в Астрахани. Очень видное положение в русском правительстве занимали в 1620—1640-е гг. Яков Куденегович и Иван Борисович Черкасские, оба внуки Камбулата Идаровича. Черкасские были на Руси крупнейшими землевладельцами¹⁸. Служившие на Тереке Сунчалеевичи испытывали влияние русской феодальной среды, как и феодальной среды Ирана и Закавказья, и положение подчиненных им служилых людей было тяжелым. Поступали челобитные на самоуправство Сунчалеевичей и по отношению к другим служилым кабардинским князьям.

Нерусское население Терского города было значительно. Ф. А. Котов писал в 1623 г., что слободы Терского города «велики»¹⁹. В 1626 г. терский воевода с опасением писал в Москву, что на Терек приезжают «многие горские мурзы и уздени и их люди многие и живут на Терке вместе с русскими людьми, и опасенья от них и береженья к ним нет никоторого». В 1631 г. снова сообщалось, что ныне «на Терке иноземцев перед русскими людьми большеи втрое...» «Великий голод» в Кабарде усилил приток выходцев в слободы Терской крепости²⁰.

Расположенный в пограничных местах на пути из Закавказья и из Ирана к Астрахани и к волжскому пути,

¹⁸ С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в. М., 1946 (по указателю); «Кабардино-русские отношения», т. I (по указателю); Русский Биографический словарь. Т. «Чаадаев — Швитков». СПб., 1905. Не могу согласиться с мнением о том, что выехавшие на Русь кабардинские князья являлись аманатами. Положение аманатов-заложников, которые содержались в Терской крепости, было совершенно иным.

¹⁹ Ф. А. Котов. Указ. соч., в изд. 1907, стр. 77, в изд. 1958 г. стр. 33.

²⁰ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 138, 139; Кабардинские дела, 1625, № 1, л. 34.

Терский город рано приобрел торговое значение — прежде всего как пункт транзитной торговли.

В течение XVII в. значение волжского пути и выхода России к Каспийскому морю вполне определилось. Торговый обмен со странами Востока, с Закавказьем, Ираном и Средней Азией приобрел систематический характер. Из России вывозились изделия мелкой промышленности (железные и деревянные изделия, кожи и кожаные изделия, льняные ткани); особое место в экспорте на Восток занимала пушнина, поступавшая в виде ясака — дани с народов Сибири; сбыт ее имел существенное значение для русской казны. Транзитом через Россию шли заграничные сукна. С Востока и из Закавказья ввозились местные текстильные изделия, шелковые и бумажные, шелк-сырец, составлявший монополию царской казны, хлопок, сафьян, нефть, марена, пряности, драгоценные камни. Часть восточных товаров шла транзитом на Запад. На восточной торговле складывались крупные купеческие капиталы, которые впоследствии способствовали промышленному развитию. Понятна позиция крупного русского купечества, которое поддерживало правительство, когда оно отказывало иностранным купцам в праве транзитной торговли через Астрахань²¹. Азербайджанские, грузинские, армянские и среднеазиатские купцы постоянно торговали в Астрахани и приезжали в Москву. Русские купцы, спустившись в Астрахань по Волге, ездили отсюда на Кавказ и в Иран или сухим путем через Терки и Дербент, или морем, высаживаясь обычно в Низабате, так называемой Низовой пристани между Дербентом и Баку, откуда шел путь на Шемаху. Можно сказать, что в течение XVII в. подготовлялось включение Закавказья и стран Средней Азии в систему всероссийского рынка, что служило предпосылкой их присоединения в будущем к Русскому государству²².

²¹ Персидские дела 1620—1630-х гг.; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Изд. «Общественная польза», кн. 2, стб. 1175—1185 и др.; С. В. Бахрушин. Научные труды, т. II. М., 1954, стр. 228—247, 249—250; Г. Жордания. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой пол. XVII в., ч. II. Тбилиси, 1959, очерк 1-й.

²² М. Ф. Фехнер. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в., изд. 2. М., 1956; А. Я. Шпаковский. Торговля Московской Руси с Персией в XVI—XVII вв. — «Сб. Историко-этнографического кружка при ун-те св. Владимира», вып. VII. Киев, 1915; А. В. Панков. К истории торговли Средней Азии с Рос-

С открытием волжско-каспийского торгового пути в товарообмен Руси с Востоком включились феодалы Северного Кавказа, особенно активно феодалы Дагестана, тем более, что сухопутная дорога из Астрахани и Терского города в Закавказье и Иран проходила через Дербент. Из Терского города «со вьюками» было около 5 дней езды до Тарков и около 8 дней — до Дербента²³. Феодалы Дагестана брали с прозжавших восточных и русских купцов пошлины, обычно натурой, например «со вьюка по киндяку да по бязи лощеной» или «со вьюка по 3 киндяка», благодаря чему в их руках скапливались восточные товары²⁴. Пользовались они и средневековым обычаем ограбления морских судов, разбитых непогодой у дагестанского берега; посылали своих «людей», т. е. рабов, и купцов на восточные рынки для закушки товаров, чтобы отправить их в Астрахань и Москву. В XVII в. торговые сношения приняли систематический характер. Обычно с каждым посольством из Дагестана и Кабарды в Москву приезжал «купчина» того или иного феодала, привозивший восточные товары на крупные суммы и покупавший товары для отправки на родину и дальше, в Закавказье, Иран.

В 1621, 1623 и 1627 гг. в Москву приезжал купчина Ильдара тарковского и привозил товаров на 1980, 2893 и 3684 руб.; в 1642—1643 гг. посол шамхала Суркая привез товаров на очень большую сумму — 8110 руб. Привозили в Москву товары и купчины удмия кайтагского. Купчин по челобитью обычно освобождали от уплаты таможенных пошлин. Торговые связи с Астраханью были постоянными. Шамхалы добились освобождения от пошлин товаров на 600 руб. ежегодно, но присылали на значительно большие суммы, например, в 1631 г. два человека шамхала Ильдара привезли в Астрахань товаров на 2133 руб., в 1641 г. «человек» таркаловского мурзы — на 700 руб. Прибывали караваны торговых людей и в Терский город. В привозе бы-

сией в XVI—XVII вв. Сб. «В. В. Бартольд». Ташкент, 1927; А. Чулошников. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI—XVII вв.— «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР». Л., 1933; «Русско-дагестанские отношения», стр. 201—219.

²³ Ф. А. Котов. Указ. соч., в изд. 1907 г. стр. 78—79; в изд. 1958 г. стр. 33.

²⁴ Кумыкские дела, 1632 г., л. 93; Ф. А. Котов. Указ. соч., стр. 80 в изд. 1907 г.; в изд. 1958 г. — стр. 34; «Русско-дагестанские отношения», стр. 105, 114, 125—126.

ли преимущественно восточные товары, шедшие через Дагестан транзитом, — всевозможные шелковые и бумажные материи из Азербайджана, Ирана и Средней Азии, шелк-сырец и шелк крашеный, сафьяны, шелковые кушаки. К местным северокавказским товарам можно отнести попоны черкасские, овчины, шубы бараньи, мешпоты. Из России в Дагестан кушцы привозили сукна, меха, холст, кожи, мелкие металлические изделия, кубки, котлы, деревянные изделия, по специальному разрешению, — татарских пленников — ясырь²⁵.

Тот же характер носила торговля с Москвой и Астраханью кабардинских феодалов, постоянно бывавших в Москве по тем или иным делам. Особенно крупные торговые обороты были у Сунчалеевичей. Кабардинцам разрешали покупать в Москве и предметы вооружения: пищали, сабли, панцири²⁶. Надо подчеркнуть, что Казыева (потом Алегукина) Кабарда была слабо связана торговлей с Русью, в большей степени — с Крымом.

Торговый обмен был выгоден для феодалов Северного Кавказа, которым правительство Русского феодального государства оказывало поддержку, укрепляя их положение.

Терский город имел значение не только для транзитной торговли, но и как местный северокавказский торговый центр. В нем были русские ряды с лавками и гостинные дворы — старый, новый и гилянский, где торговали русские люди и тезики — восточные купцы из Ирана, Закавказья и Дербента, приезжие и обосновавшиеся здесь надолго, с женами и детьми. В 1629 г. тезик Хозянур сообщал, что он живет в Терском городе уже лет 20 и торгует, «сложась» с русскими людьми. Терские воеводы жаловались на то, что тезики, приехавшие «из Кизылбаш и Гиляни морем на бусах со всякими товарами», останавливаются у своих коняков в Заречных слободах и там торгуют «тайным обычаем», не платя пошлин²⁷. Два раза в неделю в городе были базарные дни, был и конский базар²⁸. В ря-

²⁵ Кумыкские, Кабардинские и Кайтакские дела ф. Посольского приказа; «Русско-дагестанские отношения», стр. 72, 75—77, 81, 91—92, 93, 128, 129 и др.

²⁶ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 520, 521; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 72, 132, 402, 403, 408.

²⁷ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 139, 253.

²⁸ ПСЗ I, т. III, № 1585; Кабардинские дела, 1645 г., лл. 28—31; Персидские дела, 1629 г., № 5.

дах и на гостиных дворах торговали преимущественно привозными товарами — восточными и русскими, но надо подчеркнуть торговлю и местными, северокавказскими продуктами и изделиями. В период интервенции начала XVII в., когда прекратился подвоз в Терекский город хлебных запасов из Руси по Волге и Каспийскому морю, терские стрельцы и служилые люди покупали хлеб «у кабардинских черкас, и у кумыкских людей в Тарках и в Карабудаках, и у гиланских и у дербенских тезиков», привозивших хлебные запасы для продажи на Терек. В 1614 г. «в Кумыках... и в Черкасах хлеб не дородился», и русское население города оказалось в трудном положении²⁹. Подвоз зерна (пшеницы и ячменя) и муки продолжался и позднее. Очень интересен дошедший до нас случайный факт — в 1620-х годах один из кайтагских беков прислал в Терекский город на продажу 30 жулей пшеничной муки³⁰. Привозили также сушеные фрукты, орехи, марену. К изделиям местного производства надо отнести такие товары, как «ковры, попоны, овчины, шубы бараньи». Наконец, пригоняли скот, особенно овец, и приводили на продажу лошадей³¹. В торговые отношения втягивалось и служилое население Терекского города. Так, встречаем известия, что в 1632 г. терские стрельцы и пушкарь ездили из Терекского города в Шемаху «с торгом»³² или что терский конный стрелец «покупывал» в горах «в Калканех» и в «Мылькыцах» (т. е. в Ингушетии и Чечне) свинец и «приваживал» его на Терек³³.

Экономические связи не ограничивались сферой торговли, обменом. Под Терекским городом были поливные пашни-сабаны городских и слободских жителей; были и сады «и в садах всяких овощей (т. е. фруктов. — *Е. К.*) много». В дербенских казачьих городках уже тогда начало развиваться виноделие — сначала из дикорастущего винограда, затем стали разводить и виноградные сады. Со стороны центрального правительства делались попытки наладить на Терек шелководство в тутовых садах. Несомненно, рус-

²⁹ Архив ЛОИИ, ф. Астраханской приказной палаты, картон II, № 299.

³⁰ «Русско-дагестанские отношения», стр. 131.

³¹ АИ, т. IV, № 40; Кабардинские дела, 1644 г., № 5, л. 20 об.; «Русско-дагестанские отношения», стр. 72, 106, 121, 153.

³² «Русско-дагестанские отношения», стр. 105, 114—115.

³³ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 120.

ские люди должны были перенимать у местного населения приемы нового для них поливного земледелия или разведения местных плодовых деревьев. С другой стороны, привлекают внимание такие факты, как челобитные кабардинских мурз о постройке для них в Терском городе «русской избы» или «хоромишек» (из контекста ясно, что речь шла о бревенчатых домах), или обращение посла удмия кайтагского к терскому толмачу с просьбой починить замки у двух пищалей (позже посол жаловался на то, что толмач его пищали присвоил)³⁴.

На о. Чечен ловили рыбу «терские люди и тарковские кумыгчане и горские черкасы». В 1633 г. служившие по Терскому городу кабардинский мурза Татархан с братьями просили разрешить им (т. е. их людям, холопам или крестьянам) «ловить рыбу» в протоках Терека «сопча с городскими с терскими русскими людьми»³⁵.

* * *

Укрепившиеся в первой половине XVII в. связи Кабарды с Россией повели к первому ознакомлению русского правительства с рудными богатствами Северного Кавказа.

В 1620-е годы в Москве шла усиленная подготовка к войне с Польшей за возвращение потерянного в период интервенции начала XVII в. Смоленска. Предстоявшая война требовала больших денежных средств для содержания войска, закупки за границей оружия, пороха, металлов. Русское правительство в связи с этим прибегает к ряду фискальных мероприятий и обращается за займами к иностранным государствам (к Англии, к Ирану)³⁶.

Приготовления, связанные с подготовкой войны, вызвали особый интерес к поискам руд, прежде всего драгоценных металлов. Поиски эти велись местными людьми в Северном крае и на Урале. Но правительство ищет и за границей специалистов «рудознатцев», «золотознатцев» и

³⁴ Ф. А. Котов, Указ, соч., стр. 77; в изд. 1958 г. — стр. 33; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 293, 317; АИ, т. IV, № 40, 63; Кабардинские дела, 1634 г., № 2, л. 236; «Русско-дагестанские отношения», стр. 131.

³⁵ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 169; Ф. А. Котов, Указ, соч., в изд. 1907 г. — стр. 78, в изд. 1958 г. — стр. 34.

³⁶ Е. Д. Сташевский, Смоленская война 1632—1634 гг. Киев, 1919; О. Л. Вайиштейн, Россия и тридцатилетняя война. Л., 1947, стр. 91—102.

выписывает их на Русь, не останавливаясь перед значительными расходами.

В числе этих иностранцев в 1625 г. приехали по договору в Москву «немцы Цесарской земли» Самуил Фритше и Ганс Герольд (в руссифицированной форме — Самойло Фрич и Анца Арольт). В 1626 г. рудознатцы были отправлены в дальнюю экспедицию: «в Пермь великую, в Соль-Камскую, в Сибирские города и в другие места» — имелись в виду также Двинский и Печорский край. Результаты годичных поисков не были, однако, велики — в Перми обнаружили медную руду, но она была признана «негодной». Как раз тогда, когда выяснилась неудача экспедиции 1626—1627 гг., внимание правительства было направлено на Северный Кавказ известием о находках там «серебряной руды», что и вызвало организацию новой разведочной экспедиции³⁷.

В 1627 г. один из кабардинских князей русской ориентации Пшимаха Камбулатович (из Идаровых) добивался в терской приказной избе отпуска к Москве «с государевым великим тайным делом» мурзы Каншова Битемрюкова из служивших по Терскому городу мурз. Как выяснилось в Астрахани, он ехал известить о «землице, где есть серебряная руда, от чего «чаять» государю «многие прибыли». Сведения, полученные в начале 1628 г. от Каншова в Посольском приказе, вызвали живой интерес: Фрич и Арольт

³⁷ Материалы об экспедиции на Северный Кавказ 1627—1629 гг. отложились в свое время в архиве Посольского приказа, где и была сосредоточена организация экспедиции, и отчасти в архиве Астраханской приказной палаты, через которую шла переписка Москвы с Терским городом. Однако в настоящее время в фонде Посольского приказа в ЦГАДА имеются лишь обрывки дел об экспедиции. Это объясняется тем, что в 20-х годах XIX в. документы Посольского приказа заинтересовали академика Гамеля, специалиста по технологии и химии, занимавшегося историей металлургии, и были им выписаны из бывшего Московского Главного архива МИД в Петербург и остались в его собрании, хранящемся в настоящее время в архиве ЛОИИ (см. Путеводитель по архиву, изд. 1958 г., стр. 287—288; сведения аннотации неточны). В 1829 г. акад. Гамель докладывал об экспедиции 20-х годов XVII в. в собрании Академии наук и опубликовал о ней несколько заметок (Mines d'argent dans la Cabardie. «Journal de St-Petersbourg», 1829, N 79; 1830, N 38). Часть документов собрания Гамеля о северокавказской экспедиции опубликована в сб. «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, № 72—79. В дальнейшем ни на эти документы, ни на неопубликованные материалы собрания Гамеля особых ссылок не делается.

были посланы в Терский город, организационная сторона дела была поручена вновь назначенным терским воеводам князю И. А. Дашкову и Б. Г. Приклонскому, экспедиция была обеспечена деньгами и «мастерскими снастями», предусматривалась возможность посылки из Астрахани ратных людей. Каншов, видимо, не желая выдавать секрета, сам ездил в горы и привез «для опыта» некоторое количество руды. Она была испытана рудознатоками в Терском городе в присутствии воевод и оказалась содержащей большое количество свинца и небольшое — серебра. Показания Каншова о том, в каких же местах он брал руду, несколько сбивчивы. Ясно, что он побывал в Осетии: он указывал, что руда есть «по Ардане реке и по той реке до той руды ехати меж гор в одну лошадь»; другое месторождение названо им в Дигории, по реке Уруху (Ардон и Урух — левые притоки Терека). До местности теперешнего Садонского рудника Каншов, по-видимому, не поднимался; брал он руду и в «Балкарах», указав реки Сюгунсу и Черех (т. е. Черек, правый приток Малки, и его правый приток Псыгансу)³⁸. Сообщение Каншова о землице Таабаста, где есть, по его словам, серебряная руда, неясно.

Каншову не удалось пригласить в Терский город мастеров-уздечей, плавивших серебро, и мурз Ибаковых (в Малой Кабарде), в сфере влияния которых находились указанные им территории. Слух об экспедиции разнесся по Кабарде и вызвал волнения. Каншов ходил за рудою «шеш, один, не по тем дорогам, которыми к той руде ездят, бояся кабардинских людей убойства, чтоб его никто не видал». Пшимаха считал, что добывать руду будет возможно, лишь поставив острог и послав сильный отряд ратных людей. Рудознатоки ехать в горы отказались — «из-за добре страшного пути» — и признали руду «неполезной». Получив неутешительные вести, в Посольском приказе решили оставить дело.

Таким образом, разведки 1628—1629 гг. не были удачны. Однако сведения о них интересны в том отношении,

³⁸ А. В. Хабанов. Очерки по истории геологоразведочных знаний в России. М., 1950, стр. 49; Ф. Бублейников. История открытый ископаемых богатств нашей страны. М., 1948, стр. 162; Щастливец. Отчет о занятиях поисковой партии в горах Алагира, Дигории, Куртати и Тагаури в 1856 г. — «Горный журнал», 1858, ч. III, кн. 8—9; О. Гембицкий. Садонское месторождение серебряно-свинцовых и цинковых руд на Северном Кавказе. Екатеринбург, 1916.

что еще в первой половине XVII в. русское правительство и русские люди на Тереке узнали о наличии на Северном Кавказе руд, причем их осведомителями были местные люди. Дальнейшее, более точное, ознакомление относится к XVIII в. Тогда Степан Волявин, обследовавший Осетию и конявший значение Садонского месторождения, видимо, не знал о разведках XVII в. Документы Посольского приказа, обнаруженные академиком Гамелем, были использованы геологической экспедицией на Северном Кавказе в 1829—1830 гг.

* * *

Экономические связи населения Северного Кавказа с Россией далеко не всегда осуществлялись в мирной обстановке. Терские воеводы вмешивались в междоусобия местных феодалов, давая по челобитьям князей и мурз ратных людей «с вогнепным боем» тем группировкам, которые казались им «прибыльнее» «для государева дела»: обещание военной помощи против недругов было одним из приемов приласкания местных владельцев. Политика Посольского приказа в вопросе о столкновениях враждебных группировок не была устойчивой, в одних случаях терским воеводам давались наказы поддерживать состоявшееся уже примирение враждующих сторон при условии их «верности», обеспеченной «закладами» — выдачей аманатов, в других — посылалось категорическое приказание «однолично промышлять неоплошно», чтобы не дать врагам «помириться и в соединении быти»³⁹; таким путем московское правительство надеялось ослабить соседивших с Терским городом феодальных владельцев.

Условия торговых сношений носили чисто средневековый характер. При провозе товаров по «Дагестанской дороге» на Дербент и обратно в Терский город и в Астрахань надо было платить пошлины каждому феодалу, через владения которого проезжали купцы. Так, в 1630-х годах в Тарках пошлину брал шамхал Ильдар, несколько южнее ее требовал буйнакский владелец Бий-Багомат, далее, в Кайтагской земле пошлину брал уцмий Рустем-хан, но претендовал на ее взимание и его брат Чукук; брали не

³⁹ «Русско-дагестанские отношения», стр. 58, 93.

только согласно договоренности, по и «лишнее»⁴⁰. Часты были и грабительские нападения на торговые караваны, на проезжих людей, на работающих на пашнях (для продажи пленников на невольничьих рынках). Кроме того, на северокавказской «кабардинской» дороге, особенно у перевозов через реки, кущов, как русских, так и нерусских, подстерегали казаки, для которых такой «промысел» был обычен.

Русское правительство использовало торговые связи в фискальных целях, учредив таможи в Терском городе и в Астрахани и взимая перевозную пошлину у перевоза через Сунжу, где в 1635 и 1651 гг. строились острожки⁴¹. Часто встречаются в документах и жалобы на злоупотребления терских воевод, которые, надеясь на отдаленность крепости от столицы, нередко занимались прямым вымогательством, гоняясь «за корыстью» и наживая себе «животы»⁴².

Несмотря на эти препятствия, экономические связи в течение XVII в. расширялись, о чем говорят приведенные нами выше материалы. Как для второй половины XVI в., так и для XVII в. их значения не надо преувеличивать — они еще мало влияли на натуральный характер хозяйства народов Северного Кавказа. Но установившиеся сношения несомненно способствовали укреплению ориентации на Россию. Еще сильнее в том же направлении действовали политические и военные связи, развивавшиеся в напряженной внешнеполитической обстановке.

* * *

В первые десятилетия XVII в. обстановка на Кавказе по сравнению с последней четвертью XVI в. значительно изменилась. В 1603 г. возобновились войны между Ираном и Турцией, которые тянулись с перерывами до 1639 г. Уже к 1612 г. турецкие войска были вытеснены из Восточной Грузии, Азербайджана и Дербента, их место заняли войска шаха Аббаса. В непосредственном соседстве с северо-дагестанскими ханствами было образовано Дербентское наместничество. Первые десятилетия XVII в. были временем наибольших успехов шаха Аббаса, его господства в Азербайджане, опустошительных походов на Грузию.

⁴⁰ «Русско-дагестанские отношения», стр. 105, 114, 125 и 126.

⁴¹ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 160, 302—303 и сл.

⁴² Там же, стр. 127—128 и др.

Начался период агрессии шахов и в сторону Северного Кавказа.

С одной стороны, шах Аббас предпринял попытку овладеть Дарьяльским проходом и со стороны Грузии подчинить себе Кабарду, чтобы «сю сторону» — Северный Кавказ — очистить «и до Крыма». Ратные люди шаха довели «многие кабардинские места, которые подошли к Иверской земле близко». Устрашенные этим, некоторые из кабардинских князей выразили покорность. Вассалом шаха сделался кабардинский князь Мудар Алкасов, владение которого было расположено при выходе из Дарьяльского ущелья. Несмотря на уговоры других князей оставаться с ними «в совете» и «в единичестве», служить русскому царю и не бить челом шаху под угрозой, что Мудар будет им в том «недруг во веки», он ездил в 1614—1615 гг. к шаху «в Кызылбаши», вернулся оттуда «с шаховыми людьми» и по приказу шаха укрепил свои кабаки «надолобами», чтобы «перенять грузинскую дорогу», «а шах Басовым бы людем тою дорогою ездити было бесстрашно»⁴³. Шах действовал не только угрозами, но и подарками. В 1614 г., когда он совершил опустошительный поход на Кахетию и Картлию, в Кабарде разнесся слух, что шах Аббас из Грузии «идет войною на... кабардинских черкас великою ратью» с большим пушечным «нарядом», т. е. артиллерией, «прямой дорогой» через перевалы Кавказского хребта. Судя по сообщениям, целью этого похода было зайти с севера в Дагестан. По-видимому, именно об этом походе шаха сохранились предания осетинского народа, которые рассказывают о борьбе против шахских войск в горах Осетии. На северокавказскую плоскость войска шаха не вышли — шах на Кабарду «не нашел дороги»⁴⁴.

Действуя со стороны Дербента, шах стремился поставить в зависимость от себя земли дагестанских владельцев,

⁴³ «Кабардинские дела, 1615 г., № 1, дд. 28—29; Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. II. СПб., 1892, стр. 223, 262, 381; т. III. СПб., 1898, стр. 125; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 88; «Русско-дагестанские отношения», № 3.

⁴⁴ В. Миллер. Осетинские этюды, ч. 1. М., 1881, стр. 140—141; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 540—541; Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. II, стр. 381; «История Северо-Осетинской АССР», М., 1959, стр. 125 (высказанное здесь предположение, что шах проник в Осетию с северокавказской равнины, является недоуменным).

включая Эндери, что, однако, встречало сильное сопротивление.

В 1615 г. во время похода на Грузию шах требовал ратных людей от тарковского владельца Гирей: «Кумыцкой де Гирей князь хотел шах Басу на Грузи в помочь дати кумыцких людей полторы тысячи, да и сам де Гирей хотел с ними итти. И кумыцкие де люди ево, Гирей, не послушали и шах Басу на помочь воевати грузинские земли не пошли, и Гирей де ныне едет к шаху вскоре сам, а хочет добити челом, чтоб его шах Бас велел пожаловать, от кумыцких людей оборонити, которые ево не послушали, на Грузинскую землю войною с ним не пошли»⁴⁵. В этом случае Гирей рассчитывал, опираясь на поддержку шаха, укрепить свою власть над «кумыцкими людьми» — здесь, очевидно, шла речь и о незакрепощенном крестьянстве Дагестана. Когда в связи с этим в 1615 г. по приказу шаха со стороны Дербента должно было выступить войско, чтобы «воевать Кумыцкую землю», «кумыцкие люди» говорили, «что им шах Басу не бивати челом и ему не служивати», стояти против него «головами своими, а в землю его не пустити». Но серьезное сопротивление не могло быть оказано вследствие разрозненности сил. Боясь, как бы «шах Бас не разорил» их земель, «что и грузинскую землю»⁴⁶, тарковские владельцы Ильдар и Гирей Сурхасвы с сыновьями и братьями и бывшие с ними «в одиначестве» ханы признали себя «холопами» (кули) шаха, являлись к нему по его вызовам, получали подарки и выставляли по его требованию конные отряды в войнах с Грузией или против не признававших зависимости от шаха дагестанских же земель. Гирей послал шаху свою сестру; шах назвал его «ханом» и положил на него «чалму» в знак пожалования этим титулом⁴⁷. Сохранить независимость от шаха удалось только некоторым владельцам в северной части Дагестана⁴⁸.

⁴⁵ Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. II, стр. 352—353; «Русско-дагестанские отношения», стр. 303—304.

⁴⁶ Кабардинские дела, 1614 г., № 1, лл. 46—47.

⁴⁷ По-видимому, у шаха Аббаса было намерение утвердить Гирей шамхалом, поставив для него «город», т. е. крепость в Тарках. Однако шамхалом оставался до своей смерти в 1621 г. Андий.

⁴⁸ «Русско-дагестанские отношения», № 6, 10, 18, 45, 46 и др.; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 98; Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. II, стр. 292, 299, 344; «Русско-дагестанские отношения», стр. 97, 100.

В обстановке шахской агрессии среди разных слоев населения Дагестана в XVII в. сильно сказывалась ориентация на Россию, в покровительстве которой видели противовес персидской угрозе. При близости Терского города к дагестанским владениям феодалы Дагестана искали у терских воевод военной помощи и в междоусобных столкновениях.

Еще в 1610 г., в самый разгар интервенции, шертовали на верность Москве тарковские владельцы Гирей и Ильдар Сурхаевы и бывшие с ними «в одиначестве» 7 князей и мурз, среди них казыкмухеский владелец Алибек, аварский Мехти, карабудахентский Суркай и другие. Гирей и Ильдар дали в Терский город аманатов. Однако шамхал Андий и Султан-Магомед эндерейский не участвовали в сношениях этой группировки с терским воеводой — их ориентация оставалась протурецкой⁴⁹. В 1614 г. шерть была повторена, и тогда же от Гирея тарковского с грамотой к царю поехал первый посол, вернувшийся с ответной царской грамотой и подарками. Посольством устанавливалась вассальная зависимость от России тарковских владельцев, уже признавших себя ранее «холопами» шаха⁵⁰. В 1615 г., когда ожидался поход шахских войск на Кабардинскую и Кумыцкую земли, из Москвы к шаху Аббасу был послан гонцом Григорий Шахматов с грамотой, где наряду с заступничеством за Грузию писалось и о том, чтобы шах «на Кабардинскую и на Кумыцкую землю не наступал», как на земли русских подданных. Когда в 1616 г. Грузия была разорена войсками шаха и в Дагестане разнесся слух о намерении шаха ставить город в Тарках, на кумыцких князей и мурз нашел «великий страх», и помощи «кумыцкие люди все ждали» из Москвы⁵¹.

В том же 1616 г. независимо от тарковских владельцев с терскими воеводами вступили в сношения шамхал Андий и Султан-Магомед, аварский нусал и кайтагский уцмий⁵².

За 28 лет, с 1614 по 1642 г., в Москве побывало 13 посольств от тарковских ханов и два от соседних с ними тар-

⁴⁹ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 530—535. N. Jorga. Geschichte des Osmanischen Reiches. B. III. Gotha. 1910, S. 440.

⁵⁰ «Русско-дагестанские отношения», № 1, 2, 4, 5, 6, 9 и др.

⁵¹ Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. II, стр. 353; т. III, стр. 125.

⁵² «Русско-дагестанские отношения», № 15, 17.

каловских. Так как в это время тарковские ханы уже были «холопами» шаха, они оказались в двойной вассальной зависимости — от Персии и от Руси, в чем их послы и вынуждены были не раз признаваться перед московскими дьяками, от внимания которых не ускользали печати на тарковских грамотах, с надписями «шахов раб (кули)» такой-то. В первые десятилетия XVII в., когда продолжалась турецко-персидская война, шахи Аббас и Сефи, заинтересованные в том, чтобы запереть для крымско-турецких войск «дагестанскую дорогу», не возражали прямо против такого «опчего холопства» и не препятствовали дагестанским посольствам к московскому царю. Более того, в 1614 г. шах Аббас говорил русскому послу М. Н. Тихонову о том, чтобы на Сунже и на Койсу были снова поставлены русские крепости — «чтобы до Крыму недругов не было»; в 1620 г. посол шаха Аббаса Булат-бек передавал в Москве пожелания шаха также о постройке в Кумыцкой земле русских крепостей⁵³. В Москве внимательно следили за отношениями дагестанских владельцев к шаху, но резко вопроса о Дагестане не ставили: русское правительство не только избегало конфликтов с Ираном, но и не раз обращалось к шаху Аббасу за материальной помощью и получало ее — серебром в слитках (1617 г.) и селитрой. Однако в официальных сношениях с Дагестаном и Ираном русские дипломаты всегда называли кумыков подданными русского царя. В царский титул дагестанские земли не были внесены — очевидно, из-за их двойственного положения. Характерно, что кумыкские владельцы отказывались приносить шерть в Терском городе и шертовали обычно или «в своем владении» или у реки Быстрой, у южного протока Терека, считая, по-видимому, Быструю границей «Кумыкской земли»⁵⁴.

Одним из условий зависимости дагестанских владельцев от русского правительства была взаимная помощь ратными людьми «на недругов». Часто целью тарковских посольств в Москву и были просьбы о ратных людях на

⁵³ Впрочем, в эти годы шахское правительство должно было понимать, что восстановление русских крепостей в Дагестане не реально.

⁵⁴ Кумыкские и Персидские дела за XVII век; «Русско-дагестанские отношения», № 6, 10, 18 и др.; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 2, стб. 1102, 1186; Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. II и III.

дагестанского же владельца Султан-Магомеда эндерейского, сношениям которого с терскими воеводами Тарки всячески препятствовали. Во многих случаях эти челобитья удовлетворялись, и терские ратные люди не раз ходили на Эндери. Попытки примирения враждующих группировок на происходивших в Дагестане в первой половине «сездах» не давали прочных результатов. Русское правительство поддержало хана Ильдара против Султан-Магомеда и в 1623 г., когда после смерти шамхала Андия возник спор о шамхальстве. Вопреки решению съезда 1621 г. после Андия быть шамхалом Султан-Магомеду, а Ильдару — крымшамхалом, Ильдар отправил в Москву посла с просьбой «велети в Кумыках в большом чину быть» ему, «а не иному». По справке терских воевод о том, что «Ильдар государю Салтан Магмута прибыльнее», и в связи с известиями о ссылках эндерейского владельца с крымскими ханами и с Турцией, Ильдару в 1623 г. была дана из Москвы жалованная грамота на шамхальство с большою государственною печатью. В 1626 — 1627 гг. шамхал обратился в Москву с новой просьбой — дать ему годовое жалованье, которое и было назначено наравне с жалованьем тогдашнего старшего кабардинского князя Куденека Камбулатовича — 100 рублей денег и 50 четей хлеба⁵⁵.

Одной из причин обращения Ильдара в Москву была надежда занять таким путем более независимое от шаха Аббаса положение. Именно так объяснял его Ильдаров посол в тайном разговоре 1623 г. с думным дьяком Иваном Грамотиным, говоря, что «Ильдар у шаха ратных людей на Салтан-Магмута з братьею имати и под шаховою рукою быти не хочет, ведая то, что шах басурман безверен...»⁵⁶ (для дагестанских суннитов шах-шиит был безверным басурманом). Но Москва не хотела идти на открытый конфликт с шахом, и в дальнейшем Ильдар опять-таки оказался «общим холопом» шаха и царя. Выполняя приказания шаха Сефи, он собирал в 1630 и 1631 гг. ратных людей в помощь иранскому войску, которое под предводительством перешедшего на службу к шаху крымского царевича Шагин-Гирея должно было выступить из Дагестана, чтобы ставить «шаховы городы», т. е. крепости, на

⁵⁵ «Русско-дагестанские отношения», № 7, 10, 11, 18, 21, 25, 27, 32, 33 и др. См. также главу I в первой части наст. издания.

⁵⁶ Там же, № 6.

Сунже, на Татартупе и на Елецком городище⁵⁷ под Кабардой. Указание на Татартуп на левом берегу Терека, на пути к Дарьяльскому проходу, убеждает в том, что шахское правительство стремилось обеспечить проникновение в Грузию с севера. Поддержка враждебного Москве Шагин-Гирея и планы шаха укрепиться на Северном Кавказе заставили русское правительство изменить политике союза с Тарками против Эндери. В июле 1631 г. сын Султан-Магомеда Айдемир, вызванный в Терский город, шертвал Михаилу Федоровичу «за своего отца, за себя, за дядю, за братью и за своих узденей» на том, что «будет Шан-Гирей пойдет с кизылбашскими людьми на Елецкое городище ставить город, и ему Айдемир мурве с... государевыми людьми быть заодно и с Шан-Гиреем битися до смерти».

На эту позицию эндерейских владельцев, очевидно, влияла их протурецкая ориентация. Для русского правительства поддержка Шагин-Гирея была исключена как враждебными взаимоотношениями с самим Шагин-Гиреем, так и международной обстановкой периода подготовки и ведения Смоленской войны: Москва в эти годы рассчитывала на союз с Турцией против Польши. Около 1635 г. по просьбе Султан-Магомеда на Сунже, на перевозе, т. е. там, где шах предполагал поставить город и где ранее в XVI в. не раз ставились русские крепости, был возобновлен русский острожек⁵⁸.

Смерть Ильдара в 1635 г. снова поставила вопрос о шамхальстве. Кумыкские люди давали шамхальство Султан-Магомеду; тот «за старостью» поменялся со своим старшим сыном Айдемиром, вместе с которым ездил в Казыкумух, «где даетца по их обычаем шевкальство», одаривая всех узденей лошадьми, быками и овцами. Айдемира признала шамхалом «вся Кумыцкая земля» («опричь тарковского прежнего Ильдар шевкала детей и племянников») ⁵⁹. Это событие в связи с ориентацией эндерейских владельцев на Турцию и Крым вызвало попытку шаха выдвинуть на шамхальство своего ставленника —

⁵⁷ Очевидно, городище Джулат на правом берегу Терека.

⁵⁸ Ногайские дела, 1631 г., № 1, лл. 237—240; 1632 г., № 1, л. 79; Персидские дела, 1630 г., № 2, лл. 1—9; «Русско-дагестанские отношения», 43, 55, 60; А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 167.

⁵⁹ Кумыкские дела, 1635 г., л. 28—29.

тарковского владельца Сурхая Гиреева, племянника шамхала Ильдара, которому иранские ратные люди помогали и в его внутренней борьбе с ильдаровыми детьми. Шах старался заручиться в этом деле поддержкой московского царя. В 1637 г. в Москву прибыло посольство от Сурхая Гиреева с официальным челобитьем с шамхальстве, которое подкреплялось грамотой к царю шаха Сеффи, сообщавшей, что шах «учинил» Сурхая шамхалом: «и вам бы для нашего прошения ево ж шевкалом учинить по нашему братству и дружбе и любви». В Москве не поддержали ходатайства шаха и, одарив Сурхая посла обычными подарками, отпустили его домой с царской грамотой к Сурхаю, в которой царь принимал его «в холопство», но ни слова не говорил о пожаловании шамхалом. Вопреки желанию шаха, шамхалом остался не получивший инвестиции ни от шаха, ни от царя Айдемир — до своей смерти в 1641 г. в неудачном походе на кабардинцев⁶⁰.

В 1642 г. Сурхай возобновил в Москве просьбу об утверждении его шамхалом, умалчивая на этот раз об оказанной ему новым шахом — Аббасом II — поддержке, и получил, подобно Ильдару, жалованную грамоту московского царя на шамхальское достоинство⁶¹.

Большой интерес представляют сношения с Русским государством удмий кайтагского, владения которого непосредственно примыкали к Дербентскому ханству, где правили шахские наместники. И здесь, как и в кумыкских ханствах, эти связи вызывались не только интересами торговли, но и стремлением найти в Москве поддержку для освобождения от шахской зависимости⁶².

В начале XVII в. удмий оказал помощь персидским войскам во взятии занятого турецким гарнизоном Дербента; его братья ездили к шаху и получили дары. Но в

---

⁶⁰ Кумыкские дела 1637 г.: «Русско-дагестанские отношения», № 61, 63.

⁶¹ «Русско-дагестанские отношения», № 73.

⁶² Кайтагская серия дел ф. Посольского приказа, состоящая для XVII в. всего из нескольких дел и начинающаяся с 1635 г., далеко не отражает взаимоотношений Кайтата с Русским государством, сведения о которых разбросаны в делах других кавказских серий. Событиям в удмийстве посвящена кандидатская диссертация Р. Г. Маршаева «Сношения Кайтата и Казыкумуха с Русским государством в первой половине XVII в.», М., 1954 (автореферат).

1618 г. князь Сунчалей Черкасский считал уцмия независимым — по его словам, «уцмий никому не служит, ни турецкому, ни крымскому, ни кизылбашскому не годует и ясаку не дает». Позже посол уцмия Рустема говорил в Москве, что уцмий «побил до смерти» своих двоюродных братьев за то, что они хотели «после смерти отца своего быти у кизылбашского шаха в подданных». Рустем-хан впервые вступил в сношения с воеводами Терского города в 1616 г., т. е. в год опустошительной карательной экспедиции шаха Аббаса в Грузию. Из Москвы было послано распоряжение взять у Рустем-хана аманата в Терский город и привести его к шерти. Переговоры об этом велись в 1617 — 1618 гг., когда уцмий поднял вопрос о своих торговых людях, о том, чтобы им на Тереке не было никаких притеснений, обещая, в свою очередь оберегать при проезде через его землю государевых торговых людей. Переговоры, по-видимому, не дали тогда результатов и возобновились снова по инициативе уцмия лишь в 1625 г. Оформление отношений зависимости принесением шерти состоялось в начале 1630-х годов⁶³.

Еще в 1614 г. к шаху выехал служить крымский царевич Шагин-Гирей. В 1621 г. в Терский город приехал посланец крымского хана Джанибек-Гирея Иналука, который сообщил дошедшие до хана вести о том, что его недруг Шагин-Гирей «с государевыми» и «с кизылбашского Абаз шаховыми ратными людьми хочет город поставить на Терке реке на Цареве перевозе, а другой город хочет ставити под Кабардою на Столбицах» (очевидно, на городище Джулат на правом берегу Терека). Воеводы отвечали, что государева указа о городах не бывало и что слуха про них нет. Из Москвы дали указание не помогать ни Шагину-Гирею, ни крымцам на Шагин-Гирея, но и «помешки им (то есть крымцам. — *Е. К.*) не чинить», а «только Шан-Гирей царевич учнет в Кабардинской земле где города ставить» и запросит помощи, «и вы б ему велели говорить, что Кабардинская земля нашего царского величества». Если слух не был ложным и у шаха было намерение ставить на Северном Кавказе крепости, то, конечно, с целью запретить крымским войскам дорогу в Закавказье.

⁶³ А. Бакиханов. Гулистан-Ирам, стр. 94; «Русско-дагестанские отношения», № 17, 24; L. Bellan. Shah Abbas I, sa vie, son histoire. Paris, 1932, p. 158, 169.

В 1623—1628 гг. Шагин-Гирей, вернувшийся в Крым, был там калгою. В 1629—1630 гг. он снова бежал из Крыма и выехал служить шаху — на этот раз шаху Сефи.

Летом 1630 г. астраханские и терские воеводы и князь Шолох Черкасский получили ряд грамот от Шагин-Гирея, пемахинского наместника Казак-хана и от самого шаха Сефи о предстоящем походе Шагин-Гирея с персидской ратью через Северный Кавказ — «в Черкасы и в Крым», «доступать Крыму». Напоминая о «дружбе, любви и соединенье» между русскими царями и шахами и обещая жалование, шах настойчиво писал воеводам о том, чтобы они учинили Шагин-Гирею «товаришество и пособство». Сам Шагин-Гирей говорил об этом более ясно. Перечисляя шахских воевод, которые по приказанию шаха должны были идти с ним в поход с 40 тыс. ратных людей, Шагин-Гирей называл желательную для него военную помощь — 1000 казаков и 300 человек из Астрахани, писал об изготовлении стругов «на Терке и на Сунше для перевозу», о том, чтобы «к Крыму» дорога «была чиста во всем». Из разных источников в Москве были получены сведения, что Шагин-Гирею поручено от шаха ставить крепости на Сунже, на «Елецком городище» и на Татартупе — «в Терских вершинах» — т. е. на пути к Дарьялу. Чтобы уяснить стратегическое значение этих мероприятий, надо напомнить, что они совпадали с багдадским походом турецких войск и с нашими требованиями со стороны султана Мурада к хану Джанибек-Гирею послать крупные силы в Иран.

Распоряжение из Москвы в ответ на эти сведения было следующим: «Рати на Крым не давать, а отказывать, что без государева указа дати не смеем и дати нельзя; и на перевозах судов не готовить и перевозов не очищать, а будет пойдут шаховы люди сильно, и с ними не битца. А над Шан-Гиреем ныне и вперед промышлять тайно». Годы, когда Шагин-Гирей был калгой в Крыму, были временем резкого обострения русско-крымских отношений: в переговорах калга предъявлял совершенно нереальные требования возвратить Казань и Астрахань и снести Терский город; с другой стороны, помощь Шагин-Гирею обострила бы отношения Москвы с Турцией, чего в Москве избегали ⁶⁴.

⁶⁴ Персидские дела, 1630 г., № 2, на 56 лл., *passim*; А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 127, 170, 195 и др.

Выше уже приводились сведения о том, что шамхалу Ильдару было приказано от шаха помогать Шагин-Гирею в походе. Шагин-Гирей сделал попытку привлечь к этому предприятию и удмия Рустем-хана — в 1631 г. он присылал к удмию из Дербента посла «просить двухсот топоров, чем лес сечь, да двухсот телег с лошадьми и с людьми для городского ставленья, хочет де ставить город на Сунше». Удмий ответил отказом и послал в Москву посла Шамсей с грамотой о том, что он «учинился холопом» русскому государю и готов на государеву службу. Шамсей и рассказал в Москве об обращении Шагин-Гирея к Рустем-хану. Предложение подданства было в Москве принято под условием принесения шерти и выдачи аманатов в Терский город. Шерть была принесена удмием в 1633 г. — в Кайтагской земле, в Башлах, так как ехать в Терский город удмий отказался. Ему были переданы богатые подарки. В текст шертной записи, составленный в Москве, было включено условие: «Мне, удмею, и детям моим, и братье, и дядье, и племянником, и всем моим моего удмеева владенья людем к турецкому султану, и в Крым, и в Нагай и ни в которые государства от царского величества не отступити». Большое место в записи занял вопрос о Шагин-Гирее и Сафат-Гирее — удмий должен был не пропускать их через Кайтагскую землю и с ними и с другими недослужидками «битись до смерти». В 1635 г. в Москву прибыл новый посол — брат удмия «в 3-м колене» Бодархан-бек с подтверждением подданства; с ним приехал «купчина» Варданас, причем привезенные им товары было разрешено продать беспоплибно «опричь шолку сырцу». Грамота удмию была оформлена, «как пишетьца к подданным»⁶⁵.

Поход Шагин-Гирея не состоялся: шах не дал ему ратных людей; около 1632 г. Шагин-Гирей, вызванный султаном, изменил шаху, бежал через Северный Кавказ в Азов, затем в Константинополь, где позже был казнен.

В 1630 г. терскими воеводами были получены две грамоты аварского нусала, который дал в Терский город в аманаты своего сына. Аварские аманаты находились там еще с 1616 г., а в 1618 г. по челобитью нусала терские рат-

⁶⁵ «Русско-дагестанские отношения», № 42, 43, 44, 49, 54—58; «Кабардино-русские отношения», т. I, № 96.

ные люди ходили походом в Чечню и Ингушетию⁶⁶. Грамотами 1630 г. нусал подтверждал, что он учинился «под царскою рукою в прямом холопстве» и обещал не пропускать Шагин-Гирея: «от того Шан-Гирея вам и нам добра не чаеть». Очевидно, в Аварии еще помнили годы, когда на Койсу был поставлен русский острог — опасность со стороны Шагин-Гирея (в 1631 г. он ходил из Дербента «на лязгинцев») побудила нусала снова возбудить вопрос о постройке города на Койсу: «и только государь ныне похочет на Койсе город, и вы б ставили, а будет вам невозможно, и мы б пришли на помочь тут же»⁶⁷.

* * *

В течение XVII в. и крымские ханы и турецкие султаны не оставляли притязаний на Северный Кавказ.

В наибольшей зависимости от Турции и Крыма находились в XVII в. западноадыгские племена. Их прямые связи с Русским государством, где они искали поддержки против Турции и Крыма, прервались в 60-х годах XVI в. Турция стремилась удержать западных адыге в зависимости, чтобы обеспечить свое господство на северо-восточном берегу Черного моря и особенно на Таманском полуострове, прикрывавшем Азов. Турецкие гарнизоны находились в Анапе, Тамани, Темрюке и в крепости Копыл на Кубани, построенной в 1607 — 1608 гг. крымским ханом Казы-Гиреем «блиско черкас»; в первый же год постройки, зимуя в новом городе, хан «приводил к шерти... черкас на турского имя»⁶⁸. Однако степень зависимости в разное время и у разных племен была далеко не одинаковой.

В наибольшей зависимости от Крыма и Турции находились западные адыге, жившие вблизи турецких крепостей Темрюка и Тамани; в русских документах они называются темрюжскими и таманскими черкасами. Они были вынуждены постоянно участвовать в военных предприятиях крымцев, например, против Азова в период взятия его донскими казаками, или против казачьих городков и да-

⁶⁶ Кабардинские дела, 1621 г., № 1, и 3.

⁶⁷ «Русско-дагестанские отношения», стр. 89—90.

⁶⁸ Ногайские дела, 1608 г., № 1, л. 37; Н. А. Смирнов. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв. Нальчик, 1948, стр. 26.

же в дальних походах на Польшу; возили в Азов турецким войскам запасы телегами; рубили и готовили лес для постройки у Азова городков, и так далее⁶⁹. Другие западноадыгские племена и бесленейцы находились под постоянной угрозой крымских походов за «ясырем» — пленниками и для насильственного сбора дани. Так, в 1635 г. сам крымский хан Инайет-Гирей пришел в Бесленей для сбора дани людьми, в 1641 г. крымский хан пошел в «Дужаны», т. е. на жапеевцев, с 14-тысячным войском. Султаны и ханы требовали также участия адыгов в военных походах. Весной 1634 г. султан прислал крымскому хану жалованье с распоряжением, чтобы он «с крымскими и горскими людьми, с бесленейцы и с жапцы, с хунтушцы, с кумиргейцы был вскоре готов» — по слухам, в поход против Польши. Очевидно, стремясь уклониться от этого похода, в июле 1634 г. представители «Абазинской» и «Кумургейской» (т. е. Темиргоевской) «землиц» прибыли в Терский город с предложением подданства. Терские воеводы привели их к присяге-шерти. Но в XVII в. непосредственной помощи западным адыгам русское правительство не оказывало.

Ханы стремились привлечь западноадыгских феодалов заключением браков на адыгейских княжнах и отношениями аталычества. Крымской и турецкой ориентации части адыгейской знати способствовала возможность сбывать рабов в Крым и в Турцию, причем продавались часто соплеменники, адыгейские крестьяне, захваченные в плен во время междоусобных столкновений.

Одним из способов укрепить зависимость западных адыгов от Крыма и Турции было распространение между ними ислама. Судя по сохранившимся от XVII в. известиям о принесении присяги-шерти на коране, как западноадыгская, так и кабардинская знать была уже обращена в то время в мусульманство. Однако среди простого народа и тогда и позже крепко держались языческие верования, с одной стороны, и неясные воспоминания о христианских обрядах и верованиях — с другой⁷⁰.

⁶⁹ Донские дела, кн. I. — РИБ, т. XVIII, стр. 569; кн. II. — РИБ, т. XXIV, стр. 615—619, 903—917; кн. IV — РИБ, т. XXIX, стр. 17, 44, 442, 877 и др.

⁷⁰ Ш.-Б. Ногмов. История адыгейского народа. Тифлис, 1861, стр. 36, 38, 42—46; Описание черкесов... Жана де Люка... —

Если среди западноадыгских племен русское влияние в XVII в. было ослаблено, то в ином положении находились в этот период кабардинцы. Для значительной части Кабарды, а по временам и для всей ее территории, в течение XVII в. сохранились установившиеся в середине XVI в. отношения зависимости от России.

В 1614 г., когда через Терский город возобновились сношения московского правительства с народами Северного Кавказа, принесли присягу-перть князь и мурзы и Большой и Малой Кабарды. Шертовали князь Шолох (Тапсаруков из Малой Кабарды), который был тогда старшим в Кабарде князем; Куденек Камбулатович и Нарчов Езбузлуков, Идаровичи, владения которых находились в Большой Кабарде; Казый Шешпуков, также из Большой Кабарды; Мудар Алкасов и Айтековы дети из Клекстановых, в Малой Кабарде. В переговорах с владельцами принимал деятельное участие кн. Сунчалей Янглычевич Черкасский из Терского города. По формуле шертной записи, составленной в Посольском приказе на русском языке, они присягали «за себя, и за братью свою, и за детей своих, за больших и за меньших, и за улусных своих людей, лучших и средних и черных людей Кабардинская земля»⁷¹.

Однако в дальнейшем, как и в XVI в., русское правительство сталкивалось в Кабарде с ожесточенной борьбой различных группировок. Пользуясь челобитьями кабардинских князей с просьбами о помощи против «недругов», как внутренних, так и внешних, в Москве стремились прежде всего обеспечить подданство «старшего» кабардинского князя путем принятия от него шерсти, выдачи ему жалованной грамоты за золотой печатью на «большое княженье» в Кабарде и посылки ежегодно денежного и хлебного жалованья, в размере 100 руб. денег и 50 четей хлеба. Такую грамоту в 1602 г. получил князь Янсох Кайтукин, в 1616 и 1624 гг. — последовательно два брата Куденек и Пшимеха Камбулатовичи (из Идаровых), в 1631 г. — Нарчов Езбузлуков. Однако получивший из Москвы грамоту не всегда находил признание в Кабарде: Янсох (?), Пшимеха и Нарчову в Кабарде «княжество» «не да-

---

«Записки Одесского об-ва истории и древностей», т. XI. Одесса, 1879.

⁷¹ «Кабардино-русские отношения», т. I, № 49.

но было». Напротив, князь Шолох бывший старшим князем после Янсоха, не получил жалованной грамоты из Москвы. Ногмов называет старшими князьями также Ходжудука Казыева и Хорошая Шолохова ⁷².

Русское правительство, сталкиваясь с внутренними противоречиями в Кабарде, оказывало наибольшую поддержку Идаровичам. Служившие по Терскому городу Сунчалеевичи вели свой род от Идара; Идаровичами же были и почти все князья Черкасские, выехавшие в течение XVII в. на Русь. Не раз по просьбам Идаровичей терские и астраханские ратные люди ходили в походы против Казыевой или Шолоховой Кабарды. Вместе с тем русское правительство, по сведениям из Терского города, знало о положении в Кабарде, о том, что кабаки Идаровичей на территории Кабарды были в XVII в. немногочисленны, что наиболее сильной там была Казыева Кабарда. Отсюда стремление Москвы удержать свое влияние на Казыеву и на Шолохову Кабарды. Однако после посещения в 1602 г. Москвы князем Янсохом (дядей Казыя) послы из Казыевой Кабарды на Москве не бывали. По указаниям из Посольского приказа терские воеводы стремились обеспечить шертование мурз Казыевой и Шолоховой Кабарды и выдachu ими в Терский город аманатов.

Междоусобная борьба облегчала крымским ханам вмешательство в дела кабардинцев и установление в том или ином владении своего влияния. В большей степени это удавалось ханам в отношении западной части Кабарды, так называемой Казыевой Кабарды, куда они не раз совершали военные походы, куда приходили «с воинскими людьми» «для ясаку» — сбора дани, и откуда требовали присылки отрядов для участия в походах крымских сил, оказывая в других случаях военную помощь казыевским мурзам против их «недругов» ⁷³.

Как в Адыгее, так и в Кабарде набеги ханов не раз вызывались приглашением одной из враждующих между собою княжеских группировок. Так, в 1616 г. крымский хан Джанибек-Гирей разгромил в Малой Кабарде старшего кабардинского князя Шолоха Тапсарукова за нападение

⁷² Там же, по указателю; Ш.-В. Ногмов. Указ. соч., стр. 124, 130.

⁷³ А. А. Новосельский. Указ соч., стр. 143 и др. Донские дела, кн. V.—РИБ, т. XXXIV, стб. 22, 130, 556, 934; «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 321, 322 и др.

последнего с ногайской помощью на князя Большой Кабарды Казыя Шепшукова, который в этом столкновении был убит ⁷⁴.

В 1626 г. по просьбе мурз Казыевой Кабарды Шагин-Гирей, бывший тогда в Крыму, послал своего «дядьку» с крымскими людьми и татар Малого Ногай на Анзорову Кабарду, мурзы которой уехали в Терский город для присяги. Были повоены и сожжены 5 кабаков, жены и дети пойманы в полон, из которых человек со 100 было послано в Крым ⁷⁵.

Для Турции в первые десятилетия XVII в. вопрос о влиянии на Северный Кавказ сохранял серьезное значение в связи с турецко-иранскими войнами. Они тянулись до 1639 г. с явным перевесом Ирана. Потеряв в 1610-е годы в Закавказье территории, захваченные в последней четверти XVI в., султаны в ряде походов делают попытки вернуть утраченное положение. В 1630 г. посол турецкого султана Мурада IV Фома Кантакузин выражал в Московское правительству пожелание султана о том, чтобы московские войска оказали ему помощь со стороны Кавказа против персидского шаха. Просьба эта была отклонена со ссылкой на то, что силы Руси должны быть направлены против польского короля. У русского правительства не было оснований разрывать «дружбу и любовь» с шахом и нарушить все укреплявшиеся торговые сношения с Ираном и Закавказьем ⁷⁶.

В связи с ирано-турецкими войнами для султанов оставался в полной силе вопрос о пути для крымских войск через Северный Кавказ в Закавказье. О том, насколько острым был этот вопрос, говорит уже то, что в 1637 г. хан Инайет-Гирей был смещен султаном и заменен Бегадур-Гиреем за отказ идти в поход против шаха ⁷⁷.

---

⁷⁴ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 95; Ш.-Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 122, 123. По записанному Ногмовым преданию, он был обезглавлен ногайцами. В 1616 или 1617 гг., и также по просьбе из Казыевой Кабарды, на Шолохову Кабарду ходил терский воевода Петр Приклонский («Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 406).

⁷⁵ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 109—110.

⁷⁶ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 2, стр. 1242; Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVIII вв., т. II, М., 1946, стр. 26; А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 170—171

⁷⁷ Н. А. Смирнов. Россия и Турция., т. II, стр. 43.

Для успешного осуществления походов крымцев через Северный Кавказ надо было благополучно пройти мимо Адыгеи, Кабарды и русских крепостей и обеспечить им поддержку со стороны дагестанских владельцев. В течение первых четырех десятилетий XVII в. такие походы не только постоянно предполагались, но и принимались меры к их осуществлению.

Так, в 1606 г. турецкий султан обещал ширванцам помощь крымцев именно с севера. В 1608 г. в Посольский приказ сообщили, что крымский хан, стоя в новом городе на Кубани, собирает войска, чтобы идти на шаха с помощью не только черкесов, но и кумыков⁷⁸.

Весной 1615 г. терский воевода сообщал в Москву вести о том, что «турский царь» собрал «ратных турецких и крымских многих людей» и хочет идти на шаха Аббаса: «а итти де турскому царю из Азова подом на Бесленей, а от Бесленей на Кабарду, а ис Кабарды Асмановскою старою дорогою подле гор мимо Горячего колодезя через Суншу, а от Сунши мимо Тарков, а от Тарков на шах-Аббасов на первый на украинский город на Дербень». В Казыеву Кабарду и к князю Шолоху султан прислал жалованье и грамоты; Казый выразил согласие идти с султаном и установил связи с Гиреем тарковским. Летом того же года вести были иные: что в июле пойдут на шаха Аббаса крымские царевичи, а в осень, «как станут хлеб жать», пойдет и сам хан, «собрався с воинскими людьми». Царевичи звали в поход ногайцев, но те «итти с ними не захотели» и откочевали от Азова. Иными были сведения и о настроениях в Кабарде: «и ныне де у кабардинских князей и мурз и у черкас положено на том: как крымский царь или царевичи пойдут на шах Баса мимо их Кабардинскую землю и захочет их имати с собою или под свою руку захочет их приводити, и им де с ним не хаживати и под его рукою не бывати, а бежати... хотят от него все в горы», не отступая от русского подданства. Попытка похода была осуществлена в 1616 г., причем в крымском войске были и турецкие люди. Хан переправился с войском из Крыма на Таманский полуостров, ногайцы и адыгские отряды к нему присоединились⁷⁹; он установил также

⁷⁸ Ногайские дела, 1608 г., № 1, л. 37.

⁷⁹ «Абазинские черкасы» отказались от участия в походе, ссылаясь на вражду к ним кабардинского князя Шолоха.

связи с дагестанскими владельцами с целью поднять их против шаха. Шах послал в Дагестан бежавшего из Крыма и служившего ему крымского царевича Шагин-Гирей, чтобы собрать против хана кумыкское войско. Терский воевода выслал отряд на перевоз через Сунжу с приказанием стоять отдаленно от «кызылбашских людей». Поход хана, как и предыдущие, не состоялся⁸⁰. В 1629 г. новый хан Джанибек-Гирей посылает грамоты в Эндери, к шамхалу и к другим кумыкским князьям с предложением ехать к нему для совещания, а кабардинским и черкесским князьям приказывает готовиться на лето к походу на шаха. Однако шамхал, Султан-Магомед и ряд кабардинских князей воздержались от поездки в Крым⁸¹. В 1635 г. снова предполагался поход на Иран хана Инайет-Гирей через Северный Кавказ. Турецкий султан Мурад, действуя со стороны Малой Азии, взял Эривань, предполагая идти на Грузинскую землю и на Шемаху, откуда торговые люди побежали в Дербент, надеясь на его стены. Султан прислал грамоты к уцмию, в Казыкумух и Эндери, чтобы там готовили для его войска на зиму хлебные запасы, обещая покупать их «большою ценою». Тогда же в Эндери стало известно о том, что по указу султана крымский хан должен идти в «шахову землю» «мимо гор через Суншу реку на Османовскую дорогу». Эндерейский владелец Айдемир обещал терским воеводам сообщить о походе хана «подлинные вести». Этот поход тоже не удался — надо напомнить, что именно в 1635 г. на Сунже у перевоза был возобновлен Сунженский острог⁸².

Ни один из намеченных походов не состоялся. Войска крымских ханов принимали не раз участие в турецких походах против Персии, но всякий раз шли не сухопутной дорогой, а перевозились в Синоп на турецких транспортных судах, причем приказания султанов о таких походах постоянно вызывали в Крыму недовольство⁸³. Сложившиеся на

⁸⁰ «Кабардино-русские отношения», т. I, стр. 89—93; «Русско-дагестанские отношения», № 12; А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 94—95.

⁸¹ Кумыкские дела за 1629 г.

⁸² «Русско-дагестанские отношения», № 61; Н. А. Смирнов. Россия и Турция, т. II, стр. 38, 41; А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 246.

⁸³ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 87, 99, 113, 171, 176, 246; В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. СПб., 1887, стр. 479—480, 506—507.

Северном Кавказе условия — наличие сильного гарнизона в Терском городе, русский контроль над северокавказским путем, подданство России кабардинских и двойное подданство — России и шахам — дагестанских земель не позволяли крымцам совершать поход через «Османовщину».

В 1639 г. турецкий султан Мурад IV заключил мир с шахом Сефи I, надолго установивший раздел Закавказья между Турцией и Ираном. Прекращение войны значительно изменило положение на Северном Кавказе и в Дагестане.

Если шахи Аббас I и Сефи I в первые десятилетия XVII в. не возражали против двойной зависимости дагестанских владельцев от Персии и от Москвы, то шах Аббас II (1642—1667 г.) занял в этом вопросе иную позицию. В середине 1640-х годов «шах Абасовы ратные люди» согнали кайтагского удмию Рустем-хана с его владения, «по шах Абасову велению» удмием сделался племянник Рустем-хана Амерхан-Салтан. По сведениям терских воевод, эти события объяснялись тем, что Рустем-хан посылал в Москву своих послов и «учинился под государевою рукою»⁸⁴. Основанный на восточных источниках труд Бакиханова («Гюлистан-Ирам») называет иную причину — сношения прежнего удмию с турецким султаном, желавшим поднять горцев Дагестана против Ирана⁸⁵. Во всяком случае, когда в 1645 г. терские воеводы послали к новому удмию приглашение шертовать царю Алексею Михайловичу, они получили ответ, что удмий «шертовать великому государю без шахова указа не смеет». Подобный же ответ был прислан в 1645 г. от шамхала Сурхая на предложение послать посла в Москву: «не описався де ему с кизылбашским шахом, послов к нему, великому государю, послать нельзя». С 40-х годов связи шамхалов с Москвою по сравнению с первой половиной XVII в. значительно ослабели⁸⁶.

В этот период шахское правительство пыталось распространить свое влияние и на Эндери, где после смерти Айдемира и Султан-Магомеда старшим владельцем сделался второй сын Султан-Магомеда Казаналли, положение кото-

⁸⁴ Кумыкские дела, 1645 г.; «Русско-дагестанские отношения», № 78.

⁸⁵ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 99.

⁸⁶ «Кабардино-русские отношения», т. I, № 165; Кумыкские дела за 2-ю пол. XVII в.

рого ослабляли постоянные столкновения с племянником. В 1640 — 1650 гг. шаховы ратные люди с помощью шамхала Сурхая постоянно теснили Казаналыпа, что вызвало оживление сношений с Москвою эндерейских владельцев. В 1651 г. иранские войска предприняли поход против Сунженского острога (возобновленного в том же году) и сожгли его ⁸⁷.

Однако до начала XVIII в. русское правительство никаких активных действий против Ирана не предпринимало. Взаимоотношения русского правительства с Турцией и Крымом складывались иначе: уже в 1633 г., во время войны с Польшей за Смоленск, был предпринят со стороны Астрахани поход русских войск против Малых Ногаев (намечалась возможность похода и на Крым), в котором приняли участие кабардинские отряды из Терского города; в 1640-е годы явно обнаружилась тенденция к активным действиям против Крыма; в дальнейшем война Русского государства за присоединение Украины повела в 70-е годы к русско-турецкой войне, что вызвало обострение русско-крымских и русско-турецких отношений из-за влияния на Северном Кавказе и особенно в Большой Кабарде.

---

⁸⁷ «Кабардино-русские отношения», т. I, № 193—195; «Русско-дагестанские отношения», № 86.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги.

В истории народов Кавказа, в том числе и Северного Кавказа, в XVI — первой половине XVII в. важнейшими событиями были тянувшиеся через весь XVI век и до 1639 г. войны за овладение Кавказом между двумя военно-феодальными монархиями Востока — Турцией и Ираном и, с другой стороны, выход России по волжскому пути к Каспийскому морю. Пестрое этнически население Северного Кавказа, стоявшее по уровню социально-экономических отношений или на стадии неразвитого феодализма или еще дофеодальных форм, не имевшее сколько-нибудь сильной государственности и материальных и технических средств, явилось объектом сильной турецко-крымской и шахской агрессии. В этой обстановке установились сношения Северного Кавказа с Русским государством, вступившим примерно с XVII в. в новый период своей истории, определивший его развитие в дальнейшем по прогрессивному капиталистическому пути — в противоположность застойным формам социально-экономического развития османской Турции и сефевидского Ирана.

В ирано-турецких войнах два периода были чрезвычайно ответственными для судьбы народов Кавказа — вторая половина XVI в., особенно последняя его четверть, когда Турция, достигшая вершины своего могущества, овладела почти всем Закавказьем и вышла к Каспийскому морю, и первые десятилетия XVII в., ознаменовавшиеся явным упадком Османского государства, когда Сефевидское государство при шахе Аббасе получило явный перевес над своим противником. Северный Кавказ занимал важное место в политических и стратегических планах турецкого и иранского правительств: в первый период народы Северного Кавказа были под угрозой подчинения

Турции и Крыму, во второй — Ирану. Установившиеся сношения Северного Кавказа с Россией помешали выполнению этих планов и имели большое значение для дальнейшей судьбы не только народов Северного Кавказа, но и Закавказья.

Северокавказские связи облегчили выполнение задач восточной политики русского правительства. Важнейшими из них в изучаемое время были: борьба с турецко-татарской опасностью; сохранение выхода по волжскому пути к Каспийскому морю, обеспечивавшего развитие экономических и политических сношений с Ираном, Средней Азией и Закавказьем. Опорными пунктами сношений были Астрахань, русские крепости на Северном Кавказе и поселения гребенских и терских казаков. Если во второй половине XVI в. не только северокавказские крепости, но и Астрахань оказывались не раз под угрозой из-за турецко-крымского вмешательства, то в первой половине XVII в. уже вполне определилось устойчивое положение как Терской крепости в устье Терека, так и Астрахани, являвшейся крупнейшим центром восточной торговли. Торговые связи с Востоком, отражавшие общие линии экономического развития страны, отвечали как фискальным интересам русского правительства, так и интересам русского купечества, особенно его верхушки.

Центральное правительство Русского феодального государства осуществляло свою политику на Северном Кавказе через администрацию на местах военно-феодальными методами. Оно вело сношения прежде всего с феодальными владельцами Северного Кавказа, укрепляя их положение и поддерживая те нормы местного права, которые отвечали интересам феодальных слоев; привлекало членов феодальных семей на службу в Россию, где они включались в ряды русского феодального класса; давало им льготы в торговле с Россией; вступая в междоусобную борьбу местных феодальных группировок, чаще придерживалось политики разъединения, но не примирения их. Совместные походы русских военных отрядов с отрядами тех или иных владельцев против их «недругов» сопровождалось разорением поселений и взятием полона.

Сношения с Русским государством отвечали, однако, интересам не только феодальных слоев местного населения, но и трудящихся его слоев, в первую очередь страдавших в период ирано-турецких войн от грабительских

нападений и продажи людей в рабство. Экономические связи, хотя и медленно, развивались. Незакрепощенное крестьянство народов Северного Кавказа оказывало влияние на внешнюю политику феодалов. Указания источников говорят о том, что в ряде случаев оно поддерживало установление связей с Россией. Внешнеполитическая ориентация северокавказских феодалов не была устойчивой.

Во второй половине XVI и в XVII в. русское правительство и русские феодальные слои не были заинтересованы в территориальных приобретениях и в распространении русского феодального землевладения на далеком от населенных областей Русского государства Северном Кавказе. Русские крепости на Северном Кавказе имели главным образом стратегическое и политическое значение, отчасти экономическое. Установление зависимости того или иного северокавказского владения от Русского государства не сопровождалось установлением государственной границы и не вело к назначению русской администрации.

Шертные записи, на которых приносились присяги в русском подданстве, включали в XVII в. формулы «холопства навеки» и неотступления ни к какому иному государю; грамоты к тем или иным владельцам оформлялись, как «к подданным». Фактически взаимоотношения между теми или иными владельцами и их землями с Русским государством, оформленные присягами на таких шертных записях, не были одинаковыми; в одних случаях связи были более прочными, в других они по временам обрывались, наконец, иногда возникали своеобразные отношения «общего холопства» русскому царю и персидскому шаху. Присяга закреплялась обычно выдачей аманатов — заложников. Наиболее прочным было присоединение к России Кабарды. Однако и здесь отсутствие централизации вело к тому, что не все владельцы различных кабардинских владений поддерживали постоянные связи с Русским государством.

В 1645 г., когда приносилась присяга царю Алексею Михайловичу, в Большой Кабарде дали шерт мурзы Алегую и Ходождукю из Казыевых, сын и внуки Сунчалей из Идаровых; в Малой Кабарде — князя и мурзы Шолоховы из Таусалтановых, Мударовы и Ахловы из Клехстановых, а также Анзорова Кабарда; в Дагестане — аварский нусал, эндерейский владелец и ряд связанных с ним мел-

ких владений (в том числе чечено-ингушская «Окодная земля») и после колебаний, вызванных двойным подданством шаху и царю, шамхал Суркай и ряд кумыкских владельцев. Кайтагский уцмий в 1645 г. отказался присягать, ссылаясь на то, что он не может шертовать без указа шаха. Одновременно с русским населением Терской крепости было приведено к присяге население нерусских его слобод. Эти данные отражают положение на Северном Кавказе, сложившееся к 40-м годам XVII в. Процесс присоединения к Русскому государству был общим процессом для северокавказских народов, протекавшим неравномерно и противоречиво, в сложной обстановке, объективно прогрессивным в конечных своих результатах.

Установление связей народов Северного Кавказа с Россией имело международное значение и учитывалось в международных сношениях России как с государствами Востока, так и Западной Европы.

Изучение взаимоотношений России с северокавказскими народами во второй половине XVI и в первых десятилетиях XVII в. раскрывает одну из сторон образования Русского многонационального государства.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук.
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией.
- АКАК — Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (Тифлис).
- АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России.
- АВПР — Архив внешней политики России (в Москве).
- Временник ОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
- ДРВ — Древняя российская вивлиофика.
- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
- ГИМ — Государственный Исторический музей.
- ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
- Известия ОРЯС Ак. наук — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
- ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи, СПб., 1830.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- ПДРВ — Продолжение Древней российской вивлиофики.
- РИБ — Русская историческая библиотека.
- Сб. МОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Тифлис).
- Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества.
- СГГД — Сборник государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (в Москве).
- ЦГИА Груз. ССР — Центральный Государственный исторический архив Груз. ССР (в Тбилиси).
- Чт. ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Абаев В. И. 87, 168, 169
Абаевы, балкарские владельцы 173
Аббас (Бас) I, шах Ирана 9, 11, 31, 66, 82, 103, 258, 262, 268, 269,
273—275, 280, 283—290, 304—309, 312, 313, 322, 324
Аббас II, шах Ирана 311, 320—322
Абдаулла, (Абдулла), балкарский владелец 172, 173. Ср. Айдабул.
Абдулла, узбекский хан 186, 262, 275, 283
Абдулла, ширванский хан 225, 226
Абуллатиф, владелец Самарканда 184, 185
Абши Тавзреков — см. Абшика Тазримов
Абшика Тазримов (Абши Тавзреков), балкарский владелец 172
Авджидумук, жанеевский князь 153
Авсати, божество охоты у осетин 163
Ага-Машуков Черкасский, князь 150, 151, 204
Ага-Машуковы Черкасские, князья 151
Адашев Алексей Федорович 226
Адашев Даниил (Данило) Федорович 213, 216
Аджи Сеундоков, тезик (восточный купец) 125
Адиль-Гирей, крымский царевич, затем калга 153, 155, 243, 246, 253,
258, 259
Адиль-Гирей — см. *Султан Адиль-Гирей*
Азамат-Абаев, балкарец, молочный брат кабардинского кн. Касая
Атажукина 173
Азям-Касим царь (Изым Касым царь) 191. Ср. Казим-мирза
Айбирь Батаев, мурза, владелец Окоцкой земли 81
Айдабул, балкарский владелец, аталык кабардинского кн. Камбу-
лата Пшимахова 173
Айдабуловы, балкарские владельцы 173
Айдар — см. Идар
Айдаровы — см. Идаровы
Айдемир Салтанмагмутов, мурза, эндерейский владелец, затем
шамхал 46, 69, 310, 311, 321, 323
Аймыш, божество у адыгов, покровитель овец 97

---

* Составлен Е. А. Юрченко. Поскольку для большинства мест-
ных лиц, в том числе и князей, известны только имена, то все мест-
ные люди, в том числе и перешедшие на русскую службу, даны на
имена.

- Айтек Алкасов, кабардинский мурза 82, 121, 166
 Айтековы, кабардинские мурзы из рода Клехстана 317
 Акабгу, легендарный родоначальник кабардинских князей и мурз
 109, 142
 Аккубек, астраханский хан 186, 193
Акритас П. Г. 170
 Аксакел Магмет, ногайский мурза 94
Алборов Б. А. 86
 Албуздуй, (Езболуй, Езбузлуко), князь «пятигорских черкас» 203,
 205, 206
 Алган, шибутянин 72. Ср. Алги
 Алгас-мурза (Элькас), правитель Ширвана 181, 198
 Алги, шибутянин 78, 79. Ср. Алган
 Алегихко, мать кабардинского мурзы Батыр-бия Эльмурзовича 123
 Алегуко Шегануков, мурза Бол. Кабарды 92, 94, 95, 101, 112, 114,
 123, 127, 129, 142, 156—158, 160, 167, 173, 326
Алейников М.— 170
 Александр, царь кахетинский 39, 43, 67, 110, 262, 263, 268, 269, 273,
 275—277, 279, 282, 283, 286—288
 Александр Сибокович — см. Кудадек
Алексеева Е. П. 6, 12, 29, 34, 89, 91, 92, 94, 96, 99, 102, 110, 118, 133—
 137, 141, 143, 145—148, 150, 158, 206
 Алексей Михайлович, царь 120, 322, 326
 Алебек, дагестанский уздень 50
 Али-Мирза, ногайский мурза 189, 190, 212
 Али Чауш, гонец крымского хана в Москву 247
 Алибек, владелец Казы-Кумуха 44—47, 58, 307
 Алибек, балкарский владелец 173
Алибек Мамай 49
Алишаров-Аварский, М. 51, 59
 Алкас Бегишев, абазинский мурза 156, 157
 Алкас Джанмурзин из рода Клехстана, кабардинский мурза — 61,
 92, 272
 Алкаш Кардануков, абазинский князь 160
 Алклы Езбузлуков, «черкасский князь» 155, 202, 203, 205, 206. Ср.
 Езбузлуков Иван
 Аллага (Уллага), дербенец 44, 45, 47—49, 283
 Алтынач-царица, дочь кабардинского князя Темрюка, жена астра-
 ханского царевича Бекбулата 235
 Алхан, сын Дикея, шибутянин 72, 79
 Алхас (Алкас), кабардинский мурза 82
 Амаль-Мухаммед, шамхал 237
 Амангильдей, ногайский посол в Москву 196
 Амашик — см. Машук
 Амерхан-Салтан, уцкий кайтагский 322
 Анака, шибутянин 78
 Анастасия Романовна, царица, жена Ивана Грозного 219
 Авдя-бек, посол шаха в Москву 274, 275, 280, 284, 285
 Андий (сын Суркая?), кафыр-кумукский владелец, затем шамхал
 44—47, 57, 284, 307—309
 Анзоров Зазоруко — см. Зазоруко Анзоров
 Анзоровы, кабардинские первостепенные уздени 110—112
 Антиоко, жанеевский князь 152
 Антонов Тарх, дьяк и посол в Грузию 65, 67, 272

- Анучин Василий, казачий голова 277
 Анчоковы (Кансауковы), род жанеевских князей 150, 205
 Арабулин, тушинец 73
 Арам, посол кахетинского царя в Москву 282
 Араслановы, кабардинские князья 123, 125
 Араслановы, ногайские мурзы 214
 Арманников Г. 200
 Арольт — см. Ганс Герольд
 Арсаханов И. 69, 70, 77, 78
 Арсений Суханов, монах 43, 52, 53
 Арслан, ногайский мурза 185, 192
 Д'Асколи, итальянец, префект в Каффе 89, 150—152
 Асламбек (Осламбек) Кайтукин, князь кабардинский — 130, 253, 272, 273
 Аслан Карабгоев (Карабугаев), дигорский мурза 165, 167
 Аспан-бек, турецкий посол к шамхалу 284
 Астемировы — см. Ентемировы
 Атажукин Исмаил — см. Исмаил Атажукин
 Атажукины, владельцы в Бол. Кабарде 161
 Атаман-Дуван, начальник крымско-турецкого войска 193
 Аузачек-салтан, крымский царевич 273
 Ахловы, кабардинские мурзы 326
 Ахматкан, кумыкский князь 70
 Ахмед, турецкий султан 320
 Ахмед, турецкий чауш 185. Ср. Ахмет-ага, турецкий чауш
 Ахмед, ходжа в Средней Азии 185
 Ахмет-ага, турецкий чауш 190, 193. Ср. Ахмед, турецкий чауш.
 Ахмет-Аснат Черкасский, князь, приближенный крымского хана
 Девлет-Гирея 201
 Ахриев Чаха 63, 65
 Ахын, божество у адыгов, покровитель скота 97
 Ацымгук, брат жанеевского князя Сибока 204
- Баба-шейх, среднеазиатский шейх 185
 Бабасуух, княгиня, мать кабардинского мурзы Келмамета Куденетовича 123. Ср. Бабатух Алкасовна.
 Бабатух Алкасовна, жена кабардинского кн. Куденека Камбулатовича, затем его брата Пшимахи 126. Ср. Бабасуух.
 Бабичев Андрей Семенович, князь, воевода 239
 Багмет-баша — см. Магомед-Соколи
 Багмут-ага, начальник отряда янычар в Крыму 228
 Багошевы, владельцы абазинского племени Баг 157
 Баду, черкасский оружейник 105
 Базрука Канмурзин, кемиргойский мурза 139, 140, 148, 149, 156, Ср. Бузрук
 Бакиханов Аббас-Кули Ага 11, 44, 46—48, 51, 56, 59, 198, 199, 244, 258, 259, 312, 322
 Бакланов Н. В. 7, 41
 Бакунин В. М., чиновник астраханских учреждений и Колл. иностр. дел в СПб. в первой пол. XVIII в. 144
 Балкаров Б. X. 142
 Балкаруковы, владельцы чегемского общества в Балкарии 170
 Бамат (Багамат), владелец Кафыр-Кумука в Сев. Дагестане 44
 Бамат Кургокин, кабардинский владелец 143

- Башгыш-Каменский, Н. Н.* 14, 15, 264
 Барак, самаркандский хан 184, 185
Баратов Т. Г. 97
Бартольд В. В. 13, 276
 Бас, шах — см. Аббас, шах
 Бата, холоп 105
 Батай Шихмурзин, мурза, владелец Окоцкой земли 81
 Батый, хан Золотой Орды 134
 Батыр-бий Эльмурзович, кабардинский мурза 123
Бахрушин С. В. 223, 225, 296
 Бахта-Гирей, крымский султан 96
 Бахтеяров В. И., князь, воевода 287
 Баязед, сын турецкого султана Сулеймана 216, 228, 229
 Беберюк, сын кабардинского князя Темрюка 254
 Безрука, сын кабардинского мурзы Янхота Асланбекова 127
 Бейли Томас, английский полковник 292
 Бекбулат, астраханский царевич 235
 Беклемишев Федор Григорьевич, русский посол в Швецию 220
 Белек-Булат, ногайский мурза 191
Белл Джон, шотландец, врач, участник русского посольства в Иран 1715—1716 гг. 40
Белл (Bell J. S.) английский агент в Черкесии в первой пол. XIX в., автор «Журнала» 149
Белокуров С. А. 13, 26, 30, 31, 39, 41, 43—46, 48, 50, 60, 61, 65—67, 70, 71, 74, 81, 82, 92, 97, 102, 107, 109, 110, 112, 113, 115, 118, 120—123, 126, 127, 129—132, 166, 170, 173, 206, 226, 231, 236, 237, 239, 241—244, 259, 269, 270—273, 277, 278, 280, 282, 284—288, 293, 298, 305, 307
Бентковский И. В. 76
Березин И. Н. 134
Берже А. П. 63, 65, 69, 79
 Берслан Кайтукович Джакутов, кабардинский князь 132
 Бесльный Абат, адыгейский князь 90, 100, 118, 127
 Бибердовы, владельцы абазинского племени Биберди 159
 Бибиков Иван, русский гонец в Крым 279
 Биевы, балкарские владельцы 173
 Бий-Багомат, буйнакский владелец в Сев. Дагестане 303. Ср. Бутай (Будай) Баматов
 Бижна Алеев, аталык кн. Мудала Сунчалеевича Черкасского 125
 Биркин Родион, русский посол в Грузию 61
 Гиту, сын Идара, князь кабардинский 130
 Биязрук, посол мурз Бол. Кабарды в Москву 7
 Благово Борис Петров, русский гонец в Турцию 260, 261, 267
Болховитинов Е. 131
Блюмфельд О. А. 15
 Богатыр-Гирей (Бегадур-Гирей), крымский хан 138, 320
Богоявленский С. К. 295
 Бодархан-бек, посол кайтагского удмия в Москву 314
 Болотников Иван Исаевич, предводитель крестьянской войны 155
 Волохото, родоначальник князей кемиргойских 140, 150
 Борис Камбулатович — см. Хорошай-Борис Камбулатович
 Бровцын Николай (Микула), русский посол к Ногаям 192, 195—198, 207
Броневский Мартин (Broniovius Martinus) 94, 145, 206

- Броневский С. М. 23, 30, 98, 118, 245
 Брун, Ф. 134
 Бублейников Ф. 302
 Бузанов В. И. 12, 256
 Бутдай, шамхал 44, 47, 237—239
 Будагов Л. З. 145, 240
 Будачей Сунчалеевич, кабардинский мурза 113, 130
 Будаичи, ершелдинский владделец в Сев. Дагестане 45
 Бузрук, владделец западнодагьского племени Булткай 140. Ср.
     Базрука Канмурзин
 Букалова В. М. 21, 117, 118, 128
 Булат-бек, посол шаха в Москву 308
 Булгаков Михайло, воевода 213
 Булгаков Юрий, сын боярский 218
 Булгерук, сын кабардинского князя Темрюка 233, 234
 Бурграф Аврам, имперский посол в Москву 289
 Бурдей Г. Д. 35, 186
 Бурмак, мурза 240
 Бурнаш, мурза 240
 Бурхан, хап, среднеазиатский владделец 185
 Бурцев Михаил, воевода 264, 265, 269, 270
 Бусбек (von Busbeck G.), посол германского императора к турецко-
     му султану 201
 Бутай (Будай Баматов, Бий Багаматов), буйнакский владделец, за-
     тем шамхал 46
 Бутак-бек, посол шаха в Москву 275, 280
 Бутков П. Г. 67, 84, 205
 Бутурлин Иван Михайлович, воевода 287, 288
 Бюрган-Али, из рода ширваншахов 198

Вайнштейн О. Л. 300
 Ванев З. Н. 166
 Варкоч Николай, имперский посол в Москву 289
 Варганов А. С. 25, 64, 73, 76, 80
 Василий Агишевич Тюменский — см. Мамай Агишев
 Василий III Иванович, великий князь Москов. 212
 Василий Иванович, царевич, сын ц. Ивана IV от Марии Темрюков-
     ны 234
 Василий Карданукович Черкасский, князь — см. Казый Кардану-
     кович Черкасский, князь
 Васильчиков Григорий, русский посол к шаху 274, 275
 Вахушти, грузинский царевич, выехавший в 1724 г. в Россию, ав-
     тор «Географии Грузии» и др. трудов 67, 77, 80, 82, 162—164,
     166, 169, 172, 240
 Вейденбаум Е. Г. 68, 74, 243, 244
 Вельяминов Никита Дмитриевич, торский воевода 61
 Вельяминов-Зернов В. В. 188, 235
 Веркуша, «черкасский» князь, конюший крымского хана 201
 Веселовский А. Н. 150, 151
 Веселовский Н. И. 13, 104, 106, 186, 269, 274—276, 282—284, 286,
     305—307
 Вешняков Игнатий Михайлович, постельничий ц. Ивана IV, вое-
     вода 214—216
 Висковатый Иван Михайлович, дьяк 226

- Висный Мясоед, русский посол к Ногаям 197
 Вишневецкий Дмитрий Иванович, князь 209, 213, 214, 217, 218, 220, 223, 231
 Вишневецкий Михаил Иванович, князь 220
Владыкин М. 243
 Вокшерин Федор Васильев, русский посол в Польшу и в Кабарду 203, 220
Волконский Н. 110
 Волконский Федор Федорович, князь, русский посол в Грузию 76
 Вонявин Степан, горный мастер 303
 Воротынский Михаил Иванович, князь, воевода 255
 Врасский Григорий, стрелецкий голова 238
 Выродков Иван, астраханский воевода 219
 Вышеславцев В. И., русский посол к Ногаям 219

 Гаврила (Газрутов?) Черкасский, князь 221, 222. См. также Гаврила-Хокяго Камбулатович Черкасский
 Гаврила-Хокяго Камбулатович Черкасский, князь 221
Гаджиева С. 28, 49
 Галистан, карачаевский мурза 173
Гамель И. Х., академик 292, 301, 303
Гаммер (Hammer-Purgstall J) 10, 138, 184, 202, 229
Гап К. Ф. 165, 245
 Ганс Герольд (Анца Арольт), рудознатец 301
Гарданов Б. А. (В. К.) 8, 9, 54, 56, 90, 112, 119
Гасан-аль Кадари, автор истории Дагестана (*Асари Дагестан*) 44, 46
 Гезар-Фенн, турецкий историк XVII в. 222
 Гелей, сын «Черного князя» 277
 Гелехстановы (Клехстановы), род кабардинских князей и мурз 92
Гембицкий О. 302
Генко А. Н. 59, 60, 63—66, 68, 69, 73, 85, 87
 Генрих II, французский король 182
Георги И. Г. 80, 96, 173
 Георгий II, имеретинский царь 151
Гербер И.-Г., капитан артиллерии 39, 41, 84, 103—105
Герберштейн Сигизмунд, участник двух имперских посольств в Москву в первой пол. XVI в. 94
 Герритс, картограф 242
Герц К. 200
Гильденштедт (Güldenstädt J. A.), академик, путешественник по Кавказу в 1770-х гг. 20, 63, 98, 115, 121, 142
 Гирей Суркаев (Гирей-хан), тарковский владелец 23, 44, 46—48, 57, 58, 70, 306, 307, 320
 Гирмаханов Доа, чеченец, житель сел. Гойты 72
Главани Ксаверий 96, 140, 158, 159, 169, 173
 Годунов Борис Федорович, боярин, затем царь 264, 278, 280, 281, 286, 289, 290
 Годунов С. В., русский посол в Польшу 264
 Головин Михаил Петрович, воевода 213
Головинский Ш. А. 63, 79, 84, 86
 Голохвостов Никита Григорьев Казаринов, русский посол в Кабарду 234

Горчаков, Илейка — см. Илейка Горчаков
Грабовский Н. Ф. 63, 65, 69, 74, 86, 127
Грамотин Иван Тарасевич, думный дьяк Посольского приказа 13,
309
Грантри де Граншан, французский посол в Турцию 249
Григорий Сунчалеевич Черкасский — см. Сунчалей Сунчалеевич
Черкасский
Грушевский М. С. 221
Гусевский Яков, атаман гребенских казаков 66
Густав, шведский король 220

Далгат Б. 80, 85
Дамалей, герой кабардинской песни 9
Давылов Руслан, толмач 268
Данилова Л. В. 36
Даниялов Г. Д. 15
Дашков Иван Андреевич, князь, терский воевода 172, 173, 30
Дашков Иван, воевода 238
Девиц, комендант крепости Кизляра 80
Девлет-Гирей, крымский хан 151, 190—192, 195—197, 199, 201—203,
208—212, 214, 216, 217, 219, 221—224, 229, 234, 236, 246—248,
250—255, 257, 278
Дельпоццо, полковник 86
Демидова Н. Ф. 15
Дербыш-Алей (Дервиш), астраханский хан 188, 190—193, 196, 197,
210, 235
Джавалишвили М. Г. 226
Джанбулатовы, владельцы в Бол. Кабарде 161
Джанибек-Гирей, крымский хан 151, 153, 183, 312, 313, 318, 320, 321
Джантемировы, владельцы абазинского племени Джантемир 159
Джаным Бабуков, абазинский мурза 156, 157
Джафар-паша (Ефер-паша), турецкий военачальник 260, 263, 267
Дженкинсон, агент английской торговой компании, путешествен-
ник 226, 227, 239
Джерахмат, легендарный родоначальник ингушей-джераховцев 67
Дирр А. М. (Dirr A.) 66, 163
Дмитрашка, капитан, предводитель черкесов 217. Ср. Вишневецкий
Дмитрий Иванович, кн.
Дмитрий (Каншов) Мамстрюкович Черкасский, князь, боярин, на-
чальник приказа Казанского дворца 295
Додоруко, абазинский владетель, дед Казыя (Василия) Кардануко-
вича Черкасского 206. Ср. Дудоруко, Тутарык (Тоторуко)
Долгоруков Владимир Тимофеевич, князь, воевода Койсинского
острога 283
Домануко (Доманук) Темрюкович, кабардинский мурза 11, 130, 233,
238, 285
Дондуа В. Д. 87
Доотоковы — см. Таутуковы
Дружинина Е. И. 5
Дубровин Н. Ф. 138, 146
Дударов, осетинский старшина 66
Дударуко, мурза, родоначальник абазинских владельцев Дудору-
ковых 155. Ср. Додоруко, Тутарык (Тоторуко)

- Дударуковы (Даруковы), владельцы абазинского племени Дудорук
155, 159, 160
- Дудыля, мурза 240
- Дурбика, бесленевская княжна, мать крымского хана Джанибек-Гирея 151
- Дьячков-Тарасов А. Н.* 25, 143, 147
- Дюбуа де Монпере*, швейцарский путешественник первой половины XIX в. 145
- Езбозлуков Иван, «черкасский» князь 202, 203. Ср. Алклыч Езбузлуков
- Езболуев Тутарык (Иван) — см. Тутарык (Иван) Езболуев
- Езболуи (Езбуздуко) — см. Албуздуй
- Ездоур, мурза — 240
- Елбузду (Йбуздук), сын Идара, кабардинский мурза 205, 206
- Елбутлуко (Албуздук), сын Биту, кабардинский мурза 205, 206
- Елим Салтан, крымшамхал 46
- Елчин Федот, дьяк, русский посол в Дадрианскую землю 109, 170, 173
- Ельбуздук, карачаевский мурза 173
- Еман-Гирей салтан, крымский хан 153
- Евалука Хотов (из Анзоровых), кабардинский уздень первой степени 112
- Ентемировы (Астемировы), кабардинские уздени второй степени 110
- Епифаний, митрополит грузинский 68, 76
- Ермолов А. П., генерал 124
- Еффер-паша — см. Джафар-паша
- Желегоща, княгиня, вдова кн. Сунчалей Янглычевича Черкасского 123, 294
- Жордания Г.* 296
- Загабзань, сестра кабардинских князей Араславиных 125
- Загряжский Игнатий, русский посол к Ногаям 197, 198, 207
- Загряжский Федор, русский посол в Крым 209
- Зазаруко Анзоров, мурза, кабардинский уздень первой степени 167
- Засекин Александр, князь, русский посол к шаху 286
- Засекин Григорий Осипович, князь, воевода 278, 282
- Затылко Лаварсанов, шибутянин 78
- Захарьев Павел, священник, русский посол в Дадрианскую землю 109, 170, 171
- Звенигородский Афанасий Андреевич, князь, воевода 213
- Звенигородский Семен, князь, русский посол в Кахетию 65, 67, 272, 276, 277
- Зевакин Е. С.* 22, 27, 134, 135, 144
- Зейдлиц Н. К.* 243
- Зиновьев Лаша, подьячий 220
- Ибак Асламбеков, кабардинский мурза 126
- Ибаковы, кабардинские мурзы 129, 302
- Ибрахим Мутафаррика, турецкий первопечатник 134
- Иван Борисович Черкасский, князь, боярин 295

- Иван IV Васильевич Грозный, в. кн. московский, потом царь 12, 29, 32, 34, 95, 109, 110, 151, 155, 188, 190—193, 196—198, 202, 204, 206—209, 212—214, 216—219, 221—228, 231, 233—235, 237, 239, 241, 242, 246—248, 251—256, 259, 261, 279
- Иванов Андрей, дьяк, русский посол в Турцию, позже в Грузию 65, 82, 166, 279, 280, 287
- Ивашев Дмитрий, купец 225
- Идар (Айдар), князь кабардинский 142, 154, 206, 318
- Идаровы (Айдаровы), род кабардинских князей и мурз 123, 130, 132, 232, 271—273, 285, 301, 317, 318, 326
- Иевлев Алексей Иванович, дьяк, русский посол в Имеретию 122, 163, 167, 169
- Иессен А. А.* 6
- Извольский Истома, сын боярский 215, 218
- Измаил, ногайский мурза, затем князь 188, 190—193, 195—197, 212, 214—216, 218, 219, 222, 223, 235, 236
- Измаил, дигорец 167
- Измаил Атажукин*, кабардинский князь, русский офицер, автор «Записки» 1804 г. о народах Сев. Кавказа 23
- Изым-Касым царь (Азым-Касим царь) 191. Ср. Казим-мирза.
- Илейка Горчаков (царевич Петр), самозванец 283
- Ильдар Куденетович Черкасский, князь 107
- Ильдар Ибаков, кабардинский мурза 123
- Ильдар Суркаев, тарковский владелец, шамхал 46—48, 52, 53, 58, 297, 303, 306, 307, 309—311, 314, 321. Ср. Ильдар, сын Чубан-шамхала, Эльдар Чепалов
- Ильдар, сын Чубан-шамхала — ср. Ильдар Суркаев
- Инайет-Гирей, крымский хан 316, 319
- Инал, легендарный родоначальник кабардинских князей и мурз 109, 143, 142, 154, 160
- Иналука, посланец крымского хана в Терский город 312
- Интериано Георгий*, итальянец, путешественник 22, 89, 102, 103, 150, 151
- Иоани, священник 201
- Иоани Болгарский, протопоп, начальник Осетинской миссионерской комиссии 165, 166
- Искандер Мунши*, персидский хронист 11
- Ислам-Гирей, крымский хан 260, 262, 263, 266, 268
- Ицалов М. М.* 15
- Ичурук, черкасский мурза 216
- Кавкльч Кануков (Канкльч Кануков), кабардинский мурза 216, 231—233
- Казак-хан, наместник шаха в Шемахе 313
- Казаналып Султанмагмудов (Салтанмутов), эндерейский владелец 52, 54, 84, 323
- Казбек Г. Н.* 65
- Казы, кабардинский князь — см. Казый Пшеапшонов
- Казим-мирза (Касим), из рода правителей Ширвана 183, 185, 191, 198, 199. Ср. Азым-Касим царь, Изым Касым царь, Таизым-касим царь
- Казы-Гирей, крымский хан 259, 268, 273, 278—280, 281
- Казыевы, кабардинские мурзы, потомки Казыя Пшеапшопова 123, 326

Казый, уздень шамхала 50
Казый Додоруков (Доруков), абазинский мурза 156
Казый Кайсынов, кабардинский князь 173
Казый (Василий) Карданукович Черкасский, князь, из абазинских мурз 155, 206, 318
Казый Пшеапшоков (Шешуков), кабардинский мурза 109, 114, 130, 140, 156, 160, 171, 258, 259, 273, 285, 317, 319, 320
Казый Ураков, ногайский мурза, основатель Мал. Ногайской орды (Казыева улуса) 192, 236, 237, 257
Казый Шешуков — см. Казый Пшеапшоков
Кайбулла, астраханский царевич 193
Кайтука Мамстрюков, кабардинский мурза 154
Кайтукины, род кабардинских князей и мурз 129, 130, 232, 258, 271—273
Кайтуко, родоначальник кабардинских князей и мурз Кайтукиных 114
Какаш, имперский посол к шаху 286, 292
Калгаш, мать кабардинского мурзы Мудара Алкасова 123
Калмыков И. Х. 34, 206
Калоев Б. А. 164
Калюбат, черкасский оружейник 105
Камбулат Идаров, князь кабардинский 130, 136, 206, 258, 271, 272, 295
Камбулат Пшимахов, кабардинский мурза 113, 173
Камбулатовы, кабардинские мурзы 272, 273
Каменев Н. 143
Канбаров И. М., русский посол в Польшу 253
Канбулат, жанеевский князь 152
Канклыч Кануков — см. Канклыч Кануков
Каноко (Каноко), родоначальник бесленеевских князей Кануковых 141, 142
Кансауковы — см. Анчоковы
Кантакузин Фома, посол турецкого султана в Москву 319
Кантемир, бесленеевский мурза 157
Канук, черкасский князь 221
Кануко Кайтуков, князь кабардинский 94, 130, 232
Кануковы, владельцы адыгского племени Бесленей 150, 205
Каншов Битемрюков, кабардинский мурза 111, 113, 301, 302
Каншов Мамстрюкович Черкасский, кабардинский мурза — см. Дмитрий Мамстрюкович Черкасский
Карабугаевы, владельцы Стырдигории в Осетии 165
Каракиш (Каргаш, Каракуш), «Черный князь» в Сев. Дагестане 271
Карамзин Н. М. 29, 30, 194
Караулов Н. А. 169, 173
Кардануко Дударуков, абазинский мурза 155
Карл IX, французский король 249
Карча, легендарный предок карачаевцев 170
Касай, ногайский мурза 192, 197
Касай Атажукин, князь Бол. Кабарды 173
Касим (Касым), черкес, дефтердар турецкого султана Сулеймана, потом паша в Каффе, предводитель турецкого войска в походе на Астрахань 201, 251, 254

- Каспулат Муцалович Черкасский, кабардинский мурза, потом
князь, служивший по Терскому городу 294
- Кастуев А. Г.* 163
- Катерина, сестра польского короля Сигизмунда-Августа 220
- Кафенгауз Б. Б.* 36
- Хакечя Бокин — см. Хакечя Бокин
- Келмамет Ибаков, кабардинский мурза 130
- Келмамет Куденетович (Куденекович) Черкасский, кабардинский
мурза 98, 107, 112, 113, 123, 124, 142
- Кирилл, кахетинский посол в Москву 39, 50, 282, 287
- Клавшов Севрюк, русский гонец в Крым 254
- Клаусен Корнилий, голландский инженер 291
- Клехстан, родоначальник кабардинских князей и мурз Клехстано-
вых (Гелехстановых) — 129, 317, 326
- Клычевы, владельцы абазинского племени Клыч 155
- Ключарев Иван, дьяк, русский посол в Кахетию 40, 72, 227
- Кобрич В. Б.* 284
- Кобяков Д. А.* 119
- Ковалевский М. М.* 8, 23, 24, 165
- Кокеев Г. А.*, 25, 33, 67, 92, 114, 167, 170
- Кокчи, князь, посланец крымского хана к Ногаю 262
- Кольцов-Моссальский В., князь, воевода 287
- Колюбакин Н. П.* 127
- Кордт В. А.* 94, 242
- Косвен М. О.* 9, 21, 24, 26, 63, 77, 90, 117, 123, 124, 136, 144, 244,
292
- Коста Хетагуров, осетинский писатель 165
- Котов Федот Афанасьевич, русский купец 40, 41, 291, 295, 297, 300
- Кохостров Бийтемирев, мурза, владелец Окочкой земли, выехав-
ший затем в Терский город 81
- Копшумовы, ногайские мурзы 196
- Крачковский И. Ю.* 134
- Крупнов Е. И.* 6, 7, 59, 60, 64, 76, 78
- Крым-Гирей, крымский царевич 248
- Крымский А. Е.* 201
- Кудадиак (Александр) Сябокович, сын жанеевского князя 204, 207,
221, 222
- Кудашев В. Н.* 24, 110, 111, 113, 124
- Кудейнет, владелец Брагун 119
- Куденек (Куденет) Камбулатович, князь кабардинский 126, 130,
271, 285, 293, 309, 317
- Куденетовы, кабардинские первостепенные уздени 110
- Кузнецова Н. А.* 40
- Кузьминский Андрей Ищия сын, русский гонец в Турцию 254, 255
- Куз Канукин, кабардинский мурза 160
- Кумахов М. А.* 142
- Кумургука Отлешпукин Ловов (Лоов), абазинский мурза 156
- Кумьков Т. X.* 5, 15, 28, 34, 88, 112, 116—118, 120, 173, 205, 206, 233
- Курат (Kurat А. Н.)* 248
- Курбский Андрей Михайлович, князь 191, 198, 207, 208, 212, 215,
224, 256
- Куртин Б. А.* 145, 240
- Кучук Безергенъ, купец из Алеппо 253
- Кушева Е. П.* 15, 33, 91, 94, 133, 137, 141, 146, 151, 230

- Лаварсан Языев, шибутянин 78
Лавров Л. И. 7, 28, 42—44, 46, 47, 49, 97, 99, 101, 102, 115, 121, 133, 134, 144, 144, 146, 147, 154, 156—161, 170, 237, 239
Лайпанов Х. О. 168—170, 173
Лаудаев Умалат 63, 69, 71, 73, 84
Ламберги А., итальянский миссионер XVII в. 170
Лачинов Мокей, русский посол к Ногаям 212
Лашков Ф. Ф. 144, 145
Левашева В. П. 103
 Лев — см. Леван
 Леван (Лев, Леон, Леонтий), кахетинский царь 11, 85, 227, 239
Ленин В. И. 108
 Леон (Леонтий) — см. Леван
Леонтович Ф. И. 9, 49, 63, 80, 90, 109, 111, 113, 114, 119—121, 124
 Леонтьев Иван, русский посол в Кахетию 286
Линевич И. П. 63, 69, 71, 72, 79
 Лихарев Ф., стрелецкий голова 267
 Лобанов В. М., князь, воевода 287
Лобанов-Ростовский А. Б. 230
 Лобанов-Ростовский, князь, астраханский воевода 263, 265, 267, 274
 Лок Михаил, английский купец 249
 Лоовы, владельцы абазинского племени Лоо 156, 159
Лопатинский Л. Г. 234
 Лорсия, сын Джерахмата 67
 Луарсаб, карталинский царь 227
де-Лукка — см. де Люк
Лурье Я. С. 289, 290
Любименко И. И. 226
де Люк (де Лукка), доминиканский монах, миссионер, путешественник первой пол. XVII в. 89, 99, 100, 137, 316
Люлье Л. Я. 100, 115, 127, 138, 140, 142, 146
 Лясота Эрих, имперский посол в Запорожье в 1590-е годы 282
- Маамет-паша — см. Магомет-Соколи
 Маашук — см. Машук
 Магмет, астраханский царевич, сын Дервиш-Алея 235
 Магмет-Гирей, калга, позднее крымский хан 95, 137, 151, 200, 201, 222, 229, 230, 243, 247, 258—260, 261
 Магмет-мирза, ногайский мурза 212, 218
 Магомед, владелец Казаниш, сын Чубан-шамхала 47
Магомедов Р. М. 8, 28, 39, 42, 44, 47, 49, 56
 Магомет, помещенец эндерейского владельца Казанальпа 52
 Магомет-Соколи (Маамет-паша, Багмет-баша), великий визирь турецкий 250, 252, 255
 Майхамат Биев, балкарец, емчек кабардинского князя Казыя Кайсынова 173
Максимов Е. Д. 85, 86
 Малхуруб Темрюковна, жена ногайского мурзы Тинехмата 235, 236
 Мальцев Елизар, русский посол к Ногаям 212, 214, 215, 219
 Мальцев Семен, русский посол к Ногаям 212, 218, 253
 Мальтин Борис, стрелецкий голова 157
 Мамай (после крещения Василий) Агитшев Тюменский, князь 230
Мамакаев М. 25

- Мамстрюк Темрюкович Черкасский, князь кабардинский 126, 130, 131, 164, 233, 254, 259, 271, 278, 285
- Мансуп-Кирей, крымский хан 191
- Мансур, имам — см. Шейх-Мансур
- Мария Темрюковна (Кученей), кабардинская княжна, жена царя Ивана Грозного 29, 109, 234, 235, 252—254
- Маркантонио Барбаро, венецианский посол в Турцию 249
- Марковин В. И.* 78
- Маркс К.* 34, 119, 122
- Мартиросян Г. К.* 63—65
- Маршаев Р. Г.* 8, 15, 27—29, 42, 47, 48, 54, 56, 311
- Матлов (Мазлов), сын кабардинского князя Темрюка 233, 234, 239
- Машук (Маашук, Магашук, Бугашик, после крещения Иван) Кануков, бесленевский князь 140, 141, 150, 151, 202, 204—206, 215—218, 231, 233
- Машуковы, владельцы адыгского племени Бсленей 150
- Маяковский И. Л.* 13
- Медведева О. П.* 170
- де Медем, командир корпуса войск на Сев. Кавказе 83
- Меси, турецкий паша 267
- Мехиа Ш. А.* 269
- Мехти, аварский владелец 307
- Миклухо-Маклай Н. Д.* 225
- Миллер Б. В.* 170, 292
- Миллер В. Ф.* 144, 145, 168, 240, 305
- Миллюков П. Н.* 191, 207
- Минаева Т. М.* 146
- Мисостовы, владельцы в Бол. Кабарде 161
- Мисоуст Багаматов (Мисоуст Хатугучукин), кабардинский владелец 123
- Михаил (Салтанук, Салнук) Темрюкович Черкасский, князь, опричник 11, 233, 254
- Михаил Федорович, царь 48, 81, 85, 98, 114, 139, 156, 157, 227, 294, 307, 310, 3
- Молчанов Михайло, стрелецкий голова — 72, 79
- Монгайт А. Л.* 6
- Морган Т. X.* 24
- Мохаммед III, Ходабенде, шах Ирана 274, 275, 284, 290
- Мохаммед Нашем эфенди, турецкий автор XVIII в. 144, 149
- Мстислав Владимирович, тмутараканский князь 205
- Мстиславская Марфа Ивановна, жена кн. В. К. Черкасского 155
- Мудар Алхасов, кабардинский мурза 82, 103, 109, 123, 126, 305, 317
- Мударовы, кабардинские мурзы 326
- Мужев Ф. И.* 28, 88
- Мурад III, турецкий султан 243, 258—263, 267, 269, 272, 273, 275, 277, 278—281, 283
- Мурад IV, турецкий султан — 313, 316, 319, 321, 322
- Мурат-Гирей, крымский царевич 261—270, 274
- Мурат Сулешов, татарский князь, русский амиат 261, 280
- Мурзабек, мурза, владелец адыгского племени Кемиргой 139, 148, 149
- Муслы-аталык, посланец турецкого султана к крымскому царевичу Сеадег-Гирею 267
- Мустафа, сын турецкого султана Сулеймана 201, 204, 216

- Мустафа-паша, турецкий военачальник 258
 Мустафа Челибей, турецкий посол в Москву 194
 Мустопар (Мустафа), казначей кабардинского кн. Мамстряка Темрюковича 132
Мухамед Рафи, писатель XIV в., автор Тарих Дагестана 51
 Муцал Сунчалеевич Черкасский, кабардинский мурза, позднее князь, служивший по Терскому городу 102, 105—107, 125, 127, 293, 294
 Мышецкий Ефим Федорович, князь, русский посол в Кахетию 40, 72, 79, 83, 227
 Мякинин Семен, подьячий 220
 Мясной Иван, русский посол в Крым 273
 Мясоедов Иван, русский посол в Крым 257
Мятлев Н. В. 155
 Нагой Афанасий Федорович, русский посол в Крым 155, 221—223, 230, 234, 245, 248, 250, 251, 253—255
 Надобный Василий, сын боярский 48
 Найденок, стрелец 65
Наима, турецкий хронист 10
 Нарчов Езбузлуков, кабардинский князь 97, 130, 317
 Нащокин Григорий Афанасьевич, русский посол в Турцию 279, 280, 282, 286
Невская В. П. 34, 206
 Нежифор, митрополит, посол кахетинского царя в Москву 66
 Николай Давидович, грузинский царевич 68, 72
Новосельский А. А. 13, 35, 135, 146, 153, 183, 196, 197, 199, 211, 212, 214, 223, 224, 236, 237, 246, 249, 257, 260—264, 266, 268, 279, 282, 310, 314, 318, 321, 322
Новосельцев А. П. 11, 35, 194, 226, 258, 274, 275, 283, 286, 290
 Новосильцев Иван Петрович, русский посол в Турцию 92, 250, 252
 Новосильцев Лука Захарьин, воевода Терского города 1577—1578 гг. 243, 259
Ногмов (Ногма) Шора Бекмурзин, адыго-кабардинский историк 9, 10, 32, 90—92, 94, 98, 100—103, 109—112, 114, 116—120, 125—127, 129, 131, 132, 141, 142, 146, 147, 152, 154, 158, 161, 232, 234, 254, 316, 318
 Норберг 10, 134
 Нуцал, карагачский владелец 44, 45
Олеарий Адам, участник Гольштинского посольства в Москву и в Иран в первой пол. XVII в. 45, 46, 102, 123, 291, 294
 Олферьев Р. В., русский гонец в Литву 231, 232
Омаров А. С. 8, 48, 54
 Осман-паша, турецкий военачальник 158, 243, 258, 260, 261, 284
 Охлов (Ахлов), кабардинский мурза 126
Ошаев Х. Д. 60, 68—70, 72—74, 79, 86
Павлинов А. М. 200
Пагирев Д. Д. 72, 73, 79
Паллас (Pallas P. S.), академик, путешественник 63, 86, 100, 133, 141, 142
Панков А. В. 297
 Пархань Шегануковна, жена кн. Шолоха Сунчалеевича Черкасского, затем его брата Муцала 126

- Персов А. М.* 15
Першин Федор, русский купец 225
Петр I Алексеевич, император 47, 244
Петров Алексей, дворянин 277
Петров М. Т., русский посол к Ногаям 235
Петрусевиц, полковник 112
Печев, турецкий хронист 10
Пиала (Шала)-паша 253, 267
Пивов Петр, дьяк, русский посол в Грузию 61
Пивов Роман, воевода 264, 265, 277
Плещеев Григорий Семенович, русский посол в Кабарду 238, 240
Покровский М. В. 28, 134, 136, 138, 140—142, 147—150
Полев И. О., воевода 287
Полиеватов М. А. 13, 22, 40, 60, 61, 63, 65, 68, 72, 79, 83, 90, 109, 111, 122, 135, 163, 164, 167, 169, 173, 227, 241, 276, 293
Полтев Григорий, казачий голова 273
Попко Ив. 244
Попов А. 288
Попов И. М. 79
Порфирьев С. 70
Потапов, комендант крепости Кизляра 80
Потто В. А. 31
Преображенский А. А. 36
Приклонский Богдан Герасимович, товарищ терского воеводы 302
Приклонский Петр Федорович, терский воевода 319
Протасьев Келарь 269
Протасьев Петр, воевода 239
Протопопов Михаил, русский гонец в Крым 280
Прохоров Игнатий, терский сын боярский 94
Пфаф В. Б. 165
Пшеашоко Кайтукин, кабардинский мурза 109, 114, 236—239, 253, 257
Пшимахо Камбулатович Черкасский, кабардинский князь 104, 122, 126, 130, 172, 301, 302, 317
Пышта Тапсаруков, кабардинский мурза 126, 222

Радужицкий И. Т. 9, 90, 112, 118
Раевский Н. Н. 149
Размани А. 11, 181, 211
Резван, турецкий чеуш 280
Ржевский Дьяк, воевода, наместник черниговский 208, 209, 213, 219, 238
Ржевский Елизар, русский гонец в Крым 228
Ржевусский А., 31, 205, 232
Роксолана, жена турецкого султана Сулеймана 201, 228
Ромодановский-Ряполовский Иван Петрович, князь, воевода 286
Роман Агишевич Тюменский, князь 230
Романовы, династия русских царей 31
Рослаббек Кайтукин, кабардинский владетель 98
Рудольф П., имп. германский 7, 289
Рустем-хан, уцмий кайтагский 8, 41, 42, 47, 48, 54, 55, 304, 312, 314, 322
Русудани, жена имеретинского царя Георгия II 151

- Саввантов П.* 104
Савелов Л. М. 155
 Савельев Девятка, торский конный стрелец 75
 Савлук Турпеев, русский посол в Литву 204
 Салтанжук (Салвук), сын кабардинского князя Темрюка — см. Михаил Темрюкович Черкасский
 Сагиб-Гирей, крымский хан 187—190, 201, 202, 248
Садиков П. А. 235, 246, 248, 249, 253
 Саиди-Али, турецкий реис 184, 185, 192
Саидов М. С. 8
 Сайн-Булат — см. Симеон Бекбулатович
 Салтап-Бек Канбулатович Черкасский, кабардинский князь, служивший по Терскому городу 294
 Салтыков-Морозов М. Г., воевода 267
 Сарали (Сарлап) Левов (Лоов), абазинский мурза 156
 Саурбек Пыштов, кабардинский мурза 126
 Сафа-Гирей (Кирей), крымский царевич 137, 186, 187, 222, 259, 261—268, 273
Сафаргалиев М. Г. 189
 Сафат-Гирей, крымский царевич 314
 Сахиб-Гирей, крымский хан 137
 Святослав Игоревич, киевский князь 205
 Сеадет-Гирей, крымский царевич 259, 261—268, 270, 273, 274
 Севастьян, русский посол к астраханскому хану 192
Сеидов Ф. 10
 Секит-имелдеш, посол шамхала к Ивану IV 239
 Селим I, турецкий султан 200, 201
 Селим II, турецкий султан 202, 216, 235, 249—255
Селянники, турецкий хронист 10
Семенов Л. П. 64, 163
 Серебряный Петр Семенович, князь, воевода 213
 Сефи I, шах Ирана 308, 310, 311, 313, 314, 319, 320, 322
 Сибок (Василий) Кансауков, жансеевский князь 137, 141, 150, 151, 155, 204, 205, 209, 215—218, 220—223, 231, 233
 Сигизмунд-Август, король польский 203, 211—213, 217, 220, 221, 224, 246, 253, 255
 Симеон Бекбулатович (Сайн-Булат), царевич касимовский 235
 Симеон (Семон), карталинский царь 277
 Синап-паша, великий визирь при турецком султানে Мураде III 280
 Синохаев Г. Т. 31
Скицкий Б. В. 25, 27, 76, 80, 86, 128, 164, 165, 167, 240
 Слам-Гирей, крымский царевич — 221
Смирнов В. Д. 137, 151, 152, 223, 322
Смирнов И. И. 35, 155, 212
Смирнов Н. А. 21, 33—35, 105, 183, 200, 202, 205, 233, 241, 247, 261, 267, 275, 280, 315, 319, 320, 321
Соболева О. В. 28, 49
 Совин Петр, русский посол к Ногаям 212, 218
 Созерис (Шоузериш), божество у адыгов, покровитель хлебопашцев 100
 Созоруко Тапсоруков (Сюзрюк Тапросуков), кабардинский мурза 258
Сталь К. Ф. 140
Ст[егеман Л.-Г.] 90, 127

Стрейс Я. Я., голландец, путешественник второй пол. XVII в. 108, 292

Соловьев С. М. 30, 264, 279, 296, 308, 318

Сташевский Е. Д. 300

Стефан Баторий, польский король 259, 264, 266

Студенецкая Е. Н. 25, 102, 103

Сукин Федор Иванович, окольный 220

Сулейман, турецкий султан 150, 182—184, 186, 189—191, 194, 198, 199, 201—204, 207, 210, 213, 214, 219, 226, 228, 230, 235, 246, 250

Сулейман, турецкий чеуш 280

Сулеман мурза, брат аварского нупала 62

Сулешов, князь — см. Мурат Сулешов

Султан Адиль-Гирей, адыгеец, русский офицер, автор статей об адыгских народах 90, 120, 121

Султан-Магомед (Сагтамамут, Султан-Мут, Султан-Махмуд), мурза, владетель Эндери 44—47, 49, 57, 58, 69, 70, 84, 263, 284, 288, 307—310, 321, 323.

Султан-Мут, сын Чубан-шамхала 47. Ср. Султан-Магомед

Сунбулов Михаил, воевода 213

Сунтар (Цвантур, Цуэнтер-Мэтти), родоначальник чеченского тайпа Цонторой 79

Сунчалеевичи, князья Черкасские, служившие по Терскому городу 294, 295, 298

Сунчалей Канкльчев (Янгличев) Черкасский, кабардинский мурза, позднее князь, служивший по Терскому городу 31, 47, 62, 81, 82, 97, 120, 123, 132, 232, 285, 292, 294, 312, 317, 326

Сунчалей (Григорий) Сунчалеевич Черкасский, князь, астраханский воевода 125, 295

Суркай, карабудахкентский владетель 307

Суркай, шамхал 45. Ср. Суркай, сын шамхала; Суркай, «старый шамхал» (?), Суркай, сын шамхала Чепалова

Суркай-шамхал, сын Алибека — 46

Суркай (Сурхай), «старый шамхал» (?) 44, 46. Ср. Суркай, шамхал

Суркай, сын шамхала (позднее шамхал?) 263

Суркай, сын шамхала Чепалова 47

Суркай Арасланов, кабардинский мурза 111

Суркай (Сурхай) Гиреев, тарковский владетель, позднее шамхал 46, 297, 311, 323, 327

Сурхай — см. Суркай

Сусло, шибутянин 72

Суханов Арсений — см. *Арсений Суханов*

Сюнчалей Янгличев — см. Сунчалей Янгличев

Табатадзе К. Г. 211

Тавернье (Tavernier J.), французский купец, путешественник XVII в. 89, 96, 98, 99, 102, 120

Тагызекши, крымский посол к Ногаям 190

Таздруй, черкасский князь 209, 215

Тазрют, кабардинский князь 227, 232, 233. Ср. Ташрук, Ташбузрук, Тапсоруко

Таизымкасим-царь 191. Ср. Азиям-Касим царь, Изым-Касым царь, Казим-мирза

Тамай А. И. 26, 29, 44, 45

Тамбиевы, кабардинские уздени первой степени 110

- Тамбукаевы, абазинские владельцы 157
Тамбюка Левов (Люов), абазинский мурза 157
Танашук, черкасский князь 203
Таох Санашуков, аталык кн. Сунчалаея Сунчалеевича Черкасского 125
Татсаруко Таусалтанов, кабардинский мурза 232, 253. Ср. Ташрук, Ташбузрук, Тазрют
Тарзатык, черкасский князь 151, 201
Татар-мурза, черкасский князь, приближенный крымского хана Девлет-Гирея, 201, 216
Татаринов Борис, атаман терских казаков 265
Татаров, майор 119
Татархан Арсланов, кабардинский мурза 83, 106, 111, 300
Татищев Михаил Игнатьевич, посол в Грузию 65, 82, 166, 287
Таусалтан (Талаустал, Тасалтан, Тоилистан) Янхотов, родоначальник малокабардинских князей 160, 161, 232
Таусалтановы, род кабардинских князей и мурз 92, 129—131, 232, 258, 271, 273, 326
Таутуковы (Доотоковы), кабардинские уздени второй степени 110
Тахмасп I, шах Ирана 181, 183—185, 194, 198, 211, 227, 228, 249
Тахтамыш (Тохтамыш), астраханский царевич 235
Ташбузрук, князь пятигорских черкас 231, 232. Ср. Татсаруко
Ташрук, кабардинский князь или мурза 232. Ср. Татсаруко
Тевеккель, казахский хан 283
Тедальди Дживанни, флорентийский купец 226
Теймураз, кахетинский царь 66, 85, 227
Тектадер, Г., имперский посол в Иран 286, 290, 292
Телишка, мурза 240
Темир-хан, уздень шамхала, владелец Шурани 49
Темир-булат, сын кабардинского мурзы Алегуко 94
Темрюк Айдарович (Идарович), князь кабардинский 9, 11, 33, 92, 109, 129, 130, 151, 153—155, 205, 206, 220, 221, 227, 231, 232, 234, 236—240, 243, 246, 247, 253, 254, 258, 259, 271
Тинбай, ногайский мурза 262
Тинавиц Вис, сын Молкха, легендарный предок чеченцев 84
Тинехмат, ногайский мурза, затем князь 236
Тихомиров М. Н. 223, 233
Тихонов М. Н., русский посол в Иран 308
Ткачев Г. Н. 60
Тлепш, божество у адыгов, покровитель кузнецов 100
Тобулдук, черкасский князь, конюший крымского хана 201
Тока, молочный брат кн. Сунчалаея Сунчалеевича Черкасского — 125
Токлуи, тюменский князь 239
Токмаков Василий Иванович, князь, воевода Пселского города 213
Толочанов Никифор Матвеевич, стольник, русский посол в Имерию 122, 163, 167, 169
Томулдук, аталык и посол шамхала Ильдара в Москву 52, 53
Торнау Ф. Ф. 140, 144, 149
Тогоев М. С. 33, 34, 205
Тоторуко — см. Тутарык
Тохтамыш — см. Тахтамыш
Трамовы, абазинские владельцы 159
Тревизано (Trevisano D.), венецианский посол в Турцию 182, 183

- Троекуров Федор Михайлович, князь, боярин, русский посол в Польшу 264
Тургенев А. И. 250
 Турлов, мурза, сын «Черного князя» 62
Турчанинов Г. Ф. 7, 92, 201
Тусиков М. Л. 63
 Тутарык (Додоруко, Тоторуко, после крещения Иван) Езболуев, черкасский князь 155, 204—207. Ср. Додоруко, Дударыко
 Тучлов — см. Чучолов
Тхамоков Н. Х. 28, 98, 116, 128, 150
 Тюменские, князья 230
 Тюфякин Василий, князь, русский посол в Иран 286
 Тятриберди Мирза Кипчак 218
- Улигов У. А.* 21
 Уллага — см. Аллага
 Умалей, кумыкский мурза 47
 Умму-хан, аварский нусал 8, 41, 54, 56
 Угинн Семен Александрович, воевода Псельского города 213
 Уразлыевы, ногайские мурзы 196
 Урмагмет Тинехматов, ногайский мурза 262
 Урус, ногайский князь 219, 262, 264, 267
 Урусхан (Яков) Куденетович Черкасский, князь 295
Успенский Ф. И. 200
 Устерхан, брат кайтагского удмиа Рустем-хана 48
 Утемыш-Гирей (Александр), казанский хан 207
- Фадеев А. В.* 35, 200
 Федор Борисович Годунов, царевич 242
 Федор Иванович, царь 74, 131, 242, 261, 262, 264, 274—276, 279, 280, 285, 289
 Федцов Иван Борисович, русский посол к Ногаям, позднее в Кабарду 188, 189, 234
 Федюшкин Ф. Ф., генерал 31
Фелицын Е. Д. 200
 Фергат-хан, придворный шаха 275
 Фети-Гирей, крымский калга 266
Фегнер М. В. 35, 225, 296
 Фритше Самуил (Фрич Самойло), рудознатец 301
Фундуклу, турецкий историк 202
- Хабанов А. В.* 302
 Хакечя (Накечя) Бокян, князь бесленеевцев 151
 Хакшумак, жанеевский князь 152
 Хан-Гирей (*Султан Хан Гирей*), адыгеец, русский офицер, автор трудов по истории и этнографии адыгов 90, 100, 118, 127, 138
 Ханбулат, посол шамхала к терскому воеводе 270
Хасан бек Румлу, персидский хронист 11
 Хачака Янтемир мурзин (Джантемиров) абазинский мурза 156
Хашаев Х.-М. 8, 21, 49, 54, 63
 Хватов Артемий, дьяк, русский посол в Грузию 76
 Хворостинин Андрей Иванович, князь, воевода 269, 270, 272, 277, 282—284, 288
 Хликов Иван Андреевич, князь-стольник, терский воевода 125

- Хицупов П.* 31
 Ходождуко (Хадаждуко) Казыев, мурза Бол. Кабарды 94, 95, 112, 114, 124, 129, 156, 158, 160, 167, 318, 326
 Хозяников Алексей русский посол к шаху 249
 Хозянур, тезик (восточный купец) 298
 Хозянц, крымский посол к астраханскому хану 190
 Хокаяго (Гаврила) Камбулатович Черкасский, князь 221
 Хорошай (Борис) Камбулатович Черкасский, князь 259
 Хорошай Шолохов, кабардинский князь 126, 318
 Хосейн, посол шаха в Москву 194
 Хотов Анзоров (Анзовуров), кабардинский уздень первой степени 18, 110, 120, 272
 Хочбар, герой аварской песни 9
 Хрущов Л., стрелецкий голова 267

 Чегялек, крымский князь 192
 Чегенуко — см. Шегануко
 Челеби Катиб, турецкий географ, ученый XVII в. 10, 134, 137, 139
 Челеби Эвлия, турецкий географ, путешественник 10, 40, 41, 48, 89, 93, 105, 106, 109, 134, 137—139, 141, 143, 144, 152, 157—161
 Чеполов (Чубан?), шамхал 47
 Черемисинов Иван Семенович, астраханский воевода 42, 193, 237
 Черкаские князья 18, 221, 294, 318. См. также под именами и отчествами
 Черкашенин Михаил (Мишка), казачий атаман 209
 Черкес, уздень, аталык, кн. Шолоха Сунчалеевича Черкасского 125
 «Черный князь», владетель в Сев. Дагестане 62, 70, 84, 270, 271, 277
 Чеужей, кабардинский мурза 124
 Чибирка, дигорец 167
 Чивчагов Степан, геодезист 94
 Чубан, шамхал — см. Чеполов шамхал
 Чубук, «брат» жанеевского князя Сибока 221
 Чукук (Чюкук), брат кайтагского уцмья Рустем-хана 48, 303
 Чулков Даниил (Данила), сын боярский 208, 215, 218
 Чулошников А. П. 297
 Чучолов (Тучлав), сын Алибека, владетель Казы-Кумука 44, 47
 Чэпмэн, английский купец 249

 Цека-мурза, абазинский владетель 156, 159.
Цинкейзен (Zinkeisen), 183
Ципцадзе Я. З. 269

 Шагин-Гирей (Шан-Гирей), крымский царевич 137, 153, 202, 310, 312—315, 318, 321
 Шамбоко, легендарный родоначальник кабардинских князей и мурз 142
 Шамиль, имам 63, 71, 77, 79
 Шамсей, посол Кайтагского уцмья в Москву 314
 Шанкин Григорий, дворцовый дьяк 220
Шастлицев 302
Шаханов Т. Б. 170
Шахвелишвили А. И. 68
Шахмалев Э. М. 250
 Шахматов Григорий, русский гонец к шаху 307

- Шаховский Петр Михайлович, князь, воевода 278
Шеблякин И. П. 64
Шегануко (Чегенуко) Пшеапшоков, мурза Бол. Кабарды 160
Шейх-Мансур, предводитель движения в Чечне 25, 104
Шереметев Иван Васильевич, боярин, воевода 207, 208
Шигалей, хан казанский, затем касимовский 190, 246
Шигимовы, ногайские мурзы 196
Шиллинг Е. М. 9, 41, 64, 77, 78, 85, 86, 100
Ширван, крымский царевич 222
Ширинские, князья в Крыму 209
Ших Ишеримов, мурза, владелец Окоцкой земли 74, 81, 271
Шихмамай, ногайский князь 187—189
Шмидт С. О. 12, 35, 136, 186, 232
Шмурло Е. Ф. 226
Шолох Сунчалеевич Черкасский, князь, служивший по Терскому городу 62, 107, 124—126, 313
Шолох Тапсаруков из рода Таусалтана, князь кабарданский 91, 92, 109—111, 129, 130, 131, 232, 271—273, 285, 288, 294, 317, 318, 320
Шолоховы, мурзы Мал. Кабарды 112, 130, 326
Шпаковский А. Я. 296
Штаден Генрих, опричник, автор «Записок» 254, 256
Штадер Л. Л., русский офицер, автор описания путешествия в Кавказские горы 1781 г. 63, 67
Щелкалов Андрей Яковлевич, дьяк Посольского приказа 13, 260, 281
Щелкалов Василий Яковлевич, русский посол в Польшу 264
Щепотьев Андрей Федорович, русский посол в Зап. Черкесию 139, 203, 204
Щербатов М. М. 29
Эварницкий Д. И. 221
Эльдар, сын Чеполова, кумыкский владелец 47. Ср. Ильдар Суркаев; Ильдар, сын Чубан-шамхала
Элькас — см. Алгас-мирза
Энгельс Ф. 24, 34
Эрих Лясота — см. Лясота Эрих
Юдин П. Л. 31, 32
Юрий, кахетинский царевич 288
Юрий, карталинский царь 166
Юрченко Е. А. 329
Юсуф, ногайский князь 189—193, 196
Юшков С. В. 25, 26, 52
Явка, шибутянин 72
Ядигер, казанский хан 196
Язев Лаварсан — см. Лаварсан Язев
Яков, посол кахетинского царя в Москву 227, 239
Яков Куденетович Черкасский — см. Урусхан
Яковлев Н. Ф. 63, 85, 109, 142
Якшишат, мурза Мал. Ногайской орды 265
Ямгурчей, астраханский хан, 187, 192
Ямгурчей, крымский посол в Москву 281

Янглич Желеготович из рода Айдара, кабардинский мурза 232
Янсох Вийбердеев, абазинский мурза 156
Янсох Кайтукин, князь кабардинский 119, 130, 272, 273, 282, 317,
318
Янтемир, астраханский царевич 192, 197, 198
Янхот Аслаббеков, кабардинский мурза 127
Янхот Левов (Лоов), абазинский мурза 157
Янпа, кабардинец 273
Прославов Александр, князь, воевода Псёльского города 213

Alberi E. 182, 183, 201, 204, 229, 249
d'Agathon, французский посол в Турцию 182

Barbier de Meynard A. C. 144, 149, 151
Bellan L. 11, 275, 286, 287, 312
Brosset M.-F. 10
von Busbek J. 229

Charrière E. 182, 204, 213, 214, 218, 229, 249, 258, 260, 261
Chesneau J. 182

Diez 185
Dorn B. 181, 183, 198

Fekete L. 121

Gorsky K. 146

Haji Khalifeh, турецкий ученый 185
Hadi Hasan 225
Hakluyt 226
Hasan i Rumlu, персидский хронист 11, 181, 183, 184, 198, 254
Hurmusaki E. 218, 229, 250, 252

Jorga N. 216, 307

Malcolm J. 10, 184
Marino Cavalli, венецианский посол в Турцию 201
Matousek J. 289
Merriman R. B. 184
de la Montraye, путешественник 200

Noradounghian G. 258
Navagero B., венецианский посол в Турцию 182

Oliver S. S. 184

Porsius H. 186

Renzo Sertoli Sais 201
Roemer H. R. 258, 259

Seddon C. N. 11
Stehlin J. J., академик XVIII в. 115

Witsen N., голландский географ и картограф второй пол. XVII —
нач. XVIII в. 105
Wolf J. 93, 146, 221

Uebersberger H. 264, 289

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

- Абадзехи, абазикей, абазихеевцы, абасыкей, Абаза, Абазе, Большая Абаза, западноадыгское племя 143, 144
- Абаза, Абазе, Абазины, абазинские черкасы, абазинцы, баазытские черкасы, северокавказские абазины и занятая ими территория 28, 121, 141, 142, 144, 146, 152—161, 175, 206, 316
- Абаза Большая — см. Абадзехи
- Абин (Абен), р. лев. приток р. Адегума 137
- Абхазия 144, 200
- Абыслейские черкасы — см. Бесленеевцы
- Авария (Уварская земля), Аварское нусальство, Аварское ханство в Сев. Дагестане 8, 42, 54, 61—63, 70, 74, 271, 277, 284, 315
- Аварцы, Авары, народ Сев. Дагестана 84, 175
- Австрия, Австрийское государство (Österreich) 34, 264, 282
- Ада, поселение на Таманском полуострове 146
- Адале (Хетук), западноадыгское племя 146
- Адегум, лев. приток р. Кубани 137
- Адеми, адемийцы, западноадыгское племя 141, 150
- Аджанские черкасы — см. Джан
- Адинские черкасы 146. Ср. Ада, поселение на Таманском полуострове
- Адиух, городище на р. М. Зеленчук 146
- Адоховские черкасы 146, 222. Ср. Адиух, городище на р. М. Зеленчук
- Адыге, группа родственных народов Сев. Кавказа 6—9, 19, 50, 62, 88—161, 159, 174, 199, 210, 211, 224, 316, 318, 320. См. также Адыге западные, адыгейцы, кабардинцы, черкасы, черкесы
- Адыге западные, прикубанские (Закубанские народы) 4, 6, 11, 21, 23, 93, 99, 127, 133, 154, 175, 200, 206, 216, 224, 234, 315—317. См. также черкесы западные.
- Адыгейцы, ряд западноадыгских племен 27, 28, 90, 115, 148, 224, 234
- Адыгея, Адыгейская автономная область 26, 27, 34, 128, 132, 134, 144, 151, 206
- Азербайджан 11, 182, 183, 198, 211, 258, 259, 275, 298, 304, 305
- Азиатские земли 40
- Азия Малая 182, 183, 185, 229, 321

* Составлен Е. А. Юрченко.

- Азия Средняя 16, 50, 58, 184, 185, 190, 193, 211, 224—226, 229, 245,
 275, 276, 296, 297, 325
 Азов (Озов, Тана), турецкая крепость 41, 51, 105, 128, 134, 142, 152,
 153, 181, 186, 192, 193, 203, 209, 214, 216, 217, 220, 231, 236, 263,
 267, 280, 281, 293, 314—316, 320
 Азовское море 200, 209
 Айдар, лев. приток р. Донца 214
 Акко, Аюзы, Аккинцы, общество в Ингушетии 64, 65, 69, 120. См.
 также Ахоцкая (Окоцкая) земля, окочане, окоцкие люди
 Акташ, р. 69, 70
 Акташ-аух, аул на р. Акташ 70
 Акушинцы, Акуша, общество в Сев. Дагестане 39
 Алагир, Алагирское осетинское общество в ущелье р. Ардон 162
 Алагирское ущелье в Осетии, ущелье р. Ардон 163
 Алазань Тушинская, р., один из притоков р. Андийское Койсу 65,
 68, 85
 Аланы 162, 167
 Аларды, языческое святилище осетин 86
 Алванское поле, местность в Кахетии 65, 68
 Алеппо, г. 249—251, 253
 Алтыкесек Абаза, шесть племен северокавказских абазин-тапантов-
 цев 121, 160
 Амалеева земля (Омало) в Тушетии 67, 68
 Анапа, турецкая крепость на восточном берегу Черного моря 137,
 315
 Англия 226, 300
 Ангушт, аул в плоскостной Ингушетии 68, 76, 77
 Андалал, Анди, Андиб, андийское общество в Сев. Дагестане 51,
 74
 Андийское Койсу, р. — см. Койсу Андийское
 Андреевская (Ондреевская) деревня — см. Эндери
 Анзорова Кабарда, Анзор, деревни, владение узденей Анзоровых
 111
 Антверпен (Антроп), г. 226
 Арагва Хевсурская, р. 65
 Арасланбеков ногайский улус 94
 Аргун, р., прав. приток р. Сунжи 65, 68, 73, 85. См. также Чанты-
 Аргун, Шаро-Аргун
 Ардон, р., лев. приток р. Терека 92, 162, 163, 302
 Аркуша, поселение в Сев. Дагестане 50
 Арм-хи (Кистинка, Кистская река), р., прав. приток р. Терека
 64—67
 Армения, армяне 182, 258, 276
 Асса, р., прав. приток р. Сунжи 65
 Ассинское ущелье, ущелье р. Ассы 66
 Астраханская губерния 115
 Астраханская дорога 245, 252
 Астраханский юрт см. Астрахань
 Астраханское ханство — см. Астрахань
 Астрахань, г. и Астраханское ханство (Астраханский юрт) 14—16,
 33, 39, 41, 59, 73, 90, 96, 104, 106, 107, 127, 180, 185—187, 189—198,
 206, 208, 210, 211, 219, 224—226, 230, 237, 238, 240, 245, 246, 248,
 250—252, 254, 255, 258, 260—262, 264—270, 274, 276, 279, 281, 282,
 284, 286, 292—298, 301—303, 313, 325

- Атаманские черкесы — см. таманские черкесы
 Атукай, атукай — см. Хатюкой
 Аух, ауховцы, общество в Сев. Дагестане, выходцы из чечено-ингушского племени Акко 69, 71, 75. См. также Ахоцкая земля, акочано
 Африс, р. лев. приток Кубани 143
 Ахоцкая (Окоцкая) земля, Акочане (Окочане, Окучане, Оюки, Оюхи, Оюки), выходцы в Сев. Дагестан из чечено-ингушского общества Акко и заселенная ими местность 61, 62, 64, 69, 70, 75, 80, 81, 270, 293, 327. См. также Оюхи Старые, Аух
 Баазытские черкасы — см. Абаза, абазинны
 Бабукова, деревня на р. Малке 157
 Бабуковцы, племя северокавказских абазин 157
 Баг, племя северокавказских абазин 157
 Багдад, г. 185
 Баксан, р., прав. приток р. Малки 95, 98, 145, 169, 171, 205, 232
 Баксанское ущелье, ущелье р. Баксан 170, 171
 Баку, г. 10, 274, 275, 279, 285—287, 296
 Бала-Даг (Гагры), турецкая крепость на восточном берегу Черного моря 200
 Балк, р. — см. Малка, р.
 Балкарцы, Балкары, Балкария (Басиани), народ Сев. Кавказа и занятая ими территория 21, 27, 103, 122, 168—170, 173, 175, 302.
 См. также Балкары (Болкары), Безенги, Урусби, Хулам, Чегем
 Балкары (Болкары), общество балкарцев 169
 Балтийское море 180
 Балхар, аул в Сев. Дагестане 41
 Бамагулла (Кафыр-Кумук), ханство в Сев. Дагестане 44
 Басиани — см. Балкарцы
 Батцкая земля, территория, населенная цова-тушинами (бац-би) 67, 68
 Батцкие гребени 67, 68
 Бахметев гроб — см. Мекка
 Бахчисарай г. 279
 Бац-би — см. Цова-тушины
 Башлы, аул в Кайтагском владении 48, 314
 Бебирджак — см. Биберди
 Безенги, безенгиевцы, общество в Балкарии 169
 Безенгийское ущелье в Балкарии 169
 Белая (Схагуаше, Саха-Куша), р., лев. приток Кубани 139, 140
 Белгород (Акгерман), турецкая крепость у устья Днестра 209
 Белев, г. 207
 Белореченские курганы в Прикубанье 103
 «Берслановы дети» — см. Берслений
 Берслание — см. Берслений
 Бескесек-Абаза (пятидолная Абаза), пять племен северокавказских абазин-тапантовцев 158
 Берслений, Быслений, Бесни, бесленеевцы, былсленийцы, бесленей, бесленейские, бестенейские, абислейские черкасы, «Берслановы дети», Берслание, Бесленеевская Кабарда, западноадыгское племя, родственное кабардинцам 93—95, 138, 140—143, 152, 153, 157, 205—233, 316—320
 Бесни — см. бесленеевцы

- Бештау — см. Пять гор
 Бжедужи (Бузудук, Боздук), западноадыгское племя 141, 143, 150, 153
 Биберди, бибердовцы, Бебирдкач, племя северокавказских абазинов 154, 157, 158, 160, 161
 Болетокой, Будуктай, Булткай, Пултуктай — см. Кемиргой
 Брагунское владение, брагунцы, в Кабарде 119
 Буйнак, городище к югу от Тарков 287
 Буйнакское владение в Сев. Дагестане 44, 46
 Будуктай, Булактай, Булткай — см. Кемирсой
 Бургустан, крепость и городище на р. Подкумок 158
 Бурнашова земля 67
 Бухара, бухарцы 226, 252, 262, 275
 Быстрая, р., южный проток дельты р. Терека 113, 308
 Бычигизы — см. Мичикич
- Варанда, Варандой, аул в тайп в Чечне 74, 79, 83
 Вашиндарой, аул в Чечне 74, 79
 Великое княжество Литовское — см. Польско-Литовское государство
- Вена, г. 252
 Венгрия (Можары) 181, 182, 230, 282
 Венеция, г. 258
 Византия 167
 Военно-Грузинская дорога — см. Грузинская дорога
 Волга, р.— 30, 188, 190, 192, 193, 195, 239, 244, 248, 249, 255, 262, 264, 265, 270, 277, 284, 296
 Волжско-Каспийский путь 106, 210, 249, 254, 295—297, 324
 Волохи 253
 Вольные черкесы — см. Черкесы вольные
 Воскресенья на Молодях, перковь — см. Молоди
 Восток (Levant) 22, 25, 30, 35, 41, 103, 107, 109, 114, 132, 176, 180, 181, 182, 210, 250, 254, 258, 288, 296, 297, 324, 325, 327
- Галгай, Галга, Галгаевцы, общество в Ингушетии 65, 66, 77, 79, 80.
 См. также Глигви, Калки
 Гальберд, Геальберды, языческое святилище ингушей 86
 Гатюкой — см. Хатюкой
 Генуэзские колонии на Сев. Кавказе 105
 Германская империя — см. Цесарская земля
 Геха, р., прав. приток р. Сунжи 65, 69
 Гидатлинское общество в Сев. Дагестане 8, 54
 Гизельдон, р., лев. приток р. Терека 162, 240
 Глян, область в Иране 107, 298
 Глигви, наименование Галгаевцев в грузинских источниках 66, 77, 80
 Гойта, р., прав. приток р. Сунжи 72, 79
 Гойта, аул в Чечне 72
 Гойчу, аул в Чечне 72, 79
 Гония, турецкая крепость на восточном берегу Черного моря 200
 Горские земли, землицы 61, 62, 87, 284, 293
 Горячий колодез (позднее Теплицы св. Петра), горячий источник у р. Сунжи 243, 320

- Гребени, Терский хребет, горы на прав. бер. р. Терека 57, 71, 73, 86, 93, 243, 292
- Гребенские казаки — см. Казаки гребенские
- Грозный, г. 26, 64
- Грузинская (позже Военно-Грузинская) дорога, с Сев. Кавказа в Грузию через Дарьяльское ущелье 67, 82
- Грузия (Колхида), Грузинская земля, Иверская земля, грузины 10, 60—62, 67, 71, 82, 87, 92, 100, 119, 131, 160, 162, 164, 166, 170, 182, 186, 210, 217, 226—228, 231, 233, 236, 240—242, 258, 261, 266, 268, 269, 272, 276, 277, 279, 282, 288, 293, 304—307, 310, 312, 321, Абхазия 144, 200
- Дадрианская земля (Мегрелия, мингрелы) 137, 170, 171
- Имеретия 122, 167
- Кахетия 39, 40, 51, 65, 70, 72, 79, 85, 233, 241, 270, 273, 276, 277, 282—284—286, 287, 305
- Карталинская земля, Карталиния 227, 287, 288, 305
- Сванетия, сваны (Сони, сонская земля) 82, 170, 171, 240
- Гурмыз — см. Ормуз
- Гухойское ущелье в Чечне 73
- Дагестан 5—8, 10, 16, 19, 22, 26—28, 34, 39, 41, 42, 44, 47, 49—54, 60, 63, 65, 72, 75, 80, 84, 86, 99, 105, 106, 109, 110, 175, 198, 199, 230, 245, 262, 285, 287, 289, 290, 293, 297, 298, 305—309, 315, 321, 326
- Дагестан Северный 3, 4, 11, 15, 18, 20, 21, 39, 41, 42, 47, 48, 51, 57, 62, 84, 174, 224, 238
- Дагестан Северо-Западный 62
- Дагестан Южный 3
- Дагестанская дорога 303, 308
- Дагестанская область 49
- Дагестанские «вольные общества» 175
- Дадрианская земля — см. Грузия
- Данциг, г. 226
- Дарьяльское ущелье (Дарьял, Сонские щели) 61, 65, 67, 74, 76, 82, 85, 92, 121, 166, 241, 272, 277, 305, 310, 313
- Двинский край, по р. Сев. Двина 301
- Девичьи горы, возвышенность на прав. берегу Волги 238
- Дербент, Дербень, Железные Ворота, Темир-Капу, г. и крепость в Дагестане 42, 47, 51, 59, 61, 71, 74, 83, 174, 183, 186, 188, 198, 224, 243, 244, 258, 260, 261, 263, 267, 274—276, 278, 279—281, 283—287, 296, 297, 303, 306, 312, 314, 340
- Дербентская дорога 244, 245
- Дербентский проход 176
- Дербентское ханство, управляемое шахскими наместниками 305, 311
- Джан, Джан, джанские, аджанские черкасы, Дужаны — см. Жаше
- Джантемир, джантемировцы, племя северокавказских абазин 154, 157, 159
- Джариехи, скала у впадения р. Арм-хи в Терек 67
- Дженгутейское владение в Сев. Дагестане (Мехтулинское ханство) 44.
- Дженджик, р. — см. Зеленчук, р.

Джерах, Джераховцы, Ероханские люди, Жарахи, общество в Ингушетии 62, 64, 66

Джиан — см. Джан

Джулат — см. Елецкое городище

Дигория, Дугори, Дюгор, Дигорцы, Дигорское осетинское общество в ущелье р. Урух — 25, 103, 121, 162, 164, 165, 167, 302. См. также Стырдигория, стургорцы, Сюрдюгор

Дидо (Дидовская земля), общество в сев. Дагестане 61, 74

Джеева деревня в Чечне 72, 79, 83

Дики Юрт, селение в Чечне 62

Дикин-хутор в Грозненской обл. 72

Днепр, р. 188, 209, 212, 213, 216, 218, 219, 221, 223, 224

Дон (Танаж), р. 188, 200, 208, 212—219, 224, 248, 249, 261, 264, 267, 280, 281, 293

Донгуз-Орун, перевал через Главный Кавказский хребет из Баксанского ущелья в Сванетию 171

Донец, р., прал. приток р. Дона 214

Донская казачья земля, Донские казаки городки 90, 127, 128

Дугори — см. Дигория

Дударуко, дударуковцы, племя северокавказских абазин 154, 155, 157—159, 161. См. также Дудургай

Дудургай, деревня 158

Дужаны — см. Джан

Дунай, р. 253

Дюгор — см. Дигория

Европа Восточная 22, 180

Европа Западная 22, 23, 288, 289, 327

Егерухаевцы, западноадыгское племя 140

Елецкое городище (по-видимому, Нижний Джулат, на прав. бер. р. Терека) 310, 312, 313

Енгирь, «город» в Татской земле 240

Ероханские люди — см. Джерах

Ерпелинское владение в Сев. Дагестане 44

Жане, Жена, жанские, женские, жанкенские, жжанские черкасы, жанеевцы, Джан, Джиан, Дужан, джанские, аджанские черкасы, западноадыгское племя 136, 137, 139, 143, 150, 152, 153, 202, 205, 229, 265, 316. Жана Большая, Жана Малая 137, 202, 205, 229, 265, 316. Жана Большая, Жана Малая 137

Жарахи — см. Джерах

Железные ворота — см. Дербент

Закавказье 4, 6, 17, 20, 22, 32, 33, 41, 105, 106, 108, 174, 183, 184, 191, 195, 198, 206, 210, 211, 224, 228, 243—245, 249, 258, 259, 261, 263, 269, 275, 276, 286, 290, 293, 295—298, 313, 319, 322, 324, 325

Закавказский округ в Грузии 49

Закубанские народы — см. Адыге западные

Заречная Черкасская слобода — см. Черкасская слобода

«Зашуэруковы дети» 141

Звенигород, г. 190

Зеленчук (Джэнджик), Зеленчуки, Большой и Малый, р., лев. притоки р. Кубани 146, 154, 158

Зерех-Геран — см. Кубачи

- Иверская земля — см. Грузия
 Иемен 229, 249
 Изюм-курган 208
 Иловля, р., лев. приток р. Дон 245
 Имеретия — см. Грузия
 Ингилик, р., приток р. Гойты 72
 Ингилик, аул в Чечне 72, 74
 Ингур, р. 170
 Ингушетия, Ингушия, Ингуши (Югуши) 4, 6, 7, 20, 25, 27, 59—87, 93, 121, 133, 153, 162, 175, 293, 299. См. также Акко, Галай, Джерах, Кисты, Цова-Тушины, Цори
 Индили, Индельская земля на Сев. Кавказе 61, 63, 74
 Индили, «город» на Сев. Кавказе — 74
 Индия — 185, 226.
 Иранское государство, Иран, Кизылбаши, Персия, государство Сефевидов 3, 4, 13, 22, 31, 34, 40, 46, 58, 96, 97, 104, 106, 123, 137, 152, 174, 176, 180, 184—186, 188, 190, 194, 195, 198, 210, 216, 225, 228, 229, 249—251, 258, 259, 261—263, 269, 273—276, 280, 282, 286, 288—290, 292, 295—298, 300, 305, 307, 308, 313, 319, 321, 322, 323, 324, 325
 Иранцы 199.
 Ирғиз, р., лев. приток р. Волги 193
 Искерк (Искаьрк), р. в Чечне 74
 Ислам — Кермень, татарская крепость на Днепре 209, 213, 215
 Испания (Ишпанская земля) 226
 Италия 288
 Итум-Кале, селение в Чечне 78
 Ицари, селение в Сев. Дагестане 9
 Ичкерия (Нохчи-мохк, чеченская земля), ичкеринцы, общество в Чечне 74, 84
 Иэльдар, аул на р. Сунже 74
- Кабани, поселения:**
 кабардинские:
 Алегукны 129
 Алкасов (Олкасов) Старый 92
 Казыевы 152
 Мударовы 109
 Шешпуковы (Шшеапшоковы) 114, 238, 239
 Шолоховы 109, 152
 в Ингушетии:
 Ероханские 62
 Калканские и Калкаские 62, 66
 в Чечне:
 Баранцев 72, 79
 Кудашев 71, 79
 Мячкисские 61, 62
 Тумцоев 72, 79
 Уйшев 72, 79
 Шавдаров 72, 79
 Шибутцкие 61, 62, 84
 Кундукские 140. См. также Кундуки
 Ларсов кабан — см. Ларс
 Мшанские 121, 238, 240

- Сонские 121, 238, 240
- Кабарда, Кабардинская земля, Кабартай, Хабартка 5, 6, 18, 19, 25—28, 32—34, 46, 60—62, 66, 86, 88—132, 145—147, 151—153, 159, 160, 166, 167, 172—174, 199, 201, 202, 206, 220, 222, 231, 232, 234—238, 240—242, 246, 252—254, 258, 259, 262, 271, 272, 276, 279, 282, 284, 285, 293, 295, 297, 300, 301, 305, 310, 313, 317, 320
- Анзорова 167, 326
- Бесленевская — см. Бесленей
- Большая (Казыева, Алегукина) 17, 91, 92, 94—96, 98, 104, 109, 111, 112, 114, 116, 121, 127—129, 138, 140, 142, 146, 154—158, 160, 161, 167, 174, 173, 174, 205, 232, 285, 298, 317—320, 323, 326. См. также кабаки Алегукины, Казыевы, Шешшукovy
- Идарова 130
- Карачаева — см. Карачай
- Кельмаметова 129
- Малая (Шолохова, Мударова, Ахлова) 7, 82, 91, 95, 103, 109, 111, 116, 128, 130, 155, 157, 160, 166, 174, 232, 273, 303, 317, 318, 326. См. также кабаки Мударовы, Шолоховы
- Кабардинская дорога, путь из Дагестана в Кабарду 106, 304
- Кабардино-Балкария, Кабардино-Балкарская АССР 170
- Кабардинцы, кабардинские, кабайтерские черкасы 4, 6, 8, 9, 11, 19, 23, 24, 28, 29, 31—33, 53, 61, 70, 75, 80, 82, 83, 88—133, 135, 141—143, 146, 147, 154, 164, 187, 205, 231, 233, 234, 238, 265, 281, 311, 317, 318
- Каван — «город» в Татской земле 240
- Кавказ 3, 4—6, 8, 9, 13, 17, 21, 22, 24, 26, 30, 31, 34, 39, 44, 58, 60, 77, 78, 80, 90, 110, 113, 115, 118, 122—124, 134, 135, 150, 166, 180, 181, 200, 210
- Кавказ Западный 22, 135
- Кавказ Северо-Восточный 181
- Кавказ Северо-Западный 25, 28, 102, 105, 133, 135
- Кавказ Северный — *passim*
- Кавказ Центральный 174
- Кавказский хребт 7, 65, 66, 85, 86, 162, 164, 170, 171, 241, 305
- Казаки волжские 264, 265
- Казаки гребенские 17, 20, 31, 33, 71, 72, 76, 87, 93, 107, 128, 244, 292, 299, 325. См. также казацьи городки на Тереке
- Казаки донские 146, 153, 264, 316
- Казаки запорожские — см. Казаки украинские
- Казаки терские, терцы 17, 31, 33, 71, 72, 76, 87, 128, 244, 260, 261, 264, 266, 274, 277, 280, 281, 304, 325. См. также казацьи городки на Тереке
- Казаки украинские, запорожские (черкасские) 265, 267, 289
- Казанищи, Казаньское владение в Сев. Дагестане 45, 47
- Казанские места 214
- Казанское ханство — см. Казань
- Казань, г. и Казанское ханство 106, 180, 186, 187, 189—192, 194, 196—198, 201, 202, 210, 211, 246, 251, 255, 283, 286, 313
- Казацкая (Казахская) орда 288
- Казацьи городки на Тереке 86, 292, 294, 316
- Казы-Кумух, владение в Сев. Дагестане 27, 42, 44, 45, 47, 56, 282, 310, 311, 321. См. также Лаки, Лакия

- Казнев улус, ногайский — см. Ногайская орда Малая
- Кайтаг, Кайтак, кайтаки, Кайдацкая земля, Кайтагское удми-
ство, Кайтагцы, владение в Сев. Дагестане и его жители 8, 27,
39, 47, 48, 55, 56, 175, 187, 304, 311, 314
- Кайтагская область 199
- Кала кура — см. Каракуррейш
- Калки (Калканцы и Колканцы, Калканские люди, Колканская зе-
мля), общество в Ингушетии 61, 62, 64—66, 75, 76, 82, 299. См.
также Галгай и Глитви
- Калмыки, Калмыкские улусы 86, 93, 131, 141
- Калуга, г.—203
- Кама, р., лев. приток р. Волги 189
- Канев, г. 212
- Карабудахкентское владение в Сев. Дагестане 44, 45, 299
- Карабулакская станица на р. Сунже 74
- Карагачское владение в Сев. Дагестане 44
- Каракалканы, племя, жившее на южном склоне Кавказского
хребта 66
- Кара-Койсу, р., один из истоков р. Койсу-Сулака 84
- Каракуррейш, Кала-кура, аул в удмистве Кайтагском 48
- Карачаево-Черкесия, Карачаево-Черкесская автономная область —
6, 206
- Карачаевцы, Карачиолы, народ Сев. Кавказа —21 168—173
- Карачай, Карачаева Кабарда 6, 25, 170—173, 175
- Карачиолы — см. Карачаевцы
- Карталиния, Карталинская земля — см. Грузия
- Касимов (Городок), г. 246, 254
- Каспийское море 3, 39, 58, 84, 96, 174, 180, 185, 186, 198, 206, 244,
249, 275, 276, 284, 288, 296, 299, 324, 325
- Катукай — см. Хагукай
- Каффа (Феодосия), г. и турецкая крепость 151, 181, 183, 185, 201,
204, 213, 217, 261, 262, 267
- Кафыр-Кумук, владение в Сев. Дагестане 44. См. также Бама-
тулла
- Кахетия — см. Грузия
- Хевсури — см. Хевсурия, Хевсуры
- Хевсурские горы в Хевсуретии 85
- Кемиргой, кемиргойцы, кемиргинские, кумыргинские черкасы, ко-
морхи, кумыргейцы, Кумыргейская земля, Кумурга, Кемир-
галы, Темиргой, Темирга, темиргой, Болетокой, Булуктай,
Бултгай, западноадыгское племя 139—141, 149, 150, 152, 153,
156, 316
- Керченский пролив 137, 200, 208
- Керчь, г. 209, 214, 215
- Киев, г. 246, 253
- Кизыл, р., лев. приток р. Терена 92
- Кизылбаши — см. Иранское государство
- Кимлик, племя северокавказских абазин — 158. Ср. Клыч, клы-
чевцы
- Кистийские горы в Ингушетии 85
- Кистинка, р.— см. Арм-хи, р.
- Кисты, Кисти, кистины, кистичане, кпшгинцы, общество в Ингу-
шетии и общее название ингушей в грузинских источниках
63—65, 67—69, 76, 80

- «Нястская река» — см. Арм-хи
- Китай 226
- Клегудские горы 85
- Клегуды, жители Клегудских гор 85, ср. Галгай
- Клухорский район Груз. ССР 101
- Клыч, клычевцы, племя северокавказских абазин 154, 158, 161. См. также Кимлик
- Кобан, осетинский аул — 240
- Койсинский острог, в устье р. Койсу 284, 288
- Койсу, р. — см. Сулак, р.
- Койсу Андийское, р., один из истоков р. Койсу-Сулака 65, 68
- Коломенское, село под Москвой 278
- Коломна, г. 191, 203
- Колхида — см. Грузия
- Конские воды, р., лев. приток р. Днепра 209
- Константинополь, Парыград, г., 92, 181, 184, 185, 194, 195, 204, 211, 213, 217, 218, 226, 228—230, 240, 249—251, 254, 258, 261, 267, 281—283, 314
- Копа, генуэзская колония на р. Кубань 200
- Копы, турецкая крепость на р. Кубань 200, 315. См. также Копа
- Корода, аул в Аварии 7
- Крест св., крепость 244
- Крым, Таврика, Крымское ханство, Крымские улусы, 12, 22, 30, 32, 34, 41, 58, 86, 95, 105, 106, 109, 135, 137, 139, 140, 144, 145, 147, 150, 151, 153, 155, 180, 181, 183, 186, 190, 192, 193, 197—199, 201, 202, 206—210, 212—215, 217—219, 222, 224, 228, 229, 234—236, 238, 239, 243, 244, 246, 248, 251, 253, 254, 257, 259—268, 273, 279, 284, 290, 298, 305, 308, 311, 313—316, 319, 321—323, 326
- Крымские татары, Крымцы 30, 131, 135, 144, 150, 151, 155, 189, 191, 192, 196, 199, 208, 214, 215, 217, 240, 259, 279, 312, 320. См. также Перекопская орда, перекопские татары
- Крым-Шевкалы — см. Шамхальство
- Куала — см. Медведица
- Кубанская область 200
- Кубань (Куба), р., 94, 95, 122, 135, 136, 138, 142—144, 146, 147, 154, 157, 158, 169—171, 200, 202, 285, 315, 320
- Кубачи, кубачинцы, Зерех-Геран, аул в Сев. Дагестане и его жители 9, 40, 41, 51
- Кутени 74
- Куденет, деревни, владение узденей Куденетовых в Кабарде 111
- Кума Большая, р. 93—95, 143, 154
- Кума Малая, р. 93
- Кумбелей, р. прав. приток р. Терек 92
- Кумух, аул в Казы-Кумухе, ныне Лакского района Дагестанской АССР 7, 42, 46, 47, 238
- Кумыки (Кумыгия, Кумыцкая земля), народ сев. Дагестана и занятая им территория 17, 28, 39, 42—47, 49, 51—53, 58, 61, 62, 80, 86, 87, 99, 106, 131, 153, 175, 199, 252, 273, 282, 288, 299, 300, 306—310, 320. См. шамхальство.
- Кундуки, кундукские кабаки, западноадыгское племя 140. См. также Хатюкой
- Кур, р. Кура в Закавказье 39, 97
- Куреламский перевал через Кавказский хребет 65

- Куртаты, Куртатинское осетинское общество, на р. Фиагдон 162, 302
- Кяч, кячевцы, племя северокавказских абазин 154, 159, 161
- Лаба, р. лев. приток р. Кубани 94, 139—142, 147
- Лаки, народ Сев. Дагестана 17, 47, 175. См. также Казы-Кумух
Лакия, область в Сев. Дагестане, населенная лаками 42, 282. См.
также Казы-Кумух
- Ларсов кабак (Ларс), аул у входа в Дарьяльское ущелье 65, 67
- Лезгины, лезгинцы 287, 315
- Ленинград, Петербург, г. 16, 301
- Ливны, г., 267, 281
- Ливония 216, 234, 259
- Литва — см. Польско-Литовское государство
- Лоо, лоовцы, племя северокавказских абазин 154, 156—159, 161
- Любек (Любок), г. 226
- Малка (Балк), р., лев. приток р. Терека 92—94, 129, 145, 302
- Мальта, остров в Средиземном море 230
- «Мамаев луг» 207
- Мамхеговцы (Мамшу), западноадыгское племя 140, 141
- Мати, р. в Прикубанье 139
- Магрега, колония генуэзцев на Таманском полуострове 200
- Махачкала, г. 10, 16, 134
- Мегрелии — см. Грузия
- Медведица, р., лев. приток р. Дона 215, 218. См. также Усть-Медведицы, Куала
- Мекка (Бахметев гроб) 193, 245, 252
- Мельхи (Митхо), ингушское общество 65, 68
- Мереджой (Мерези, Мирези, Мерезинская земля, Мерезинские люди), общество в Чечне 61, 62, 64, 73, 77
- Мереджа, р. приток р. Фортанги 73
- Метцкие гребени 67, 68
- Мехтулинское ханство — см. Дженгутейское владение
- Медхальское общество в Ингушетии 68
- Меча, р., прав. приток р. Дона 214
- Мешук (Meshuk), западноадыгское племя 14, 153
- Митхо — см. Мельхи
- Миус, р. 209
- Мичкич (Мичкизы, Бычигтызы, Минкизы, Мичкисская земля, мичкизяне, Мычигтыш) общество в Чечне 61, 62, 64, 71, 74, 75, 84
- Мичик, р. прав. приток р. Гумс 71
- Моздок (Mosdok), русская крепость на Тереке 63, 104
- Можары — см. Венгрия
- Молдавия — 134
- Молоди, церковь Воскресенья на Молодах, погост на Серпуховской дороге у р. Пахры 255, 256
- Молочные воды, р. 219
- Монастырский остров на Днепре 221
- Москва, г. в Русское государство 7, 11, 12, 14, 16, 17, 19, 20, 22, 39, 43, 46, 48, 53, 54, 59, 60, 66, 68, 69, 72, 79, 81, 85, 97, 99, 107, 110, 115, 122, 123, 125, 126, 130, 135, 136, 139, 141, 151, 155, 183, 186—

- 188, 192—195, 199, 202, 204, 206—209, 211, 216, 217, 219—223, 225—231, 234, 235, 237—239, 241, 244, 246, 249, 250, 252, 254, 258, 259, 262—268, 270, 271, 273—276, 278, 281, 283, 285—289, 291, 293—298, 300, 307—312, 314, 317—319, 322—326
- Мохань, город в Татской земле 240
- Мохошевцы, западноадыгское племя 141
- Мулкой (Мулки, Мулкинская земля, Мулкинские люди, Мылкыци), общество в Чечне 61, 62, 64, 73, 75, 77, 299
- Муравская дорога 207
- Мылкыци — см. Мулкой
- Мысылбай, абазинское племя 157
- Мычигыш — см. Мичикич.
- Мшанские кабаки — см. Кабаки Мшанские
- Нальчик, г. 27, 168
- Нарва, шведская крепость 226, 263
- Нагукали, Нагухаевцы, западноадыгское племя 143, 144
- Низабат (Низовая), пристань на Каспийском море 275, 296
- Новопрещенская слобода Терского города 87, 293
- Ногайская орда, Ногаи, Нагаи, ногайские люди, ногайцы, ногайские татары 12, 15, 61, 62, 88, 97, 100, 109, 122, 131, 137, 144, 153, 185—192, 195, 197, 206, 210, 212, 213, 215, 218, 262, 279, 282, 283, 314, 320
- Ногайская Орда Большая (Большие Ногаи) 258, 262, 265, 283
- Ногайская Орда Малая (Малые Ногаи, Казыев улус) 51, 93, 94, 125, 137, 138, 142, 156—158, 236, 265, 266, 268, 278, 298, 319
- Ногайские (мангитские) степи 185
- Обазины — см. Абаза, абазины.
- Овечьи Воды, р. — см. Сулак р.
- Озов — см. Азов
- Озямские земли 252
- Ока, р., прав. приток р. Волги 278
- Ококи, Окохи, Окуки, Окочане, Окучане — см. Ахоцкая (Окоцкая) земля, Акочане (окочале)
- Окохи Старые, поселение аккинцев в Сев. Дагестане 63, 70, 293
- Окоцкая слобода Терского города за р. Тюменкой 70, 75, 87, 293
- Окочане, окоцкие люди, жители служилой Окоцкой слободы Терского города, выходцы из Окоцкой (Ахоцкой) земли (Ауха) 61, 63, 70, 71, 81, 120, 129
- Омало — см. Амалесва земля
- Одревская (Андреевская) деревня — см. Эндери
- Ормуз (Гурмыз), порт в Персидском заливе 185, 225
- Осетины (Осияны) 21, 67, 80, 121, 133, 135, 162—168, 240, 305
- Осетия 7, 25—27, 103, 162, 169, 175, 244, 302, 305. См. также Алагирское, Дигорское, Куртатинское, Тагаурское осетинские общества, Стырдигория
- Османовская дорога, Османовщина, путь через Сев. Кавказ 243, 244, 284, 320—322
- Османская империя — см. Турция
- Осоки 74
- Отчанская земля, общество в Чечне 61, 62, 64, 73. См. также Чантинская фамилия

Очаков, турецкая крепость на Черном море 209
Переволока, волок из Дона в Волгу 248, 270
Передовой хребет Кавказских гор 64
Перекоп (Крымский перешеек) 189
Перекопская Орда, перекопские татары 100, 136, 212
Переяславль Рязанский, г. 155
Пермь Великая, область 301
Персидский залив 185, 225
Персия — см. Иран
Петербург, г. — см. Ленинград
Печорский край по р. Печоре 301
Поволжье Среднее 180
Подкумок, р., прав. приток р. Кумы 158
Польско-литовское государство (Польша, Литва, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая) 11, 17, 104, 146, 176, 203, 204, 211, 212, 217, 219—223, 226, 230, 231, 246, 258, 264, 282, 300, 310, 316
Порта — см. Турция
Португальцы 185
Прага, г. 289
Прикавказье 30
Псаевские горы в Пшавии 85
Псекупс, р., лев. приток р. Кубани 143
Псёл, р., лев. приток Днепра 208, 212, 213, 223
Псёльский город на р. Псёл 212, 213, 223
Псыгансу, р., прав. приток р. Малки 302
Псыж, р. — см. Пшиш, р.
Пултуктай — см. Кемиргой
Пчаз, р. в Прикубанье 139
Пшавели — см. пшавы
Пшавия, Пшавская земля 73, 85
Пшавы, пшавели 72
Пшиш (Псыж), р. лев. приток Кубани 139, 140, 143
Пятигорские черкасы (земля Пятигорских черкас, Пятигорская область, «Пятигорское государство», *circassi quinquemontani* 29, 92, 93, 94, 145, 201, 203, 206, 208, 212, 215, 217, 220, 246, 257, 266, 279, 281
Пять гор, Пятигорье (Бештау) 93, 94, 101, 145, 156
Реком, древнее святилище осетин 163
Речь Посполитая — см. Польско-Литовское государство
Рим, г. 288
Римская империя — см. Цесарская земля
Рум — см. Турция
Русское государство, Россия *passim*. См. также Москва
Рухджа, аварский аул 7
Рязанская Украина 238
Рязанские пределы 279
Рязань, г. 220
Садонские рудники в Осетии 164, 302
Садонское месторождение серебряно-свинцовой руды в Осетии 164, 302
Самарканд (Шамархань), г. и ханство 184, 252
Самур, р. 260

- Сапсых — см. Шапсо
 Сарайчик (Зарайчик), татарский город на р. Яик (Урал) 283
 Саха-Куна (Схагуаша), р.— см. Белая, р.
 Сваны, Сванетия (Сони, Соснская земля) 82, 170, 171, 240
 Швейская земля — см. Швеция
 Свияжск, г. 283
 Святая гора (Афон) 240
 Северокавказский путь 241, 292, 322. Ср. Османовская дорога
 Северо-Осетинская АССР 27, 163, 306
 Седени, адыгское племя 144
 Серлухов, г. 203, 209
 Сефевидов, государство — см. Иран
 Сибирь 296
 Синоп, турецкая крепость на южном берегу Черного моря
 183
 Скалистый хребет Кавказских гор 64
 Скиньские городки 240
 Смоленск, г. 300
 Соль (соленое озеро) близ Тарков 287
 Соль Камская, г. 301
 Соснская земля, Сони — см. Сваны, Сванетия
 Сосские кабаки — см. Кабаки Сосские
 Сосские щели — см. Дарьяльское ущелье
 Сони — см. Сваны
 Сосна, р., прав. приток р. Дон 208
 Средиземное море 181, 219
 Старые Окохи — см. Окохи Старые
 Стырдигория, стургорцы, Сюрдюгор, осетинское общество в ущелье
 р. Урух 121, 165, 167
 Судьбищи 208, 210
 Сулак (Койсу, Овечьи Воды), р. 50, 58, 239, 244, 245, 277, 278, 283,
 284, 308, 314, См. также Койсу Андийское, Кара-Койсу.
 Сунжа (Сююнча), р., прав. приток р. Терек 9, 61, 63, 69—72, 74, 76,
 79, 87, 93, 106, 239, 242—244, 258, 259, 272, 276, 277, 280, 284, 292,
 302, 304, 308, 310, 313, 314, 320, 321
 Сунженский хребет, горы по берегу р. Сунжи 243
 Сунженский (Сунгинский) острог, русская крепость, построенная
 в 1590 г. при впадении р. Сунжи в Терек, оставлена в 1605 г.;
 позже — городище на месте крепости 69, 106, 242, 277, 278, 284,
 288, 292, 304
 Сунгинно городище (близ впадения р. Сунжи в Терек) 61, 70, 71,
 74, 242, 276, 277
 Сухум, турецкая крепость на восточном берегу Черного моря
 200
 Сюгансу, р.— см. Псыгансу, р.
 Сюрдюгор — см. Стырдигория
 Сююнча, р.— см. Сунжа, р.
- Тавланицы, жители гор в Дагестане 39
 Тавриз, г.— см. Теврвз
 Таврика — см. Крым
 Тагаури, Тагаурское осетинское общество на р. Гизельдон, тага-
 урцы 162, 166, 302
 Таджикская ССР, Таджикики 17, 41, 226, 297

- Такафер (Takafer), адыгское племя 153
 Таманская станица 201
 Таманские (атаманские) черкесы, жившие у крепости Тамань 146
 Таманский полуостров 105, 136, 146, 200, 207, 212, 215, 260, 315, 320
 Тамань, турецкая крепость 145—147, 199, 206, 209, 215, 315
 Тана — см. Азов
 Танаис — см. Дон
 Талби, деревня в Бол. Кабарде 111
 Таланта, группа племен северокавказских абазин 155, 156, 158, 159, 161
 Таргим, селение в горной Ингушетии 78
 Тарки (Тарковское владение), г. и владение в Сев. Дагестане 40, 42—44, 47, 50, 52, 53, 237, 282—284, 288, 297, 299, 304, 307, 309, 310, 320
 Татария (Tartaria) 94, 145, 207
 Татартуп, городище на лев. бер. р. Терек 310, 313
 Татарская слобода под Терским городом 293
 Татары крымские — см. Крымские татары
 Татары ногайские — см. Ногайская Орда
 «Татская земля» 121, 238, 240
 Татчагус, черкесское племя 145
 Ташкент, г. 252, 288
 Тевриз, г. 226, 263, 286
 Тевризская (Тавризская) земля в Иране 194, 225
 Темир-Капу — см. Дербент
 Темиргой, Темирга, Томиргой, Томерги — см. Кемиргой, Кемиргойцы.
 Темрюк, турецкая крепость на Таманском полуострове 136, 146, 200, 209, 215, 216, 260, 315
 Темрюкские черкесы, жившие у крепости Темрюк 146
 Теллиды св. Петра — см. Горячий колодезь
 Терек, р. 14, 39, 42, 53, 59, 61, 63, 65—67, 70, 71, 74, 75, 81—83, 86, 87, 91—94, 99, 106, 113, 125, 143, 162, 192, 238, 239, 241—243, 247, 252, 254, 258, 260, 261, 263, 265, 269—272, 276, 279—284, 288, 292, 295, 299, 300, 303, 308, 310, 312, 313, 325
 Терки — см. Терский город
 Терская область 65, 84, 86, 243
 «Терские вершины», верховья р. Терек 313
 Терские гребени, Терский хребет — см. Гребени
 Терский город, острог на р. Терек у устья Сунажи, русская крепость, построенная в 1567 г., снесенная около 1571 г., возобновленная в 1578 г. и вскоре оставленная 239, 241—243, 247, 248, 252, 254, 257, 259
 Терский город (Тюменский острог), русская крепость, построенная в 1588 г. в дельте р. Терек, на его протоке р. Тюменке 14—19, 20, 41, 43, 47, 48, 53, 54, 59, 61, 63, 65, 66, 68—72, 74, 75, 79, 81, 82, 85, 87, 97, 99, 101—103, 106, 107, 110, 113, 114, 120, 122—124, 126, 129, 139, 140, 148, 156, 157, 160, 174, 241—242, 266, 269, 270, 272, 274—281, 283—288, 291—294, 296, 297—303, 307, 308, 310, 312—314, 317—319, 322, 325, 327
 Терпы — см. Казаки Терские
 Ткаку, черкесское племя 144
 Тобачоч, р., прав. приток р. Ассы 65
 Томерги — см. Кемиргой
 Трамовцы, племя северокавказских абазин 158

- Трапезильвания 162
 Трапезунд, г. 217
 Трапезундская земля 240
 Тула, г. 191, 202, 208, 209
 Тумса, Тумсой, аул в Чечне 79
 Тумсой-лам, гора в Чечне 79
 Тумсой, тайп в Чечне 79
 Турки, народ 211, 217, 235, 246, 253, 265, 268, 270, 288
 Туркменская ССР 17, 226, 292
 Турция, Турецкое государство, Рум, Османская империя, Оттоманская Порта, Порта 3, 4, 12, 13, 22, 31—34, 58, 105, 106, 137, 150, 160, 176, 180—182, 184—186, 188, 189, 192, 193, 195, 198, 199, 201, 202, 206, 210, 211, 217, 222, 228, 235, 236, 248, 251, 258, 261, 262, 269, 274—276, 282, 286, 289, 290, 304, 309—311, 314—316, 319, 324, 325
 Тушетия, Туши, Тушская земля, тушины, тушинцы 65, 68, 72, 73, 85, 241
 Туские горы, горы в Тушетии 85
 Тшанские люди — см. Шато
 Тысячикревые 197
 Тюменка, р., проток Терека 70, 269, 293
 Тюменский острог 269. См. Терский город 1588 г.
 Тюменское ханство (Тюмень) в нижнем течении р. Терек 42, 93, 192, 224, 230, 237, 245, 246

 Уварская земля — см. Авария
 Узбекская ССР, Узбекистан 17, 184, 225, 292
 Узбеки 184
 Украина 104, 134, 221, 323
 Уракова половина Мал. Ногай 156
 Урал, горы 301
 Ургенч (Юргенч), г. 224, 288
 Урджемиль, магал (союз общин) Кайтага 56
 Урджемильцы, жители Урджемильского магала 56
 Уруп, р., лев. приток Кубани 42
 Урусбиевцы, Урусби, балкарское общество 169
 Урух, р., лев. приток Терека 103, 111, 121, 162, 163, 167, 302
 Усть-Медведицы, у впадения р. Медведицы в Дон 215, 218

 Фиагдон, р., лев. приток Терека 162
 Фортанга, р., прав. приток р. Ассы 73
 Франция (Французская земля) 182, 226, 258

 Хабартка — см. Кабарда
 Хасав-Юртовская равнина в Сев. Дагестане 69
 Хазындон, р. лев. приток р. Урух 163
 Хатукай, Катукай, Хундуг, хунтунцы, хантунские черкасы, хатугайские, хатукайские черкесы, хатукайцы, Хетук, Хетуге, западноадыгское племя 137, 138, 140, 146, 150, 152, 153, 316
 Хатюкой, гатыкой, атукай, западноадыгское племя 140. См. также Кундуки

Хевсурия, хевсуры, Хевсурская земля, Кевсуры (Шихово племя)
65, 67, 68, 72, 73, 85

Хетук — см. Адале и Хатукай, Хундуг
Хили, кабак, поселение в Сев. Дагестане 50
Хопер, р., лев. приток р. Дона 224
Хоросан, область в Иране 275
Хортица, остров на р. Днепре 209, 213, 221
Хунзахское плато в Аварии 42
Хулам, Хуламцы, балкарское общество 169
Хулхулу, р., прав. приток р. Сунжи 71
Хундуг, хунтунцы — см. Хатукай

Царев перевоз на р. Терек 312

Царьцын, г. 270

Царьград — см. Константинополь

Цесарская земля, Германская империя (Римская империя Германской нации) 289, 301

Цова-гушины (Бацби), ингушское общество 65, 68

Цонтор, аул в Чечне 79

Цонторой, тайш и аул в Чечне 79

Цори, цоринцы, ингушское общество 64, 65, 69

Чанти-Аргун, р. 71, 73, 79. См. также Аргун, р.

Чантинская фамилия, общество в Чечне 64, 73. См. также Отчанская земля.

Чанты-ахк, р. 73

Чантыбарц, гора 73

Чегем, р., прав. приток р. Малки 116, 146, 167

Чегем Верхний, аул в Балкарии 170

Чегемское (Чегем) балкарское общество 169

Черек, р., прав. приток р. Малки 103, 111, 146, 169

Черекское ущелье 169, 173

Черепаша, р., прав. приток р. Волги 245

Черкасы, Черкесы, Черкасская земля, Черкесия 6, 8, 11, 19, 22, 28, 29, 34, 45, 61, 62, 81, 82, 83, 96, 99, 100, 118, 120, 123, 125, 133—135, 149, 150, 151, 153, 165, 169, 185, 188, 200, 212, 216—218, 220—222, 238, 239, 244, 246, 253, 259, 262, 267, 271, 313. См. также Адыге.

Адинские — см. Адинские черкасы

Адоховские — см. Адоховские черкасы

Баавытские — см. Абазины

«Вольные» 143

Дальние — см. Кабардинцы

Жанские, Женские, Жаженские, Жжанские, Джужаны, Джанские,

Аджанские — см. Жане

Западные 136, 139, 143, 146, 199, 201, 212, 215, 216, 220, 222. См. также Адыге западные

Кабайгерские — см. Кабардинцы

Кабардинские — см. Кабардинцы

Межгорские 144

Пятигорские — см. Пятигорские черкасы

Таманские — см. Таманские черкасы

Тацкие 15

Тевкацкие 145
 Темрюцкие — Темрюцкие черкесы
 Шефакийские — см. Шефаки
 Черкасская слобода Терского города 19, 70, 87, 102, 293, 298
 Черная земля в Сев. Дагестане 277
 Черное море 134, 138, 150, 151
 Черноморское побережье, Черноморье 154, 174, 200
 Чечен, аул в Чечне 68, 76, 241
 Чечен, городище у р. Чечень 68, 241
 Чечен, остров на Каспийском море 300
 Чечень, р. 68
 Чечено-Ингушская АССР, 6, 59, 77
 Чеченцы 4, 50, 59, 60, 63, 69, 71, 76—78, 80, 82—84, 86, 93, 97, 132, 153, 162
 Чечня 6, 7, 20, 26, 63—65, 69, 71, 74—76, 80, 84, 86, 87, 175, 293, 298, 315. См. также Ичкерия, Мереджой, Мичкич, Мулкой, Отчанская земля, Шато, Шубут, Тшанские люди
 Чорох, р. 200

Шагаки — см. Шефаки
 Шамархань — см. Самарканд
 Шамхальство (Шевкалы, Крым-Шевкалы, Шевкальская земля 17, 42—45, 47, 48, 50—53, 70, 181, 187, 230, 237, 244—246, 262; 264; 267. См. также Кумыки, Кумыцкая земля
 Шана — см. Жана
 Шапсо, Шапсуги, Шапзыги, Сапсых, западноадыгское племя 143, 144
 Шаро-Аргун, р. 71, 79, См. также Аргун, р:
 Шато, Шатой (Тшанские люди), Шатоевцы, общество в Чечне 61, 62, 64, 72, 73
 Шатоевская котловина в Чечне 72, 74, 78, 79
 Шацк (Шацкий), г. 238
 Швеция (Свейская земля) 131, 220, 226, 263, 282
 Шевкальская земля — см. Шамхальство
 Шемаха, г. 51, 183, 195, 196, 224, 226, 258, 260, 261, 263, 276, 286, 287, 298
 Шешуковы улусы — см. Кабаки Шешуковы
 Шефаки (Шагаки, Шефакийские черкесы), западноадыгское племя 137, 150, 152
 Шибутцкая земля — см. Шубут
 Шир-юрт («старинное село»), аул в Сев. Дагестане 70
 Ширван, в Азербайджане 107, 181—183, 185, 191, 195, 196, 198, 210, 224—226, 229, 249, 258—260, 275, 276, 285
 Ширчу-Аьккха — см. Старые Оюхи
 Шихово племя — см. Хевсурия, Хевсуры
 Шкарауа, группа абаинских племен 154, 157
 Шубут (Шубуты, Шюбуты, Шибутцкая земля или земля, Шибутине), общество в Чечне 61, 62, 64, 71—74, 77, 78, 83, 86, 121
 Шурань (Темир-Хав-Шура), владение в Сев. Дагестане 49

Указатель имен	328
Указатель географических и этнических названий	329
	352

Эндери (Андреевская деревня), владение и аул в Сев. Дагестане
14, 44, 49, 51, 53, 69, 70, 74, 84, 106, 278, 287, 321, 323
Эрзи, аул в горной Ингушетии 78

Юргенч — см. Ургенч
Югуши — см. Ингуши

Яик (Урал), р. 188, 262, 283, 284
Ямансу, р. 69, 75, 81
Яндари, аул на р. Яндырке 74
Яндырка, р., приток р. Суэжи 74

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. Задачи исследования	3
2. Источники	5
3. Литература	22

Часть первая

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XVI—XVII ВВ.

<i>Глава I.</i> Народы Северного Дагестана	39
<i>Глава II.</i> Чечня и Ингушетия	59
<i>Глава III.</i> Народы адыге и северокавказские абазины	88
1. Кабарда	88
2. Западные адыге	133
3. Северокавказские абазины	154
<i>Глава IV.</i> Горские народы центральной части Северного Кавказа	162
1. Осетины	162
2. Балкарцы и карачаевцы	168

Часть вторая

СНОШЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА С РОССИЕЙ

<i>Глава I.</i> Установление связей народов адыге и Северного Дагестана с Россией и политика русского правительства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг.	179
<i>Глава II.</i> Народы Северного Кавказа и Русское государство в период ирано-турецкой войны последней четверти XVI в. и 2 первые годы XVII в.	257
<i>Глава III.</i> Народы Северного Кавказа и Русское государство в первые десятилетия XVII в.	291
Заключение	324
Список сокращений	328
Указатель имен	329
Указатель географических и этнических названий	352

Екатерина Николаевна Кушева
Народы Северного Кавказа и их связи с Россией
(вторая половина XVI — 30-е годы XVII века)

Утверждено к печати Институтом истории
Академии наук СССР

Редактор издательства И. У. Будовниц. Художник *К. Н. Нинахристо*.
Технический редактор *И. Д. Новичкова*.

РИСО АН СССР № В63/91. Сдано в набор 26/IV 1963 г.

Подписано к печати 28/VI 1963 г. Формат 84×108^{1/2}

Печ. л. 11,63—13,85 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 21

Тираж 1500 экз. Т-08915. Изд. № 1303. Тип. вак. № 2204

Цена 1 р. 47 к.

Издательство Академия наук СССР,
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10